

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ
Отделения
историко-
филологических
наук
2019

Том 9

Ответственный редактор
академик РАН В.А. ТИШКОВ

Москва
2020

УДК 930
ББК 63
Т78

Издание основано в 2003 году

Редакционная коллегия: В.И. ВАСИЛЬЕВ, Н.А. МАКАРОВ,
А.М. МОЛДОВАН, Н.В. ТАРАСОВА (составитель),
В.А. ТИШКОВ (ответственный редактор), В.Б. ЧЕРКАССКИЙ

Рецензенты:

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН С.В. МИРОНЕНКО
доктор филологических наук, член-корреспондент РАН И.И. МУЛЛОНЕН

Научно-организационная подготовка А.А. САРИБЕГЯН

Т78 **Труды Отделения историко-филологических наук РАН** / Отд-ние
ист.-филол. наук РАН. — М.: РАН, 2020. — 308 с.

2019. Том 9 / отв. ред. В.А. Тишков; [сост. Н.В. Тарасова]. — М.: РАН,
2020. — 308 с.

ISBN 978-5-907036-69-7

В первой части очередного выпуска трудов Отделения историко-филологических наук РАН (ОИФН РАН) публикуются материалы научной сессии Общего собрания Отделения «Академия наук и вопросы изучения и сохранения историко-культурного наследия России» (22 апреля 2019 г.). В статьях представителей различных направлений гуманитарного знания рассматриваются проблемы и задачи изучения и сохранения научного, археологического, документального, фольклорного, литературного наследия нашей страны. Две статьи второй части приурочены к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В третьей части представлены труды членов ОИФН РАН, в которых даётся представление о новейших разработках в области истории, филологии, архивоведения, археологии, древнерусской архитектуры; освещаются другие важные вопросы гуманитарных наук. Кроме того здесь опубликована статья иностранного члена РАН, академика НАН Украины П. П. Толочко по материалам его новой книги «Украина между Россией и Западом».

Для историков, филологов, культурологов, широкого круга читателей.

ISBN 978-5-907036-69-7

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2020
© Тарасова Н.В., составление, 2020

Содержание

Часть 1. Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Академия наук и вопросы изучения и сохранения историко-культурного наследия России» (22 апреля 2019 г.)

<i>Тишков В.А.</i> Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы	4
<i>Гаджиев М.С.</i> Изучение и сохранение объектов археологического наследия в Дагестане	10
<i>Тункина И.В.</i> Санкт-Петербургские академические архивы – хранители исторической памяти России	26
<i>Горяева Т.М.</i> РГАЛИ в XXI веке: стратегия формирования и научного освоения культурного наследия России	38
<i>Багно В.Е., Некрылова А.Ф.</i> От фольклорных экспедиций до интерпретаций: Фонограммархив Пушкинского Дома и петербургская школа фольклористики	63
<i>Топорков А.Л.</i> Изучение и публикация фольклора в ИМЛИ РАН (2014–2019 гг.).....	70
<i>Кузьмина Е.Н., Силантьев И.В.</i> Фольклор и литература народов Сибири и Дальнего Востока в исследованиях Института филологии СО РАН	83
<i>Головнёв А.В.</i> Академический музей: ретроспективы и перспективы	92

Часть 2. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

<i>Тункина И.В.</i> Ленинградские учёные в годы блокады	107
<i>Зубков К.И., Побережников И.В., Суржикова Н.В.</i> Великая Отечественная война в судьбах Урала и уральцев.....	131

Часть 3. Актуальные вопросы гуманитарных наук

<i>Алпатов В.М.</i> Языки народов Российской Федерации в сфере образования в прошлом, настоящем и будущем	144
<i>Толочко П.П.</i> Украина и Россия: по следам исторической памяти	150
<i>Беляев Л.А.</i> Новодевичий монастырь: археология для истории (по материалам исследований 2016–2020 годов)	162
<i>Гиппиус А.А., Михеев С.М.</i> Ещё раз о древнерусских надписях на стенах церкви Св. Пантелеймона в Галиче	181
<i>Седов Вл. В.</i> Архитектура церкви Бориса и Глеба в Кидекше	205
<i>Сиренов А.В.</i> Особенности рецепции Хроники Шеделя в России XVI–XVII вв.	224
<i>Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.</i> «Академия рискует остаться без Галилея, а Галилей будет отдан под надзор как сомнительный элемент»: академик С.Ф. Ольденбург как зеркало русской академической науки конца 1920-х – начала 1930-х гг.	230
<i>Козлов В.П.</i> Типология слухов как исторического источника	250
<i>Батурин Ю.М.</i> Источники первого проекта Союзного договора (1990)	260
<i>Христофоров В.С., Гусева Ю.Н.</i> Графический метод сбора и анализа данных работы ОГПУ СССР по «восточной контрреволюции» в 1920-е годы	283
<i>Шлуинский А.Б.</i> Африканское языкознание на современном этапе: К выходу в свет завершающего тома серии коллективных монографий «Основы африканского языкознания» (1997–2018 гг.)	293
Список сокращений.....	303
Сведения об авторах	305

Часть 1
Научная сессия Общего собрания
Отделения историко-филологических наук РАН
«Академия наук и вопросы изучения
и сохранения историко-культурного
наследия России» (22 апреля 2019 г.)

Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы¹

В. А. Тишков

Вопрос о национальном самосознании (идентичности) — пожалуй, самый важный в национальном строительстве современных государств, поскольку все они имеют сложный расовый, этнический, религиозный состав населения. Многие развитые государства приняли и продолжают принимать большое число мигрантов, что создаёт дополнительные проблемы в адаптации и интеграции новых жителей. Обострились геополитическое соперничество и экономическая конкуренция национальных государств. Намечился глобальный конфликт суверенных ценностей и подходов к устройству общественной жизни стран и регионов.

Российская Федерация относится к категории центральных акторов мировой политики. Нашей стране приходится отстаивать национальный суверенитет и статус одной из ведущих держав мира, и эта задача осложняется тем, что Россия сравнительно недавно пережила драматический распад исторической государственности и ещё не завершила поиск нового образа страны и её роли в сообществе наций-государств. В этот сложный и исторически ответственный период понимание России как одной из крупнейших наций мира и носителя уникальной культуры мирового значения сталкивается и с внутренними проблемами и с внешними вызовами. О международных факторах речь шла в трёх предыдущих докладах на нашей секции, поэтому я остановлюсь только на некоторых проблемах внутрисоссийского характера и предложениях по их решению².

¹ Данная статья опубликована в 2019 г. в журнале «Вестник Российской академии наук» (том 89, № 4)

² Статья подготовлена по материалам научного сообщения на Научной сессии Общего собрания членов Российской академии наук «Научное обеспечение реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации» (13 ноября 2018 г.) в рамках работы секции «Возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учётом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе с применением методов гуманитарных и социальных наук»

Помимо территории с охраняемыми границами и ресурсами, конституции и институтов власти, легитимность и суверенность государства обеспечиваются:

- населением, которое освоило и использует пространство своей страны и имеет установленные наукой демографический и этнокультурный облик, определённые социальные условия жизни;
- историко-культурными ценностями, разделяемыми гражданами данного государства, и основанной на них идентичностью, которая порождает чувство сопричастности со страной-родиной;
- эффективным управлением обществом, опирающемся на понимание его культурной сложности, способностью власти и общества приходить к согласию и стимулировать развитие, в том числе с помощью научной экспертизы.

Сегодня проблема российской идентичности, иными словами, российского национального самосознания активно изучается. Нет общей идентичности — нет и страны, и каждое новое поколение задаётся вопросом, что такое Россия, что значит быть россиянином, что связывает гражданина с его страной. Ответы на эти вопросы не передаются по наследству и не воспроизводятся механически, и наука непосредственно участвует в их выработке. Какие-то элементы национальной идентичности транслируются через семейную традицию, через среду проживания человека, как социальную, так и природную. Но в семейном, а тем более школьном воспитании используются учебники, написанные учёными или на основании современных научных знаний, а окружающая среда наполняется смыслами, вырабатываемыми при участии специалистов разного профиля, в первую очередь историков, археологов, лингвистов. Учёные помогают объяснять и сохранять традиции и культурные ценности, так как далеко не всё передаётся через устную память.

Сохранение и воспроизводство культурного капитала нации — работа, требующая сотрудничества науки и государства, ибо без научной проработки процесса принятия решений любая политика — это нищая политика и безответственная импровизация. Существует и своего рода социальный заказ самого общества: люди нуждаются в адекватных и актуальных для них версиях прошлого, которые могут быть получены только благодаря деятельности профессионалов. Жизненное благополучие самого обычного человека опирается на разработанные наукой представления об окружающем мире и о месте в этом мире его родины. Формулируя такие, казалось бы, отвлечённые понятия, как национальная идея или ответ на вопрос «что есть Россия?», учёные помогают вырабатывать и наполнять смыслами жизненные цели и ценности нации, участвуют в разработке стратегий развития страны.

Возьмём в качестве примера проблему определения одной из фундаментальных для национальной идентичности категории «российский народ». Эта категория, упразднённая в 1917 г. вслед за изъятием из названия страны словом «Россия», после 1991 г. вроде бы вернулась в нашу национальную историю. Но это возвращение было не просто трудным, некоторые до сих пор отстаивают точку зрения, что такого народа нет, что «россиян» придумал Б. Н. Ельцин. Историки, демографы, социологи, этнологи и другие

гуманитарии за последние четверть века создали обновлённую версию нашего прошлого, раскрыли преемственность исторического процесса и значение для национальной памяти великих и драматических событий, включая Великую российскую революцию 1917 г. и Отечественную войну 1941–1945 гг.

Учёные РАН внесли важный вклад в подготовку и проведение всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., в результате которых были установлены численность россиян, их демографический портрет, в том числе расселение по нашей огромной территории, этнический состав, владение языками, результаты миграционных процессов за последние 30 лет. Было подтверждено ранее оспаривавшееся многими экспертами и политиками утверждение, что демографический кризис не означает вымирание России. Мы также установили, что, несмотря на большой объём иммиграции после 1991 г., этническая структура населения России достаточно стабильна и русские (особенно после присоединения Крыма) продолжают составлять устойчивые 80% населения, хотя их общая численность сокращается вместе со всем населением страны.

Из сказанного следует, что реализация обсуждаемого на нашей секции приоритета невозможна без проведения фундаментальных гуманитарных исследований, особенно по теме формирования российской нации и этнокультурного развития народов России. Мы предлагаем организовать поддержку таких исследований. В ближайшие годы необходимо выполнить фундаментальные проекты по созданию академической «Истории России» и изданию актов российской государственности, а для этого требуется сохранить в должном объёме подготовку профессиональных историков, археологов, антропологов и этнологов.

Необходимо продолжать совместную работу Российской академии наук с Росстатом и Минэкономразвития России по готовящимся стратегиям пространственного и демографического развития, а также с Федеральным агентством по делам национальностей — по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года и подготовки ряда федеральных законопроектов, прежде всего законодательных актов об археологической и этнологической экспертизе, сохранении и защите историко-культурной среды. Поэтому мы предлагаем более основательно задействовать институты РАН в этой работе и во исполнение федерального закона о Российской академии наук сделать обязательной академическую экспертизу документов стратегического развития, не ограничиваясь только экспертизой, проводимой Высшей школой экономики и Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Страна от этого только выиграет, как это было, например, при привлечении Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений к работе над новой редакцией Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации — удалось существенно обновить и улучшить содержание документа. Аналогичной работы требуют программа всероссийской переписи населения 2020 г. и программы социально-экономического и культурного развития России.

За последние годы в области изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия российского народа большая работа была проделана как институтами центральной части РАН, так и регионально-республиканскими академическими коллективами. Нужно понимать, что хотя исторические и культурологические исследования проводятся также вузовской наукой, и объём выделенных вузовским работникам грантов по линии РНФ и РФФИ уже превзошёл академический сектор, фундаментальные проекты не могут выполняться перегруженными и разобщёнными преподавателями вузов. Реализовать подобные проекты под силу только крупным исследовательским коллективам, работающим, как правило, на протяжении многих лет. Об этом свидетельствует, в частности, список российских гуманитариев, получивших государственные премии за последние 20 лет.

К проектам такого рода относятся: создание корпуса русского языка и других языков народов России, академических словарей и энциклопедий; подготовка и издание собраний сочинений классиков русской литературы; подготовка многотомных изданий всемирной и отечественной истории; публикации государственных актов и других исторических источников. Российской академии наук и Минобрнауки России, выстраивая стратегию поддержки отечественной гуманитарной науки, следует сосредоточиться именно на крупных проектах и программах фундаментальных исследований, способных объединить академические институты (и для этого совсем не нужно сливать их в мегаструктуры) и интегрировать в эту работу университетских учёных.

Гонка за большими числами полуфабрикатных статейных публикаций не может заменить фундаментальные разработки, а тем более обогатить науку новым знанием, а значит, и международным признанием. У российских гуманитариев приоритетным языком науки должен быть русский, а не английский язык, а перевод и пропаганду отечественных достижений во внешнем мире могут обеспечивать особые группы и институты типа ИНИОНа. Минобрнауки России нужно пересмотреть показатели эффективности для учёных и научных коллективов в данном сегменте отечественной науки.

Особо хочу обратить внимание на научное обеспечение (скорее, сопровождение) крупных инфраструктурных проектов развития, предполагающих массовое жилищное строительство, возведение масштабных сооружений и транспортных коммуникаций. Учёные не могут стоять в стороне, если существует угроза повторения феномена «колокольни в Калязине», когда в результате строительства гидроэлектростанций в СССР были затоплены и навсегда погублены тысячи поселений и памятников архитектуры и бесчисленные археологические материалы. Недавно земельные собственники и строительные «монстры» добились принятия поправки к Градостроительному кодексу РФ, которая отменяет обязательное археологическое обследование мест застройки или затопления и получение заключения РАН на ведение строительных работ. Теперь Минкультуры России должно определить по всей России перспективные и неперспективные для археологических обследований территории. Эта задача невыполнима и даже абсурдна, ибо ясно, что, например, на территории Москвы и Московской области памятники отечественной истории могут содержаться в любом месте. Но эти зем-

ли сейчас в частных руках и уже спланированы под тотальную застройку. Природно-исторический парк «Московия» в районе от Успенского до Звенигорода был похоронен, а сам Звенигород собираются присоединить к городу Одинцово, и тогда с карты страны может исчезнуть древнерусский город, основанный в 1152 г.

Нужно срочно, пока мы не изуродовали свою страну, включая самый центр — колыбель российской государственности, исправить ошибочную политику пространственного развития, обновить и ужесточить нормы по сохранению как природного, так и историко-культурного ландшафта. Российская академия наук в лице Отделения историко-филологических наук готова вместе с Минкультуры, Минприроды и Минэкономразвития России подключиться к этой работе. Есть недавние позитивные примеры: срочные работы, выполненные археологами на территории Московского Кремля при разборке административного корпуса; раскопки-обследования в зоне строительства Крымского моста, давшие ценные находки; обследование верхнего течения Москвы-реки в районе Николиной горы — Звенигорода, которое пока никак не учтено властями столицы и Московской области в их крайне спорных планах застройки этой зоны (так называемая новая Москва).

Следующий принципиальный вопрос связан с изучением межнациональных отношений и этнокультурной политики, включая языковую политику. Ситуация в стране в целом позитивная, особенно после присоединения Крыма и успешного проведения мировых соревнований — Олимпийских игр в Сочи и Чемпионата мира по футболу. Но в большом и сложно устроенном государстве требуются постоянный мониторинг этнической и религиозной жизни и научная проработка соответствующих проблем. Нужно изучать как традиционную культуру русского народа, русский язык и русскую словесность, так и культуры и языки других российских народов. Более того, предметом научного интереса должны быть не только российские, но и народы мирового культурного ландшафта. Академическая традиция в этой сфере имеет славные достижения, которые к 300-летию юбилею РАН следовало бы особо отметить и воздать должное тем российским колумбам, которые открывали и осваивали новые земли и собрали уникальные научные материалы, музейные коллекции и описания.

Российское этнокультурное многообразие успешно изучается в академических центрах российских республик. Желательно, чтобы Минобрнауки России поддерживало эти исследовательские коллективы, тем самым оберегая их от поглощения местными естественно-научными коллективами. Связь с Российской академией наук обеспечивает должный уровень работ на местах, противодействует изоляционизму и периферийному национализму. Сотрудничество учёных российских регионов — один из компонентов обеспечения единства российской нации.

Для так называемой центральной части академической науки приоритетным становится разработка темы российской идентичности. В последнее время крупные исследования по этой проблематике выполнялись социологами, политологами, психологами, этнологами, они позволяют вполне определённо заключить, что на смену старой советской и регионально-этнической идентичностям в качестве приоритетного пришло самосознание

общероссийское, то есть люди среди набора идентичностей (кем они себя считают прежде всего) ставят на первое место «Я — гражданин России» и «Я — россиянин». В некоторых регионах (республиках) этническая принадлежность может превалировать над общероссийской, но нигде в стране нет её явного отрицания. В связи с этим перед академической наукой встаёт целый ряд проблем: чем наполнять и как обновлять этот сложный комплекс формирования сопричастности с Россией, как соединить образы малой и большой Родины, что положить в основу патриотического воспитания граждан, какие духовно-нравственные начала сохранять и что предложить нового по запросам и чувствам нового поколения россиян?

В решении названных проблем сегодня многое отдано на откуп коммерческим интересам (что покупают, то и пропагандируем), идеологизированным, конъюнктурным подходам (что отвечает политическому моменту или низовым мифологиям, то и верно). Научное знание в массовом потреблении подменяется провиденческими и эзотерическими трактовками духовно-нравственной стороны российской жизни. Некоторые организации в государственных структурах, политические и духовные институты, медийные службы выступают с проектами переустройства России, которые не всегда дружат с наукой и зачастую даже не отвечают здравому смыслу.

Интеллектуальный изоляционизм и самонадеянность всегда были чужды академической науке. Даже в советское время в области обществознания существовали обмен информацией и международное научное сотрудничество. В настоящее время они развиваются только благодаря инициативам одиночек и некоторым грантовым программам. Новая холодная война и русофобия работают против нормальной деятельности учёных-гуманитариев. Наступило время пропагандистских предписаний, жёстких идеологических и политических столкновений, медийной индоктринации. В этой мутной среде плодятся антинаучные версии прошлого и настоящего, фальсификации и скандальный пересмотр устоявшихся в науке оценок, не говоря уже о серьёзных вызовах со стороны зарубежных ревизий российской истории, анализ которых требует отдельного доклада.

В сложившейся ситуации мы предлагаем провести инвентаризацию идейно-смыслового багажа отечественного россиеведения, выработать научную концепцию российского национального проекта как государства-нации со своей историей и собственными национальными интересами, составляющей в то же время часть мировой, прежде всего европейской цивилизации и развивающейся по многим общим с другими странами и обществами законам. Изоляционизм и выпадение из глобальных трендов развития могут дорого нам обойтись, и часть ответственности здесь будет лежать на науке. Учёные в большой мере отвечают за уровень компетенции как правящей элиты, так и населения в целом, за их жизненные установки и за формирование молодого поколения ответственных граждан.

Изучение и сохранение объектов археологического наследия в Дагестане

М. С. Гаджиев

*Забота о прошлом есть
одновременно и забота о будущем.* *Если выстрелишь в прошлое
из пистолета, будущее выстрелит
в тебя из пушки.*

Д. С. Лихачев

Р. Г. Гамзатов

Дагестан — край богатейшего историко-культурного наследия, представленного, в том числе, многочисленными археологическими памятниками. Сегодня на государственном учёте состоят 1834 археологических объекта, расположенных на территории Республики Дагестан. Некоторые из них, такие как Паласа-сыртский, Львовские, Канбулатский курганные могильники, насчитывают в своем составе несколько сотен и даже несколько тысяч объектов. В списке выявленных памятников археологии сейчас числится около 300 объектов, и с каждым годом количество их увеличивается благодаря направленной поисково-исследовательской деятельности археологов. Особенно эта работа усилилась после вступления в силу федерального «Закона об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ. Принятие этого закона существенно усилило такое направление археологических исследований, как охранно-спасательные изыскания.

Археологические памятники Дагестана охватывают хронологический диапазон в 2 млн лет — от стоянок олдована (таких как Айникаб и Мухкай), которые комплексно исследуются уже более 10 лет) [Амирханов, 2007; 2016], до памятников нового времени (таких как крепость Святого Креста, Терский городок и др., которые ещё ждут своих исследователей).

В 2019 г. исполнилось 65 лет со времени создания в структуре Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН археологического подразделения. Большую роль в этом сыграла Северо-Кавказская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры под руководством Е. И. Крупнова и К. Ф. Смирнова, в которой в конце 1940-х — начале 1950-х гг. формировались кадры первых профессиональных дагестанских археологов — в ней взяли свой путь в науку Н. Б. Шейхов, М. И. Пиккуль, Д. М. Атаев, В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев [Абакаров, Давудов, 1973: 5–18]. Активная деятельность экспедиции обратила на себя внимание научной общественности республики и руководства образованной в 1945 г. Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР, преобразованной в 1949 г. в Дагестанский филиал АН СССР, который в 1946–1950 гг. возглавлял академик АН СССР И. И. Мещанинов, а затем — член-корреспондент АН СССР Х. И. Амирханов. Понимание важности археологических источников и острая необ-

ходимость изучения археологических памятников Дагестана обусловили создание в 1954 г. в структуре сектора истории Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ныне Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН) группы археологии. В неё вошли молодые, начинающие археологи — выпускники Московского и Ленинградского университетов, Дагестанского педагогического института: Д. М. Атаев, К. А. Бредэ, В. Г. Котович, В. М. Котович, Р. М. Мунчаев, М. И. Пиккуль, Н. Д. Путинцева, Н. Б. Шейхов. В 1958 г. группа вошла в организованный сектор археологии и этнографии, в 1973 г. был образован самостоятельный сектор археологии, в 1986 г. преобразованный в отдел археологии. Ныне уже трудится четвертое поколение археологов [Гаджиев, 2014: 90–91].

За это время археологами Дагестана и их коллегами, прежде всего, из Института археологии РАН, в десятках монографий и сотнях статей, подготовленных на основе многолетних экспедиционных и кабинетных исследований, воссоздана общая картина историко-культурного развития населения Северо-Восточного Кавказа. Многочисленные археологические памятники Дагестана расположены во всех физико-географических зонах республики — в песчаных полупустынях степи и на приморской равнине, предгорной, горной и высокогорной зонах и даже на дне Каспийского моря. Они отражают все этапы культурно-исторического развития населения этой части Кавказа. Дагестан, занимающий северо-восточные склоны Большого Кавказа и полосу равнины вдоль западного побережья Каспийского моря, благодаря своему географическому положению издревле играл важную роль своеобразной евроазиатского исторического «моста» и выступал важной контактной зоной различных по происхождению и культуре племен Кавказа, Юго-Восточной Европы, Передней Азии. В силу этого археологические памятники Дагестана имеют исключительное значение для понимания многих исторических процессов, протекавших в кавказском и соседних регионах.

Деятельность археологов Дагестана охватывает несколько основных направлений: исследовательская полевая и кабинетная работа, охрана археологического наследия, включая охранно-спасательные изыскания, работу в Общественном совете при уполномоченном государственном органе по охране культурного наследия, и, наконец, популяризация этого наследия.

В последние 15 лет наблюдается активизация полевых исследований. В рамках данной статьи, носящей обзорный характер, нет возможности описать все открытия и работы, проводимые в республике. Отмечу, что они проводятся как по грантам, так и на основе договорных хозрасчётных работ. Хотя в последние два года наблюдается свертывание работ по грантам в связи с вызывающей досаду ликвидацией РГНФ и экспедиционных проектов.

Многие проводимые в республике археологические исследования хорошо известны и получили освещение как в научных изданиях, так и в СМИ. Это, прежде всего, огромной значимости работы по изучению древнейших в Евразии серии стоянок олдована в Горном Дагестане (Айникаб и Мухкай) (рис. 1), проводимые археологами ИА РАН и ИИАЭ ДФИЦ РАН под руководством академика РАН Х. А. Амирханова и давшие важнейшие материалы для решения проблемы первоначального заселения человеком Евразии,

реконструкции среды его обитания, изучения каменной индустрии и самых ранних этапов его трудовой деятельности и мн. др. [Амирханов, 2007; 2016]. Это также масштабные работы в древнем Дербенте, который в 2015 г. в соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина отметил свое 2000-летие, и его обширной исторической округе [Гаджиев, 2005: 157–168; 2012: 183–195; 2017: 155–163]. Почти 20 лет (1998–2016 гг.) работы в Дербенте, памятники которого в 2002 г. были включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, проводились по грантам РГНФ.

Рис. 1. Стоянка Айникаб 1. Раскопки 2009 г. Профиль отложений. Фото А.И. Таймазова

Среди открытых и исследованных объектов в Дербенте и его округе представлена серия неординарных памятников.

Раскопки в 2000 г. выявленного уникального средневекового зороастрийского скального погребального комплекса (рис. 2) с дахмой, астодами и так называемым домом для мертвых (*наса-хане*, *зад-марг-хане*) впервые задокументировали наличие зороастрийской общины в раннесредневековом и средневековом Дербенте [Гаджиев, 2007: 51–63].

Рис. 2. Дербент. Раскоп XXI. Средневековая скальная дахма с пристроенным «домом для мертвых» с «временной» могилой

Проведенные в 2002–2004 гг. исследования расположенного у северной городской стены Дербента средневекового мусульманского культового объекта (рис. 3), известного ещё в XVIII–XIX вв. под названиями араб. Баб ал-Кийама, тюрк. Кийамат-капы, перс. Дар-е Киймат (пер. — «Ворота Судного Дня», «Ворота Воскресения») позволили пролить новый свет на религиозную жизнь города в домонгольский период (X — начало XIII в.), определить назначение и смысловую нагрузку памятника, выявить ряд раннемусульманских эпиграфических памятников и суфийских символов [На-*ji*ev, 2009: 29–39; Гаджиев, 2010: 20–37].

Рис. 3. Дербент. Раскоп XXII. Мусульманское культовое место «Ворота Воскресения» («Ворота Судного дня»), X – нач. XIII в.

В 2012 г. начались и продолжаются раскопки Дербентского поселения (рис. 4) первой половины — середины I тыс. н. э., предшествовавшего знаменитой каменной фортификации Дербента сер. VI в. и идентифицируемого с известным по раннесредневековым письменным источникам (древнеармянским, древнегрузинским, сирийским, византийским, арабским) городом-крепостью Чор. Работы дали важные материалы по археологии и истории раннего города, его архитектуре, ремесленному производству (рис. 5), культуре и быту населения, подтвердили мнение об отсутствии слоев скифского и предскифского времени в Дербенте [Гаджиев, 2017: 155–163].

Рис. 4. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Комплекс помещений № 6–11, сер. – втор. пол. V в. н. э.

Рис. 5. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Гончарная печь, V в. н. э.

В течение 10 лет (1996–2005 гг.) проводились изыскания вдоль 42-километровой Горной стены, являвшейся составной частью Дербентского оборонительного комплекса и которую по праву именуют Великой Кавказской стеной [Гаджиев, 2008: 8–36]. В результате проведённых работ были впервые составлены подробные планы Горной стены (рис. 6), фортов и башен, выявлены ранее неизвестные укрепления, выяснены их архитектурные особенности, определены точное количество укреплений и протяженность этой грандиозной оборонительной линии, время активного функционирования отдельных крепостей и фортификационной системы в целом, обнаружены важные археологические объекты и находки — знаки строителей, зубцы-мерлоны и блоки машикулей VI в., водосборные ямы, обеспечивавшие гарнизоны водой, надмогильные памятники, среднеперсидская (сер. VI в.) и арабоязычные эпиграфические памятники VIII–XV вв., в т. ч. одна из древнейших официальных арабских, мусульманских надписей 176 г. х./792 г. и т. д.

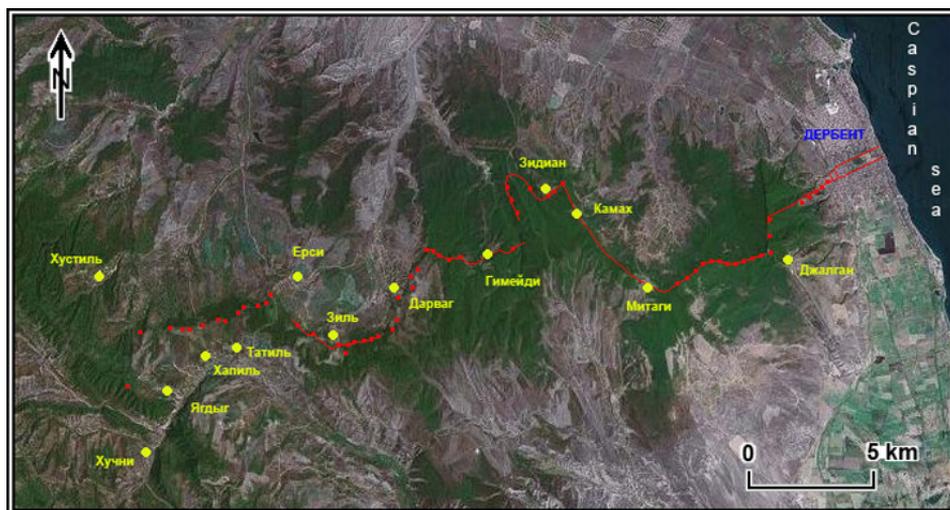

Рис. 6. Горная стена «Даг-бары», сер. VI в. План. Космоснимок (Google Earth)

Осуществленные в 2000–2006 гг. раскопки на крупном (св. 100 га) городище Торпах-кала сасанидского времени (рис. 7), надёжно идентифицируемом с царским городом Шахристан-и Йездигерд, дали возможность решить ряд актуальных вопросов исторической географии и военно-политической истории Восточного Кавказа, получить новые представления о фортификации Сасанидского Ирана и Кавказской Албании. На этом же городище было выявлено и исследовано одноименное поселение раннего бронзового века с 6-метровым культурным слоем, давшее ценные материалы для изучения региональной археологической культуры куро-араксской культурно-исторической общности [Гаджиев, Магомедов, 2008: 276–297]. Замечу, что раскопки в Торпах-кале продемонстрировали хороший пример плодотворного сотрудничества археологов с Пограничной службой ФСБ РФ.

Рис. 7. Городище Торпах-кала, сер. V – сер. VI в. Космоснимок (Google Earth).

Исследования Дербентского оборонительного комплекса и Торпах-калы явились важным шагом на пути к комплексному изучению *Limes Caspius* — колоссальной системы кордонных «длинных стен» и укреплений, опоясавших Каспий на востоке и западе, на границе оседло-земледельческого и кочевническо-скотоводческого миров.

Важные исследования были проведены в 2007 г. на открытом в ходе охранно-спасательных работ поселении Сугют эпохи ранней бронзы (рис. 8), где был получен интересный и научно значимый материал, в т. ч. находки глиняных литейных форм для отливки клиновидных бронзовых топоров, фрагменты бракованной посуды, керамический шлак, кремневые наконечники стрел, вкладыши серпов и т. д. [Гаджиев, Магомедов, Ельцов, Будайчиев, 2007: 114–127].

Рис. 8. Поселение Сугют эпохи ранней бронзы. Раскоп 1

В 2006–2016 гг. по грантам РГНФ и договорным охранно-спасательным работам велись масштабные раскопки на одном из крупнейших в Евразии Паласа-сыртском курганном могильнике середины IV — первой половины V в., позволившие решить ряд актуальных культурно-исторических и этнокультурных проблем истории населения Западного Прикаспия и Юго-Восточной Европы поздней античности и начала эпохи Великого переселения народов [Гмыря, 2011: 36–80; 2012: 71–86; 2013: 110–162], реальнее представить известную по нарративным источникам «страну маскутов» [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015].

В 2014, 2016–2018 гг. по грантам РФФИ были проведены исследования новооткрытого неординарного раннесредневекового монументального сооружения, расположенного в русле р. Рубас [Гмыря, 2014: 139–161; Гмыря, Саидов, Магомедов, Сайпудинов, 2018: 113–129; Гмыря, Саидов, Магомедов, 2019: 62–86] и представляющего, очевидно, крупное гидротехническое сооружение.

Необходимо отметить, что охранно-спасательные работы, которые занимают сейчас ведущее место в работе археологов Дагестана, проводятся в тесном сотрудничестве со специалистами Института археологии РАН. Это плодотворное сотрудничество важно не только в научном плане, но и особенно в научно-методическом, в подготовке научных кадров, памятуя о том, что в этих работах принимает участие большой отряд молодых археологов. В этом видится и историческая преемственность, когда в составе Северо-Кавказской экспедиции под руководством К. Ф. Смирнова, Е. И. Крупнова готовились археологические кадры, и среди них такие выдающиеся ученые, как Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин и другие.

Спасательные раскопки курганного могильника Таулар-гол эпохи средней бронзы (рис. 9), проведенные в 2005–2006 гг., дали новые материалы для изучения миграции подвижных скотоводов в Западный Прикаспий на рубеже III–II тыс. до н. э. [Гаджиев, Давудов, Магомедов, 2009: 134–138]. Эти и последующие работы с АО «Черномортранснефть» дали пример положительного сотрудничества и строгого соблюдения федерального законодательства хозяйствующим субъектом.

Рис. 9. Могильник Таулар-гол эпохи средней бронзы. Курган 2

Масштабные работы были проведены в 2013–2014 гг. в зоне строительства водохранилища Гоцатлинской ГЭС — здесь были исследованы крупное горно-долинное поселение (рис. 10) и сопутствующий единовременный ему могильник, проливающие свет на многие вопросы археологии горной зоны Дагестана домонгольской поры. Это первые масштабные исследованные синхронные средневековые поселение и могильник в горном Дагестане [Албегова, Магомедов, Таймазов, 2014: 309–311; Малашев, Абиев, Фризен, 2015: 386–387; Албегова (Царикаева), 2016: 215–217].

Рис. 10. Гоцатлинское (Ортаколинское) поселение, X–XII вв. Резные стелы

Рис. 11. Дербент. Раскоп XXIX. Мусульманское культовое место, VIII – нач. XIII в. Стелы с надписями, XI–XII вв. in situ

Важное место занимают новостроечные охранно-спасательные работы в Дербенте, где в последние годы осуществляется жесткий надзор по соблюдению законодательства в сфере охраны культурного наследия. Весьма значимыми явились раскопки в 2014 г. обнаруженного в ходе строительных работ монументального мусульманского культового места VIII — нач. XIII в., связанного с системой водоснабжения и включавшего платформу культового здания, каменные и керамические водоводы, бассейны-резервуары, стелы XI–XII вв. с исламскими религиозными куфическими текстами (рис. 11) и др. [Гаджиев, Абиев, Будайчиев Абдуллаев, Шаушев, 2015: 183–195; Гаджиев, Шихсаидов, Аликберов, 2016: 796–818].

В результате охранных раскопок за северной городской стеной Дербента был открыт и исследован раннемусульманский могильник, датируемый на основании нумизматических находок рубежом VIII–IX вв. и проливающий свет на раннюю исламскую погребальную обрядность [Гаджиев, Таймазов, Будайчиев, Абдуллаев, Абиев, 2019: 202–226].

Рис. 12. Дербент. Раскоп XXXI. Виноградодавильня и тарные сосуды in situ

Значительные данные по исторической топографии Дербента и материалы, характеризующие жизнь, быт и культуру горожан, ремесленное производство и торговые связи, монетное обращение в домонгольский период, были получены в результате охранных раскопок в 2014 г. на территории воинской части Пограничной службы ФСБ РФ в приморской части города. Здесь были выявлены мощные культурные напластования, включающие остатки мечети с фрагментами штукowego декора колонн XI–XII вв., жилищно-хозяйственные строения, система водоснабжения, хлебные печи, виноградодавильни с вкопанными крупными сосудами IX — нач. XIII в. (рис. 12), печь для обжига извести VI в. и др. [Зиливинская, Селезнев, Таймазов, 2016: 220–221; Зиливинская, Цветкова, 2018: 462–464]. Здесь же был открыт некрополь Дербентского гарнизона Низового корпуса Русской императорской армии (1722–1735 гг.), расквартированного после Каспийского (Персидского) похода Петра I на территории возведенного земляного ретраншемента в приморской части Дербента, носившей название перс.

Шехер Юнан («Греческий город»), был получен ценный вещевой (многочисленные нательные кресты и др.) и антропологический материал [Будайчиев, Абиев, Гаджиев, Абдуллаев, 2016: 218–220; Малашев, Селезнев, Таймазов, Фризен, 2016: 287–288]. Останки около 230 военнослужащих гарнизона были торжественно перезахоронены с соблюдением воинских и религиозных почестей на Мемориальном кладбище Дербента.

Наконец, в 2014 г. Дербенте на средства Благотворительного фонда «Пери», известного своими крупными акциями (реконструкция дома-музея Петра I в Заандаме, Нидерланды; выставки «Сокровища царственных дворов: Тюдоры, Стюарты и русские цари» в Музее Виктории и Альберта, Лондон, «Слова Камней. Опыт чтения и трансляции наследия Кала-Корейша» в Государственном Эрмитаже и Музее Виктории и Альберта; оцифровка коллекции Гинцбургов в Российской государственной библиотеке, фресок Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, создание лаборатории по реставрации и оцифровке рукописей в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН и мн. др.), были осуществлены раскопки нововыявленной землянки Петра I (рис. 13) [Гаджиев, Абиев, Будайчиев, Абдуллаев, 2015: 165–182]. После проведённых работ объект был законсервирован и музеефицирован, здесь создан музейный комплекс.

Рис. 13. Дербент. Раскоп XXXII. Музеефицированные остатки землянки Петра I

Последние из работ — это раскопки в январе — марте 2019 г. кургана Учкент раннего этапа среднебронзового периода (рис. 14) в ходе реконструкции международного нефтепровода «Грозный — Баку». Здесь получены важные материалы для характеристики погребального обряда, погребальной архитектуры, религиозно-мировоззренческих представлений подвижных скотоводов, мигрировавших в Прикаспийский Дагестан на пути на Южный Кавказ и в Переднюю Азию на рубеже III–II тыс. до н. э.

Представленный обзор, несмотря на краткость изложения, демонстрирует широкий спектр проводимых в республике полевых археологических работ, в ходе которых получен богатейший материал для изучения широкого спектра вопросов древней и средневековой истории и археологии региона. Результаты этих работ получают освещение в монографических исследованиях, в многочисленных публикациях в отечественных и зарубежных изданиях, докладах на международных и российских научных форумах. Об этих работах сообщается в центральных и республиканских СМИ, на телеканалах, в прессе. Полученные артефакты экспонируются на выставках, в музеях, в т. ч. в Музее археологии и этнографии ИИАЭ ДФИЦ РАН.

Рис. 14. Курган Учкент IV эпохи средней бронзы. Вид сверху с ЮЗ

В заключение позволю себе остановиться на некоторых проблемах и отрицательных моментах в деле охраны и сохранения объектов археологического наследия, которые носят, можно сказать, общероссийский характер, свойственны практически всем регионам страны. Как и по всей стране, остро ощущается нехватка археологических фондохранилищ в музеях; археологические артефакты, добытые в ходе раскопок, уже отказываются принимать на постоянное хранение, настаивая на представлении только репрезентативных индивидуальных находок. К сожалению, всероссийский проект по созданию таких хранилищ, кажется, застопорился, и необходимо приложить усилия для его «реанимации».

К большому сожалению, как и по всей стране, в Дагестане в последние годы активизировались черные копатели, кладоискатели, которые орудуют не только на курганах, но и на грунтовых могильниках, поселениях — можно привести десятки таких противоправных действий [Мародеры истории... 2019]. Есть немалочисленные случаи осуществления крупных земляных работ без проведения историко-культурной (археологической) экспертизы. Приведу некоторые из них. Среди последних разрушений — уничтожение поселений раннебронзового и средневекового времени и могильника при строительстве водопровода «Сардаркент — Даркуш-Казмаляр» в 2015 г. В том же году при благоустройстве цитадели Нарын-кала, входящей в Список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО, на площади в несколько сотен квадратных метров был снесён культурный слой на толщину более 1 м при прямом попустительстве бывшего директора Департамента государственной охраны культурного наследия Министерства культуры РФ В. Цветнова. Осенью 2018 г. были возбуждены уголовные дела в отношении должностных лиц в связи со строительством по программе «Ветхое жильё» многоэтажных домов в зоне охраны объекта культурного наследия и достопримечательного места «Цитадель и исторический город в крепостных стенах города Дербента», осуществлённых без археологических наблюдений. Сейчас в прокуратуре находятся дела по нарушениям законодательства, допущенным подрядными организациями Росавтодора при реконструкции автомобильной дороги федерального значения Р-217 «Кавказ». Зачастую эти разрушения осуществляются под благовидными предложениями, но известно, куда часто ведёт дорога, мощенная благими намерениями. Строить лучшую жизнь для сегодняшнего и будущих поколений за счёт уничтожения собственной истории, памятников и могил предков — это преступление. На ум приходят пушкинские строки:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

После проведения сыгравшего значимую роль Круглого стола «Сохранение археологического наследия России» в Совете Федерации РФ в марте 2004 г., на котором выступили видные учёные и специалисты и были выработаны важные рекомендации [«Круглый стол» Совета Федерации... 2004: 71–75], многие из которых впоследствии были воплощены в жизнь, в деле охраны археологического наследия произошли существенные изменения. Но тем не менее ситуация кардинально не улучшилась, а порой поднимаются представительные голоса об отмене обязательной историко-культурной экспертизы при земляных работах. Наш региональный опыт — а я полагаю, что подобная ситуация наблюдается и во многих других субъектах стра-

ны, — показывает, что количество мародеров-грабителей археологических памятников и кладоискателей артефактов не уменьшилось, правовые последствия за разрушение памятника археологии, похищение и реализацию артефактов, судебная практика по статье 243 УК РФ представляют всё ещё редкое явление, хозяйствующие субъекты пытаются обойти федеральное законодательство в сфере охраны культурного наследия. Очевидно, что охрана и сохранение археологического и, в целом, культурного наследия страны остается насущной, злободневной проблемой нашего общества. К этому нас призывает и наш основной закон — Конституция страны, статья 44 которой гласит: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».

Список литературы

1. *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1973. 325 с.
2. *Албегова (Царикаева) З.Х.* Раскопки Гочатлинского (Ортоколинского) первого поселения X–XII вв. // Археологические открытия 2014 г. М., 2016. С. 215–217.
3. *Албегова З.Х., Магомедов Р.Г., Таймазов А.И.* Стелы Гочатлинского (Ортоколинского) 1-го поселения X–XII веков // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014. М., 2014.
4. *Амирханов Х.А.* Исследование памятников оловдана на Северо-Восточном Кавказе. Предварительные результаты. М., 2007. 52 с.
5. *Амирханов Х.А.* Северный Кавказ: начало преистории. М., 2016. 344 с.
6. *Будайчиев А.Л., Абиев А.К., Гаджиев М.С., Абдуллаев А.М.* Охранно-спасательные раскопки в Дербенте // Археологические открытия 2014 г. М., 2016.
7. *Гаджиев М.С.* Археологические исследования в зоне Дербента: некоторые итоги // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. №4. 2005.
8. *Гаджиев М.С.* Зороастрийский погребальный комплекс близ Дербента // Российская археология. №4. 2007.
9. *Гаджиев М.С.* Даг-бары — Великая Кавказская стена // Дагестанские святыни. Кн. 2. Сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов. Махачкала, 2008.
10. *Гаджиев М.С.* Баб ал-кийама — средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь проф. А.Р. Шихсаидова. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., 2010.
11. *Гаджиев М.С.* Археологические исследования в зоне Дербента: некоторые итоги работ 2006–2011 гг. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. №1. 2012.
12. *Гаджиев М.С.* Археология Дагестана: вчера, сегодня (1954–2014 гг.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. №4. 2014.
13. *Гаджиев М.С.* Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 гг.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. №2. 2017.
14. *Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б.* Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X — нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. №3. 2015.
15. *Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М.* Исследования выявленного объекта культурного наследия «Домик Петра I» в Дербенте // Вестник Института истории, археологии и этнографии. №3. 2015.

16. *Гаджиев М. С., Давудов Ш. О., Магомедов Р. Г.* Курганный могильник Таулар-гол эпохи средней бронзы // Кавказ: археология и этнология. Материалы Международной научной конференции. Шамкир, 11–12 сентября 2008 г. Баку, 2009.

17. *Гаджиев М. С., Магомедов Р. Г.* Торпах-кала — Куро-аракское поселение и Сасанидское городище в Южном Дагестане // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р. М. Мунчаева. М., 2008.

18. *Гаджиев М. С., Магомедов Р. Г., Ельцов П., Будаичев А. Л.* Раскопки на поселении эпохи ранней бронзы Сугют // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4. 2007.

19. *Гаджиев М. С., Таймазов А. И., Будаичев А. Л., Абдуллаев А. М., Абиев А. К.* Раннемусульманский некрополь в Дербенте (Баб ал-аббабе) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (63). 2019.

20. *Гаджиев, Шихсаидов А. Р., Аликберов А. К.* Арабские эпиграфические памятники XI–XII вв. новооткрытого мусульманского ритуально-обрядового комплекса в Дербенте // *Ars Islamica*: в честь Станислава Михайловича Прозорова. Сост. и отв. ред. М. Б. Пиотровский, А. К. Аликберов. М., 2016.

21. *Гмыря Л. Б.* Паласа-сыртский курганный могильник IV–V вв.: 130 лет исследования // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4. 2011.

22. *Гмыря Л. Б.* Паласа-сыртский курганный могильник IV–V вв.: итоги, проблемы и перспективы исследований // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 2. 2012.

23. *Гмыря Л. Б.* Паласа-сыртский курганный могильник у Дербентского прохода (конец IV — первая половина V в.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013.

24. *Гмыря Л. Б.* Раскопки нового монументального архитектурного сооружения Сасанидского Ирана в долине р. Рубас // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3. 2014.

25. *Гмыря Л. Б., Саидов В. А., Магомедов Ю. А.* Исследование Рубасской фортификации в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 15. № 1. 2019.

26. *Гмыря Л. Б., Саидов В. А., Магомедов Ю. А., Сайтудинов М. Ш.* Раскопки новооткрытого монументального фортификационного сооружения Сасанидского Ирана на р. Рубас в 2017 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 1.

27. *Зиливинская Э. Д., Селезнев А. Б., Таймазов А. И.* Раскопки общественного здания в припортовой части Дербента в 2014 г. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г., Грозный, 2016.

28. *Зиливинская Э. Д., Цветкова Т. Г.* Ганч из раскопок в Дербенте и его аналогии // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018.

29. «Круглый стол» Совета Федерации. Сохранение археологического наследия России. 19 марта 2004 г. М., 2004.

30. *Малашев В. Ю., Абиев А. К., Фризен С. Ю.* Охранные исследования средневекового Гоцатлинского 3-го (Ортоколинского) могильника в Республике Дагестан // Археологические открытия 2010–2013 гг. М., 2015.

31. *Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Илюков Л. С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии: Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала, 2015. 460 с.

32. *Малашев В. Ю., Селезнев А. Б., Таймазов А. И., Фризен С. Ю.* Кладбище Дербентского гарнизона Низового корпуса (1722–1735 гг.) // Изучение и сохранение

археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный, 2016.

33. Мародеры истории: Из Дагестана вывозят артефакты для частных коллекций (интервью с М.С. Гаджиевым) // АиФ. Дагестан. №1–2 (688). 2019. 10.01.2019. /https://dag.aif.ru/society/marodery_istorii_iz_dagestana_vyvozyat_artefakty_dlya_chastnyh_kollekciy (дата обращения: 07.08.2019).

34. *Hajiev M. Bab al-Qiyama: a Medieval Cultic Site in Derbend // Islam and Sufism in Daghestan. Ed. by Moshe Gammer. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Humaniora. Vol. 352). Helsinki, 2009.*

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.002

Санкт-Петербургские академические архивы — хранители исторической памяти России¹

И. В. Тункина

За свою почти 300-летнюю историю и 210 лет пребывания в Санкт-Петербурге-Петрограде-Ленинграде Академия наук собрала богатейшие документальные материалы по истории отечественной и мировой науки и культуры. Объём дел, находящихся на государственном хранении в учреждениях РАН в Санкт-Петербурге, — около 2 млн 200 тыс. единиц хранения. Они отложились в фондах первого научного архива России — Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук и научно-отраслевых архивах институтов Отделения историко-филологических наук РАН. Это документальное наследие является исторически и органически сложившимся неделимым уникальным документальным комплексом, входящим в Архивный фонд Российской Федерации. Среди документов — памятники письменности на десятках живых и мёртвых европейских и восточных языков, начиная с X в. до н. э., древнеславянские и древнерусские рукописи, актовый материал Средневековья и Нового времени, фонды центральных и местных институтов государственной власти и управления допетровской Руси, поместьев-вотчинные и личные фонды XIII–XXI вв., документы руководящих органов Академии наук, академических и неакадемических научных учреждений и обществ XVIII–XXI вв., отдельные рукописи и личные фонды ученых всех специальностей с XV в., фольклорные материалы и фонозаписи из коллекций отечественного народоведения и пр. [Краткий справочник, 1979: 28–89, 127–217; Архивы, 1997: 374–438; Archives, 2000: 491–568; Фонды, 2016].

Трудами академиков XVIII–XX вв. *история* как область гуманитарного знания и все ее субдисциплины — отечественная и всеобщая история, археология, нумизматика, эпиграфика, этнография, фольклористика, историография, источниковедение, архивоведение, археография, текстология, кодикология и др. — стали науками. 100-летие назад, в 1917–1918 гг. именно академики способствовали созданию архивной службы страны и централизации архивного дела. В революционное и послереволюционное время сотрудники Академии наук занимались спасением государственных и частных архивов, библиотек, художественных собраний [Тункина, 2016а: 413–437; Тункина, 2018а: 50–55].

Через десятилетие хранение документов государственной важности стало предлогом для развязывания советскими властями «академического дела» (1929–1931), поводом для проведения массовых репрессий и чисток в учреждениях АН СССР и к принудительной передаче собранных Акаде-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке грантов РФФИ № 18-09-40075, № 18-09-40116 и подпрограммы «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» (I. 25) объединенного проекта Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечение стратегического прорыва России» (2018–2020).

мией наук архивных фондов в государственные архивы. В 1930 г. при Президиуме была создана Комиссия для перераспределения архивных материалов АН СССР. Фонды учреждений академии, личные фонды ее членов и выдающихся ученых концентрировались в Архиве Академии наук СССР, фонды писателей — в Институте литературы (Пушкинском Доме), древние документы и акты — в Историко-археографическом институте (бывшая Археографическая комиссия, ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН) и т. п. К 1933 г. значительная часть «посторонних и ненужных» документов из собраний академических учреждений, в том числе из Архива АН СССР, была передана в Ленинградское отделение Центрархива [Тункина, 2016а: 462–465].

Архив РАН — первый научный архив России, крупнейший государственный ведомственный архив. Его история восходит к архиву Аптекарского приказа и созданной в 1707 г. в Санкт-Петербурге Аптекарской канцелярии [Тункина, 2018с; Тункина, 2019b: 1215; Тункина, 2019: 550]. В 1922 г. архивы всех научных и административных органов Императорской Санкт-Петербургской АН, в том числе Канцелярии (1724–1803), Конференции (Общего собрания, 1725–1922), Правления (1803–1927), открытой Екатериной II и ликвидированной Николаем I Российской академии (1783–1841) и созданного на ее основе Отделения русского языка и словесности (1841–1922), а также других академических учреждений были объединены в единый Архив Российской АН (1922–1925), в 1925 г. вслед за академией переименованный в Архив АН СССР (1925–1963). В 1936 г. для обслуживания переведенных в Москву в 1934 г. руководящих органов и учреждений АН СССР было создано Московское отделение Архива АН СССР, ставшее головным учреждением в 1963 г. В Ленинграде осталось отделение Архива АН СССР (1963–1991), в 1991 г. преобразованное в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН) [Тункина, 2016а: 412–437, 459–466; Тункина, 2016b: 8–20].

Уникальные документы по истории мировой фундаментальной науки были сохранены многими поколениями наших предшественников вопреки всем историческим катаклизмам, включая мировые войны, революции и блокаду Ленинграда. Архив АН пережил три эвакуации (1812, 1917, 1941) и три реэвакуации (1913, 1921, 1945), не потеряв ни одного документа [Тункина, 2019b: 1215; Тункина, 2019: 551].

Сегодня СПбФ АРАН выполняет функции исторического архива отечественной науки XVIII — первой трети XX вв. (до перевода АН СССР в Москву в 1934 г. [Тункина, 2018b]) и регионального архива РАН в Санкт-Петербурге, головного архивно-методического и реставрационного центра в системе архивов академических учреждений северной столицы. В 1987 г. в его состав включена общеакадемическая Лаборатория консервации и реставрации документов, созданная в 1934 г. СПбФ АРАН сочетает фундаментальные исследования по гуманитарным наукам с разработками в области естественных наук, связанными с охраной памятников культурного наследия. Помимо научных трудов, управленческой документации и документов по личному составу академических и неакадемических научных и научно-вспомогательных учреждений, архив хранит рукописи и личные фонды

зарубежных и отечественных ученых XV–XX вв. Региомонтана, Тихо де Браге, И. Кеплера, Л. Эйлера, М. В. Ломоносова, И. П. Кулибина, П. С. Палласа, К. М. Бэра, И. Ф. Крузенштерна, Ф. П. Литке, Н. Н. Миклухо-Маклая, В. В. Докучаева, А. М. Бутлерова, И. П. Павлова, А. А. Шахматова, М. М. Ковалевского, А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, П. Н. Лебедева, А. Ф. Иоффе, В. А. Стеклова, А. Н. Крылова, А. А. Ухтомского и др. [Фонды, 2004; 2016; Fonds, 2016].

На 1 января 2020 г. на государственном учете в СПбФ АРАН зарегистрировано 788 фондов (203 фонда учреждений, 585 личных фондов) и 16 рядов (коллекций), всего 491 83 дел за XV–XXI вв., количество выявленных особо ценных дел — 263 201 ед. хр., т. е. больше половины фондов архива.

К уникальным документам относятся рукописи общегосударственного значения, важнейшие источники по истории России. Среди них коронационный альбом Елизаветы Петровны с описанием церемонии коронации 25 апреля 1742 г. в Москве, принадлежавший самой императрице. Рукопись была прислана из Правительствующего Сената в Академию наук и художеств для подготовки издания описания коронации на русском, немецком, французском и латинском языках. Альбом помещен в деревянный футляр, обтянутый светло-зеленым бархатом, с бронзовыми застежками, и включает 208 листов на тряпичной бумаге с цветными иллюстрациями — 89 рисунков, 7 планов, 1 гравюру [Андреева, Иодко, Кудоярова, Маршеникова, Олейник, 2005]. Рисунки зафиксировали ценнейшие исторические детали — уникальными являются изображения «августовой крабицы» (сосуда, вероятно, западноевропейской работы, который, согласно поздней легенде, принадлежал римскому императору Октавиану Августу и использовался для помазания на царство, утрачен после Октября 1917 г.), государственного меча, государственной печати, государственного знамени, большой императорской короны, изготовленной в 1730 г. как точная копия короны византийских императоров из двух полушарий, символизовавших разделение Римской империи на Западную и Восточную (корона подверглась существенной переделке при Екатерине II), вид Грановитой палаты Кремля и пр. [Тункина, 2011].

Другим историческим памятником общегосударственного значения является бронзовый позолоченный ларец (ковчег) «Хранилище законов» работы французского мастера Эдма Гастеклу (1776) по рисункам русского художника Гавриила Козлова [Смирнов, Щедрова, 2005], изготовленный для хранения подлинной рукописи «Наказа» императрицы Екатерины II, данного Комиссии по составлению проекта нового Уложения (свода законов) в 1767 г. Рукопись поступила в Архив Канцелярии через директора Петербургской АН графа В. Г. Орлова. На л. 239 рукой императрицы надпись: «В академии хранить с прочими». С 1890 по 1929 г. по указу президента великого князя Константина Константиновича ларец с наказом хранился в Малом конференц-зале Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, а затем был передан в Архив АН СССР [Тункина, 2016а: 90–93].

Первое издание Наказа Екатерины II было предпринято Академией наук в еще в 1770 г. не только на французском, но и на русском, английском, немецком, латинском, голландском, итальянском, греческом и польском

языках. Критическое академическое издание с учетом всех списков, хранившихся в Академии наук, Императорской Публичной библиотеке, Государственном архиве было осуществлено Н.Д. Чечулиным по инициативе академика А.С. Лаппо-Данилевского [Наказ, 1907].

Ежегодно архив представляет документы для исследований ученым из 60 стран мира. С оцифрованными описями, базами данных, электронными выставками можно ознакомиться в сети интернет — в информационной системе «Архивы Российской Академии наук» на сайте Архива РАН (<http://isaran.ru/?q=ru/reestr&ida=2>) и на сайте Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (<http://ranar.spb.ru/rus/page/88/>). В их числе электронный сборник, включающий базу данных «Ломоносов и Ломосовиана в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова» (http://db.ranar.spb.ru/lomonosov/?query_string=lomonosov), база данных по персональному составу учреждений Академии наук (<http://db.ranar.spb.ru/ru/searchSimple/>) [Тункина, 2017], электронные выставки к юбилеям научных учреждений, ученых и пр. (<http://ranar.spb.ru/ru/s/vystavki/cat/826/>).

Из-за отсутствия места в архивохранилищах Архив АН СССР в Ленинграде (ныне Санкт-Петербургский филиал Архива РАН) не комплектовался фондами академических учреждений от 70 до 102 лет и должен принять на государственное хранение свыше 2,3 млн единиц хранения. С начала 2000-х гг. губернатор Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко, вице-президент РАН Ж.И. Алферов, руководство Бюро и члены Отделения историко-филологических наук РАН, научная общественность подняли вопрос о необходимости строительства нового здания СПбФ АРАН площадью 20 тыс. кв. м с вместимостью архивохранилищ не менее 2 млн ед. хр. с учетом необходимого комплектования документами текущего делопроизводства академических учреждений Санкт-Петербурга и личными фондами ученых. Постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2014 г. №956 строительство включено в Федеральную адресную инвестиционную программу. Главный архитектор Санкт-Петербурга выделил под строительство участок общей площадью 1.1 га по адресу: г. Санкт-Петербург, Московский район, Киевская улица, участок 4 (юго-западнее пересечения Киевской улицы и Заозерной улицы). Постановлением Правительства РФ № 1700 от 17 октября 2020 г. общий объем бюджетных инвестиций на строительство нового здания СПбФ АРАН площадью 18028,65 кв. м составил 2,57 млрд руб. Срок ввода объекта в эксплуатацию 1 апреля 2021 г.

С начала 1930-х гг. в Ленинграде сложилась структура научно-отраслевых архивов Академии наук с постоянным составом документов. Помимо Архива АН СССР/РАН, это академические научно-отраслевые архивы институтов с постоянным составом документов [Краткий справочник, 1979: 13–89, 127–217; Архивы, 1997: 374–378, 382–405, 413–425; Archives, 2000: 491–495, 499–530, 539–553] (объемы хранения приведены на 2018 год):

1. *Институт истории материальной культуры РАН* (основан в 1859 г. как Императорская Археологическая комиссия): в Рукописном архиве (основан в 1919 г.) и Фотоархиве (основан в 1918 г.) Научного архива сосредоточены богатейшие документы по археологии, охране памятников

истории и культуры России и других стран мира с XVIII в. по настоящее время, личные фонды ученых, реставраторов, фотографов и пр. — всего 693823 ед. хр., из них: *Рукописный архив* 76659 дел (109 фондов), *Фотоархив* 617164 дел (79 фондов) [Белова, 2009; Белова, Длужневская, Мусин, 2009; Длужневская, 2013].

2. Институт русской литературы (Пушкинский дом) (основан в 1905 г., с 1918 г. в составе РАН): всего 452817 ед. хр.

Рукописный отдел (основан в 1906 г.): исключительный по богатству комплекс документов по истории новой русской литературы XVIII–XX вв. (302817 ед. хр., 60 фондов учреждений, 900 личных фондов, в том числе Пушкинский фонд (Постановлением СНК СССР 1938 г. и решением Президиума АН СССР 1948 г. почти все пушкинское рукописное наследие было сосредоточено в Пушкинском Доме) [Фонды, 1996; Иванова, 2005; 2006].

Древлехранилище им. В. И. Малышева (основано в 1949 г.): коллекции древнерусских рукописей и старопечатных книг XII–XX вв., свыше 12 тыс. ед. хр. [Бударагин, 2005].

Фонограммархив Отдела русского фольклора (с 1938 г. в составе ИРЛИ) — одно из ведущих этномузыковедческих хранилищ страны, единственное в России энциклопедическое собрание звуковых образцов из коллекций отечественного народоведения 1889–2010-х гг., 150 тыс. ед. хр. [Горелов, Марченко, 2005].

3. *Санкт-Петербургский институт истории РАН* (основан в 1834 г. как Императорская Археографическая комиссия, с 1922 г. в ведении РАН. *Научно-исторический архив* создан в 1936 г. [Путеводитель, 1958; Фонды, 1995]):

Русская секция: материалы, собранные Археографической экспедицией и комиссией в XIX — начале XX в., в том числе фонды центральных и местных институтов государственной власти и управления, поместно-вотчинные и личные фонды XIII–XX вв., личные фонды ученых (325 фондов и коллекций, 165463 ед. хр.).

Западноевропейская секция: коллекции западноевропейских актов и документов VI–XX вв., основу которых составило собрание репрессированного по «академическому делу» академика Н. П. Лихачева, личные фонды ученых (84 фонда и коллекции, 27787 ед. хр.).

4. *Институт восточных рукописей РАН* (основан в 1818 г. как Азиатский музей Императорской Санкт-Петербургской АН): всего 186733 ед. хр.

Отдел рукописей и документов (с 1918 г. Азиатский архив, с 1950 г. — Сектор рукописей и документов, с 1955 г. — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР): крупнейшее в мире специализированное хранилище восточных рукописей на живых и мертвых языках X в. до н. э. — XX вв. (около 90 тыс. единиц хранения);

Архив востоковедов (с 1937 г.): 176 личных фондов, 60 тыс. ед. хр. XVI–XX вв. (документы по истории востоковедения, личные фонды ученых) [Азиатский музей, 2018].

5. *Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН* (основан в 1714 г., Научный архив создан в 1946 г.): документы МАЭ РАН, Педагогического института народов Севера и 39 личных фондов с материалами по этнографии, археологии и антропологии — 46 фон-

дов и коллекций, 10512 ед. хр., 1719–2010-е гг. [Краткий справочник, 1979: 87–89].

6. *Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки РАН* (библиотека основана в 1714 г., *Рукописный отдел* создан в 1901 г.): пергаменные рукописи, рукописные книги на славянских, греческом, латинском и других европейских языках VIII–XX в., библиотека Петра I и единичные личные фонды исследователей древнерусской письменности (19600 ед. хр.) [Исторический очерк, 1956, 1958].

Академия наук до реформы РАН 2013 г. была единственным федеральным ведомством РФ, наделенным государственными полномочиями по *постоянному* хранению, комплектованию, учету и использованию документов Архивного фонда РФ. Такого права лишены Минобороны, МИД, ФСБ и другие министерства, осуществляющие депозитарное хранение по договору с Росархивом. Право постоянного хранения документов в РАН было закреплено в законе «Об архивном деле в Российской Федерации» (№ 125-ФЗ, ст. 18, пункт 1, подпункт 1) и во всех советских и постсоветских Уставах АН СССР/РАН. Но принятие закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.09.2013 № 253-ФЗ разрушило архивную систему РАН, *de jure* лишив институты права постоянного хранения документов из-за отделения академии от собиравшихся веками архивных коллекций. Рукописные фонды и архивные материалы остались в Архиве РАН и научно-отраслевых архивах академических институтов, отделений и научных центров, переданных в ведение Федерального агентства научных организаций как учредителя. В результате в 2013–2016 гг. архивы оказались в правовом вакууме. Предложение ФАНО о переводе *постоянного хранения документов* в статус *депозитарного* было отвергнуто Архивным советом при Президиуме РАН, Архивом РАН и директорами академических институтов со старейшими научно-отраслевыми архивами.

23 мая 2016 г. был принят закон № 149-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ», внесший изменения в ст. 21 ч. 4 «Об архивном деле в РФ» — слова «*организации РАН*» были заменены словами «*научные организации, включенные в перечень, который утверждается Правительством РФ*». Перечень учреждений, осуществляющих постоянное хранение документов Архивного фонда РФ, находящихся в государственной собственности, был утвержден распоряжением Правительства РФ № 2800-р от 23 декабря 2016 г. В него вошли Архив РАН, Институт археологии и Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН в Москве, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербургский институт истории, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Бурятский, Иркутский, Якутский научные центры Сибирского отделения РАН, Карельский, Кольский, Уфимский, Коми и Пушкинский научные центры РАН,

а также Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская академия образования».

Новая редакция статьи 21 пункт 4 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» согласно № 149-ФЗ налагает *прямой запрет* Архиву РАН и научно-отраслевым архивам институтов, региональных отделений и центров РАН на комплектование фондами учреждений и организаций: «Государственным... организациям запрещается передавать образовавшиеся в процессе их деятельности документы Архивного фонда РФ в музеи, библиотеки, *научные организации*, включенные в перечень, который *утверждается Правительством Российской Федерации*». Президиуму РАН и новому учредителю всей сети академических архивов — Министерству науки и образования, созданному 15 мая 2018 г. в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 682 — необходимо добиваться внесения изменений в ст. 20–23 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», предусмотрев в ней право Российской академии наук и входящих в ее состав региональных отделений, научных центров и организаций, подведомственных Минобрнауки, выступать источниками комплектования научных организаций, включенных в перечень, который *утверждается Правительством Российской Федерации*, а также расширения этого перечня за счет региональных отделений, научных центров и отдельных организаций. К примеру, в перечень не включена Библиотека РАН с уникальным собранием Научно-исследовательского отдела рукописей.

С 2013 г. вплоть до сего дня ФАНО/Минобрнауки не приняли нормативно-методические документы, регламентирующие архивное дело и концепцию его развития в министерстве, соответствующие действующему законодательству РФ. Предложение Архивного совета при Президиуме РАН организовать структурное подразделение (управление или департамент) ФАНО, занимающееся вопросами делопроизводства и архивного дела для координации работ этой сферы в учреждениях РАН, ответа не получило. Необходимо принять обновленный ведомственный перечень документов со сроками хранения в учреждениях и организациях Минобрнауки России, с учётом специфики научной документации, которая не отражена в действующих перечнях, разработанных Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела Федерального архивного агентства (Росархива). Он крайне необходим для упорядочения делопроизводства в учреждениях и внедрение единообразия в архивной сфере учреждений РАН.

После реформы 2013 г. архивы руководящих органов и институтов бывших РАМН и РАСХН официально не переданы в государственные архивы и лишь *de facto* находятся в ведении Архива РАН в Москве. В последние годы в Санкт-Петербурге большинство институтов РАМН и РАСХН заключили официальные договоры о передаче материалов не с СПбФ АРАН, а с муниципальным казенным учреждением — Центральным государственным архивом научно-технической документации Санкт-Петербурга (создан в 1972 г.), который с 2014 г. рассматривает документы федеральных организаций как важнейшую часть информационных ресурсов северной столицы и источники своего комплектования. В Санкт-Петербурге в институтах

РАСХН сейчас хранятся около 112000 дел, в учреждениях РАМН — около 34000 дел, подлежащих приему на государственное хранение.

В июне 2018 г. Росархив утвердил «Примерное положение об экспертно-проверочной комиссии научной организации» для учреждений, имеющих право постоянного хранения документов, которая окончательно разрушила сложившуюся с 1930-х гг. систему рецензирования описей фондов, актов на уничтожение, номерников особо ценных дел и др. на Центральных экспертно-проверочных комиссиях по отбору документов на государственное хранение в Москве и Санкт-Петербурге. Сложившаяся в советское время система рецензирования способствовала унификации описаний учетных документов (описей фондов учреждений и личных фондов ученых) по единым стандартам как в Архиве РАН, так и в научно-отраслевых архивах институтов и текущих архивах учреждений РАН.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН и гуманитарные академические институты с научно-отраслевыми архивами представляют собой учреждения уникального *комплексного характера*, сочетающие исследовательские и хранительские функции. Однако Минобрнауки при планировании государственного задания не учитывает потребности архивов РАН как хранилищ ценнейших исторических памятников мирового историко-культурного и научного значения. В формулировках госзаданий и базовом финансировании не учитывается *основной вид деятельности* Архива РАН и институтов с научно-отраслевыми архивами, т.е. специфика архивной и реставрационной работы. Это сказывается, во-первых, в ненормативной штатной численности большинства архивов, не соответствующих объемам хранения документов согласно методическим рекомендациям Росархива, во-вторых, в отсутствии средств на основные нужды в соответствии с уставными целями — на создание страхового фонда документов и фонда пользования, на приобретение оформительских и реставрационных материалов и оборудования, на дорогостоящую реставрацию и консервацию документов. В ряде научно-отраслевых архивов сегодня ненормативные условия хранения, не соответствующие действующим «Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда РФ» (2015).

Одна из важнейших проблем старейших академических архивов Санкт-Петербурга — невозможность выполнения нормы Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» (№ 125-ФЗ, ст. 17, п. 3) о необходимости создания страхового фонда особо ценных и уникальных документов Архивного фонда РФ с целью предупреждения утраты или повреждения оригиналов документов, существующих в единственном экземпляре, в случае военных действий и чрезвычайных ситуаций. Предварительно выявленный объем особо ценных дел по Санкт-Петербургу — 86127602 листов или 172255204 страниц. В последние десятилетия, с 1993 г. эта работа оказалась свернута из-за отсутствия государственного финансирования, производственных площадей, дорогостоящего оборудования, резкого сокращения штатов учреждений и пр.

В научных архивах РАН хранятся значительные комплексы документов, которые нуждаются в консервации и реставрации. Это не только древние ко-

дексы, актовый материал и пр., но и документы первой половины XX века, требующие масштабной реставрации из-за плохой бумаги и чернил, большие массивы фотодокументов разной степени повреждения. Сложной реставрации уникальных документов предшествует научно-исследовательская работа по детальному изучению физического состояния документов, их микологическому обследованию, проведению комплекса физико-механических испытаний бумаги документов, изучению воздействия различных факторов на документы, характера и причин повреждений и пр. Академические лаборатории проводят научные реставрации разновременных памятников высочайшего уровня, но сегодня из-за хронического недофинансирования они не располагают необходимым комплексом оборудования и расходных материалов, штатом квалифицированных специалистов-реставраторов различных специальностей.

Для решения этих проблем в новом здании академического архива в Санкт-Петербурге планируется создать Центр коллективного пользования «Консервация, реставрация и микрофильмирование архивных документов» учреждений РАН Санкт-Петербурга, осуществляющих постоянное хранение документов [Галушкин, Гонобоблева, Ткаченко, 2018]. Стоимость оборудования ЦКП только для создания страхового фонда документов около 2 млн евро. Для поиска внебюджетных источников финансирования следует организовать Попечительский совет СПбФ АРАН.

Архивные собрания РАН имеют непреходящее мировое научное и историко-культурное значение. Они представляют собой основную *источниковую базу* трудов по истории мировой науки и многих направлений историко-филологических исследований. Изучение и введение в научный оборот источников на русском, европейских и восточных языках было и остается главным направлением деятельности этих учреждений. На документальной основе были созданы многие классические субдисциплины отечественной науки (к примеру, в литературоведении — пушкиноведение), изданы памятники древнерусской письменности и академические собрания сочинений русских писателей и ученых, составлены словари, дешифрованы мертвые языки, развиты редчайшие в мире специальности классического востоковедения (тохароведение, дуньхуановедение, тангутика, древнетюркская текстология, сабеистика, тюркская руника, коптология и др.), по наличию которых судят об уровне развития гуманитарного знания в стране.

Специфика хранящихся документов подразумевает работу с ними не просто архивистов, но и профессиональных историков, филологов и литературоведов с соответствующими знаниями иностранных языков, включая «мертвые», а также специалистов в области палеографии, источниковедения и археографии русских, западноевропейских и восточных документов Средневековья и Нового времени. По своему *научному* значению старейшие академические архивы Санкт-Петербурга, собранные и сохраненные трудами российских ученых на протяжении трех веков, сравнимы лишь с двумя-тремя аналогичными собраниями в мире.

Исторические архивы РАН имеют огромную *материальную ценность*, страховая стоимость которых при вывозе на зарубежные выставки оценивается в миллионах евро/долларов. Архивы РАН имеют большое практиче-

ское значение, в том числе *социально-правовое*, обеспечивая юридическое подтверждение правопреемственности Императорской Санкт-Петербургской/Всесоюзной/Российской АН (права на землю, здания и имущество, интеллектуальную собственность, патентные и авторские права и др.). Академические архивы обеспечивают функционирование *системы социальной защиты* сотрудников РАН, документально подтверждая их право на пенсионное обеспечение.

В современных реалиях Россия не потеряет собственную гуманитарную науку только при условии, если она сможет *сохранить* научные архивы, адекватно их описать и *использовать* гигантский объем научной информации, собранной учеными РАН за три века.

В преддверии 300-летнего юбилея РАН одна из главных задач академических архивов — *популяризация* для широкой общественности деятельности Академии наук как общероссийского центра науки и культуры в исторической ретроспективе, пропаганда фундаментальных ценностей науки как социального института. Этой цели служит проект создания Информационно-экспозиционного центра «Академическая наука в Санкт-Петербурге» в старом здании архива по Университетской наб., д. 1. На документальной базе экспозиция представит историю АН во всем ее блеске, расскажет о вкладе академических ученых в мировую науку, о значении фундаментальных исследований для экономического развития страны, роста ее военного могущества, укрепления политического и международного престижа. Документы предполагается представить в современном мультимедийном и интерактивном формате через сеть Интернет, в научных и научно-популярных изданиях и на выставках подлинников.

С переездом в новое здание СПбФ АРАН и грядущим 300-летием Российской академии наук академические архивисты связывают надежды на лучшее будущее своих учреждений [Тункина, 2019: 177–179].

Список литературы

1. *Азиатский музей* — Институт восточных рукописей РАН: Путеводитель/Отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Наука — Вост. Лит-ра, 2018. 895 с.
2. *Андреева К. И., Иодко О. В., Кудоярова Л. В., Маршенникова Н. И., Олейник Л. Г.* Реставрация коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны // Реликвия (реставрация, консервация, музей). 2005. № 1. С. 50–54.
3. *Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание/Гл. ред. В. П. Козлов, П. К. Гримстед; сост. П. К. Гримстед, Л. В. Репуло, И. В. Тункина.* М.: Археографический центр, 1997. 1070 с.
4. *Белова Н. А.* Перечень материалов экспедиций и раскопок в фонде Императорской Археологической комиссии рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение. СПб.: Дм. Буланин, 2009. С. 12–140.
5. *Белова Н. А., Длужневская Г. В., Мусин А. Е.* История формирования архива Императорской Археологической комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве Института истории материальной культуры // Императорская Археологическая ко-

миссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение. СПб.: Дм. Буланин, 2009. С. 5–11.

6. *Бударагин В. П.* Дрвелехранилище им. Владимира Ивановича Малышева // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дм. Буланин, 2005. С. 350–353.

7. *Галушкин А. А., Гонобоблева С. Л., Ткаченко Т. С.* Лаборатория консервации и реставрации документов СПбФ АРАН: основные направления деятельности // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург. СПб.: Реноме, 2018. С. 145–150.

8. *Горелов А. А., Марченко Ю. И.* Отдел народнопоэтического творчества // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дм. Буланин, 2005. С. 205–229.

9. *Длужневская Г. В.* Научный архив ИИМК РАН: история архива и хранители «вечности» // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) СПб.: Дм. Буланин, 2013. С. 292–317.

10. *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дм. Буланин, 2005. С. 327–349.

11. *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дм. Буланин, 2006. 446 с.

12. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук/Отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1958. Вып. I: XVIII век. 1956. 484 с.; Вып. II: XIX–XX века. 1958. 398 с.

13. Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР/Сост. Г. И. Пронина, Н. Н. Жаркова; отв. ред. Б. В. Лёвшин. М.: Наука, 1979. 252 с.

14. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения/Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1907. [4], CLIV, 175 с. (Памятники русского законодательства 1649–1832 гг., издаваемые Императорской Академией наук).

15. Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории/Ред. А. И. Андреев и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 603 с.

16. *Смирнов С. А., Щедрова И. М.* Реставрация ларца-ковчега «Хранилище законов» // Реликвия. 2005. №4 (11). С. 6–9.

17. *Тункина И. В.* Коронация императрицы Елизаветы Петровны по документам академического архива в Петербурге // Международная научная конференция «Искусство и наука в современном мире» 11–13 ноября 2009 г.: Сборник материалов. М.: творческая мастерская Зураба Церетели, 2011. С. 264–270, ил. 1–24 на с. 162–182.

18. *Тункина И. В.* Хранители академической памяти (XVIII — первая треть XX в.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб.: Нестор-история, 2016а. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 8).

19. *Тункина И. В.* Академический архив — сокровищница рукописного наследия мировой науки // Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук. Краткий справочник/Отв. ред. И. В. Тункина, сост. Н. В. Крапошина, И. В. Тункина. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Коло, 2016б. С. 7–31 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 6).

20. *Тункина И. В.* Изучение персонального состава учреждений РАН: Прошлое и настоящее // Роль архивов в информационном обеспечении исторической нау-

ки: Сборник статей/Сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю. А. Петров. М.: Этерна, 2017. С. 914–933.

21. Тункина И.В. На переломе: Академия наук в 1917 году // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2017; отв. ред. академ. РАН В. А. Тишков. М.: Культура. Наука. Книга, 2018а. С. 43–60.

22. Тункина И.В. Архив АН СССР и перевод Академии наук в Москву в 1934 г. // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. Материалы Второй международной научной конференции 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург/Сост. и отв. ред. д. и. н. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018b. С. 115–123 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 14).

23. Тункина И.В. Аптекарская канцелярия — колыбель Архива Российской академии наук // Aus Sibirien — 2019. Научно-информационный сборник. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2020. С. 153.

24. Тункина И.В. Академическое архивоведение: Актуальное прошлое (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН: Итоги 300-летней истории и перспективы развития в XXI веке) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2018; отв. ред. академ. РАН В. А. Тишков; сост. Н.В. Тарасова. М.: РАН, 2019а. С. 165–181.

25. Тункина И.В. Академические архивы — хранители исторической памяти России // Вестник РАН. 2019b. Т. 89. № 12. С. 1214–1221.

26. Фонды и коллекции Архива: Краткий справочник/Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН; сост. Г. А. Победимова, Н.Б. Срединская; ред. Ю.Н. Беспярых, М.П. Ирошников. СПб.: Блиц, 1995. 48 с.

27. Фонды и коллекции Рукописного отдела/Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; сост. В.П. Бударагин, М.В. Родокова; вступ. ст. и ред. Т.С. Царькова. СПб.: Блиц, 1996. 80 с.

28. Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук: Краткий справочник/Отв. ред. д. и. н. И.В. Тункина, сост. Н.В. Крапошина, И.В. Тункина, А.В. Шурухина. СПб., 2004. 376 с.

29. Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук. Краткий справочник/Отв. ред. И.В. Тункина, сост. Н.В. Крапошина, И.В. Тункина. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Коло, 2016. 304 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 6).

30. Archives of Russia: A Directory and Bibliographic Guide to Holdings in Moscow and St. Petersburg. English-language Edition. Edited by P.K. Grimsted. Compiled by P.K. Grimsted, L.V. Repulo, and I.V. Tunkina. With an Introduction by V.P. Kozlov. Armonc, New York: M.E. Sharpe, 2000. Vol. 1. CX, 666 p.

31. Fonds and Collections of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: Brief Guide/Chief editing, introductory article by I.V. Tunkina; Register of Inventories compilation by N.V. Kraposhina; translation and Name Index compilation by E.A. Annenkova; translation editing by M.V. Ponikarovskaia. SPb.: Publishing House Kolo, 2016. 304 p. (Ad Fontes. Materials and Studies on the History of Science. Issue 7).

32. Tunkina I. V. Academy Archives as Repositories of Russia's Historical Memory // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89, No. 6, pp. 550–557.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.003

РГАЛИ в XXI веке: стратегия формирования и научного освоения культурного наследия России

Т. М. Горяева

Празднование 100-летия государственной архивной службы Российской Федерации вызвало большой интерес к проблемам сохранения национального документального наследия, наглядно показало, что Россия — архивная держава. И что при, казалось бы, периферийной позиции в общественно-политической и социальной структуре общества, скромном финансировании и невысоком статусе, интерес и внимание, скрытые в обыденном сознании, существенно возрастают в ситуации актуализации информационного повода. Как известно, юбилеи позволяют привлечь внимание к тем или иным общественно значимым событиям, фактам или персонам. В этой связи ещё один важный юбилей — 300 лет Указу Петра I об установлении «Государственного регламента»¹, положившего начало государственным архивам — ещё один повод для того, чтобы продемонстрировать роль и значение архивов в современном информационном обществе.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) является крупнейшим архивохранилищем страны, в котором сосредоточены богатейшие материалы по истории отечественной литературы, музыки, театра, кино, изобразительного искусства, архитектуры, медиа (на 1 января 2019 г. — 3269 фондов, 1,7 млн ед. хр.). Анализ состава документов показывает, что большая часть из них — документы личного происхождения: творческие материалы и документы биографического характера. Остальное — управленческая документация, включающая и документы по личному составу. Несмотря на достаточно консервативный подход по отношению к принципам формирования архивных фондов преимущественно документами на бумажных носителях, в РГАЛИ отложились разнообразные источники по истории отечественной культуры: произведения искусства, фотодокументы, мемориальные предметы и реликвии. Они составляют 35% от всего документального массива. Документы учреждений, находящиеся в логической взаимосвязи с личными документами, образуют единую информационную среду, позволяющую вести любой тематический поиск на микро- и макроуровнях. А видовое и информационное богатство архива обеспечивает развитие многофункциональных форм использования документов: научно-исследовательского и публикаторского; выставочного и информационного.

Традиционно комплектование РГАЛИ строилось в двух направлениях: первое — институциональное (органы управления и учреждения культуры, общественные творческие организации); второе — персональное (десяте-

¹ «Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют») – устав государственной гражданской службы в России XVIII–XIX веков, изданный 28 февраля (10 марта) 1720 года.

ли литературы и искусства). Документальная совокупность объектов комплектования была структурирована так, чтобы репрезентативно отражать все направления и жанры многосложного культурного процесса в различные периоды истории досоветской, советской и постсоветской культуры. Несмотря на политическую ангажированность советской исторической науки, методологии и методики советской архивной практики, удалось избежать идеологического перекоса и документальных лакун благодаря высокому профессионализму сотрудников и сложившейся в архиве атмосфере [см. об истории РГАЛИ: *Горяева, 2011; Горяева, 2016*]. Такая стройная научная концепция формирования источниковой базы была создана практически сразу после возникновения архива.

Решение об образовании специального государственного литературного архивохранилища возникло в тот период, когда основная структура системы государственного хранения была сформирована. В канун Великой Отечественной войны, 29 марта 1941 г., было принято Постановление СНК СССР № 723, которым предусматривалось «организовать к 1 июля 1941 г. в Москве *Центральный государственный литературный архив СССР* для хранения в нем литературных фондов государственных архивов и соответствующих документальных материалов музеев, библиотек, научно-исследовательских институтов и учреждений» [«Об утверждении «Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети государственных архивов СССР»»]. Именно это событие считается днём рождения архива. В мае 1941 г. было утверждено Положение об архиве, согласно которому в его состав должны были войти материалы не только из Государственного литературного музея (более 400 личных фондов), но и из других учреждений: центральных и периферийных архивов, музеев и библиотек.

Мы не будем останавливаться на предыстории создания Государственного литературного архива (ЦГЛА), поскольку эта тема достаточно подробно освещена в архивоведческой литературе [*Бурова, Сырченко, 1987; Сырченко, 1975; Волкова, 1972; Сиротинская, 1999; И. С. Зильберштейн. Штрихи к портрету, 2006; Вестник архивиста, 1994, № 3 (21): 10–57; Мамонов, 1987: 44–52; Горяева, 2011 и др.*].

В первые годы, в условиях военного времени, ЦГЛА продолжал комплектоваться за счет поступлений из других архивохранилищ. Из Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне РГАДА) были приняты фонды семей Аксаковых и Рачинских (так называемый Татевский архив), историков Н. П. Барсукова и Н. И. Веселовского, публициста В. М. Соболевского, писателей А. И. Новикова, Ф. Н. Глинки, М. Е. Салтыкова-Щедрина, издателя А. С. Суворина; из Московского областного архива — материалы Конторы императорских театров, Комитета по делам печати; из Центрального государственного исторического архива Москвы — фонды Н. П. Огарева, А. Н. Островского. Из Третьяковской галереи поступили документы Училища живописи, ваяния и зодчества, литературного кружка «Среда», а также рукописные материалы художников И. К. Айвазовского, А. Г. Венецианова, И. Н. Крамского, И. С. Острохова. Из Исторического музея были переданы отдельные документы П. И. Чайковского, поэта Н. М. Языкова, братьев И. В. и П. В. Киреевских, издателя и редактора В. М. Лаврова; из подмосковно-

го имения Мураново — архивы поэтов Е. А. Баратынского и Ф. И. Тютчева. Одновременно началась работа по организации текущего комплектования ЦГЛА архивами редакций издательств («Литературная газета», Детиздат, «Искусство», Музгиз) и журналов («Октябрь» и «Знамя»).

Так началась история Центрального государственного литературного архива, влившегося в систему общесоюзных государственных архивохранилищ. В дальнейшем он развивался, постепенно вбирая в себя всё новые сферы искусства (театр, музыка, живопись, кинематограф) и превращаясь в крупнейшее собрание по истории отечественной культуры. Таким образом, с самого основания архив не только широко комплектовался материалами литературного характера², но принимал целостные фонды и отдельные документы учреждений искусства, а также личные архивы актеров, режиссеров, композиторов, художников. В послевоенный период его деятельность значительно расширилась, он приступил к активному комплектованию и в 1954 г. был переименован в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР) [Волкова, 1994: 3].

И это было неизбежно, поскольку, как писал А. А. Блок об особенностях национальной культуры, «Россия — молодая страна и культура её — синтетическая культура. Русскому художнику нельзя и не надо быть «специалистом». Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте... Неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия... Вместе они и образуют единый мощный поток, который несёт на себе драгоценную ношу национальной культуры» [Блок, 1984, Т. 4: 422]. О синтезе искусств, сравнительной истории литературы и живописи писали многие ученые ещё с конца XIX века — педагог словесник А. Д. Алферов [Алферов, 1896, № 1: 54] и российский лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства Ф. И. Буслаев [Буслаев, 1861, Т. II]. В советское время эта тема получила развитие в работах Д. Я. Райкина [Райкин, 1937, № 6: 81–100], Н. Н. Коваленской [Коваленская, 1939, Т. III: 1939, 118–144] и в обобщающей работе И. С. Зильберштейна «Репин и Тургенев» [Зильберштейн, 1945]. Именно эти идеи легли в основу системы складывания архивного собрания — политематического, поливидового, сочетающего в себе музейно-мемориальную, книжную, художественную культуру в соединении с репрезентативно представленными фондами управления и учреждений отрасли. В середине прошлого века один из директоров Национального архива Франции Шарль Бребан в одном из своих выступлений сказал: «Архив литературы и искусства является, без сомнения, одной из оригинальнейших и замечательных реализаций, которую осуществил СССР в архивном деле» [Волкова, 1963: 2].

Продолжением традиций, заложенных отцами-основателями, можно считать разветвлённую систему научно-справочного аппарата (описи, каталоги, путеводители), которая дала возможность уже в начале 2000-х годов приступить к поэтапной информатизации архива. Итогом этой грандиозной

² Продолжается активное комплектование документами личного происхождения. Так, например, только в первой половине 2019 г. были приняты на хранение и пополнены новыми документами личные фонды Анатолия Алексина, Татьяны Бек, Вл. Войновича, Ларисы Васильевой, Вл. Дудинцева, Вяч. Вс. Иванова, Наума Коржавина, Як. Костюковского, основателя московского концептуализма и второго русского авангарда Вс. Некрасова, легендарного переводчика Риты Райт, поэта Владимира Соколова.

работы стала 100% оцифровка описей и их размещение в 2017 г. на сайте РГАЛИ (www.rgali.ru). В архиве ведутся две базы данных: «Электронный каталог РГАЛИ» на базе ПИК «КАИСА-Архив» (представлена в локальной сети и на сайте архива) и «Электронные описи РГАЛИ». Значительными объемами информации по результатам оцифровки описей – БД «Электронные описи РГАЛИ» – сайт РГАЛИ пополняется 1 раз в год.

С помощью электронного каталога, размещенного на сайте РГАЛИ, пользователи через личный кабинет в удалённом доступе проводят заказ документов для работы в читальных залах архива с учётом наличия микрофильмов документов. Постоянно растущие запросы пользователей в сфере доступа к архивной информации и качества получаемых услуг, обуславливают необходимость совершенствования всех уровней взаимодействия между архивом и пользователями и создание новых структур, в т. ч. автоматизированных, которые осуществляли бы информационное консультирование. Эта работа велась по целому ряду направлений:

- внедрение специализированного программного обеспечения и современных универсальных инструментов комплексной информатизации архивных процессов и услуг (КАИСА Архив, АИС «Запросы» и др.), позволяющих осуществлять оперативный контроль всех направлений деятельности по использованию документов (исполнение социально-правовых и тематических запросов граждан, оказание платных услуг и т. д.);
- ведение и модернизация сайта архива, в том числе постоянная оптимизация его пользовательского интерфейса, внедрение в работу сайта действенных и понятных инструментов для научно-информационного обслуживания пользователей (электронный каталог, личный кабинет с функцией удаленной подачи требований, оперативная связь с администрацией и т. д.);
- повышение качества оказания всех видов услуг (оптимизация сроков исполнения, расширение спектра предоставляемых услуг, налаживание коммуникации, рост профессиональных компетенций исполнителей и исполнительской дисциплины);
- налаживание постоянной «обратной связи» с пользователями посредством личных коммуникаций, анализа обращений граждан, анкетирования и других инструментов.
- модернизация форм использования архивных документов посредством «Электронного читального зала»: в читальных залах оборудованы места для просмотра электронных копий документов и для работы в электронном каталоге. Цифровые копии документов из фонда пользования предоставляются исследователям в читальных залах архива.

РГАЛИ давно зарекомендовал себя не только хранителем и популяризатором, но и активным публикатором, занимаясь подготовкой документальных изданий на основе проблематизации фондов архива. На протяжении многих десятилетий РГАЛИ ведет активную работу по изучению и публикации документов личного происхождения, продолжая традиции исследования мемуарного³

³ Кузмин М.А. Дневник. Т. 1: 1905–1907. СПб., Изд. Ивана Лимбаха, 2000; Т. 2. 1908–1915. СПб., Изд. Ивана Лимбаха, 2005; Цветаева М.И. Записные книжки: В 2 т. М.: Изд. Элис Лак, 2001; Шаламов В.Т. Воспоминания. М., 2001; Бердяева Л. Профессия: жена философа: [Дневники]. М., 2002; Лешков Д.И. Партер и карцер: Воспоминания офицера и театрала. М., 2004; Мочалова О.А. Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах: Воспоми-

и эпистолярного наследия⁴. Использовался трехфазный цикл подготовки издания, который начал применяться с 2008 г. Первый – научная подготовка рукописи (обсуждение на Редакционном совете и утверждение на Научном

нании. Стихи. М., 2004; Розанов Н.П. Воспоминания старого москвича. М., 2004; Шаламов В.Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004; Эфрон Г. Дневники: В 2 т. М., 2004; Музы в шинелях: Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны: Документы, тексты, воспоминания. М., 2006; Андреев Л.Н. Дневник 1897–1901 гг. М., 2009; Зимин С.И. Записки оперного антрепренера. М.: Поколение, 2013; Довженко А.П. Дневниковые записи 1939–1956 гг. Киев, 2013; Ремизов А. Дневник мыслей. 1943–1957 гг. Т. I. Май 1943 — январь 1946. СПб., 2013; Т. II. Январь 1946 — март 1947/отв. ред., автор вступ. ст. А.М. Грачева; подг. текста О.А. Линденберг; коммент. А.М. Грачевой, Л.В. Хачатурян. СПб.: «Пушкинский Дом», 2015; Т. III. Март 1947 — февраль 1950/отв. ред., автор вступ. ст. А.М. Грачевой; подг. текста О.А. Линденберг; коммент. А.М. Грачевой, Л.В. Хачатурян. СПб.: «Пушкинский Дом», 2019; Берггольц О. Блокадный дневник (1941–1945)/Сост. Н.А. Стрижкова, комм. Н.А. Громовой, А.С. Романова. — СПб.: Вита Нова, 2015; Ольга Берггольц. Мой дневник. Т. I: (1923–1929)/Сост., предисл., примеч. Н.А. Стрижков, комм. О.В. Быстровой, вст. ст. Т.М. Горяевой — М.: Кучково поле, 2016; Т. II: (1930–1941)/Сост., предисл., примеч. Н.А. Стрижковой, комм. О.В. Быстровой, вст. ст. Т.Ю. Красовицкой — М.: Кучково поле, 2017.

⁴ Цветаева М. Письма к Константину Родзевичу/Росархив, РГАЛИ, Музей М.И. Цветаевой в Болшево, Ком-т по культуре г. Королева Московской обл., Ульяновская региональная общественная организация «Порядок. Перемены. Надежность»; сост. Е.Б. Коркина. — Ульяновск: «Ульяновский Дом печати», 2001; Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970/ИМЛИ РАН, Федеральная архивная служба России, РГАЛИ; отв. ред. Т.В. Балашова, ред. Е.В. Бронникова. — М.: ИМЛИ, 2002; Шмелёв И.С., Бредиус-Субботина О.А. Роман в письмах: в 2 т. Т. I: 1939–1942/Федеральная архивная служба России, РГАЛИ; предисловие, подготовка текста, комментарии прот. Г. Красноцветов, О.В. Лексина, С.А. Мартынова, Л.В. Хачатурян. — М.: РОССПЭН, 2003; Цветаева М., Гронский Н. Несколько ударов сердца: письма 1928–1933 годов/Федеральное архивное агентство, РГАЛИ; предисловие, подготовка текста, примеч. Ю.И. Бродовская, Е.Б. Коркина. — М.: Вагриус, 2004; Цветаева М., Пастернак Б. Души начинают видеть: письма 1922–1936 годов/Федеральное архивное агентство, РГАЛИ; предисловие, подготовка текста, примеч. Е.Б. Коркина, И.Д. Шевеленко. — М.: Вагриус, 2004; Шаламов В.Т. Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела/сост., примечания, предисловие И.П. Сиротинская. — М.: Эксмо, 2004; Ём А.Л. Срезневский В.И. Переписка. 1911–1936/Федеральное архивное агентство, РГАЛИ, Ин-т славяноведения РАН, Literární archive Památníku národního písemnictví (Praha); сост. М. Бабеникова, А.Н. Горюнов; сверка текста Е.В. Бронникова, Т.Л. Латыпова. — Брно: Славистическое общ-во Франка Вольмана, 2005; Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. — М.: Слово/Slovo, 2005. Т. VII: Письма 1905–1926/РГАЛИ, РО ГМИИ, РО ГЛМ, РО ИРЛИ, РО ИМЛИ; сост., комментарий Е.В. Пастернак, М.А. Рашковская; Т. VIII: Письма 1927–1934/РГАЛИ, РО ГМИИ, РО ГЛМ, РО ИРЛИ, РО ИМЛИ; сост., комментарий Е.В. Пастернак, М.А. Рашковская; Т. IX: Письма 1935–1953/РГАЛИ, РО ГМИИ, РО ГЛМ, РО ИРЛИ, РО ИМЛИ; сост., комментарий Е.В. Пастернак, М.А. Рашковская; Т. X: Письма 1954–1960/РГАЛИ, РО ГМИИ, РО ГЛМ, РО ИРЛИ, РО ИМЛИ; сост., комментарий Е.В. Пастернак, М.А. Рашковская; Шмелёв И.С., Бредиус-Субботина О.А. Роман в письмах: в 2 т. Т. 2: 1942–1950/Федеральное архивное агентство, РГАЛИ; предисловие, подготовка текста и комментарий А.А. Голубкова, О.В. Лексина, С.А. Мартынова, Л.В. Хачатурян. — М.: РОССПЭН, 2005; Шмелёв И.С., Бредиус-Субботина О.А. Роман в письмах. Т. 3 (доп.): Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Незвестные редакции произведений. Ч. 1/Федеральное архивное агентство, РГАЛИ; подготовка текста, комментарий А.А. Голубкова, О.В. Лексина, С.А. Мартынова, Л.В. Хачатурян. — М.: РОССПЭН, 2005; Tsvetaeva M., Gronski N. Cet Été-là: Correspondances 1928–1933/Trad. du russe. — Paris: Éditions des Syrtes, 2005; Шмелёв И.С., Бредиус-Субботина О.А. Роман в письмах. Т. 3 (доп.): переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Незвестные редакции произведений. Ч. 2/Федеральная архивная служба России, РГАЛИ; подготовка текста, комментарий А.А. Голубкова, О.В. Лексина, С.А. Мартынова, Л.В. Хачатурян. — М.: РОССПЭН, 2006; Tsvetaeva M., Pasternak V. Correspondance. 1922–1936/Trad. du russe. — Paris: Éditions des Syrtes, 2006; Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский: Переписка (1918–1929 годы)/Сост. Т.М. Горяева, Е.В. Кириллина, О.В. Турбина. — СПб.: Изд. Дом «Мир»; М.: РГАЛИ, 2012; Комиссаржевская В.Ф. «Эти огненные письма... Письма В.Ф. Комиссаржевской к Н.Н. Ходотову. СПб.: СПб ГБУК «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства», 2014; Марина Цветаева. Письма. 1928–1932/Сост., подгот. текста Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 2015; П.Г. Васенко: Из творческого наследия (Исследования. Воспоминания. Переписка): Материалы/Вступ. статья, сост., публ. В.В. Митрофанова. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. Гос. ун-та, 2015; Цветаева Марина Ивановна, Пастернак Борис Леонидович. Через лихолетие эпохи...: письма 1922–1936 годов/подг. текста, сост., комм. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. — М.: Издательство АСТ, 2016; Цветаева М.И. Письма 1933–1936/сост., подгот. текста, коммент. Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 2016; А.А. Блок — Л.Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917 гг./Редкол. А.В. Лавров (научн. ред.), Е.В. Глухова, Е.В. Бронникова, В.А. Резвый; предисл. Д.М. Магомедова; послесл. Ю.Е. Галаниной; коммент. Ю.Е. Галаниной, Е.В. Глуховой, Е.Е. Чугуновой-Полсон; указат. сост. Е.Е. Чугуновой-Полсон. М.: ИМЛИ РАН, 2017.

совете РГАЛИ); второй – издательский менеджмент, включающий в себя поиск издательской базы, заключение договора, поиск финансовой поддержки, редакционную подготовку; третий – продвижение издания (презентации, участия в книжных ярмарках и конкурсах).

За последние пять лет было подготовлено к печати и опубликовано в общей сложности 48 изданий, в том числе 13 изданий – совместно с научно-исследовательскими институтами. Постоянными партнерами РГАЛИ в подготовке публикаций архивных документов выступают такие академические структуры, как Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Институт русской литературы «Пушкинский дом» РАН и др. Нарботаны устойчивые связи с рядом крупных издательств, в том числе, с издательствами «РОССПЭН», «Кучково поле», «Искусство XXI век», «Арт-Волхонка», «АСТ» и многими другими.

Продвижению изданий архива способствует регулярное участие в книжных ярмарках. Ежегодно РГАЛИ принимает участие во всех крупнейших мероприятиях этой направленности: книжном фестивале «Красная площадь», Московской международной книжной выставке-ярмарке, Международной ярмарке интеллектуальной литературы Non/fiction и др. Архив представляет на своём стенде последние новинки и издания прошлых лет, организует презентации своих изданий с участием авторитетных спикеров.

Общественное признание изданий РГАЛИ ярко демонстрирует тот факт, что они неоднократно становились номинантами и лауреатами престижного ежегодного Национального конкурса «Книга года» под эгидой Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Так, в 2014 г. в номинации «Humanitas» победителем стал документально-художественный альбом РГАЛИ «Лермантовъ», а в 2016 г. издание «Блокадного дневника» О.Ф. Берггольц получило главную премию конкурса и завоевало статус «Книги года».

В 2014 г. подготовленное РГАЛИ издание дневников Александра Довженко «Дневниковые записи, 1939–1956» получило приз Гильдии киноведов и кинокритиков России в номинации «История кино».

В настоящее время можно говорить о том, что благодаря последовательной работе, РГАЛИ, активно демонстрируя свою открытость новым культурным и образовательным инициативам, устойчиво встроена в культурную матрицу. По многим направлениям деятельности, связанным с исполнением функций популяризатора отечественного документального наследия, архив выступает в качестве первооткрывателя. Сформирована новая целевая аудитория, заинтересованная в доступе к архивной информации и в участии в проводимых архивом мероприятиях. Выработаны подходы к созданию на основе архивных документов РГАЛИ качественных образовательных, событийных и информационных продуктов в динамичных, понятных и удобных для широкой аудитории форматах. Дистанционное знакомство отечественной и зарубежной публики с сокровищами РГАЛИ обеспечено за счёт постоянного присутствия архива на таких востребованных интернет-порталах, как «Год литературы», «Arzamas» и др. Ежегодно на этих и других электронных ресурсах выходит не менее 50 публикаций с использованием документальных источников РГАЛИ.

Реализация музейно-экспозиционного вектора развития РГАЛИ продолжалась не только в традиционных форматах (предоставление экспонатов из собрания архива на сторонние выставки, создание собственных концептуальных выставок, развитие партнерских отношений с ведущими российскими и зарубежными музеями и т. п.), но и воплотилось в новой системе взаимодействия. В 2016 г. РГАЛИ был принят в две авторитетные неправительственные организации — Союз музеев России и International Council of Museums (ИКОМ), получив, тем самым, доступ к образовательным и организационным ресурсам этих мощных музейных объединений. Регулярное участие представителей РГАЛИ в их работе позволяет следить за повышением профессиональных стандартов, выходить за рамки привычных форматов и развивать межсекторное взаимодействие.

Главным прорывом в реализации музейного потенциала РГАЛИ стало открытие в ноябре 2017 г. выставочного зала, оснащённого необходимым выставочным и мультимедийным оборудованием. Почти за два года существования выставочный зал РГАЛИ стал востребованной культурной площадкой, обеспечивающей архиву возможность не только демонстрировать подлинные экспонаты из своего собрания, но и развивать равноправные партнерские отношения с различными музеями, проводить тематические вечера, круглые столы, конференции, творческие встречи и специальные мероприятия. С открытием выставочного зала РГАЛИ также взял на себя немаловажную социальную и просветительскую функцию по отношению к жителям прилегающих территорий, находящихся на периферии культурной жизни столицы.

К настоящему моменту в выставочном зале РГАЛИ самостоятельно и совместно с крупными музеями реализовано уже пять выставочных проектов. Можно уверенно говорить о том, что для сотрудников архива выставочный зал стал действенным инструментом освоения новых музейных практик и выработки нового формата экспозиционной деятельности, повышения своего профессионального уровня, наконец, выработки модели перспективного архивно-выставочного продукта.

Деятельность архива в XXI веке характерна нацеленностью на применение программного проектирования и выработки механизмов их реализации. РГАЛИ пока единственный федеральный архив, развивающийся на основе разработанной и утвержденной Федеральным архивным агентством Концепции. В 2003 г. была утверждена «Концепция развития РГАЛИ на 2003–2012 гг.» и после её выполнения — «Концепция развития РГАЛИ на 2014–2023 гг.» [Решение Коллегии Росархива от 28 мая 2014 г. «О проекте Концепции развития РГАЛИ». Опубликовано на сайте Росархива (http://archives.ru//cjrdatijn//kollegif-rgali-28-0502014_shtml)] [<http://rgali.ru/obj/12197437>]. Для реализации поставленных задач используются следующие механизмы:

- бюджетное финансирование;
- целевое бюджетное финансирование для реализации утверждённого проекта в рамках программы Концепции;
- участие в консультативных органах государственной власти и других институтах гражданского общества (Совете при Президенте Российской

Федерации по русскому языку, Организационном комитете по поддержке литературы, книгоиздания и чтения в Российской Федерации, оргкомитеты юбилейных мероприятий, Союзе музеев России);

— сотрудничество с отечественными и зарубежными архивами, музеями, учреждениями культуры, академическими и отраслевыми научно-исследовательскими и учебными заведениями;

— привлечение средств на основе сотрудничества с коллекционерами и представителями российского бизнеса;

— последовательная оптимизация штатной численности РГАЛИ в сторону усиления наиболее значимых участков работ;

— совершенствование структуры управления РГАЛИ с учётом развития таких направлений деятельности, как информационная коммуникация и выставочная деятельность;

— повышение квалификации сотрудников архива;

— повышение эффективности деятельности всего архива в целом с учётом всех показателей — качество и сроки выполнения работ, исполнительская и трудовая дисциплина.

Важнейшим фактором сохранения культурных ценностей является внутренняя и внешняя безопасность, которая включает надёжность материально-технической базы, противопожарной и охранной защищённости зданий архивохранилищ. Имея в виду, что архив располагается в двух корпусах зданий, построенных в середине прошлого века (ул. Выборгская, 3, корп. 1–2), к началу 2000-х годов все имеющиеся технические, офисные помещения и коммуникации были крайне изношены и требовали замены. Начиная с 2003 г., в РГАЛИ осуществлялась постепенная модернизация всего комплекса зданий: проведён ремонт и модернизация 9 из 16 хранилищ (техническое обследование, демонтаж деревянных стеллажей, ремонт, замена электрики, монтаж новых вентиляционных коробов, установка противопожарных дверей, установка металлических стеллажей, модернизация охранной сигнализации). Оборудовано специализированное хранилище для микрофильмов фонда пользования. Параллельно с модернизацией была проведена оптимизация хранения путем перемещения документов в соответствии с разработанным планом в целях рационального размещения архивных фондов, налажено качественное хранение произведений живописи, а также оборудовано специализированное хранилище печатных изданий. Все работы проводились в строгом соответствии с предписаниями Госпожнадзора МЧС России, что привело к сокращению архивной полки на более чем на 10%. Так, по данным паспортизации на 2016 г., длина архивной полки составляла 26828 пог. м, по данным на 01.01.2019 г., она сократилась до 25419 пог. м. И в дальнейшем, по мере реконструкции остальных хранилищ процесс сокращения площадей для хранения будет продолжаться. Приведены в порядок офисные и рабочие комнаты сотрудников, читальные залы в обоих корпусах. В 2017 г. осуществлён монтаж и ввод в эксплуатацию системы автоматической установки газового пожаротушения (АУГПТ) в хранилищах второго корпуса. Эта работа должна быть продолжена, чтобы оснастить все помещения архива надёжной противопожарной защитой.

Список литературы

1. *Алферов А. Д.* Городская галерея Павла и Сергея Третьяковых (сравнительный очерк развития русской живописи и литературы) // Искусство и науки. 1896. № 1. С. 54.
2. *Ананьев В. Г.* Из истории дискуссий 1920-х гг. об архивном документе как музейном предмете // Отечественные архивы. 2010. № 5. С. 3–11.
3. *Блок А. А.* «Без божества, без вдохновенья» // Блок А. А. Собр. соч. в 6 тт. М., 1984. Т. 4. С. 422.
4. *Бонч-Бруевич В. Д.* Об архивных фондах литературных деятелей // Архивное дело. 1939. № 2 (50). С. 15–27.
5. *Бурова Е. М., Сырченко Л. Г.* Комплектование государственных архивов СССР фондами личного происхождения: Учебное пособие. М.: МГИАИ, 1987.
6. *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства». П., изд. Д. Кожанчикова. 1861. Т. II.
7. *Волкова Н. Б.* Комплектование ЦГАЛИ СССР документальными материалами деятелей литературы и искусства. Доклад на заседании Межведомственного Совета. 1963. СИФ РГАЛИ. № 433 ПМ. С. 1–2.
8. *Волкова Н. Б.* Архивы литературы и искусства. М: Внешторгиздат, 1972.
9. *Волкова Н. Б.* Информационная деятельность ЦГАЛИ СССР. К 50-летию создания // Археографический ежегодник за 1991 год. М.: Наука, 1994. С. 3–15.
10. *Горяева Т. М.* Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти. Дискуссия, вызванная взаимным интересом // Отечественные архивы. 2004 (а). № 6. С. 85–86.
11. *Горяева Т. М.* Проблема собирания документов личного происхождения: как мы ее понимаем сегодня // Отечественные архивы. 2004 (б). № 1. С. 34–39.
12. *Горяева Т. М.* «Одна из оригинальнейших и замечательных реализаций, осуществленных в СССР». (К 70-летию РГАЛИ) // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 27–39.
13. *Горяева Т. М.* «Опыт внедрения цифровых инноваций в РГАЛИ... открывает большие интеграционные перспективы...» // Отечественные архивы. 2013. № 3. С. 80–86.
14. *Горяева Т. М.* «...ЦГАЛИ — это дитя века!» Документы И. С. Зильберштейна о научном подходе к формированию и деятельности архива (1972, 1974 гг.) // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 79–89.
15. Декреты Советской власти. Т. 5. М.: Политиздат, 1971. 701 с.
16. Дневники и воспоминания XVIII–XX вв. в фондах РГАЛИ: Аннотированный указатель. Вып. I. М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.
17. *Зильберштейн И. С.* За создание Центрального литературного музея в Москве // Литературное наследство. 1932. № 3. С. 341–347.
18. *Зильберштейн И. С.* Репин и Тургенев. М.: Из-во АН СССР, 1945.
19. И. С. Зильберштейн. Штрихи к портрету. К 100-летию со дня рождения / Сост. Н. Б. Волкова и др. М.: Наука, 2006.
20. *Коваленская Н. Н.* Некрасов и русская живопись XIX века // Творчество Некрасова по ред. А. Еголина (Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. III. С., 1939. С. 118–144.
21. *Мамонов М. Ф.* Работа по собиранию документов личного происхождения // Советские архивы. 1987. № 4. С. 44–52.
22. *Межова К. Г.* Деятельность В. Д. Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения // Советские архивы. 1973. № 3. С. 37–42.
23. *Межова К. Г.* Источники по архивно-собирательской деятельности В. Д. Бонч-Бруевич (1931–1941 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. 28 с.

24. «Об утверждении «Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети государственных архивов СССР»». Постановление СНК СССР от 29 марта 1941 г. №723. Электронный ресурс: Consultant.ru «cons/cgi/online.cgi?req=doc&base...n».

25. Райхин Д.Я. Художники-реалисты, служившие своему народу (Некрасов и «передвижники») // Литература и школа. 1937. №6. С. 81–100 Российский государственный архив литературы и искусства: Путеводитель. Вып. 8. М.: РОССПЭН, 2004.

26. Сиротинская И.П. Проблемы собирания зарубежной архивной России. (По материалам РГАЛИ) // Культурная миссия Русского Зарубежья: История и современность. Сборник статей. М.: Российский институт культурологии, 1999. С. 131–135.

27. Сырченко Л.Г. Личные фонды деятелей русской литературы и искусства в архивах СССР. М.: МГИАИ, 1975. 168 с.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.004

Иллюстрации

Рис. 1. Общий вид здания Российского государственного архива литературы и искусства.

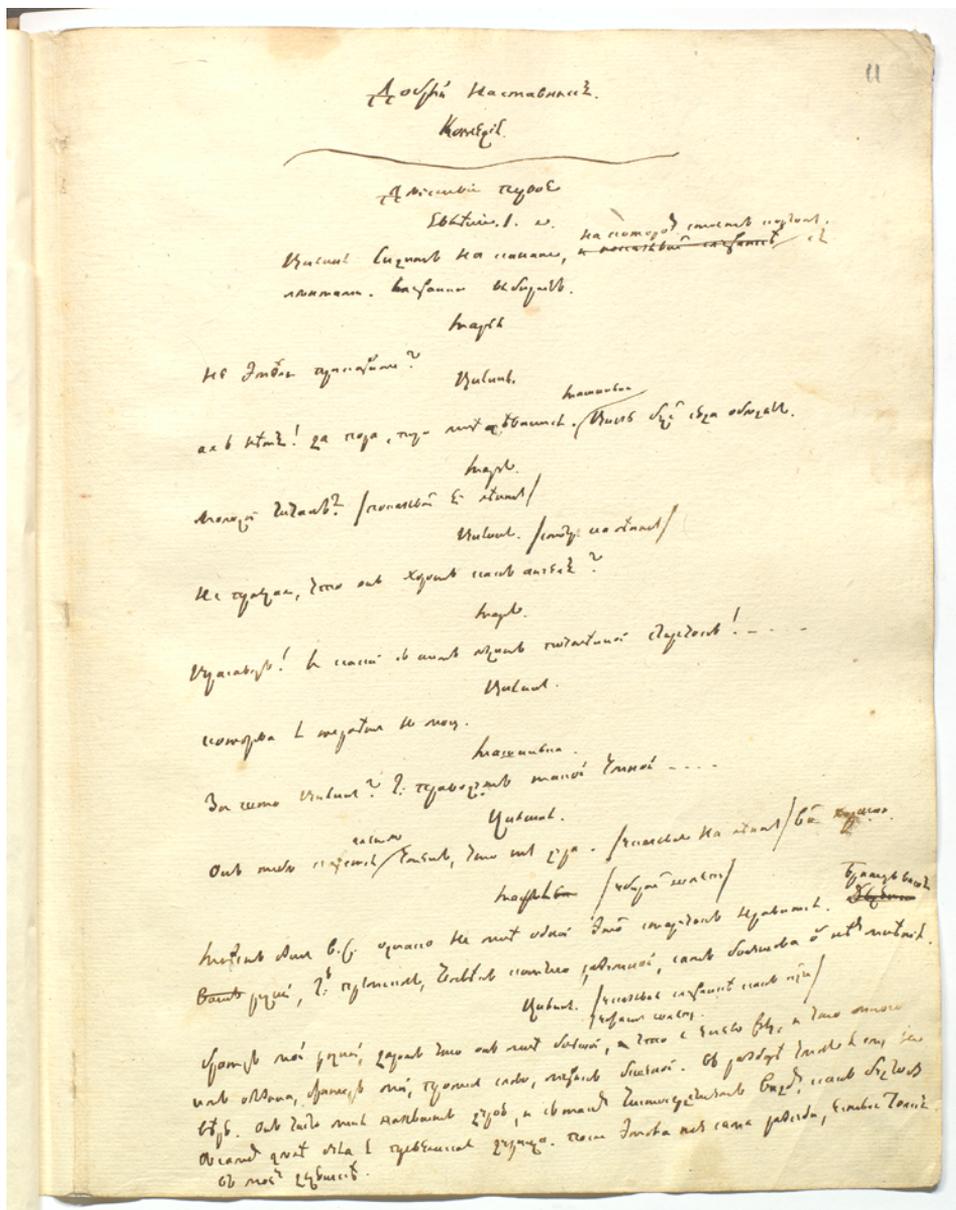

Рис. 2. Д. И. Фонвизин. Тетрадь с черновыми записями и набросками комедии «Добрый наставник», статей для журнала «Друг честных людей, или Стародум», поэмы «Смерть Авелева» и др. Конец 1770-х — 1780-е гг. Автограф.

Рис. 3. К. А. Коровин. «Парижская улица». Эскиз. С дарственной надписью автора А. Е. Львову в правом нижнем углу. [Конец 1900-х — начало 1910-х гг.] Холст, масло.

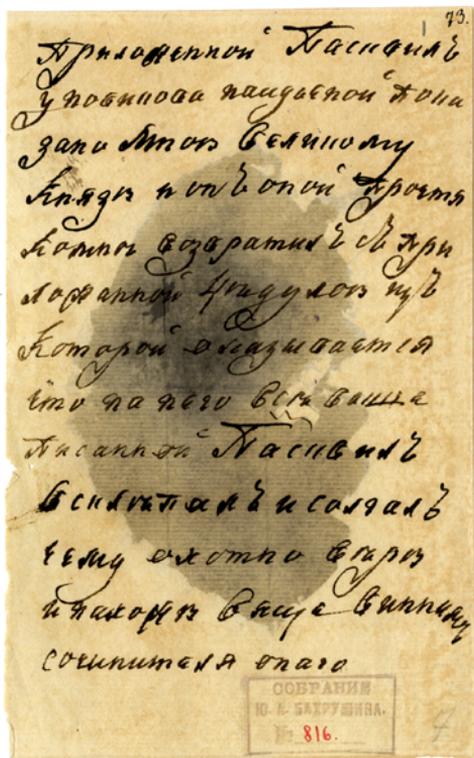

Рис. 4. Записка императрицы Екатерины II о сочинениях («Пасквиле») Н.И. Новикова. 1792 г. Автограф.

1

Милостивый Государь мой
Иванъ Петровичъ!

Здесь въ театре нынѣ поставленъ Киртиса
гдѣ на сценѣ Сиракиа — Пис 2 р. тысячу,
Касъ то гуадитса П. Сиракиевская въ
Гипоста — Архидиатаръ Т. Казановъ
у Гаракиа, и въ это время Сиракиа въ
9 р. тысячу — въ мою книгу въ
театре нынѣ поставленъ. Еще
мнѣ гдѣ въ 12 р. и въ отъиствѣ,
мнѣ гдѣ отъиствѣ, да въ Гипоста
каждый Киртисъ Казановъ —
Ваше ступенкаго атеиста

24, Июл. Всѣмъ вамъ
М. Херасковъ

Во имя на васъ въ театре поставленъ

Рис. 5. М. М. Херасков. Письмо И. П. Тургеневу. [1790-е гг.] Автограф.

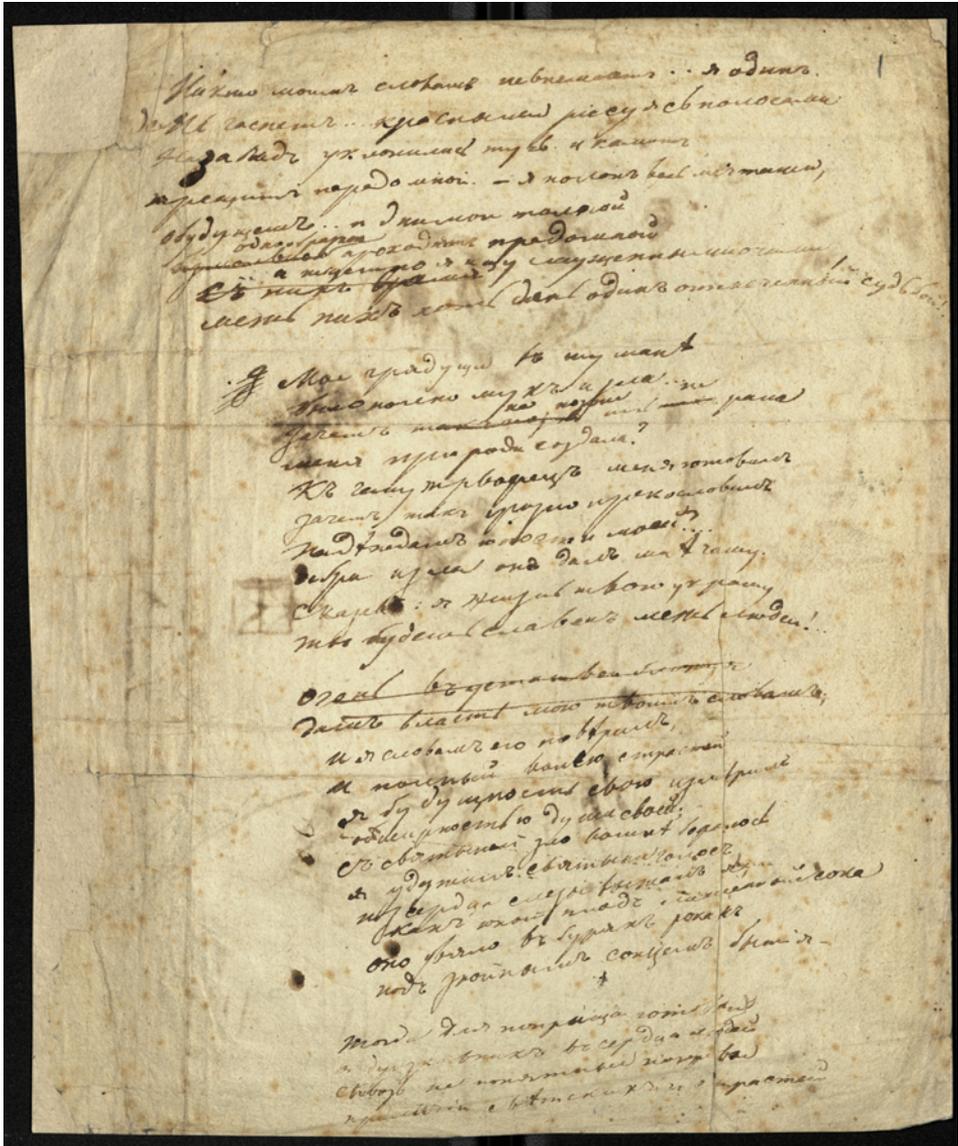

Рис. 6. М. Ю. Лермонтов. «Никто моим словам не внемлет...». Стихотворение. [1837 г.] Автограф.

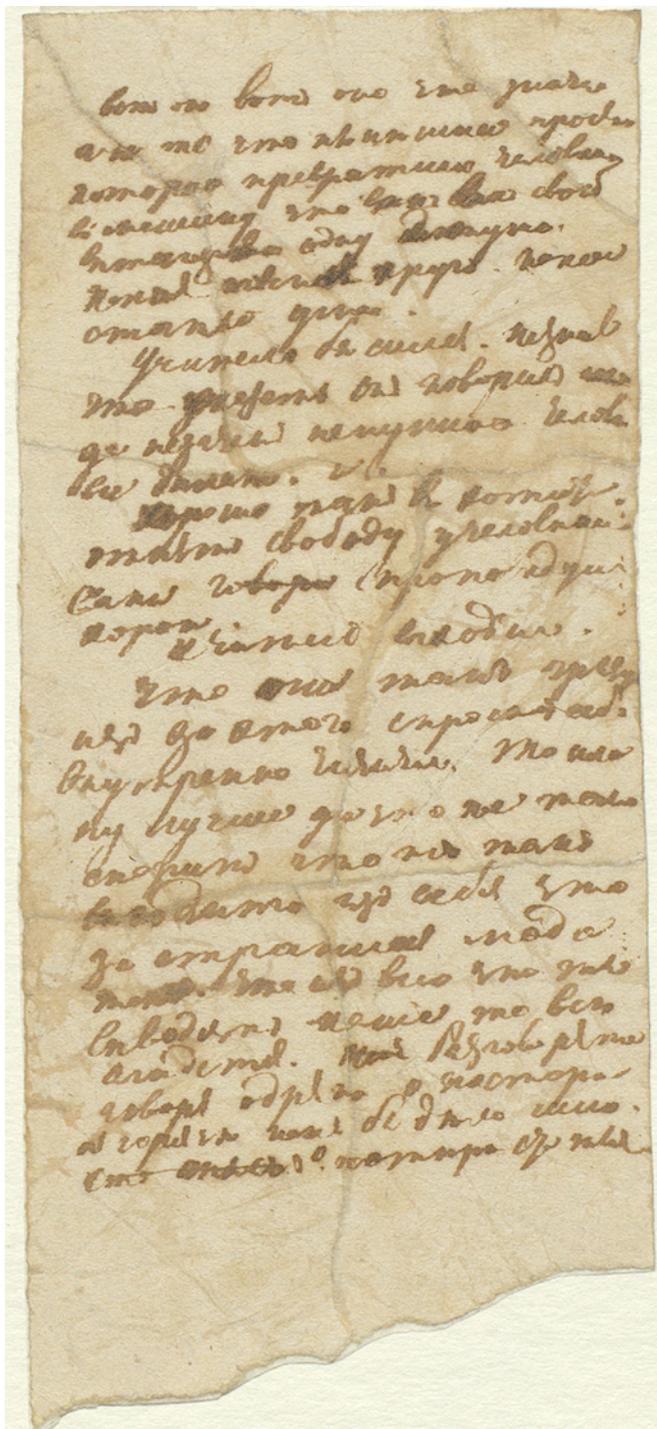

Рис. 7. Н. В. Гоголь. «Мертвые души». Часть II. Орывок, начинающийся словами «...вот оно, вот оно, что значит...». Б/д. Черновой автограф.

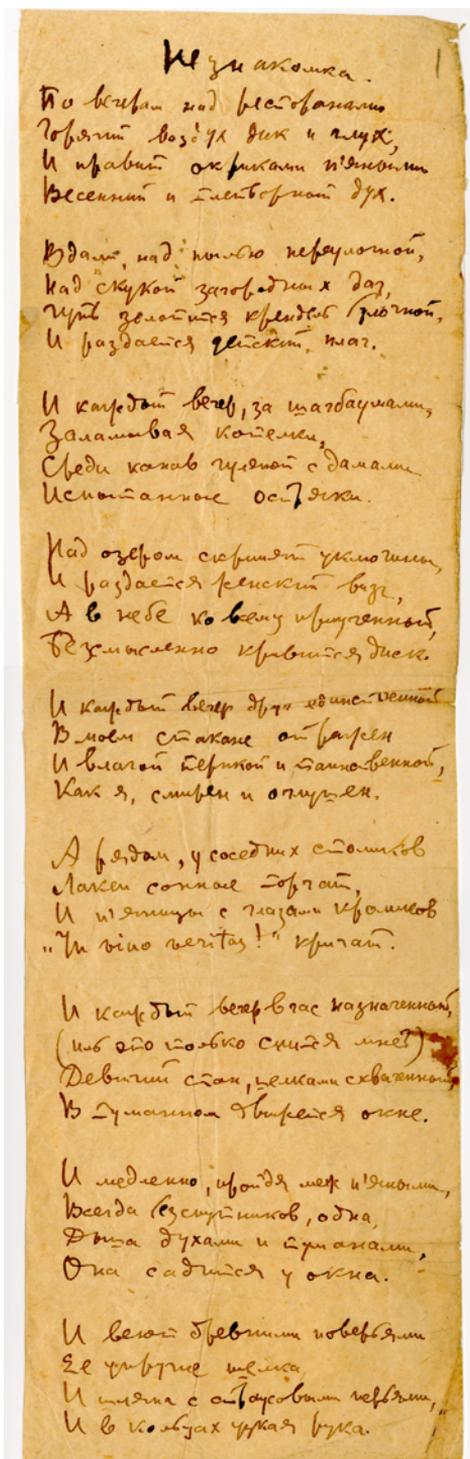

Рис. 9. А. А. Блок. «Незнакомка». Стихотворение. 1920 г. Автограф.

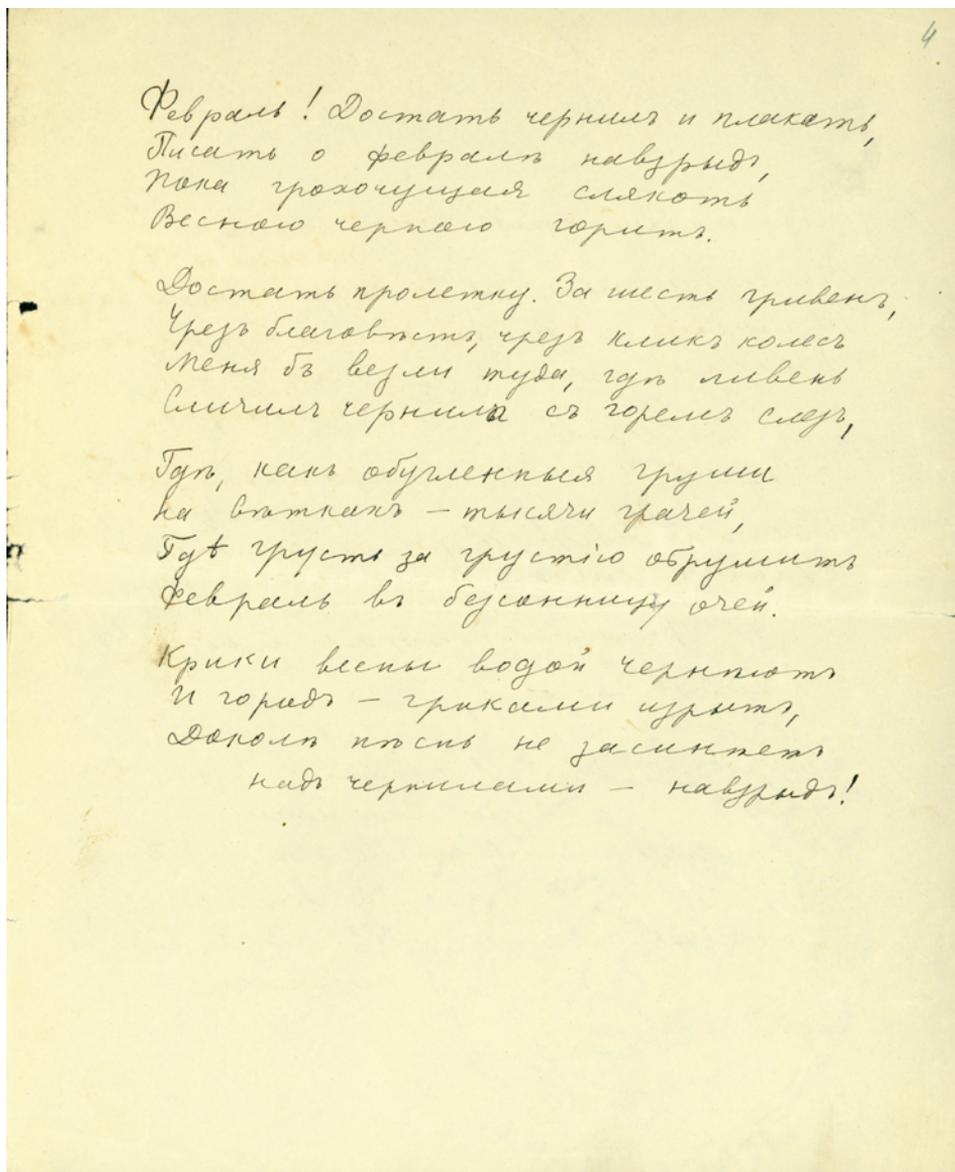

Рис. 10. Б.Л. Пастернак. «Февраль. Достать чернил и плакать...» Стихотворение. Вариант. 1912 г. Автограф.

I-180

В. Высоцкий¹
(тект. музыка)

Кони привередливые.

I Вдоль обрыва, по над пролазью, по самому
по краю
Я коней своих нагайкою етсгаю-погоняю,
это-то воздуху мне мало, ветер йбю,
Тую с шибелками воейторгом: Прюадаю! Прюадаю
туман платую,
зуть бошесденнее, кони, зуть бошесденнее.
* Вы туюю не слушайте йлеть!
Но это-то кони мне бошались привередливы
** И дохите не уейтл, мне дохите не уейтл
И коней мейаю
Я шуйлет дохето
Хоть маленького ечсй пошетою на краю?

II Скну я, меня пущинкой ураган сметит
с ладони,
И в санях меня галойом повлескут по
снегу уйром.
Вы на шаг неторойливый йперейдите
мои кони!
Хоть маленького, но йродните путь к пошесд-
нелю йрикоу!

III Эль уейтли- в гести к Богу не бивает ойвозранча
это не там ангелы боют такими злани голасам.
Или это копоковчик всеб зашислсся ит
раданый?
Ири я кригу коням, чтоб не носли так бы-
стро сами.

* Не указники Ваш кнут и йлеть
* Умолите Все вкате не лететь
** Коль дохите не уейтл, так хоть бы дохеть!

Рис. 12. В. С. Высоцкий. «Кони привередливые». Стихотворение. 1971 г. Автограф.

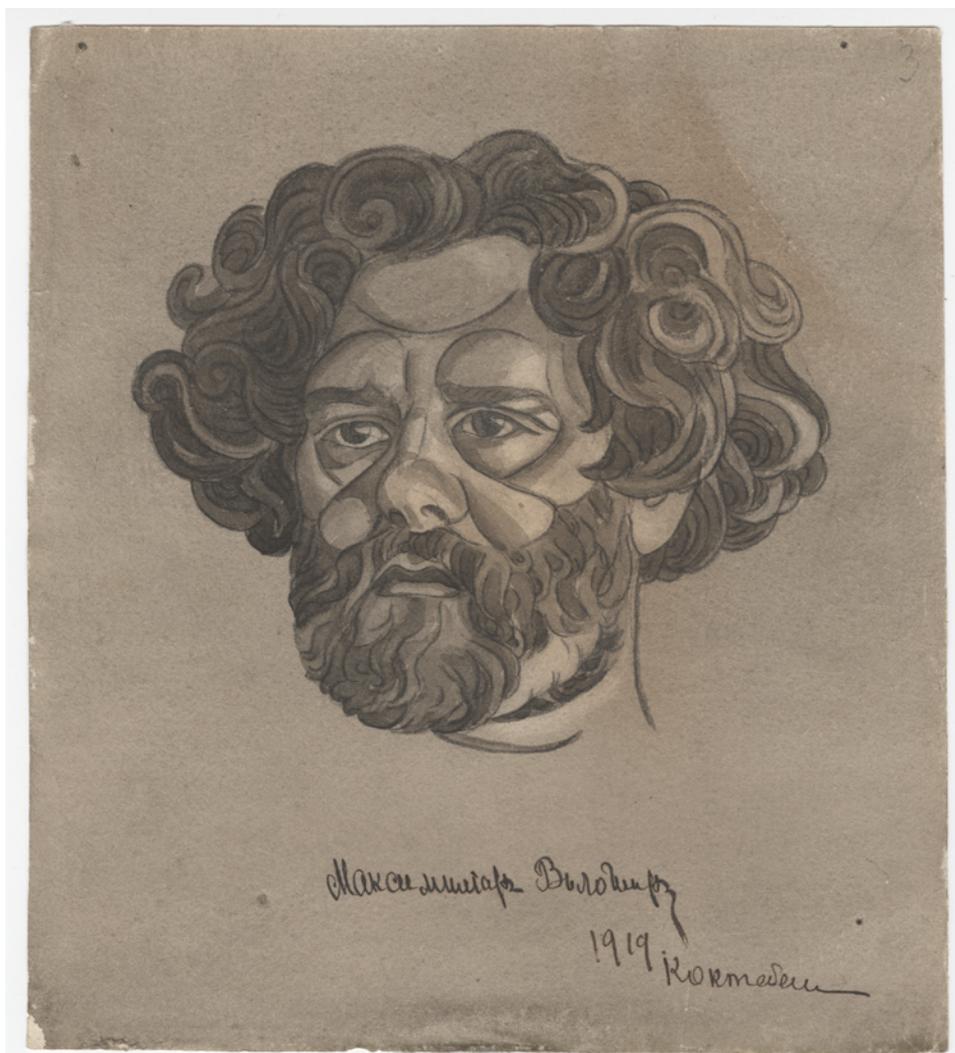

Рис. 13. М. А. Волошин. Автопортрет. 10 ноября 1919 г. Бумага, акварель.

Рис. 14. К. М. Зданевич. Портрет А. Е. Крученых. 1910–1920-е гг. Графитный карандаш, черный карандаш, акварель.

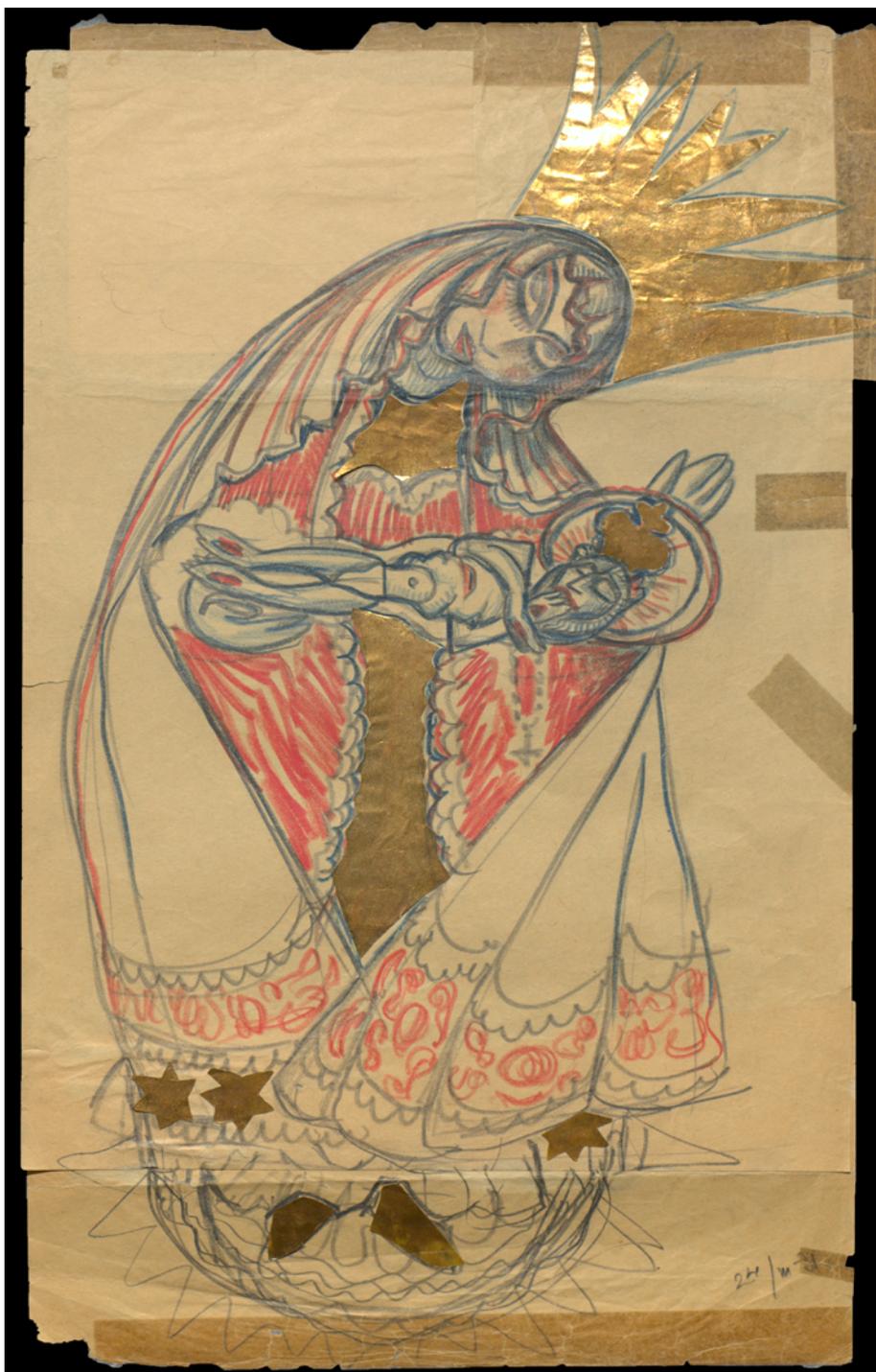

Рис. 15. С. М. Эйзенштейн. «Мадонна». Рисунок. 24 марта 1931 г. Бумага, цветной карандаш, аппликация.

Рис. 16. С.В. Малютин. «Царевна-Лебедь». Иллюстрация к сказке А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане». 1901 г. Бумага, акварель.

Рис. 17. В. Е. Татлин. «Лежащая натурщица». 1912 г. Холст, масло.

Рис. 18. В. Е. Татлин. «Череп на раскрытой книге». Натюрморт. 1948–1953 гг. Холст, масло.

От фольклорных экспедиций до интерпретаций: Фонограммархив Пушкинского Дома и петербургская школа фольклористики

В. Е. Багно, А. Ф. Некрылова

Памятники фольклора, причём не только русского, и исследования фольклора народов Российской империи и народов мира были в Пушкинском Доме с первых дней его существования, т. е. с начала XX века.

Подобные издания имеются и в составе личной библиотеки А. С. Пушкина, с приобретения которой Пушкинский Дом и ведёт своё начало. На многих из этих книг есть пометы поэта.

Состав личной библиотеки имеет первостепенное значение для изучения творческой биографии писателя. Своеобразие творческой индивидуальности Пушкина, по-видимому, состояло в том, что поэт умел откликаться не только на саму реальность, но и на ту реальность, которую он в отражённом виде находил в книгах. Именно поэтому столь большое значение, возможно, большее, чем для всех его современников, для него имела личная библиотека. Книги русских и зарубежных учёных и путешественников по истории, фольклору, этнографии, географическому положению и культуре различных регионов как России, так и Западной Европы, Кавказа, Сибири, Дальнего Востока и Китая сыграли огромную роль в формировании Пушкина, проницательного исторического и политического мыслителя, формировали его оригинальные общественно-политические, исторические и историософские взгляды.

Великими учёными-пушкинодомцами, В. Я. Проппом, В. М. Жирмунским, М. К. Азадовским, Б. Н. Путиловым, А. М. Астаховой, В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачевым были заложены основы петербургско-ленинградской школы изучения народного творчества. Эта школа выстояла и сохранилась, несмотря на разного рода препятствия и разного рода компании, не в последнюю очередь благодаря личным библиотекам учёных, которые в отличие от людей, неподвластны обстоятельствам и давлению. В этом смысле Отделу народного творчества можно позавидовать. Здесь хранится книжное собрание академика Сергея Федоровича Ольденбурга, неперменного секретаря Академии наук в течение четверти века, в которой немало редчайших книг по фольклору. В 1972–1973 гг. в Пушкинский Дом, в Отдел народного творчества, поступила часть книжного собрания В. М. Жирмунского (около 5 тыс. томов). В собрании представлены книги по теоретическим проблемам фольклористики, сравнительному народоведению, зарубежному народному творчеству. В 2009 г. Фонд Д. С. Лихачева приобрёл у вдовы Б. Н. Путилова его богатейшую библиотеку и подарил её Пушкинскому Дому. В отдельные разделы в ней выделены научные исследования и сборники фольклорных текстов всех славянских народов, а также литература по культуре аборигенов Новой Гвинеи, Полинезии, которую

учёный смог изучать во время участия в экспедиции по следам Н. Н. Миклухо-Маклая в 1971 г. На основе библиотеки Путилова создан Центр сравнительного народоведения. Его деятельность осуществляется при участии зарубежных коллег и коллег из других учреждений России.

В Рукописном архиве ИРЛИ находится богатейшее собрание фольклорного материала — полевые записи фольклорных произведений, полученные в результате многочисленных экспедиций, дневники, комментарии собирателей.

Но главное — при Отделе народного творчества в 1939 г. был создан Фонограммархив, составляющий славу Пушкинского Дома. Этномузыковедческий фонограммархив, наряду с Литературным музеем, Рукописным отделом и Древлехранилищем, — одно из базовых подразделений института, бесценный фундамент научных исследований и публикаций.

Фонограммархив содержит записи, осуществленные ещё в конце XIX — начале XX вв. на восковых валиках, с помощью фонографа Эдисона, записи на восковых пластинках, а также более поздние записи на магнитных лентах, виниловых пластинках и, наконец, современные, сделанные с помощью цифровых технологий. В настоящее время в фонде хранится 6737 фонографических цилиндров, свыше 300 восковых дисков, более 3000 магнитофонных оригиналов. Фонограммархив является обладателем обширного и разнообразного фонда звукозаписей фольклора более чем 100 народностей.

Исторические коллекции Пушкинского Дома (восковые валики и диски) в 2001 г. включены в мировой регистр **программы ЮНЕСКО «Память Мира»**. Полученный статус обязывает Пушкинский Дом к обеспечению надлежащих форм хранения раритетных материалов, к расширению доступа к ним специалистов различного профиля.

За годы существования Фонограммархива его фондом воспользовались тысячи специалистов: фольклористов, этнографов, этномузыковедов, лингвистов; подготовлено множество книг, диссертаций, научных статей. С 1983 г. издаются аудиоматериалы в серии «Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома». Фонограммархив обеспечивает звуковыми приложениями труды Отдела народнопоэтического творчества и других изданий. Осуществляются публикации в содружестве с зарубежными партнерами.

С середины 1970-х гг. при Фонограммархиве была создана Лаборатория звукозаписи и звуко реставрации. Усилиями сотрудников этой Лаборатории информация с восковых цилиндров была переписана на магнитофонные ленты.

В 2007 г. на базе звуковых коллекций Фонограммархива Пушкинского Дома создан Национальный электронный звуковой **Депозитарий**. Осуществление проекта стало возможным при финансовой поддержке Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа; кураторами работы выступили академики Ж. И. Алферов, Н. Н. Казанский, профессор Тьерд де Граф (Нидерланды). Сотрудниками Фонограммархива и Пушкинского Дома осуществлено заполнение депозитария уникальными фольклорными записями народов России. База данных включает более 4000 фонограмм и 2000 графических образов.

В 2008–2009 годах произведена закупка оборудования, создано специализированное программное обеспечение, выполнялись работы по оцифровке звукозаписей и сканированию графической и текстовой информации. Однако сейчас необходимо обновление техники — вышли из строя магнитофоны, нужен работающий граммафон, без чего невозможно продолжение оцифровки материалов. Причём это не терпит отлагательства, поскольку магнитные ленты размагничиваются, пересыхают и начинают рассыпаться, а воспроизведение записей на валиках требует соответствующей аппаратуры, на которой производилась запись. Следует учесть, что эксплуатация оригинала вызывает дополнительные повреждения хрупкого носителя. В связи с этим появляется необходимость в приобретении бесконтактной аппаратуры для перезаписи восковых цилиндров и дисков на новом техническом уровне.

Фонограммархив ИРЛИ имеет широкие **международные связи**. Так, с 1993 г. установлены творческие контакты с Венским Фонограммархивом Австрийской академии наук, который передал в Пушкинский Дом фонограф нового образца и при содействии которого осуществлена перезапись части восковых дисков. Совместно с нашими немецкими коллегами было подготовлено и опубликовано в Германии пушкинодомское собрание еврейского фольклора и богатейшая коллекция фольклора российских немцев, собранная В. М. Жирмунским в 1920-е гг.

Фонограммархив принял участие в совместном российско-австрийско-нидерландском проекте (при финансовой поддержке Британской Библиотеки)¹.

- В рамках международного сотрудничества Фонограммархива осуществлены такие издания, как:

- Архивы языков России. Сборник отчётов по проекту INTAS № 94–4758. СПб.; Гронинген, 1996 (под руководством Л. В. Бондарко и Тьерда де Графа);

- Серия «Russian Folk Traditions». 16 CD-дисков. Пушкинский Дом, Норманн Росс. Norman Ross Publishing Ins. 2000;

- Серия «Non-Russian Folk Traditions». 12 CD-дисков. Пушкинский Дом, Норманн Росс. NormanRossPublishingIns. 2000;

Один из последних примеров международного сотрудничества — совместная работа пушкинодомских музыковедов и инженеров и грузинских фольклористов с редчайшими записями, в работе с которыми и копировании которых были заинтересованы наши коллеги из Академии наук Грузии. Однако в 2008 г. из-за вооруженного конфликта между Россией и Грузией проект не осуществился. И только спустя десять лет удалось к нему вернуться и, наконец, завершить.

В настоящее время осуществляется копирование материалов для Якутии и Казахстана. Заключены договоры на полномасштабное копирование и помощь сотрудников Фонограммархива в атрибутике записей.

Важнейшей формой деятельности сотрудников Отдела фольклора и Фонограммархива является **экспедиционная работа**, которая началась

¹ см. ЕАР089: Safeguarding and preservation of sound materials of endangered languages in the Russian Federation for soundarchives in St. Petersburg (2006–2007 гг.)

с 1939 г. — сразу после включения Сектора народно-поэтического творчества в состав Пушкинского Дома. Огромную ценность представляют материалы экспедиций 1940–1950-х гг. Одна из предвоенных экспедиций (на Псковщину) завершилась в июне 1941 г., буквально за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. В 1990-е годы, к сожалению, фольклорные экспедиции были приостановлены как нецелесообразные. И лишь с 2008 г. они возобновились. При этом стали организовываться двусоставные экспедиции, ориентированные одновременно на собирание как фольклорных записей, так и древнерусских рукописей и книг. Новый опыт оказался в высшей степени удачным, молодые сотрудники и аспиранты института с удовольствием участвуют в этих экспедициях, привозят полноценный, интереснейший материал. Продолжаются традиционные для ИРЛИ экспедиции на Русский Север и Северо-Запад — Архангельская, Вологодская области, Карелия, территория русско-белорусского пограничья. С 2016 г. сотрудники ИРЛИ начали планомерное фольклорное экспедиционное обследование старожильческих поселений русских в Крыму. Первые результаты экспедиций показали, что это — чрезвычайно перспективное направление.

Главная особенность пушкинодомских исследований традиционной культуры состоит в том, что они не сводятся к сугубо теоретическим, историческим трудам, значительная часть исследований — это «прикладная» фольклористика, прежде всего основанная на хранящихся в Пушкинском Доме источниках, документах, текстах, записях. Фольклористами Пушкинского Дома подготовлены и изданы фундаментальные научные труды в академических сериях «Памятники русского фольклора» и «Литературные памятники». Среди них:

- Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. В 3 т. Л., 1949–1951;
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв. М. — Л., 1961 (291 с.);
- Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Л., 1964;
- Исторические песни в 4 томах: Исторические песни XIII–XVI вв. — М. — Л.: АН СССР, 1960–696 с.; Исторические песни XVII века. — М. — Л.: Наука, 1966–385 с.; Исторические песни XVIII века. — Л.: Наука, 1971–356 с.; Исторические песни XIX века. — Л.: Наука, 1973–284 с.;
- Загадки. Изд. подгот. В. В. Митрофанова. — Л., 1968 (255 с., более 5,5 тыс. номеров);
- Русская демократическая сатира XVII века. Изд. подгот. В. П. Адрианова-Перетц. — М., 1977;
- Легенда о докторе Фаусте. Изд. подгот. В. М. Жирмунский. — М., 1978;
- Былины. Русский музыкальный эпос. — М., 1981 (615 с., нот.);
- Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Т. 1–2. — Л., 1983, 1986.

Осуществляются **периодические издания**:

- «Русский фольклор» (с 1956 г. вышли 37 томов);
- «Из истории русской фольклористики» (с 1978 г. вышли 11 выпусков);
- Серия «Мифология и повседневность». С 1998 г. проводятся конференции «Мифология и повседневность», на основе которых выходят одно-

именные сборники. Авторы, опираясь на новые подходы в гуманитарных исследованиях, осуществляют фольклористическое и культурно-антропологическое изучение повседневной жизни.

Именно сотрудники-фольклористы Пушкинского Дома начали и продолжают издания **Библиографического указателя «Русский фольклор»**, в котором учтены все исследования и публикации (научные, популярные, учебно-методические) по русскому фольклору. С 1961 по 2017 г. вышло 11 книг, охватывающих период с 1800 по 1995 г. Поскольку данное издание — единственное в своем роде, потребность в нём в России и за рубежом колоссальна.

В последнее время подготовлен пятитомник **«Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.»** (под ред. Т.Г. Ивановой). Только что вышел из печати последний, 5-й том. Подобных справочников в России нет. Пять томов содержат 2 324 словарных статьи, общий объём издания — более 4,5 тыс. страниц. Словарь даёт представление о масштабной фольклорно-этнографической собирательской деятельности среди всех слоев населения России. Здесь учтены практически все известные фольклористы (собиратели и исследователи устного народного творчества), а также провинциальные краеведы, писатели и композиторы, использовавшие фольклор в своих произведениях.

В основе трудов сотрудников Отдела фольклора ИРЛИ — осознание традиционной культуры как сложнейшего сочетания вербальной, музыкально-инструментальной, материальной, лингвистической (диалектной), исторической, пространственно-географической составляющих. Отсюда — применение комплексного подхода и методик фольклористики, этномузыкологии, а также смежных научных дисциплин: этнография, этнолингвистика, диалектология, история, литературоведение, этносоциология, география.

Законмерно, что именно фольклористы Пушкинского Дома работают над осуществлением грандиозного замысла — созданием **«Свода русского фольклора»**. Идея возникла ещё во второй половине 1930-х гг., но только 6 сентября 1977 г. появилось решение Отделения языка и литературы АН СССР о Своде русского фольклора.

В 2001 г. началось систематическое издание томов свода «Былины». На сегодняшний день из запланированных 25 книг вышли 12 (Былины Печоры, Мезени, Куля, Пинеги, Пудог, Зимнего берега Белого моря; некоторые — в 2 или 3 книгах), над остальными продолжается работа.

Былины избраны первой серией Свода далеко не случайно. Помимо не подлежащего сомнению высокого общественного, исторического и эстетического значения русского эпического наследия, такое решение было обусловлено, с одной стороны, научной подготовленностью отечественной фольклористики (прежде всего — сотрудников Пушкинского Дома) к изданию Свода былин, с другой — тем обстоятельством, что былины завершили своё тысячелетнее развитие, исчезли из живого бытования и практически целиком перешли в категорию памятников культуры. А это означает, что сегодня имеется возможность создать на основе исчерпывающего учёта всего записанного материала фондовую национальную библиотеку, корпус

русского былинного эпоса, который обеспечит сохранение и дальнейшую популяризацию одной из коренных форм национальной культуры.

Издание ИРЛИ не имеет аналогов в мировом эпосоведении. Публикуется полный корпус былинных записей XVIII–XX столетий — более 3 тысяч текстов, треть которых никогда ранее не издавалась. Уникальность издания не сводится к не имеющей прецедента полноте материала, не менее значимым является разработка и применение современных принципов подачи материала, выработка по существу новой методологии в осмыслении былинного наследия.

В ходе работы над Сводом составители сталкиваются с рядом серьезных научных проблем, зачастую требующих пересмотра устойчивых положений в фольклористике. Это, например, проблема аутентичности публикуемых текстов, поскольку имеется несколько типов источников: полевые рукописные, перебеленные записи собирателей, изданные ранее тексты, тексты, записанные одновременно на бумагу и на звуковой носитель, повторные записи и пр.

Целесообразным, полностью оправдавшим себя стал региональный принцип организации эпического материала в «Своде», сочетающий достоинства общенациональной сюжетно-тематической характеристики и историко-географической группировки былин. Локальность — существенный фактор фольклорно-этнографической культуры — лежит в основе вербальной составляющей былин (сюжеты, персонажный мир), единой этномузыкальной и языковой (диалектной) культуры выделяемых регионов.

Материал, организованный таким образом, позволяет воссоздать не только историческое движение самого фольклора и науки фольклористики, но представить специфику исполнительских школ, своеобразие сложившихся во времени культурных гнезд, выявить личное начало в творчестве сказителей. Безусловное преимущество издания состоит в том, что здесь представлены не только все словесные тексты, но и музыкальные записи былин, кроме того, каждый том сопровождается подробными, исчерпывающими комментариями этнографов, музыковедов, историков, диалектологов, текстологов.

Издание «Былин» осознается как предприятие общенационального культурного значения и является чрезвычайно важным шагом к осуществлению Свода всех жанров русского фольклора, к подготовке последующих после былин серий Свода.

В перспективе — создание публикаций, сочетающих аудиозаписи и видеозаписи, что составит как образовательный, так и просветительский контенты.

Список литературы

1. *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб.: «ДБ», 2009. 800 с.
2. *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. 1905–1930–1980 (Исторический очерк). Л., 1980.
3. Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005.

Наиболее представительные издания (публикации и исследования), основанные на фольклорных экспедициях сотрудников Пушкинского Дома и на рукописных материалах, хранящихся в ИРЛИ РАН.

- Традиционный фольклор Новгородской области. (ПРФ) Л.. Наука, 1972–350 с.; Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки, легенды, предания, былички, заговоры (по записям 1963–1999 гг.) — СПб., Алетейя, 2001. — 534 с.
- Традиционный фольклор Новгородской области. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. По записям 1963–2002 гг. СПб., Тропа Троянова, 2006. — 479 с.
- Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. — 680 с.
- Нижегородская свадьба: Пушкинские места, Нижегородское Поволжье, Ветлужский край. Обряды, причитания, песни, приговоры. — СПб., 1998. — 311 с.
- Русская свадьба: Свадебный обряд на верхней и средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области. — М.: Современник, 1985–390 с.
- Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. — СПб., Азбука, 1998 (4-е изд. — 2018).
- Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. Изд. подгот. М.Н. Власова. СПб.: ПД, 2013. — 912 с.
- Музыкально-поэтический фольклор Нижней Вычегды: Материалы к Своду русского фольклора/Под ред. А.Н. Власова. СПб., 2014.
- Мои песни: Лешуконские песни, собранные М.Н. Мякушиным/Изд. подг. Е.И. Якубовская. Архангельск, 2016.
- С.Д. Магид. Песни Псковщины. Неопубликованные материалы экспедиций Фонограммархива Пушкинского Дома/Изд. подгот. Е.И. Якубовская. СПб., Издательство Пушкинского Дома, 2019.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.005

Изучение и публикация фольклора в ИМЛИ РАН (2014–2019 гг.)¹

А. Л. Топорков

Основные достижения фольклористической школы Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (далее — ИМЛИ) связаны с изучением исторической поэтики фольклора, стилистики и топики былин и эпических жанров других народов, сказительского мастерства (работы А. И. Алиевой, Л. А. Астафьевой, В. М. Гацака, И. В. Пухова, Ю. И. Смирнова, А. М. Кудиярова и др.).

Для разысканий фольклористов ИМЛИ характерны сочетание полевой, архивной, переводческой, публикаторской и исследовательской деятельности, а также совместная работа специалистов по русскому и иноязычному фольклору (монгольские, тюркские и финно-угорские народы, народы Кавказа).

В настоящее время, с одной стороны, активно разрабатываются традиционные для Отдела фольклора темы, а с другой — осваиваются новые области, связанные с внедрением современных технических средств фиксации и изучения устных традиций.

К направлениям деятельности фольклористов ИМЛИ относятся: постижение истории и поэтики фольклора; компаративные исследования; создание фольклорных указателей; подготовка двуязычных изданий эпических произведений народов Европы и Азии; публикация индивидуальных и коллективных научных монографий; продолжение серийных изданий, посвященных теории и истории фольклора; разработка истории фольклористики; подготовка научных изданий классиков отечественной филологической науки; полевые исследования с использованием видеофиксаций и других технических средств; архивирование экспедиционных материалов («Фольклорная коллекция»); изучение фольклорно-литературных взаимодействий.

Среди серийных изданий, в подготовке которых участвуют фольклористы ИМЛИ, важное место занимает свод «Памятники фольклора монгольских народов» в 10 томах, который осуществляется ИМЛИ совместно с Калмыцким государственным университетом, Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Институтом языка и литературы Академии наук Монголии на трех языках — калмыцком, бурятском и монгольском.

Инициатор проекта Николай Цеденович Биткеев (1943–2013). Ответственные редакторы отдельных томов — сотрудница Отдела фольклора ИМЛИ д. ф. н. А. Н. Биткеева и д. ф. н. П. Ц. Биткеев. Фольклорные жанры народной поэзии калмыков, бурят и монголов представлены в серии как самостоятельные, но взаимосвязанные части общего культурного наследия монгольских

¹ Благодарю А. И. Алиеву, А. Н. Биткееву, В. Л. Кляуса, Е. В. Миненок, Е. А. Самоделову, Т. М. Хаджиеву и других сотрудников Отдела фольклора ИМЛИ РАН за предоставление сведений для данного обзора.

народов. Составители каждого тома провели предварительное текстологическое исследование фольклорных традиций, отбор текстов и подготовку к изданию. Вступительные статьи к каждому тому публикуются на русском и английском языках; в статьях характеризуются жанры, которым посвящен тот или иной том, история их собирания, публикации и изучения, художественные особенности и характер исполнения. Приложения включают комментарии, примечания, словари и богатый иллюстративный материал.

В 2015 г. изданы три тома Свода: «Героический эпос «Джангар» на калмыцком и монгольском языках» (том I), «Легенды и предания на калмыцком, бурятском и монгольском языках» (том IV), «Загадки» (том VII).

В 2018 г. также изданы три тома: «Сказки монгольских народов» (том III), «Пословицы и поговорки монгольских народов» (том V), «Обрядовый фольклор монгольских народов» (том VIII).

На 2021 г. запланированы два тома: «Песенный фольклор» (том VI) и «Малые жанры фольклора» (том X).

Отдельные тома издания подготовлены и осуществлены при финансовой поддержке РГНФ и РФФИ.

В 2015 г. заведующий Отделом фольклора ИМЛИ д. ф. н. В.Л. Кляус издал монографию ««Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры». Книга основана главным образом на полевых материалах, собранных самим автором, и посвящена фольклору, устной истории и традиционной культуре метисного населения Севера Маньчжурии, проживающего в бассейне рек Ган, Хаул и Дербул (правые притоки пограничной Аргуни). Старшее поколение русско-китайских метисов сохранило русский язык, православную веру и фольклор, являющийся органичной частью русской фольклорной традиции Восточного Забайкалья, которая складывалась на этой территории с конца XVII столетия. Исследование имеет междисциплинарный характер и сочетает в себе анализ фольклорных материалов с характеристикой этнографической традиции, демографической, социальной и политической истории, лингвистической ситуации, этнического самосознания.

В серии очерков, включённых в книгу, предлагается обзор фольклорной традиции и социолингвистической ситуации русско-китайского населения Трёхречья, рассматриваются особенности православных верований, обряды и обычаи, связанные с празднованием Пасхи и Вознесения, актуальные аспекты устной истории, излагаются результаты экспериментальных видеофиксаций исполнения китайской и русской сказок, записанных от одного исполнителя-билингва.

Монография включает разделы: «К историографии «Русского Трёхречья»»; «Русский язык и русский фольклор в Трёхречье»; «К столетию «русского дома» в Трёхречье: эволюция ритуалов и мифологических персонажей»; «Православие в жизни китайских русских Трёхречья»; ««Крестовые» горы в культурном пространстве Трёхречья»; «Микролокальные особенности обрядовой жизни русских Трёхречья»; «Старообрядцы Трёхречья по рассказам китайских русских»; «Устные рассказы трёхреченцев (о событиях в Тэныхэ в 1929 г.)»; «Трёхреченский Эдип»; «Русская и китайская сказки в экспериментальной видеофиксации».

Издание иллюстрировано картами Трёхречья, большим числом фотографий, которые дают представление об антропологическом типе китайских русских, их обрядах и обычаях. Книга издана при поддержке гранта РГНФ № 15-04-16077.

Результатом многолетних полевых и архивных разысканий д. ф. н. Е. А. Самоделовой стала публикация трёхтомного труда, посвященного свадебному обряду и фольклору Рязанского края: «Традиционная рязанская свадьба. Т. 1. Довенчальные ритуалы и таинство венчания»; «Традиционная и современная рязанская свадьба. Т. 2. Послевенчальные ритуалы и мировоззренческие аспекты»; «Поэтика рязанского свадебного фольклора. Т. 3» (2015). В издании представлены история собирания свадебного фольклора Рязанщины, проанализированы изменчивость обряда в диахронической перспективе и его современное состояние. Основные элементы и эпизоды свадебных обрядов исследуются на широком сравнительном фоне. Выявлена и обобщена система народно-поэтических образов, характерных для лирических, величальных и корильных песен, приговоров и других жанров.

Е. А. Самоделова подготовила также двухтомное издание «Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии» (2018). В первой части исследования рассматриваются народные способы определения пола будущего ребенка, родильный обряд с институтом повивальных бабок, ритуалы, связанные с первыми словами и шагами ребенка, обращение с предметами обихода (рубашка, пояс), отношение к первому и последнему ребенку в семье, магические способы наведения болезней на младенца и приемы лечения. Анализируются колыбельные песни и частушки на тему рождения детей.

Вторая часть посвящена жеребьевкам, считалкам и играм, детским посягательным ритуалам и отображению образа ребенка в обрядовом и не-обрядовом фольклоре. Рассматривается роль сказок и страшилок, молчанок и дразнилок. Изучается влияние девичьих альбомов и настенных граффити на воспитание подростка и становление его характера. Анализируются детские ролевые игры и игрушки девочек и мальчиков, в том числе глиняные свистульки — изделия народных промыслов. Книга написана на основе полевых материалов автора, архивных рукописей, труднодоступных материалов периодической печати и с привлечением художественной литературы с краеведческим компонентом. Издание богато иллюстрировано линогравюрами, рисунками и художественными полотнами М. Б. Ренц (Балясовой), частично созданными под впечатлением от фольклорных экспедиций.

В 2019 г. к. ф. н. С. П. Сорокина опубликовала книгу «Народная драма «Царь Максимилиан»: Тексты». Научное издание включает 36 вариантов «Царя Максимилиана», записанных на территории России, Украины и Белоруссии; из них 6 публикуются впервые. В книге также имеются статьи С. П. Сорокиной «Территориальное распространение народной драмы «Царь Максимилиан»» и «К вопросу о пути распространения народной драмы «Царь Максимилиан» («военно-морская» версия)», комментарии и указатели. Книга является продолжением изданного ранее исследования С. П. Сорокиной ««Народная драма «Царь Максимилиан» у восточных славян (театрально-драматургическая специфика)» (2013).

Сотрудники Отдела д. ф. н. А. И. Алиева и к. ф. н Т. М. Хаджиева подготовили книгу «Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX — середины XX века» (2016). Издание включает вступительную статью и два раздела: «Образцы фольклора карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX — середины XX века» и «Фольклорно-этнографические материалы». Среди материалов первого раздела: «Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области» С.-А. Урусбиева, «Карачаевские сказания» М. Алейникова, «Балкарские сказки» и «Сказки горских татар» Евг. Баранова и др. В разделе втором представлены фрагменты из работ: «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.» Г.-Ю. Клапрота; «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.» Ж.-Ш. де Бесса; «В Горских обществах Кабарды» В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского; «У подошвы Эльборуса» И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского; «По горам Северного Кавказа» Н. Н. Харузина; «В верховьях Кубани и Теберды (июль 1892 г.)» К. Ф. Гана; «В горах Баксанского ущелья (на Северном Кавказе)» Н. Тавлинова; «В стране карачаевцев (путевые заметки)» В. Бурксеры; «Карачаевская народная песня» и «Песенное творчество карачаевцев» Д. Р. Рогаль-Левицкого и др. Впервые публикуются фольклорно-этнографические материалы из рукописи Г. Ф. Чурсина «Карачаевцы», хранящейся в архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге (главки «Взаимопомощь среди карачаевцев», «Почитание деревьев», «Поверья и приметы», «Магия», «Танцы», «Игры», «Алмасты», «Космогонические поверья», «Охота», «Культ предков», «Народные песни», «Пословицы», «Гадания», «Черты народного характера», «Болезни и народные способы лечения», «Рождение ребенка и первые заботы», «Свадебные обряды», «Похоронные обычаи»).

Под редакцией А. И. Алиевой был издан 5-й том «Свода памятников фольклора народов Дагестана», посвящённый героическому и героико-историческому эпосу (2015). Читатель найдёт в книге нартские сказания кумыков и аварцев, лакцев и даргинцев, произведения лезгинского фольклора о Шарвили и др. Сравнительно более поздний пласт эпического творчества представляют ногайский «Эдиге», версии «Кер-оглу» у азербайджанцев Дагестана и кумыков, аварские, даргинские, лакские, лезгинские песни и сказания о разгроме иноземных захватчиков и др. Большинство произведений публикуется впервые.

В 2014 г. было опубликовано в переводе на английский язык собрание эпических песен балкарцев и карачаевцев о нартах. Русская версия книги увидела свет ранее в 1994 г. в серии «Эпос народов Евразии»; в подготовке издания участвовали Т. М. Хаджиева и др.

В 2015 и 2019 гг. вышли очередные выпуски основного серийного издания Отдела: «Фольклор. Ранние записи» и «Фольклор. Традиция и эксперимент».

В коллективной монографии «Фольклор: Ранние записи» (2015) имеются разделы: «Значение ранних записей фольклора», «Ранние записи фольклора и литературная традиция», «Публикации», «Указатели фольклорных текстов». Если традиционно фольклор изучался главным образом на материале изустных записей, то в последние десятилетия большое внимание уделяется формам бытования фольклора в рукописных изводах, а также жан-

рам, функционирующим параллельно в устной традиции и в письменных источниках, таким как духовные стихи, сказки, лирические песни, пословицы и другие. Как известно, длительность фиксаций фольклора на письме сильно различается: от нескольких тысячелетий у народов Китая, Индии и древнего Ближнего Востока до нескольких столетий или даже десятилетий в бесписьменных культурах Австралии и Африки. В книге рассматриваются первые фиксации фольклора в разных традициях: средневековые баллады о Робин Гуде, якутские олонхо, даргинские баллады, фольклор сибирских народов из архива Американского музея естественной истории, прослеживается судьба фольклорных сюжетов на протяжении длительных исторических периодов (через серию переводов и публикаций).

В коллективной монографии имеются статьи: *Топорков А. Л.* Ранние записи фольклора как историко-филологическая проблема; *Рахимова Э. Г.* Калевальская традиция в свете записей XVIII в.; *Далгат У. Б.* Даргинская баллада в первых записях Б. К. Далгата (конец XIX в.); *Шенталинская Т. С.* Фонозаписи сибирского фольклора из американских архивов; *Налепин А. Л.* Русский фольклор в ранних английских записях и публикациях; *Смирнов Ю. И.* Пересечения эпоса с письменными источниками; *Сергеева В. С.* Первая запись английской баллады «Робин Гуд и монах» и др.

Коллективная монография «Фольклор. Традиция и эксперимент» (2018) посвящена так называемой экспериментальной фольклористике; рассматриваются возможности изучения исполнительского мастерства и вариативности текстов при неоднократных фиксациях от одних и тех же исполнителей, новые методики компаративного исследования этнопоэтических констант, трансформации текстов при исполнении фольклора не в аутентичной среде, а в ином ситуативном контексте, возможности исследования интонационных структур с использованием современной звукозаписывающей аппаратуры. Из содержания: *Миненок Е. В.* Экспериментальный вектор фольклористики; *Рифтин Б. Л.* Описание поединка в разновременных записях восточномонгольского эпоса; *Адлейба Дж. Я.* Интонационное членение сказки (на материале абхазского фольклора).

В 2017 г. увидела свет коллективная монография «Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы» (2017). В создании данного труда участвовал сотрудник Отдела член-корреспондент РАН А. Л. Топорков, учёные из Института славяноведения РАН, РГГУ, ВШЭ и других научных институций Москвы и Санкт-Петербурга, а также из Армении, Греции и Румынии. Книга посвящена так называемой «Сисиниевой легенде», то есть группе сюжетов о сакральном персонаже, противостоящем многоименной демонице, которая причиняет вред роженицам и младенцам. Этот сакральный персонаж в ряде традиций назван Сисинием, хотя он может именоваться и по-другому. «Сисиниева легенда» была зафиксирована в устных и письменных традициях Ближнего Востока, юго-восточной Африки, Балкан, Кавказа и Восточной Европы. На Руси она превратилась в заговоры от лихорадки и получила отражение в фольклоре, рукописной традиции (в том числе в новгородских берестяных грамотах), древнерусской мелкой пластике и иконах XVII–XIX вв.

В монографии «Сисиниева легенда» рассматривается на всём географическом пространстве и историческом протяжении её распространения, то есть примерно за полторы тысячи лет. Специальные главы посвящены сюжетным версиям легенды в арамейской, еврейской, коптской, эфиопской, арабской, сирийской, греко-византийской, новогреческой, армянской, южнославянской, румынской и восточнославянской традициях.

Исследовательская работа над проектом была поддержана грантом РГНФ № 13-04-00085; издание осуществлено при поддержке гранта РФФИ 17-04-16158д.

В 2014 г. увидела свет книга «Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография». Книга подготовлена А. Л. Топорковым совместно с сотрудницей Института славяноведения РАН д. ф. н. Т. А. Агапкиной.

Книга включает две части. В первой, озаглавленной «Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов», дается аналитическое описание основных повествовательных единиц, выделенных в корпусе лечебных, социальных, промысловых и воинских заговоров трех восточнославянских народов.

Часть вторая включает историографический очерк, посвящённый публикации восточнославянских заговоров за примерно 200-летний период, а также аннотированную библиографию, в которой отражены публикации русского, украинского и белорусского магического фольклора с 1818 по 2014 г. Наряду с крупными изданиями XIX–XX вв., в указателе учтены небольшие публикации в губернских и епархиальных ведомостях, в столичных и провинциальных журналах, памятных книжках различных губерний, этнографических сборниках, записках научных обществ, трудах губернских статистических комитетов и т. д. Всего в библиографии учтено около 650 источников (примерно 450 русских, 150 украинских и 50 белорусских), которые в целом включают более 30000 заговорных текстов. В аннотациях все публикации характеризуются по определенной схеме, которая предполагает указание функции каждого заговора. Это позволяет читателю оперативно находить интересующие его тексты магического фольклора и рукописной традиции трех восточнославянских народов.

Исследовательская работа и издание осуществлены при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (2012–2014).

Публикации по истории фольклористики

Как уже отмечалось, сотрудники Отдела фольклора много внимания уделяют проблемам истории филологической науки. Успешно решаются следующие задачи: 1) введение в научный оборот неизвестных ранее материалов по истории фольклористики (архивный поиск, изучение и академическая публикация фольклорных материалов, собранных в XVIII–XX вв., восстановление биографий фольклористов, изучение их рукописного наследия, в том числе документов личного происхождения (переписка, дневники, записные книжки), републикация малоизвестных или забытых текстов); 2) изучение и актуализация научного наследия российской фольклори-

стики в контексте филологических научных школ XIX — начала XXI в. (связи с зарубежными учеными, эпистолярное наследие, заграничные публикации, труды зарубежных ученых о фольклоре народов России и т. д.); 3) переосмысление теории фольклора в связи с актуализацией творческого наследия отечественных ученых («историческая поэтика» А. Н. Веселовского, «лингвистическая поэтика» А. А. Потебни, структурально-функциональный метод П. Г. Богатырева, «поэтика мифа» Е. М. Мелетинского, теория этнопоэтических констант В. М. Гацака, история эпоса Ю. И. Смирнова и др.).

В 2015 г. увидел свет сборник «Неизвестные страницы русской фольклористики», включающий 5 разделов: «Фольклористка Серебряного века», «Из истории создания и рецепции «Морфологии сказки» В. Я. Проппа», «Жизненный путь и научный поиск в контексте эпохи», «Из эпистолярного наследия», «Статьи для библиографического словаря «Русские фольклористы»». В книге вводятся в научный оборот новые факты, касающиеся жизни и деятельности русских ученых XIX–XX вв., анализируются влияние формальной школы на развитие фольклористики, поиски фольклорной альтернативы в творчестве русских мыслителей «серебряного века», публикуются протоколы обсуждений докладов на заседаниях Московского лингвистического кружка (1919–1922), материалы, связанные с историей создания и рецепцией знаменитой «Морфологии сказки» В. Я. Проппа, очерки об академике В. Н. Перетце, ссыльном революционере-этнографе А. А. Макаренко, исследователе народной медицины В. Ф. Демиче, этнографе Н. И. Лебедевой. Завершают книгу 20 статей, написанных для библиографического словаря русских фольклористов, в том числе статьи о А. А. Блоке, А. И. Кирпичникове, В. Н. Мочульском, А. Н. Островском, И. П. Сахарове, И. И. Срезневском, К. Ф. Тиандере и др. Исследовательская работа и издание осуществлены при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (2012–2014).

Отдел фольклора ИМЛИ совместно с Государственным институтом искусствознания выпустил в свет книгу «Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов» (2015). Издание, посвящённое памяти выдающегося русского фольклориста, этнографа и исследователя народного театра П. Г. Богатырева (1893–1971), включает разделы: «Становление функционально-структурального метода и его рецепция», «Поэтика фольклора в свете идей П. Г. Богатырева», «Театр и театральность в народной культуре», «Проблемы этнографии и народного искусства», «П. Г. Богатырев и его современники (архивные находки, документы, воспоминания)», «Из научного наследия П. Г. Богатырева (материалы и библиография)». Составляющие сборник статьи охватывают основные проблемные поля научного творчества П. Г. Богатырева: фольклор и народное искусство, обряды и символические функции костюма и украшений, театр и смеховая культура. Исследователи привлекают фольклор славянских народов, балкарцев, башкир, карачаевцев, коми-пермяков, осетин и т. д. Многие статьи основаны на собственных полевых записях авторов или вводят в научный оборот неизвест-

ные ранее архивные материалы. Впервые публикуется переписка П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона с братьями Б. М. и Ю.М. Соколовыми. Издание подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00244.

Отделом фольклора ИМЛИ совместно с ИНИОН РАН подготовлен коллективный труд «Наследие Александра Веселовского в мировом контексте: Исследования и материалы» (2016). В начале книги опубликована научная биография А.Н. Веселовского (1838–1906), составленная к. ф. н. Т.В. Говенько. Издание также включает разделы: «Идеи А.Н. Веселовского в контексте современной филологической науки», «Рецепции А.Н. Веселовского в XX веке», «Наследие А.Н. Веселовского и проблемы фольклора».

В первом разделе привлекают внимание статьи: «Замысел и план «Исторической поэтики»: по следам издания Александра Веселовского» И.О. Шайтанова, «Актуальность А.Н. Веселовского: историческая поэтика как «русская компаративистика»» В.И. Тюпы, «Из истории понятия «мотив»: Веселовский versus Шерер» А.Е. Махова, «К критике понятия суггестивности (наблюдения над «Определением поэзии» А.Н. Веселовского)» Б.П. Маслова, «Поэзия В.А. Жуковского и его «общественно-психологический тип» как «хронологический момент» исторической поэтики А.Н. Веселовского» С. Маццанти, «А.Н. Веселовский: концепция творческого процесса как взаимодействие художественных элементов» Ю.В. Манна, «Жанр стихотворного диалога в русской лирике: проблема типологии и эволюции» Д.М. Магомедовой.

Во втором разделе вводятся в научный оборот неизвестные ранее сведения об отношении А.Н. Веселовского и его последователей; см., например, статьи «Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничкова 1920–1930-х годов» А.Л. Рычкова, «О преломлении идей А.А. Потебни и А.Н. Веселовского в концепции «медленного чтения» М.О. Гершензона» Н.Н. Смирновой, «Идеи А.Н. Веселовского в работах П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона 1920–1930-х гг.» С.П. Сорокиной и др. Среди статей третьего раздела: «Концепция А.Н. Веселовского о купальской обрядности и кумовстве» Е.В. Миненок, «Эволюция охотничьей поэзии карачаевцев и балкарцев в свете идей А.Н. Веселовского» Т.М. Хаджиевой и др. Издание осуществлено при поддержке гранта РГНФ № 16-04-14102.

Т.В. Говенько подготовила к изданию том работ А.Н. Веселовского «Избранное: Критические статьи и заметки» (2016). В книге представлены заметки, рецензии, обзоры, статьи, которые по большей части не переиздавались с 1870–1880-х гг. и сохраняют поныне научную ценность: «Новый взгляд на «Слово о полку Игореве»», «Легенды о Вечном Жиде и об императоре Траяне», «Гадальные книги на Западе и у нас», «Новые отношения Муромской легенды о Петре и Февронии и Сага о Рагнаре Лодброкке», «Сказание о красавице в тереме и русская былина о Подсолнечном царстве» и др. В издание также включены письма к А.Н. Веселовскому его коллег: Л.З. Колмачевского, И.Н. Жданова, В.В. Каллаша, В.Н. Перетца, С. Верковича. Книга сопровождается статьей Т.В. Говенько «Рецензии и критические статьи А.Н. Веселовского в контексте его научного наследия» и подробными комментариями.

В подготовке к изданию «Трудов по религии восточных славян» финского и русского учёного Вильо Йоханнеса (рус. Вильо Петровича) Мансикки (1884–1947) приняли участие А. И. Алиева и сотрудники Института славяноведения РАН академик С. М. Толстая и д. и. н. В. Я. Петрухин. Книга «Религия восточных славян» была написана В. Й. Мансиккой на русском языке, однако опубликована впервые в переводе на немецкий язык. В современном издании книга напечатана по русскому оригиналу рукописи, который сохранился в архиве в Хельсинки. Книга открывается статьями: «Судьба и труды академика В. Й. Мансикки (1884–1947)» А. И. Алиевой и «Труды В. Й. Мансикки в истории изучения славянского язычества» В. Я. Петрухина и С. М. Толстой.

Помимо основного текста исследования В. Й. Мансикки, в книгу включены два приложения. В первом опубликованы рецензии Е. В. Аничкова и Е. Г. Кагарова на немецкое издание книги 1922 г., во втором — статья А. Л. Топоркова «К 100-летию со дня выхода в свет книги Мансикки «Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen»» и подборка работ В. Й. Мансикки: «Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии», «Заговоры Шенкурского уезда», «Древнеславянское оплакивание покойников», «Представители злого начала в русских заговорах», «Финские варианты к дуалистической легенде о сотворении мира».

А. И. Алиева подготовила также издание ««Отреченные» страницы истории российского академического кавказоведения конца XIX — начала XX вв.: кавказоведческое наследие А. С. и П. С. Уваровых» (2017). В монографии охарактеризована деятельность графа А. С. Уварова (1825–1884) и графини П. С. Уваровой (урожд. Щербатовой, 1840–1924) по организации изучения языков, этнографии, истории, археологии, фольклора разных народов России. Особая заслуга А. С. и П. С. Уваровых — в пробуждении интереса к изучению Кавказа не только в научном сообществе Москвы и Петербурга, но и на территории Северного Кавказа и Закавказья. В «Приложении» к изданию опубликована книга П. С. Уваровой «Кавказ», которая впервые увидела свет в 1887–1904 гг.

Полевые исследования и архивирование фольклорных материалов

Сотрудники Отдела фольклора систематически проводят полевые исследования.

Экспедиции последних лет В. Л. Кляуса в КНР (2013, 2014, 2015, 2018), Австралию (2015, 2016), Монголию (2018), Казахстан (2016), Омскую область (2015, 2018) и Забайкальский край (2013, 2014, 2016, 2017) были связаны с изучением судеб русского фольклора в иноэтническом и иноязыковом окружении, а также с изучением истории и культуры старообрядчества — полевые исследования на Украине (2013) и в Уганде (2018). По их результатам написана монография и несколько статей, сняты видеофильмы.

Под руководством к. ф. н. Е. В. Миненок на регулярной основе осуществляются два многолетних экспедиционных проекта:

1) «Динамика фольклорной традиции (сравнительный анализ фольклорных традиций в «материнских» селах России, Украины и Белоруссии и в селах, образованных «столыпинскими» переселенцами)».

Проведены следующие *бинарные* экспедиции, которые состоят из двух частей, осуществляющихся в рамках единого экспедиционного проекта: 1) с. Батама Иркутской обл., Зиминского р-на (2003, 2006, 2008) — Украина, Житомирская обл., Володар-Волынский р-н, с. Крапивна и д. Гацковка (2008, 2009); 2) с. Тургеневка, Иркутская обл., Баяндаевский р-н (2008) — Республика Беларусь, Брестская обл., Березовский р-н, д. Кабаки (2011); 3) д. Сулкет, Иркутская обл., Куйтунский р-н (2013) — Республика Беларусь, Минская обл., Борисовский р-н, с. Лошница, д. Мётча (2014); 4) д. Андриюшино, Иркутская обл., Куйтунский р-н (2014) — Республика Беларусь, Витебская обл., деревни Лиозненского р-на; 5) д. Ахины, Иркутская обл., Эхирит-Булагатский р-н (2015, 2017) — Республика Беларусь, Брестская обл., д. Лядовичи и с. Ополь (2014, 2017); 6) д. Жизневка, Иркутская обл., Заларинский р-н (2018) — Республика Беларусь, Могилевская обл., Горечский р-н, с. Маслаковка (2018).

2) «Калужско-Брянско-Смоленское пограничье». За время осуществления проекта (с 1989 г.) обследовано 125 населенных пунктов в Ельнинском и Ершицком р-нах Смоленской области, Куйбышевском и Людиновском р-нах Калужской области, Жуковском и Рогнединском р-нах Брянской области. Основным средством финансирования экспедиций является поддержка отечественных и зарубежных грантов.

Е. А. Самоделова провела серию фольклорно-этнографических экспедиций: в 2014 г. работала в Липецкой, Рязанской, Костромской обл., в 2015 г. — в Курской, Костромской, Рязанской, Самарской обл., в 2016 и 2018 гг. — в Костромской обл., в 2017 г. — в Костромской и Вологодской обл.

Фольклорная коллекция Отдела создана в 1989 году. Сегодня она насчитывает свыше 10000 единиц хранения — кассеты, катушки, диски, фотографии, рукописные материалы. Большая часть коллекции оцифрована. Экспедиционные записи, составляющие коллекцию, осуществлялись с начала 60-х гг. XX в. по настоящее время в Калужской, Брянской, Смоленской, Иркутской, Пензенской, Ивановской, Тульской, Рязанской, Волгоградской, Ростовской областях, а также в Ханты-Мансийском автономном округе, Мордовии, Забайкалье, на полуострове Таймыр, в Камчатском крае, Республиках Карелия, Украина и Беларусь.

В коллекции имеются материалы на многих языках (русский, украинский, белорусский, чувашский, молдавский, болгарский, китайский, тувинский, нганасанский, язык манси и др.). В ней хранятся, в частности, уникальные записи эпического наследия; мировым раритетом можно считать тексты, записанные от последнего нганасанского сказителя и шамана Тубяку Костеркина (23 полных сказания).

Изучение фольклорно-литературных взаимосвязей

В академической серии «Литературные памятники» увидело свет издание «Повести о Светомире царевиче» поэта-символиста и мыслителя Вяч. Иванова (1866–1949). В подготовке книги, наряду с А. Л. Топорковым, принимали участие сотрудница Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН к. ф. н. О. Л. Фетисенко и профессор Салернского университета (Италия), директор Римского архива Вяч. Иванова А. Б. Шишкин. «Повесть

о Светомире царевиче» — последнее крупное произведение Вяч. Иванова, созданное в период его итальянской эмиграции (1928–1949). Произведение стилизовано под средневековую повесть или житие и включает сказочные и легендарные мотивы. Одно из наиболее выдающихся произведений русской литературы XX века печатается на основе рукописей, сохранившихся в Римском архиве Вяч. Иванова. Впервые публикуются ранние наброски и планы повести, варианты из черновых редакций. Издание включает обстоятельные научные комментарии, статьи и летопись жизни и творчества Вяч. Иванова. В статьях восстановлены творческая история повести, ее литературный контекст и художественная природа. В комментариях выявлены сложные подтексты произведения, в частности, пласт эзотерической каббалистической и гностической символики. В качестве иллюстраций в издание включены уникальные изобразительные материалы из Римского архива Вяч. Иванова. В приложении к книге опубликованы статьи: ««Повесть о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: от замысла до его воплощения» А. Л. Топоркова, «Особенности ритмической организации «Повести о Светомире царевиче»» Ю. Б. Орлицкого, «Вагнеровский слой в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова» Д. М. Магомедовой. Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

В 2014–2018 гг. А. Л. Топорков руководил проектом ««Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма», поддержанным грантом РФФИ № 14-18-02709. В работе над проектом участвовали более 20 ученых из ИМЛИ и РГГУ. В ходе осуществления проекта была создана книжная серия «Вечные сюжеты и образы», утверждена её редколлегия в составе: д. ф. н. А. Г. Гачева, к. ф. н. Е. В. Глухова, д. ф. н. В. В. Полонский, А. Л. Топорков (председатель). В рамках серии изданы 4 коллективных труда: ««Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма» (2015), «Мифологические образы в литературе и искусстве» (2015), «Утопия и эсхатология в русской культуре первой трети XX века» (2016), «Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма» (2018).

**Труды, подготовленные сотрудниками Отдела фольклора ИМЛИ РАН
в 2014–2019 гг.**

2014

Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография/Авторы-составители Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2014. 320 с.

The Narts. The Heroic Epos of the Karachay and Balkar People/Compiled by Tanzilya M. Khadjieva, Azret Z. Kholayev, Rimma A.-K. Ortabayeva. Introduction, Commentary and Glossary by Tanzilya M. Khadjieva. Translated from the Russian by David G. Hunt. M., Progress ID, 2014. (Series: Epic of the Peoples of Europe and Asia (Epics of Eurasian Nations). [Перевод книги: «Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев». М.: «Восточная литература», 1994 (Серия «Эпос народов Евразии».)]

2015

Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.

Самоделова Е. А. Традиционная рязанская свадьба. Т. 1. Довенчальные ритуалы и таинство венчания. Рязань, 2015. 263 с.

Самоделова Е. А. Традиционная и современная рязанская свадьба. Т. 2. Послевенчальные ритуалы и мировоззренческие аспекты. Рязань, 2015. 280 с.

Самоделова Е. А. Поэтика рязанского свадебного фольклора. Рязань, 2015. Т. 3. 293 с. Фольклор: Ранние записи/Сост. В. М. Гацак, В. А. Бахтина. Отв. редактор Е. В. Минёнок. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 464 с.

Иванов Вяч. Повесть о Светомире царевиче/Изд. подг. А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М.: Ладомир, 2015. 824 с., ил. (Серия «Литературные памятники»).

Неизвестные страницы русской фольклористики/Отв. ред. чл.-корр. РАН А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. 576 с.

Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырёва в современных исследованиях фольклора. Сборник статей и материалов/Отв. редакторы С. П. Сорокина и Л. В. Фадеева. М., 2015. 456 с., нот., ил.

«Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма/Отв. ред. чл.-корр. РАН А. Л. Топорков. М.: «Индрик», 2015. 416 с., ил. (Серия ««Вечные» сюжеты и образы»; вып. 1; ред. коллегия серии: А. Г. Гачева, Е. В. Глухова, В. В. Полонский, А. Л. Топорков (председатель)).

Мифологические образы в литературе и искусстве/Отв. ред. М. Ф. Надъярных, Е. В. Глухова. М.: Индрик, 2015. 384 с., ил. (Серия ««Вечные» сюжеты и образы»; вып. 2; ред. коллегия серии: А. Г. Гачева, Е. В. Глухова, В. В. Полонский, А. Л. Топорков (председатель)).

Свод памятников фольклора народов Дагестана [Текст]: в 20 т./под ред. И. Магомедова. Т. 5: Героический и героико-исторический эпос/сост. А. М. Аджиев; ред. А. И. Алиева. М.: Наука, 2015. 588 с.

Памятники фольклора монгольских народов. Т. I. Героический эпос «Джангар» на калмыцком и монгольском языках/Гл. ред. Н. Ц. Биткеев, отв. ред. А. Н. Биткеева, П. Ц. Биткеев. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 1056 с., ил.

Памятники фольклора монгольских народов. Т. IV. Легенды и предания на калмыцком, бурятском и монгольском языках/Гл. ред. Н. Ц. Биткеев, отв. ред. А. Н. Биткеева, П. Ц. Биткеев. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 651 с.

Памятники фольклора монгольских народов. Т. VI. Загадки/Гл. ред. Н. Ц. Биткеев, отв. ред. А. Н. Биткеева, П. Ц. Биткеев. М.: ИМЛИ РАН 2015. 408 с.

2016

Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX — середины XX века/Сост., авторы вступ. слова и комментариев А. И. Алиева, Т. М. Хаджиева. Подг. текстов и общая редакция Т. М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 2016. 541 с.

Мансикка В. Й. Труды по религии восточных славян. Ред. коллегия: д. ф. н. М. И. Алиева; д. и. н. В. Я. Петрухин; д. ф. н. С. М. Толстая. М.: Форум, Неолит, 2016. 688 с.

Наследие Александра Веселовского в мировом контексте: Исследования и материалы/Отв. ред. Т. В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 320 с. (Серия «Numatitas»).

Веселовский А. Избранное: Критические статьи и заметки/Сост. Т. В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 496 с. (Серия «Российские Пропилеи»).

Утопия и эсхатология в русской культуре первой трети XX века/Сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М.: Индрик, 2016. 712 с., илл. (Серия ««Вечные» сюжеты и образы»; вып. 3; ред. коллегия серии: А. Г. Гачева, Е. В. Глухова, В. В. Полонский, А. Л. Топорков (председатель)).

2017

Алиева А. И. «Отреченные» страницы истории российского академического кавказоведения конца XIX — начала XX вв.: кавказоведческое наследие А. С. и П. С. Уваровых. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 816 с.

Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы/Отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. 856 с.

2018

Самоделова Е. А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии. Рязань, 2018. Ч. 1. 353 с.

Самоделова Е. А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии. Рязань, 2018. Ч. 2. 325 с.

Фольклор. Традиция и эксперимент/Сост. В. М. Гацак. Отв. ред. В. Л. Кляус, Е. В. Минёнок. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 563 с., ил.

Памятники фольклора монгольских народов. Т. III. Сказки/Гл. ред. А. Н. Биткеева, отв. ред. П. Ц. Биткеев, Б. К. Салаев. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 568 с.

Памятники фольклора монгольских народов. Т. VIII. Пословицы и поговорки/Гл. ред. Н. Ц. Биткеев, отв. ред. А. Н. Биткеева, П. Ц. Биткеев. М.: ИМЛИ РАН, 2018.

Памятники фольклора монгольских народов. Т. V. Обрядовая поэзия/Гл. ред. А. Н. Биткеева, Н. Ц. Биткеев, отв. ред. П. Ц. Биткеев, Б. К. Салаев. М.: ИМЛИ РАН, 2018.

Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма/Сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М.: Индрик, 2018. 720 с., ил. (Серия ««Вечные» сюжеты и образы»; вып. 4; ред. коллегия серии: А. Г. Гачева, Е. В. Глухова, В. В. Полонский, А. Л. Топорков (председатель)).

2019

Народная драма «Царь Максимилиан»: Тексты/Сост., вступит. статья, приложения, подг. текстов и комментарии С. П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 672 с.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.006

Фольклор и литература народов Сибири и Дальнего Востока в исследованиях Института филологии СО РАН

Е. Н. Кузьмина, И. В. Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения РАН — единственное за Уралом академическое научное учреждение, проводящее комплексные исследования языков, фольклора и литературы народов Сибири и Дальнего Востока.

С 1990 г. Институт начал издавать 60-томную книжную серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (далее — Серия). Цель проекта заключается в сохранении самобытного культурного достояния народов сибирского и дальневосточного регионов.

Идея проекта базируется на целостной научной концепции, исходя из которой сформулированы основные задачи:

- представить устно-поэтическое и музыкальное творчество как коренных, так и переселенческих народов Сибири и Дальнего Востока, включая фольклорные образцы малочисленных народностей, языки и культура которых находятся под угрозой исчезновения;
- обеспечить комплексность издания, единство филологической, историко-культурной, этнографической и музыковедческой интерпретаций фольклорных произведений во всех элементах томов Серии;
- осуществить академическую публикацию подлинно национальных текстов с параллельным научным переводом на русский язык;
- уделить особое внимание нотным записям напевов и фоноприложениям, что позволяет услышать звучание национальных текстов.

Концепция Серии основана на подходе к фольклорному явлению как синкретическому феномену, органично вобравшему в себя реалии духовной и материальной жизни. В подготовке томов задействованы усилия специалистов разных областей: фольклористов, этномузыковедов, этнографов и лингвистов.

Для осуществления этого грандиозного гуманитарного проекта понадобилось создание «штаба», который сформулировал бы общие принципы публикации и координировал работу составителей томов. Так была образована Главная редакционная коллегия. В её первый состав вошли ведущие специалисты страны в разных областях гуманитарной науки: этномузыковед Эдуард Ефимович Алексеев, этнограф Николай Алексеевич Алексеев, фольклористы Виктор Михайлович Гацак, Николай Васильевич Емельянов, Халык Гусейнович Короглы, Евгения Николаевна Кузьмина, Борис Николаевич Путилов, Юрий Иванович Смирнов, литературовед Александр Бадмаевич Соктоев. Главным редактором издания стал Анатолий Пантелеевич Деревянко, тогда директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР, ныне научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, академик РАН. Заместителями главного редактора были

назначены Александр Бадмаевич Соктоев и Виктор Михайлович Гацак. Ответственным секретарём — Евгения Николаевна Кузьмина (ныне — зам. главного редактора).

При разработке методологических принципов Серии была учтена практика издания серии «Эпос народов СССР» (ныне «Эпос народов Европы и Азии») ИМЛИ им. А. М. Горького РАН и опыт публикации русских былин, накопленный в Пушкинском Доме. Научно-методологические аспекты работы над томами нашли отражение в специальном издании «Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Принципы и порядок подготовки, 1982; изд. 2, переработ. и дополнен. 2003].

В гуманитарной науке Серия не имеет аналогов. Впервые по единым научным требованиям публикуются все известные крупные жанры сибирского фольклора: эпос, сказки, несказочная проза, обрядовая поэзия, песни, — каждый из которых представлен в одной или двух книгах. Уникальность Серии признана на государственном уровне. В 2002 г. Указом Президента Российской Федерации коллективу разработчиков концепции и составителей томов Серии была присуждена Государственная премия РФ в области науки и техники.

Серия продолжает развиваться. Тексты воспроизводятся на языке оригинала с параллельным переводом на русский язык и сопровождаются обширными комментариями. Поющиеся произведения даются в нотной записи, в которой фиксируются все основные музыкальные элементы исполнительского варианта. Звукозаписи публикуемых произведений можно услышать на цифровых носителях, которые сопровождают каждый том (до 1996 г. к томам прилагались виниловые грампластинки). Книги Серии иллюстрируются фотографиями орудий труда, вооружения, одежды, утвари, традиционных музыкальных инструментов сибирских народов, фрагментов национальных праздников. Кроме произведений устно-поэтического творчества, книги включают научные статьи, раскрывающие художественное богатство публикуемых текстов, их историко-культурный и этнографический контекст, а также фольклористический и музыковедческий аспекты издаваемых образцов. В целом тома Серии являются научной документацией духовного наследия народов обширного сибирско-дальневосточного региона от Урала до Тихого океана.

С 1990 по 2019 г. опубликованы 34 книги из запланированных 60 томов. Объём публикаций составляет от 20 до 51 печатного листа. В портфеле сектора фольклора Института филологии имеются ещё 16 рукописей, над которыми идёт активная исследовательская и редакторская работа («Героический эпос бурят», «Обрядовый фольклор бурят», «Алтайские народные песни», «Обрядовый фольклор алтайцев», «Тувинская песенная лирика», «Обрядовый фольклор тувинцев», «Прозаический фольклор хантов», «Медвежий праздник казымских хантов», «Фольклор кетов», «Обрядовая поэзия и песни нанайцев», «Фольклор южных селькупов», «Фольклор оседлых коряков», «Обрядовый фольклор хакасов», «Якутские народные песни», «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 2», «Фольклор чувашей»).

Книги вводят в научный оборот неизданные материалы (инедиты), что неизмеримо раздвигает исследовательское поле. Произведения фольклора представлены в системе. На сегодня героический эпос опубликован в 10 томах, в которых представлены 16 сказаний алтайцев, бурят, долган, тувинцев, хакасов, шорцев, эвенков и якутов, сохранивших до наших дней уникальное архаическое эпосопение. 7 томов посвящены жанру сказок, бытующих на территории Сибири во всех своих разновидностях. Свообразны сюжеты русских сказок, многие из них несут отпечатки культурного взаимовлияния с фольклором аборигенного населения. Обрядовый фольклор пока издан в 5 книгах, знакомящих читателя с календарной и семейной обрядностью русских и белорусов, якутов и эвенков. Изданы 7 однотомников, представляющие фольклорные жанры малочисленных народов Севера: долган, манси, нанайцев, ненцев, удэгейцев, шорцев, юкагиров. В 3 томах опубликована несказочная проза алтайцев, тувинцев, якутов, не считая однотомники, в которые также включены мифы, легенды и предания других народов.

Опубликованные тома демонстрируют качественно новый тип научной публикации фольклорных памятников, отражающий современные концепции и методики междисциплинарного изучения материала. Документальность и целостность издания обеспечены выверенной источниковой базой, включающей наряду с архивными материалами записи целевых экспедиций, применением текстологических приёмов, включающих сохранение и транслитерацию раритетных записей, создание единого шрифтоносителя со знаками для всех языков и алфавитов для бесписьменных культур, усовершенствование системы нотной записи.

Не было ещё до Серии практики объединения в фольклорных изданиях звучащего слова с публикуемыми текстами и полной нотной расшифровкой музыкальных образцов, включая записи героического эпоса. Публикация в наши дни живого героического эпоса, уходящего своими корнями в глубокую древность, подготовленного на высоком текстологическом уровне с представлением звучащих в фоноприложениях голосов алтайских, хакасских, шорских кайчи, бурятских улигершинов, якутских олонхосутов — явление уникальное. К этому разряду смело можно отнести такие эпические тома, как якутское олонхо «Могучий Эр Соготох» (1996, т. 10), «Алтайские героические сказания» (1997, т. 15), «Шорские героические сказания» (1998, т. 17), «Фольклор шорцев» (2010, т. 29).

В ходе подготовки базовых текстов, т. е. тех, которые входят в основной корпус тома, применяется содержательный подход в сочетании со сравнительно-сопоставительным методом, когда изучается содержание всех имеющихся вариантов и инвариантов. Поскольку фольклорное произведение в силу своей устной природы обладает свойством «пучкообразности» (по В.М. Гацаку), то процесс выявления совокупности различий становится на этом этапе определяющим. Проводится скрупулезная текстологическая работа, подобная той, которая была проделана в томе «Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын» [1997:71–78].

Пример «микро- и макротекстологии» (по Д.С. Лихачеву) здесь показан на национальном материале. Авторы, Виктор Михайлович Гацак и Зоя Сергеевна Казагачева, обосновали приемы, которые применили в ходе под-

готовки героических сказаний к публикации. Публикуемые в томе произведения, как пишут авторы, «существуют в неоднократных (разновременных) записях от их исполнителей: Алексея Калкина («Очи-Бала») и Табара Чачиякова («Кан Алтын»). Не менее важно, что «Кан-Алтын» записан не только от Чачиякова, но и от Калкина и еще от одного очень даровитого сказителя — Салдабая Савдина. Особого внимания заслуживает и тот факт, что Чачияков и Савдин усвоили «Кан-Алтын» от одного и того же учителя, и по их вариантам можно судить о том тексте, к которому они оба восходят, а следовательно, и об особенностях передачи традиции из поколения в поколение» [Там же: 71].

Составитель тома Зоя Сергеевна Казагачева выявила все вариационные различия текста «Очи-Бала» в записях 1984 и 1987 гг., сделанные от кайчи Алексея Калкина. Различия между базовым текстом и его вариациями продемонстрированы по ходу основного текста. Такая подача вариаций была предпринята в сибирском эпосоведении впервые. Второе сказание «Кан-Алтын» приведено в исполнении Табара Чачиякова полностью и в исполнении Салдабая Савдина отдельными фрагментами. Это дало возможность сопоставить исполнение одного и того же памятника разными сказителями.

Новым словом в мировой эдиции стали тома «Шорские героические сказания: Кан Перген. Алтын Сырык» [1998. Т. 17] и «Фольклор шорцев» [2010. Т. 29]. Впервые в мировом эпосоведении тексты героических сказаний «Кан Перген» и «Ак Кан» были полностью нотированы и представлены в многослойной трансляции. Сказание «Ак Кан», включённое в том «Фольклор шорцев», исполнил современный сказитель Владимир Егорович Таннагашев, репертуар которого (а это 26 сказаний) почти полностью зафиксировала на магнитофон фольклорист Любовь Никитовна Арбачакова. Этномузыковеду Галине Борисовне Сыченко удалось расшифровать и нотировать все поющие строки героического сказания и тем самым в полной мере продемонстрировать особенность эпической традиции шорцев — двухслойное исполнение эпоса, т. е. чередование музыкального и речитативного сказывания (пение и тирада).

Если в отношении фольклорного материала восточнославянских народов мы можем говорить о сложившейся эдиционной практике в отечественной фольклористике, максимально используемой и в нашей Серии с некоторой корректировкой в подаче сибирских текстов, то иная ситуация наблюдается в публикаторской практике издания фольклора других народов Сибири. Только с выпуском томов Серии начинает формироваться единая система принципов подачи фольклорных образцов и их перевода на русский язык. Вообще, перевод произведения из одной языковой системы в другую является очень сложной задачей: необходимо сохранить образную ткань оригинала, его национальный поэтический смысл и колорит, его народное звучание. Поэтому при переводе национальных текстов на русский язык была поставлена задача соблюдения следующих условий:

- максимальное соответствие перевода оригиналу, при котором сохраняется традиционная национальная специфика;

- точность в выборе лексики и фразеологии, отвечающей назначению научного перевода без злоупотребления русизмами и формульными выражениями, заимствованными из русской фольклорной системы;
- снабжение текстов информационными комментариями и другим справочным материалом;
- достоверность текстов должна быть обеспечена и сохранением подлинной народной речи в ее лексико-поэтическом своеобразии, без литературного вмешательства. Это важно и для лингвистов, занимающихся проблемами сохранения и развития языков.

Особого переводческого подхода потребовало синтаксическое построение тюркских героических сказаний, включающих длинные тирады. Это свойство языка эпического произведения. Например, в якутском олонхо «Могучий Эр Соготох» (том 10) первая тирада, посвященная описанию зарождения земли, состоит из 35 стиховых строк, составляющих одно предложение [Якутский героический эпос, 1996: 76–79].

С 1984 по 2019 г. проведено более 80 комплексных фольклорно-этнографических экспедиций по всей сибирско-дальневосточной территории. Экспедиционная работа в подготовке томов Серии является неотъемлемой и обязательной составляющей. Публикация архивных и современных записей фольклора позволяет увидеть процесс в динамике, проследить все его трансформационные тенденции. Собранный материал входит в корпус томов и в содержание фоно- и видеоприложений. Тома, представляющие обрядовый фольклор, сопровождаются дисками DVD с демонстрацией ритуалов, сохранившихся у большинства сибирских народов. Так, в томе «Медвежий праздник казымских хантов», который готовится к изданию, на диске будет помещён ритуал проведения уникального обряда, сохранившегося у хантов, проживающих в Западной Сибири, в бассейне реки Обь. Обряд связан с культом медведя и его добыванием. Ритуал длился три дня и три ночи без остановок.

Таким образом, Серия представляет живую устно-поэтическую традицию народов, живущих на огромной сибирско-дальневосточной территории.

На базе масштабного изучения фольклорного наследия народов Сибири и Дальнего Востока в Институте развернуты теоретико-типологические исследования поэтики фольклорного и литературного повествования в разных национальных традициях.

В отечественном эпосоведении впервые систематизированы и классифицированы поэтико-стилевые средства героических сказаний народов Сибири. Результаты исследования опубликованы в фундаментальном «Указателе типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов)» [Кузьмина, 2005]. Как показало сравнительно-сопоставительное исследование эпоса этих народов, сказания сохранили древнюю художественную структуру, свидетельствующую об общности художественных архетипов. Несмотря на географическую отдалённость и языковую разность народов, их героические сказания демонстрируют развитую художественную систему, устойчивость и стабильность самой эпической традиции. Систематизация обширного эпического материала, изучение внутренней структуры сказаний выявили, что древние сибир-

ские этносы в ходе своего развития активно контактировали, между ними шло интенсивное культурное взаимодействие, в процессе которого сложился общий фольклорный фонд, прежде всего, поэтико-стилевых средств эпоса. Анализ эпических произведений шести народов показал, что героические сказания могут быть систематизированы с точки зрения имеющихся в них стереотипов и закономерностей сюжетостроения, которое, по сути, представляет собой «сцепление» эпизодов, внутри которых имеются «общие места», в свою очередь, включающие устойчивые поэтические формулы.

От фольклора переходим к литературе. Теоретико-типологические исследования поэтики литературного повествования позволили раскрыть понятия мотива и сюжета в их отношении к категориям нарратива, события и действия и сформулировать системное определение мотива как основной парадигмальной единицы повествовательного языка литературы и сюжета как ее базовой повествовательной синтагмы.

Первостепенным объектом исследования в рамках данного подхода выступила русская литература. Конкретные задачи были направлены на выявление, сбор, фиксацию, анализ и систематизацию мотивов и сюжетов русской литературы, что позволило изучить линии преемственности в поэтике фольклора и древней и новой русской литературы в контекстах развития мировой литературы.

Важнейшей частью этой работы явилось создание Институтом «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» (вышли в свет четыре выпуска в шести томах). В первом выпуске собраны сюжеты и мотивы библейские, апокрифические и мифологические (2003 г.), здесь же помещены теоретические статьи. Второй выпуск «Словаря-указателя» (2006 г.) состоит из двух тематических блоков: «Календарные сюжеты» (пасхальный и святочный сюжет) и «Западноевропейские сюжеты на русской почве». Двухтомный третий выпуск «Словаря-указателя» посвящен античным сюжетам в русской литературе (2008–2010 г.). Четвертый выпуск, также в двух томах, посвящен танатологическим сюжетам и мотивам древней и русской литературы (2018 г.). В настоящее время идет работа над пятым выпуском. Предметом его выступают сюжеты и мотивы в рамках жанровых канонов русской литературы.

Наряду с русской литературой, важным объектом литературоведческих исследований, отвечающих сибиреведческой тематике Института, выступают литературы коренных народов Сибири.

Так, к 100-летию со дня рождения Кеца Кекектына (1918–1938/1940 (?)), первого корякского писателя, было осуществлено академическое издание повестей писателя. Тексты публикуются на корякском языке с подстрочным переводом на русский язык и лингвистическими комментариями в виде постраничных сносок. В издание также включены историко-биографические и архивные материалы, позволяющие восстановить страницы биографии писателя [Повести Кеца Кекектына, 2018]. Отдельный раздел книги составляют переводы двух повестей Кеца Кекектына, выполненные его учителем, североведом Сергеем Николаевичем Стебнищим (1906–1941). В издание также включены историко-биографические и архивные материалы, позволяющие восстановить страницы биографии писателя.

В настоящее время в Институте разворачивается системное изучение аспектов генезиса и первоначального становления сибирских литератур во взаимодействии с родным культурным наследием, особенно фольклорным, а также во взаимосвязях с культурными контекстами русской и мировой литературы. Особое внимание уделяется изучению процессов развития и адаптации жанровых систем литератур коренных народов Сибири, изучение их сюжетно-мотивного фонда и закономерностей его сложения.

Изучение общих оснований повествовательной поэтики фольклора и литературы привело фольклористов и литературоведов Института к тесному взаимодействию, к проведению совместных исследований, общих научных конференций и форумов.

У истоков фольклорного и литературоведческого проектов Института филологии СО РАН стояли члены-корреспонденты РАН Александр Бадмаевич Соктоев и Елена Константиновна Ромодановская, первые директора Института. Время показало и продолжает подтверждать правильность стратегий научного развития Института, заложенных нашими учителями.

Список литературы

1. *Алтайские героические сказания*: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 15).
2. *Казагачева З. С.* Алтайские героические сказания «Очи-Бала» и «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002. 348 с.
3. *Кузьмина Е.Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксперимент. изд./Е.Н. Кузьмина; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.
4. *Лиморенко Ю. В.* Виды комментария к переводу фольклорного текста // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. №4. С. 40–44.
5. *Повести Кецяя Кеккетына*: Тексты. Переводы. Комментарии/Сост., предисл., коммент., науч. статьи [С.Н. Стебницкий], Т. А. Голованева, Н. А. Непомнящих, И. С. Полторацкий, Е. П. Пронина; пер. с коряк. С.Н. Стебницкого, Е. П. Прониной, Т.А. Голованевой; отв. ред. Е.Н. Кузьмина. — Новосибирск: Академиздат, 2018. 461 с.
6. *Принципы и порядок* подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2003. 20 с. (1-е изд. — 1982).
7. *Триандис Г. К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 382 с.
8. *Фольклор шорцев*: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов/Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).
9. *Шорские героические сказания*: Кан Перген. Алтын Сырык/Вступит. ст., подгот. поэтического текста, пер., коммент. А.И. Чудоякова; музыковед. ст., подгот. нотного текста Р.Б. Назаренко. Москва; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).
10. *Якутский героический эпос* «Могучий Эр Соготох». Новосибирск: Наука: Сибир. изд. фирма РАН, 1996. 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).

Перечень опубликованных книг Серии

1. Эвенкийские героические сказания (Новосибирск: Наука, 1990, 31,9 усл.-п. л.).
2. Бурятский героический эпос «АламжиМэргэн» (Новосибирск: Наука, 1991, 24,4 усл.-п. л.).
3. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск: Наука, 1991, 39,4 усл.-п. л.).
4. Якутский героический эпос «КыысДэбилийэ» (Новосибирск: Наука, 1993, 25,6 усл.-п. л.).
5. Бурятские волшебные сказки (Новосибирск: Наука, 1993, 26,9 усл.-п. л.).
6. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных (Новосибирск: Наука, 1993, 27,5 усл.-п. л.).
7. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Легендарные и бытовые (Новосибирск: Наука, 1993, 24 усл.-п. л.).
8. Тувинские народные сказки (Новосибирск: Наука, 1994, 36,3 усл.-п. л.).
9. Предания, легенды и мифы саха (якутов) (Новосибирск: Наука, 1995, 31,3 усл.-п. л.).
10. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох» (том 10, Новосибирск: Наука, 1996, 34,9 усл.-п. л.).
11. Нанайский фольклор: Нингман, сиюхор, тэлунгу (том 11, Новосибирск: Наука, 1996, 37,5 усл.-п. л.).
12. Тувинские героические сказания (том 12, Новосибирск: Наука, 1997, 45,6 усл.-п. л.).
13. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры» (том 13, Новосибирск: Наука, 1997, 46,9 усл.-п. л.).
14. Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока (том 14, Новосибирск: Наука, 1997, 42,5 усл.-п. л.).
15. Алтайские героические сказания (том 15, Новосибирск: Наука, 1997, 51,9 усл.-п. л.).
16. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин» (том 16, Новосибирск: Наука, 1997, 37,5 усл.-п. л.).
17. Шорские героические сказания (том 17, Новосибирск: Наука, 1998, 33,9 усл.-п. л.).
18. Фольклор удэгейцев: Ниманку, тэлунгу, ехэ (том 18, Новосибирск: Наука, 1998, 43,8 усл.-п. л.).
19. Фольклор долган (том 19, Новосибирск: Наука, 2000, 35 усл.-п. л.).
20. Бурятские народные сказки. О животных. Бытовые (том 20, Новосибирск: Наука, 2000, 23,7 усл.-п. л.).
21. Алтайские народные сказки (том 21, Новосибирск: Наука, 2002, 35,6 усл.-п. л.).
22. Русский семейно-обрядовый фольклор: Свадебная поэзия. Похоронная причетъ (том 22, Новосибирск: Наука, 2002, 43,1 усл.-п. л.).
23. Фольклор ненцев (том 23, Новосибирск: Наука, 2001, 39,5 усл.-п. л.).
24. Обрядовая поэзия саха (якутов) (том 24, Новосибирск: Наука, 2003, 40 усл.-п. л.).
25. Фольклор юкагиров (том 25, Новосибирск: Наука, 2005, 46,4 усл.-п. л.).
26. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) (том 26, Новосибирск: Наука, 2005, 37,2 усл.-п. л.).
27. Якутские народные сказки (том 27, Новосибирск: Наука, 2008, 36,3 усл.-п. л.).
28. Мифы, легенды, предания тувинцев» (том 28, Новосибирск: Наука, 2010, 29 усл.-п. л.).
29. Фольклор шорцев» (том 29, Новосибирск: Наука, 2010, 47,5 усл.-п. л.).

30. Несказочная проза алтайцев (том 30, Новосибирск: Наука, 2011, 45 усл.-п. л.).
31. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть I. Семейно-обрядовые песни и причитания (том 31, Новосибирск: Наука, 2011, 42,8 усл.-п. л.).
32. Обрядовая поэзия и песни эвенков (том 32, Новосибирск: Академическое изд-во «ГЕО», 2014, 38,8 усл.-п. л.).
33. Хакассские народные сказки (том 33, Новосибирск: Омега-Принт, 2014, 39,0 усл.-п. л.).
34. Несказочная проза хакасов (том 34, Новосибирск: Наука, 2016, 45 усл.-п. л.).

Словари-указатели сюжетов и мотивов русской литературы

1. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание/Отв. ред. Е. К. Ромодановская; авт.-сост. М. А. Бологова, Е. К. Никанорова и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. 243 с.
2. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание/Отв. ред. чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская; авт.-сост. Е. В. Капинос, Е. Н. Проскурина. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2. 245 с.
3. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание/Отв. ред. Е. К. Ромодановская; авт.-сост. М. А. Бологова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. Вып. 3, ч. 1. 511 с.
4. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание/Отв. ред. Е. К. Ромодановская; авт.-сост. М. А. Бологова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. Вып. 3, ч. 2. 521 с.
5. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание/Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, Е. Н. Проскурина; авт.-сост. С. К. Севастьянова, Е. Э. Худницкая. — Новосибирск: Изд-во Гео, 2018. Вып. 4, ч. 1. 504 с.
6. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание/Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, Е. Н. Проскурина; авт.-сост. Е. В. Капинос, Е. Ю. Проскурина и др. — Новосибирск: Изд-во Гео, 2018. Вып. 4, ч. 2. 238 с.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.007

Академический музей: ретроспективы и перспективы¹

А. В. Головнёв

«Музейный инстинкт» как склонность к сбору, хранению и почитанию реликвий (предметов памяти) свойственен всем людям независимо от возраста, пола, религии и национальности. Для характеристики музейности мышления Збынек Странский предложил понятие «музеальность» (чех. *muzealita*, англ. *museality*). По его разумению, в людях заложено особое музейное отношение к действительности, связанное с желанием хранить и использовать избранные вещи; при этом музеальность артефакта определяется не столько его материальными свойствами, сколько социальным и смысловым контекстом, а музей оказывается «одной из исторически сложившихся форм реализации особого музеального отношения человека к действительности» [Stránský, 2005: 154]. Музейность/музеальность в сочетании с исконной промыслово-собирательской страстью коллекционирования имеет универсальный характер, что предопределяет многообразие ее проявлений.

Музейность обнаруживается в самых истоках человеческой культуры. Франко-кантабрийская палеолитическая живопись, с которой связано происхождение высокой культуры *Homo sapiens*, погружена в пещеры, уподобляющиеся художественным галереям и святилищам. Люди ориньяка превратили пещеру в храм, в «зеркало мира», отражающее картину мироздания. Древний художник писал не с натуры, а из памяти-воображения, поскольку большинство образов — мамонты, бизоны, лошади, олени — не обитатели пещер. В этой ипостаси раскрашенные пещеры вполне претендуют на роль палеолитического прототипа того театра-музея, из которого произросли и музейоны античности, и их наследники эпохи Возрождения.

Если, пользуясь излюбленным приемом компаративной этнологии, хронологическую проекцию дополнить пространственной, то пестрый паноптикум метамузейности обнаружится в «естественных» культурах. Многие языческие святилища служили хранилищами реликвий, при этом в кумирне собирались не только изображения богов и приношения им, но и всевозможные раритеты и диковины. На святилищах (*хэбидя я*) ненцев хранятся, помимо изображений духов (*хэхэ, сядай*) и остатков жертвоприношений, отслужившие свой срок домашние сакральные шесты *симсы*, священные нарты *хэхэхан*, старые шаманские бубны *пензяр* и другие предметы, образующие фонд святынь и реликвий. Угорские священные амбары (*емын лабас*) также представляют собой склады священных вещей, включая приношения и украшения, старые стрелы, луки, копья, сабли и прочие памятные вещи. Здесь же — камни причудливой формы (например, «чертовы» стрелы

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФ, проект № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино»

и пальцы), ископаемые находки, амулеты, клады, дары, трофеи. В чукотской священной нарте *тайныквыёчгыни*, помимо священного деревянного огнива *мильхет* и связок домашних духов *тайныквыт*, собраны диковины — например, засушенная морда оленя с двойной губой или пятипалое копыто — своего рода кочевая кунсткамера. Шаманский костюм с множеством подвесок и амулетов — тоже по-своему экспозиция реликвий и амулетов. Всякое священнодействие представляет собой обряд оживления реликвий, а святилища сочетают в себе музейные функции — хранительскую и демонстрационную, при этом одним святилищам или священнодействиям присуще, с позволения сказать, закрытое хранение, другим — открытое [Головнёв, 2019].

Музей и академия: общность истоков

В Элладе слово *музейон* (*μουσείον, mouseion*) означало обиталище (собрание, храм) муз, а также их служителей, включая жрецов, поэтов, скульпторов, философов. Один из таких музейонов существовал при Академии Платона, считавшего философию мусическим искусством. На музейоне у горы Геликон раз в пятилетие проходили всегреческие *муσει* — празднества в честь муз, сопровождавшиеся состязаниями поэтов, риториков, музыкантов, мудрецов. Из приношений, в том числе изваяний, собирались коллекции. Геликонский музейон в Долине Муз известен скульптурами, выполненными Праксителем и Кефисодотом. В подземном хранилище у святилища Геры на юге Италии, основанном греческими колонистами Посейдонии, археологами обнаружено более 30 тыс. предметов. Со святилища в Дельфах император Нерон вывез в свою римскую резиденцию 500 бронзовых статуй богов. В музейонах не только хранили вотивные дары, но и составляли обстоятельные списки предметов с указанием имен и происхождения жертвователей, дат посвящения, материала изготовления и степени сохранности. Совет храма принимал решения о переплавке изделий или отправке их в хранилища. В хранительских практиках музейонов берет начало музейное дело. В свое время Адольф Фуртвенглер, античник-искусствовед и участник раскопок Шлимана в Олимпии, заметил, что храмы Древней Греции, накапливая дары, становились «некими подобиями музеев» [Ананьев, 2018: 65]. Не менее важна другая проекция, свойственная античности: за холодными артефактами следует видеть полный страстей и свершений мир/форум муз, искусств и наук, образы богов и людей.

Апогей античной музейности пришелся на основанный в III в. до н. э. Птолемеем I Спасителем Александрийский музейон, с которого обычно ведется отсчет музейной истории. Этот музейон был собранием ученых во главе со жрецом-правителем, назначаемым царем. Помимо академии (в платоновском понимании), музейон включал библиотеку, хранилище редкостей, анатомический кабинет, астрономическую обсерваторию. Он имел статус государственной институции, соединяющей функции священства и просвещения, наук и искусств, генератора и хранилища знаний [см.: Поршнев, 2012].

В дальнейшем музейность претерпела каскад превращений, которые больше напоминают дискретные траектории, чем стройный эволюционный

ряд. В Риме мусейон (*museum*) приобрел черты не столько храма или академии, сколько престижной частной коллекции, передающей статус и вкус своего обладателя; в этом качестве известны, например, располагавшиеся в загородных виллах коллекции Цицерона и Плиния Младшего. Римская музейность имела выраженный имперский крен, проявлявшийся в сборе трофеев: например, после взятия Сиракуз в 212 г. до н. э. консул Марк Клавдий Марцелл привез в Рим столько сокровищ, что город преобразился. «До той поры Рим и не имел и не знал ничего красивого, в нем не было ничего привлекательного, утонченного, радующего взор: переполненный варварским оружием и окровавленными доспехами, сорванными с убитых врагов, увенчанный памятниками побед и триумфов, он являл собою зрелище мрачное». Наполнив сиракузскими трофеями Капитолий и другие храмы, Марцелл «научил невежественных римлян ценить замечательные красоты Эллады и восхищаться ими» [*Плутарх*, 1994: 21]. Свойственный всему римскому юридический вкус выразился в оформлении правового статуса частных музеев, а затем в инициативах (Анисия Полиона и Агриппы) открытии частных художественных коллекций для публики.

Александрийский мусейон, просуществовавший восемь веков, устоял при римских императорах, но пал под напором христианства: в 391 г. по указу Феодосия I он прекратил существование за приверженность язычеству и был сожжен христианами; впрочем, еще полвека на его месте в Александрии продолжались состязания поэтов и риторов. Сходная судьба постигла созданную Платоном Академию, которая просуществовала без малого тысячелетие (385 г. до н. э. — 529 г. н. э.) и была закрыта императором Юстинианом I как твердыня язычества; академики изгнаны, имущество школы конфисковано.

Церковь переняла некоторые свойства Академии и Мусейона в теоретической схоластике и практиках создания и почитания ковчегов, рак, мощехранилищ. В церковных реликвариях, наряду с мощами и вещами, связанными с чудесами и святынями, сберегались диковины вроде античных камней, мамонтовых бивней и страусовых яиц, а также одеяния и инсигнии королей и князей (подобные хранилища существовали и в других конфессиях — буддийских, индуистских и синтоистских храмах, резиденциях халифов). Коллекционирование ценностей стало преимущественно делом монастырей и соборов, хотя частично этим занимались и частные лица, прежде всего венценосные особы. Не случайно первые публичные музеи были открыты по инициативе пап в Риме на Капитолийском холме (1471) и в Ватикане (1506).

После почти тысячелетней летаргии (считая от разрушения Мусейона христианами в конце IV в. и закрытия Академии в начале VI в.) мусейон (*museum*) и академия воскресли в итальянском Ренессансе. С XV в., когда итальянские гуманисты возвели в культ античное наследие, собирание древностей стало модным и престижным увлечением аристократии. Название *Museum* получила коллекция Лоренцо де Медичи во Флоренции, включавшая античные сосуды, камни, кубки, монеты, медали, причудливую скульптуру. Единный с музеем комплекс образовывали Платоновская академия в Кареджи, библиотека Лауренциана (*Biblioteca Medicea Laurenziana*),

планетариум Лоренцо делла Волпая, медико-анатомические лаборатории и эксперименты (в том числе Леонардо да Винчи) [см.: *Шастель*, 2001; *Кудрявцев*, 2018]. Музей Лоренцо воспроизводил в основных чертах классический Мусейон с его сетью искусств, наук и просвещения. С этого времени музеи в виде кунсткамер, вундеркамер, художественных галерей заняли прочное место в культурном ландшафте Европы.

С эпохи Возрождения музеи сравнивают с театром или, масштабнее, *Theatrum Mundi* (Театром Мира): Джулио Камилло представлял его «театром памяти», Самуэль фон Квикхеберг — «театром мудрости». Ту же идею Готфрид фон Лейбниц вкладывал в свой проект «театра всех мыслимых вещей», которым он щедро поделился с русским царем Петром I. Впрочем, в замысле Лейбница музей-театр выглядел не только моделью мира, но и живой сценой с представлением, музыкой и пением [*Ананьев*, 2018: 27, 28, 45, 152]. Не без участия Лейбница в начале XVIII в. идея мусейона в очередной раз возродилась в петербургской Кунсткамере с ее астрономической обсерваторией и анатомическим театром, натуралиями и артифисиалиями, по соседству с библиотекой, академией и университетом.

Музеи и политика

Мода на музейные коллекции как символ связи со славным прошлым ярко выразилась в эпоху Ренессанса, когда итальянские гуманисты взялись собирать и культивировать античное наследие. В эпоху Просвещения это движение вошло в геополитическую гонку имперских амбиций, колониальных захватов и нацистроительства. Как заметил Венди Шоу, «в конце XIX века музеи стали неотделимы от национализма, патриотизма и империализма, пронизывавших европейскую политику и культуру» [*Shaw*, 2003: 150]. По наблюдениям Бенедикта Андерсона, «музеи и музейное воображение в глубине своей политичны»; и «обретшие независимое государства, многое позаимствовав у своих колониальных предшественников, унаследовали и эту форму политической музеизации» [*Андерсон*, 2001: 196, 200]. По опыту латиноамериканских музеев Оскар Наварро утверждает, что «они являются продуктом не только колониального прошлого, но и колониального образа мысли», и «уже в момент своего создания являлись институтами скорее политическими, чем культурными» [*Наварро*, 2010: 5, 6]. Действительно, по большей части именно правители располагали мотивами и ресурсами создания музеев, несшими на себе отпечаток политической воли, будь то империя, нация или народ.

Музейная имперскость, унаследованная от Мусейона и античных римских музеев, возродилась в Европе Нового времени в столицах империй. Например, судьба Лувра неотделима от политики с тех еще пор, когда в королевской резиденции при Капетингах стали собирать знаковые вещи. После переезда Людовика XIV в Версаль родился замысел превращения Лувра в музей, который исполнили якобинцы: 10 августа 1793 г. Лувр был превращен в «Центральный музей искусств», а затем стал Музеем Наполеона. Директория издала конвенцию, наделявшую Наполеона миссией собирателя трофеев-сокровищ в завоеванных странах. Революционная идеология исключительности предполагала, что Франция обладает правом

присвоения сокровищ мировой культуры из других стран для украшения «царства свободы». Особенно обильно коллекция Лувра пополнилась после разграбления наполеоновской армией Ватикана, Флоренции и Венеции в 1796–1798 гг. Лувр при Наполеоне стал символом господства и мощи империи. После поражения Наполеона по вердикту Венского Конгресса немало сокровищ вернулось владельцам, но значительная часть осталась в Лувре.

Иная версия исключительности реализована в музеях Британии, освященных идеями эволюции и технического прогресса. Экспозиция Британского музея, представлявшая всю планету, демонстрировала обширность империи, над которой никогда не заходит солнце. Роль Британии как мотора индустрии, научных и технических достижений представлена в Музее Виктории и Альберта и Музее науки в Лондоне, Южном Кенсингтоне; основу их коллекций составили экспонаты первой международной ярмарки — Великой Выставки в Лондоне 1851 г. Музей Питт Риверса в Оксфорде стойко хранит преданность эволюционистской идеологии, опирающейся на идею универсального развития человечества от «дикости» к «цивилизации», высшую ступень которой воплощает в себе метрополия Британия.

Вариацию имперскости, со своей мотивационной драматургией, представляет Национальный музей этнологии в Лейдене. Создан он был в 1816 г. по воле короля Вильгельма, пожелавшего, чтобы его народ лучше узнал Японию, а музей давал советы правительству по колониальной политике. Почему именно Японию? Потому что в то время Голландия потеряла почти все свои колониальные владения, и колония в Японии осталась «единственным местом на земле, где развевался голландский флаг» [Энгелсман, 2007: 118].

В начале XIX в. вслед за революционной Францией за нациестроительство принялась вся Европа. Первые трещины на корпусе империй обозначились в создании национальных музеев. В Австро-Венгрии один за другим создавались новые музеи: Национальная Ассамблея Венгрии в 1807 г. основала национальный музей в Пеште; Моравский музей в Брно открылся в 1817 г., чешский в Праге — в 1823 г. В первой трети XIX в. музеи с идеями самобытности появились в городах и землях Австро-Венгерской империи — Загребе, Любляне, Граце, Инсбруке, Зальцбурге.

Создание национальных музеев сопровождало и деколонизацию. В Латинской Америке XIX в. эти музеи «были призваны создать идею идентичности и истории этих государств» [Наварро, 2010: 6]. После Второй мировой войны начался музейный бум в бывших колониях, при этом музеи играли роль генератора общенациональной идентичности и преодоления разноплеменности (трайбализма); для этого, например, в музее Нигерии, открытом в Лагосе в 1957 г., на этикетках вместо племенных названий предметов ставились обозначения местности, откуда происходили экспонаты, а артефакты, относящиеся к царству Бенин и другим древним цивилизациям (Нок, Ифе, Игбо-Укву), представлялись как общее культурное достояние [Willett, 1990: 172–177; Шнирельман, 2010: 15].

Политическая история конца XX в. повернула музейность на свой лад, переориентировавшись с национальных приоритетов на общеевропейские.

В странах Европейского Союза по политическим мотивам музеи этнографии превратились в нечто иное, старательно «очищенное» от шлейфа колониализма и этнической самобытности. «Начиная с 2000 года по всей Европе — от музея Бретани в г. Ренн до женеvского этнографического музея — этнографические музеи преобразуются в музеи общества» [Конт, 2007: 41, 42].

В противовес европейской музейной деэтнизации в постсоветской России случился бум этномузеев, связанный с кризисом политической системы и активацией этничности в 1980–1990-е гг. Во всех национальных республиках, округах, областях, районах, создавались или разрастались этномузеи, в том числе Этнографический музей под открытым небом «Торум-Маа» в Югре (1987), Музей чеченской старины «Донди Юрт» (1991), Этнографический музей-заповедник «Лудорвай» в Удмуртии (1997), Музей этнографии народов Башкортостана (1999), Музей народно-прикладного искусства Марий Эл (1999), природно-этнографический комплекс «Горнокнязевск» на Ямале (2001). Этому сопутствовало регионостроительство, идеологически опиравшееся на местное этнокультурное наследие и движение. Судя по политическим и идеологическим контекстам, многие музеи самостоятельно размышляют лишь на практических горизонтах хранения и экспонирования, тогда как на уровне общих идей и концепций за них думают политики и общественные активисты.

Опыт Кунсткамеры

Идеал универсального, или классического, или музея как *Theatrum Mundi* был воспроизведен в Петербургской Кунсткамере, ставшей колыбелью науки и матерью музеев России. Она повторила основные идеи античного мусейона и ренессансного музеума, будучи объединена в комплекс: музей, библиотека, университет, академия. Русская версия универсального музея неслла на себе отпечаток личных пристрастий ее создателя Петра I, который руководствовался не только советами Г. Лейбница и Х. Вольфа, но и собственными предпочтениями, августейшими капризами и веяниями европейской моды. Отсюда, например, страсть к коллекционированию инструментов (от медицинских до токарных), к приобретению и «разведению» великанов и карликов (во вкусе прусского короля Фридриха-Вильгельма I, собиравшего великанов со всех стран). В целом замысел российской кунсткамеры фокусировался на той же энциклопедичности и стремлении всеобщего охвата наук и знаний в диапазоне от анатомии как предельно внутреннем до астрономии как запредельно внешнем, а между ними, в широком спектре «от А до А», выстраивался весь ряд наук о человеке и мире.

Будучи универсальным музеем, Петербургская Кунсткамера одновременно играла роль имперского музея и лаборатории самопознания империи. Собиравшиеся в ней раритеты и курьезитеты из разных областей России формировали документально-вещественную базу природных и культурных ресурсов империи. Во многом именно собрания «народных костюмов» Кунсткамеры, поступавших из академических экспедиций, породили своего рода моду на многонародность России, выразившуюся, например, в «параде народов», устроенном в феврале 1740 г. императрицей Анной Иоанновной, а затем в изданиях журнала «Открываемая Россия» и четырехтомного труда

И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» [*Головнёв*, 2018: 11–12].

Изначально Кунсткамера соседствовала с библиотекой и служила хранилищем научных коллекций и знаний для Академии наук. Это видно по единоначалию в лице Иоганна Шумахера, совмещавшего на протяжении длительного времени, с 1724 по 1761 г., должности «библиотекариуса» (главного библиотекаря), «надсмотрителя» Кунсткамеры и секретаря Академии наук. Таким образом, Кунсткамера служила не только депозитарием, но и исследовательской лабораторией Академии. Руководили Кунсткамерой (или ее отделами) по большей части академики: С. Г. Гмелин, П. С. Паллас,² С. К. Котельников, Н. Я. Озерецковский, В. М. Севергин, П. А. Загорский, Ф. А. Севастьянов, Ф. Ф. Брандт, А. А. Шифнер, Л. И. Шренк, В. В. Радлов, В. В. Бартольд, В. В. Струве, Е. Ф. Карский, И. И. Мещанинов. Академики М. В. Ломоносов и С. Г. Гмелин занимались в Кунсткамере минералогией, Г. Крафт — физикой, К. Вольф и И. Дювернуа — анатомией и эмбриологией, И. Вейтбрехт — физиологией, Я. Штелин — искусствоведением, Г. Ф. Миллер — историей, П. С. Паллас и И. Г. Георги — естествознанием и народоведением.

Особенно эффективными во взаимодействии академии и музея были крупные экспедиции по изучению ресурсов России (как природных, так и народных) и сбору разного рода коллекций, направляемых в Кунсткамеру. Едва ли не самой результативной стала знаменитая «физическая» экспедиция 1768–1774 гг., состоявшая из нескольких отрядов во главе с П. С. Палласом, И. И. Лепёхиным, С. Г. Гмелиным, И. А. Гильденштедтом, И. П. Фальком (позже И. Г. Георги). Эта академическая экспедиция, задуманная и направленная Екатериной II при деятельном участии Г. Ф. Миллера, была посвящена широкому кругу задач от астрономии (наблюдениям за прохождением Венеры по диску Солнца в 1769 г.) до земледелия и народоведения. В Указе императрицы «испытателям природы» предписывалось: «о необработанной земле и ненаселенном месте, уповательно с пользою назначено быть может к хлебопашеству всякого рода хлеба, также к разведению винограда, хмелю, льну или табаку, или к другому чему»; «экономия населенных мест, их недостаточности, выгод в особливых обстоятельствах, причем каждому позволяется объявить свое мнение, каким образом есть что поправить для получения большей пользы»; «о размножении заводов, а особливо для шерсти, также о разведении пчел»; «о употребляемых способах ловли рыбы, также о звероловстве, звероловных ловушках, о охотничьих инструментах»; «о полезных изобретениях» и т. д. [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 1. Л. 3–4]. Отряду Палласа поручалось: «Исследовать свойства вод, почв, способы обработки земли, состояние земледелия, распространенные болезни людей и животных и изыскать средства к их лечению и предупреждению, исследовать пчеловодство, шелководство, скотоводство, особенно овцеводство. Затем обратить внимание на минеральные богатства и минеральные воды, на искусства, ремесла, промыслы каждой провинции, на растения, живот-

² Академик Паллас в 1778 г. был награжден медалью «За приложенные им труды, тщание и искусство в порядке к установлению натуральных вещей в Кунсткамере» [*Станюкович*, 1953: 158].

ных, на форму и внутренность гор и, наконец, на все отрасли естественной истории. Заняться географическими и метеорологическими наблюдениями, астрономически определять положение главных местностей и собрать все касающееся нравов, обычаев, верований, преданий, памятников и разных древностей» [Головнёв, Киссер, 2015: 63].

Эти экспедиции, по словам акад. Ф.И. Рупрехта, «навсегда остались блестящими памятниками деятельности Академии», а по оценке акад. Л.С. Берга, их «грандиозный план исследований, широта размаха и удачный подбор руководителей до сих пор вызывает у нас изумление». Маршруты академиков охватили громадные пространства империи от Белоруссии, Молдавии и Бессарабии на западе до Байкала на востоке, от Ледовитого океана на севере до Каспийского моря и Персии на юге. Участник отряда Лепехина — в ту пору еще студент, позднее академик и директор Кунсткамеры Н.Я. Озерецковский — на конференции Академии в 1779 г. обобщал этнографические результаты изысканий: теперь «нам известны отдаленнейшие Российской империи страны, какова, например, Камчатка; ... теперь мы знаем, как живет башкирец, остяк, самоед, лопарь; ... имеем истинное описание их нравов, их вер, их обряды» [Станюкович, 1953: 148].

В начале XIX в. Кунсткамера разрослась настолько, что с трудом вмещала в себя собранные и прибывающие коллекции. К тому же в науках наметился тренд от универсализма и энциклопедичности к специализации. К 1830-м годам из «матери музеев» выделились специализированные академические музеи (кабинеты): Азиатский, Анатомический, Зоологический, Ботанический, Минералогический, Египетский, Этнографический, Физический, Нумизматический, а также Кабинет Петра I. Примечательно, что в середине века (1848 г.), когда в Академии наук существовали три отделения — физико-математических наук, историко-филологических наук, русского языка и словесности — лишь два музея (Нумизматический и Египетский) были отнесены к ведомству Отделения историко-филологических наук, тогда как остальные, включая Этнографический, были определены в Отделение физико-математических наук по классу естествознания [Станюкович, 1953: 222, прим.]. Это отнесение можно считать наследием «физических» экспедиций, которые под натуральной историей подразумевали все сущее в природе, включая народы. В целом же разделение Кунсткамеры на сеть музеев — свидетельство не только переполнения экспозиции и хранилищ, но и специализации наук, в которой музеи сыграли свою лабораторную и «наглядную» роль. Сопоставляя Петербургскую Кунсткамеру с ведущими музеями Европы, Т.В. Станюкович заметила: «Процесс специализации, оказавший столь благоприятное влияние на дальнейший ход развития и размеры музеев, начался и завершился в России не полвека ранее, чем в других странах Европы» [Станюкович, 1953: 225].

План реэкспозиции

Кунсткамера замышлялась Петром I не только как хранилище реликвий и собрание материалов для наук, но и как публичное просветительское учреждение — «чтобы люди смотрели и учились». Его замыслу суждено было сбыться: в Кунсткамере, как отмечалось в 1744 г. — «всегда великое люд-

ство» [Станюкович, 1953: 24, 58]. С тех пор «великое людство» стало для Кунсткамеры повседневностью: ежегодное число ее посетителей превышает 600 тысяч, и очередь в музей тянется от входа в Таможенном переулке до набережной Невы. Не секрет, что экспозиция музея представляет собой вариант публикации (в изначальном значении «донесения до публики»), превосходящий по охвату публики иные каналы научной информации. Соответственно, от качества экспозиции напрямую зависит глубина и эмоциональный контекст транслируемого музеем и воспринимаемого посетителем знания/впечатления.

Сегодняшняя экспозиция МАЭ РАН, хоть и производит по-прежнему неизгладимое впечатление, по отзывам экспертов и посетителей, оставляет желать много лучшего, прежде всего обновления. Это диктуется как современными канонами музейного дизайна и технического оснащения, так и необходимостью новой концептуализации экспозиции. При этом цель реэкспозиции состоит не в механической модернизации старой Кунсткамеры, а, напротив, в ретро-реконструкции лучшего из ее наследия, прежде всего воссоздании изначальной Кунсткамеры петровской эпохи. Дополнительным стимулом подобной реэкспозиции служат приближающиеся юбилеи Петра I (2022 г.) и Академии наук (2024 г.). Планируемое открытие новой экспозиции «Петровская Кунсткамера» в башне исторического здания (1–5 этажи) достойно статуса «флагманского мероприятия» в череде торжеств, посвященных 350-летию Петра I. Сегодня нижние этажи знаменитой башни используются главным образом для временных выставок, и создание в ней постоянной экспозиции означает начало комплексной реэкспозиции старейшего российского музея и возвращение в храм науки (символ Академии наук) новаторского петровского духа.

Реэкспозиция подразумевает не разрушение сложившегося за три века образа музея, а его обновление и оживление, что подразумевает ретро-экспозиционные подходы, реставрацию старых экспонатов и композиций. Кунсткамера обладает самостоятельной ценностью «вещи в себе», «музея в музее», и обновление экспозиции призвано расставить дополнительные акценты ее узнаваемости и уникальности. Вместе с тем Кунсткамере, представляющей сегодня хранилище старых реликвий, предстоит вернуть себе исходное новаторское качество петровской эпохи — лаборатории-выставки ярких открытий и научных знаний.

Новая экспозиция исходит из концепции движения, сочетания сценариев, режиссуры действия, ритмов чередования динамики и статики. Некоторые элементы сценарного подхода содержатся в прежней экспозиции, например активные «живые манекены», которые всегда выделяли Кунсткамеру на фоне статичной подиумности других музеев. Динамизм ключевых композиций может достигаться глубиной мизансцен с выдвиганием на первый план главного героя (экспоната) и созданием вокруг него атмосферы события-действия.

Крупный план (на языке кинематографа) — лучший способ вовлечения посетителя в сопереживание иных эпох и культур. В этом отношении роль гидов в экспозиции играют образы и повествования путешественников и исследователей, собравших коллекцию Кунсткамеры. Их персональные

истории (крупные планы) не только погружают в конкретные наблюдения и толкования, но и разворачивают впечатляющий диапазон музейного путешествия, позволяя проследовать дорогами Д. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, С. П. Крашенинникова, П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. Ф. Крузенштерна, Ф. Ф. Беллинсгаузена, Н. Н. Миклухо-Маклая, К. Вебера. В числе собирателей экспонатов были монархи, от Петра I до Николая II («царское это дело»), а ранняя петровская Кунсткамера сложилась как метаэкспозиция, открывающая сложную и яркую натуру Петра I, его поиски и эксперименты, парадоксы тогдашней эстетики жизни и смерти.

Начиналась Кунсткамера с собрания диких, «родившихся уродов» и всего того, что «зело старо и необыкновенно». «Уродцы в банках» и сейчас служат первой ассоциацией со словом «Кунсткамера», часто затмевая другие ее ипостаси и вызывая обоснованное раздражение этнографов, антропологов и археологов. Поскольку запретить «монстров» невозможно, остается их одолеть, вернув в ту обстановку «анатомического театра», откуда их беспечно выпустили на волю прежние экспозиционеры. В какой-то мере история развития Кунсткамеры выглядит как траектория «от уродов к народам». При этом «вызов монстров» полезен музею в поисках приемов и средств реэкспозиции, по яркости и броскости не уступающих анатомическим курьезам. Это ничуть не снижает научности экспозиции, но избавляет ее от занудства схоластических схем вроде базисно-надстроечных раскладов. Напротив, этот подход возвращает науке ее кредо «ключа от тайн» и открытий. Тем самым реэкспозиция Кунсткамеры претендует на реванш науки в ее классической миссии и может сопровождаться современным методом квестов, увлекающих посетителя странностями и головоломками на пути познания разных эпох и культур.

Композиция. Сегодня в экспозиции МАЭ нет общей сквозной идеи и навигации, поскольку она сложилась ситуативно по мере поступления новых коллекций, наращивания или сокращения экспозиционных площадей, творчества разных экспозиционеров. Не исключая адекватных современной ментальности алгоритмов постмодерна — прерывности, сюжетной краткости, свободы выбора персонального интерактивного пути по экспозиции и в целом вариативности навигации по музею, — Кунсткамера в силах предложить целостную композицию «путешествия в пространстве и во времени». «Экспозиция» в данном случае рассматривается с точки зрения ее восприятия не ученым и музейным работником, а главным персонажем музея — посетителем.

Карта экспозиции должна быть предельно простой, легко улавливаемой людьми разных возрастов, культур, профессий, настроений. В многообразии коллекций МАЭ РАН тематически выделяется триада: Происхождение человека, Кругосветное путешествие, Рождение науки. На уровнях психологии и онтологии они соотносимы с троичностью шагов роста или ступеней познания, а главное — легко укладываются в любой ментальной карте.

Часть 1. Происхождение человека. В начале экспозиции реконструируется исходная для пралюдей композиция древней природы, противоборств и альянсов прачеловека с прочими представителями природного мира, иными пралюдьюми, сцен конфликтов и симбиозов, мим-адаптаций. Особо-

го места заслуживает «мистерия» конкуренции *neanderthalensis* и *sapiens* с проекцией на верхнепалеолитическую революцию, приведшую к появлению культуры, расселению человека по планете и образованию ойкумены. Прежде чем осознать таинство происхождения, посетителю предстоит погрузиться в атмосферу до-культуры и до-сознания, поняв, что «подвиг происхождения» совершен не нами (мы лишь его пользователи), а далекими палеолитическими предками. Драма погружения в до-человечность разыгрывается для того, чтобы посетитель воспринял последующие открытия и достижения как собственные прозрения.

В традиции МАЭ — сочетание в экспозиции материалов физической антропологии и археологии с показом уникальных подлинников, сохранивших свою значимость независимо от вариаций их научных трактовок. К ним относятся как собственно ископаемые находки (каменные орудия, образцы древнего искусства, монолиты погребений, фрагменты черепов и костей), так и реконструкции (например, работы М. М. Герасимова, копия панно с группой мамонтов и носорогов из Каповой пещеры, реконструкции погребений палеолита и мезолита). Именно сочетание останков человека (антропология) и культуры (археология) позволяет создать адекватный «образ древности». Особого внимания и показа заслуживают «палеолитические венеры» и другие шедевры древнейшей скульптуры малых форм, составляющие уникальную коллекцию искусства каменного века МАЭ и достойные пьедестала в центре палеолитической композиции.

Крупными монтажными узлами могут быть сцены древних технологий: каменной индустрии, обработки кости, техник добывания огня, производства керамики, металлургии, одомашнивания животных, эпохальных изобретений (лука, узда, колеса, седла и др.). Оправданы не только иллюстративные наборы из разных культур, но и «окна» отдельных культур, тем более что МАЭ располагает всемирно-известными археологическими комплексами (Кударо, Тешик-Таш, Кик-Коба, Ильская, Костенки 1, слой I–V, Костенки 4, Мезин, Елисевицы, Мальга, Афонтова гора, Ивановское 7, Олений остров, Нарвская стоянка, Ананьинский могильник и др.). Аудиовизуальное сопровождение сцен древних технологий (удары отбойника, звон скальвающейся пластинки, скрип лучкового сверла и др.) дополняют атмосферу древних мастерских.

Финал композиции, ее научное резюме или «метаэкспозиция», может состоять из сводки теорий происхождения человека. По оценке экспертов (А. Г. Козинцев и Г. А. Хлопачев), допустим и привлекателен показ как новейших теорий, так и устаревших концепций (например, созданное Г. Ф. Дебецом родословное древо человеческих рас, эффектно смотревшееся в торце зала прежней экспозиции). Этим сочетанием выражается не только «фирменный стиль» МАЭ, но и важный для науки и посетителя музея ракурс истории самопознания человека.

В этом же контексте заманчиво, хотя по-своему проблематично, использование в новой экспозиции элементов «старой Кунсткамеры»: сцен из жизни древних людей в диорамных шкафах, скульптурной группы «Синантропы», коллекции герасимовских бюстов. Для показа актуальных концепций палеоантропологии и особенно палеогенетики, не представленных в преж-

них экспозициях и коллекциях Кунсткамеры, понадобятся новые схемы, фотографии, анимационные сюжеты, выполненные на основе современных технологий.

Часть 2. Кругосветное путешествие. МАЭ РАН — единственный отечественный музей народов мира, и новая экспозиция сохраняет традиционный для него глобальный диапазон. Исходной точкой отправления в кругосветное путешествие оказывается Африканская прародина человека, откуда он (а вслед за ним посетитель музея) проходит всю планету с ее многообразием культур — одним из главных достижений и достояний человечества. Кунсткамера обладает потенциалом мирового и отечественного центра изучения этнокультурного наследия и многообразия, и это кредо научно-исследовательской стратегии МАЭ РАН должно быть запечатлено в центральной (самой объемной) части экспозиции.

Континенты и наполняющие их культуры представляются в новой экспозиции в относительной географической последовательности (развертку глобуса невозможно точно наложить на этажи Кунсткамеры), начиная с Африки. Это позволяет всякий раз поддерживать разговор о путях заселения той или иной части света, как и в целом о древних коммуникациях, миграциях и современных межэтнических контактах. Это же актуализирует в экспозиции фигуры «гидов» — мореплавателей и землепроходцев, путешественников и исследователей, собиравших коллекции для Кунсткамеры. Этим параллелизмом путей и лиц оттеняется стиль МАЭ, в котором первичны и подлинны не только экспонаты, но и исследования, которые привели к рождению науки о народах. Знаменитые путешественники П. С. Паллас, И. Г. Георги, Дж. Кук, Ф. Ф. Беллинсгаузен, Н. Н. Миклухо-Маклай, В. В. Юнкер, В. К. Арсеньев и другие выступают проводниками в мир изучаемых стран и народов.

Показ народов и культур «глазами путешественника» предполагает акценты на их ярких самобытных чертах, в классическом стиле описания «диковин» Марко Поло (это соответствует и общему тону экспозиции). Каждая культура по-своему «встречает» посетителя, предлагая интригу-загадку своих символов, этикета, эстетики. Этим «первым встречным» может быть персонаж (японский самурай, тлинкитский шаман, бенинский вождь) или сцена («танец божественной обезьяны», инициация, врачевание), сразу привлекающие к себе внимание и «завлекающие» посетителя в очередную культуру. Экспозиция каждой культуры должна создавать иллюзию вхождения в нее (сейчас это зримо и ощутимо лишь в Индийском зале), что может дополняться и оттеняться соответствующими звуками и запахами. Цветовая гамма оформления экспозиции должна соответствовать представляемой этнической традиции. Экспозиции одновременно информативны (научны) и образны (художественны), раскрывая различными средствами эстетику культур, создавая индивидуальный эмоциональный образ каждой из них.

В каждой этнокультурной композиции ощутим диалог между туземной культурой и иноземным путешественником (или посетителем музея). С одной стороны, культуры сами «говорят»; с другой — их толкование путешественниками «переводит» их смыслы и ценности на общедоступный язык. Впрочем, каждая культура вправе в какой-то мере оставаться загадкой и со-

проводятся особым квестом распознавания этнических символов (кодов) в мифологии, религии, обрядности, этике.

Экспозиция отражает богатство и глобальный диапазон коллекционного собрания и проводимых МАЭ РАН исследований. Она призвана побуждать посетителя удивляться, задавать вопросы и делать собственные открытия — вслед за исследователями, судьбы которых запечатлены в истории Кунсткамеры.

Часть 3. Петровская Кунсткамера, или Рождение науки (Башня знаний). Основанная Петром I Кунсткамера стала колыбелью отечественной науки, и история Академии наук видна в хронике, экспонатах и самом здании Кунсткамеры (один из разделов сайта МАЭ РАН удачно назван «Кунсткамера — все знания о мире в одном здании»). Однако сегодня фрагменты истории науки и Кунсткамеры рассеяны по разным уголкам этажей экспозиции, и есть смысл собрать их в единый блок.

Главными героями этой части экспозиции (1-й этаж башни) выступают выдающиеся деятели зарождающейся российской науки, начиная с Петра I, волею которого была создана Кунсткамера (1714), а затем Академия наук (1724). Петр с его увлечениями и странностями достоин максимально крупного плана в этом блоке экспозиции, чтобы у посетителя не осталось сомнений: он — свидетель анатомических и медицинских экспериментов царя Петра, сбора по Европе книг и ученых для российской Академии, издания указов об исследованиях и коллекционировании редкостей. Здесь же, в ряду первых шагов российской науки в медицине и астрономии (знания о человеке и вселенной), располагается Анатомический театр Фредерика Рюйша — не разбросанные по витринам «уродцы», а препараты аутопсии и экспонаты науки анатомии, составляющей основу физической антропологии. Условный диалог Петра и Рюйша (с участием лейб-медиков и первых руководителей академии Р. Арескина и Л. Блюментроста, а также «надсмотрителя» Кунсткамеры И. Шумахера) — драматургия зарождения отечественной науки.

Следующий раздел экспозиции (2-й этаж башни, Ротонда) посвящен экспедициям — прежде всего академическим, — заложившим основы природоведения и народоведения в России. Две сферы экспозиционного круга представляют, соответственно, пути по морю и по суше: экспедиции Д. Мессершмидта и В. Беринга, Первую и Вторую Камчатские, «физических» академические и другие экспедиции. Длительные и уникальные по глубине и охватам пространств и знаний экспедиции П. С. Палласа и И. Г. Георги привели к рождению отечественного народоведения и созданию первого в мировой истории систематического свода описаний народов Российской империи, положив начало науке этнографии. Это не только научный приоритет, но и глубокая традиция, устойчиво сохраняющаяся в мировоззрении и идеологии современной России с ее этнокультурным многообразием и специфической национальной политикой.

«Музей М. В. Ломоносова», занимающий ныне 3-й этаж башни, дополняется в новой экспозиции драматургией поиска национальной идентичности и нациестроительства. Именно здесь находится знаменитый академический «стол конференцкий», за которым родилось множество ярких идей,

в том числе концепция многонациональной России. Значимой для становления отечественных гуманитарных знаний была интеллектуальная дуэль Ломоносова и Миллера, ставшая кульминацией российского самоопределения и нациестроительства. В этом отношении Музею Ломоносова и его центральному экспонату «столу конференцскому» следует вернуть ауру академических дебатов о «происхождении имени и народа российского»: автор одноименной диссертации, профессор Г. Ф. Миллер, выдержал 29 заседаний Чрезвычайного собрания академиков в 1749–1750 гг., в ходе которых, по словам его оппонента М. В. Ломоносова, «замахивался в собрании палкою и бил ею по столу конференцскому».

В башне Кунсткамеры размещалась первая российская обсерватория, предшественница Пулковской, и экспонируемая на 4-м этаже коллекция инструментов XVIII в. представляет историю астрономии. Венчает башню (5-й этаж) зал со знаменитым Большим Готторпским глобусом, который, помимо регулярного ухода, заслуживает виртуального клонирования — создания аттракциона «космических путешествий» XVII–XVIII вв. (изначально Готторпский глобус и был аттракционом путешествия по галактике).

Петровская Кунсткамера — музей-энциклопедия, в котором соединены начала всех наук, от анатомии (Анатомический театр с коллекцией Рюйша) и астрономии (Готторпский глобус) до истории самопознания России. Пантеон великих «призраков Кунсткамеры», включая императоров российских, от первого до последнего, а также легендарных путешественников, создает грандиозное полотно открытий и достижений, достойных юбилейного представления в новой экспозиции. Кунсткамера стала лабораторией отечественного народоведения (этнографии) и послужила развитию знаний о древностях (археологии).

История Кунсткамеры включает этапы развития музейного дела, которые могут быть проиллюстрированы шкафами и другой выставочной атрибутикой разных времен. Важно достижение включенности посетителя в архитектуру Кунсткамеры и осознание того, что он находится в здании первого российского научного учреждения и публичного музея. Историческое здание Кунсткамеры имеет огромную ценность как феномен российской науки и культуры, и само пребывание в нем должно осознаваться посетителем как своего рода инициация.

На примере МАЭ РАН видны пути актуализации культурного наследия как ответ на ставший уже традиционным вопрос, возможно ли вообще открыть доступ к хранящейся втуне уникальной, но экспонируемой лишь на полпроцента, 1,2-миллионной коллекции Кунсткамеры? Положительный ответ предполагает три направления действий: (1) Реэкспозиция с дальнейшей постоянной ротацией и обновлением элементов постоянной экспозиции; (2) Строительство и запуск нового научно-хранительского комплекса с открытым (экспозиционным) хранением части коллекций; (3) Цифровизация фондов и создание киберэкспозиций, открытого кибер-хранения, запуск масштабного научно-мультимедийного проекта «Цифровая Кунсткамера».

Академический музей — *Theatrum Mundi*, исследовательская лаборатория, хранилище раритетов и диковин, энциклопедия знаний, экспозиция науки и искусства — сегодня может дополнить свою миссию музеологией

(музейной рефлексией) в поиске ответов на вызовы информационной революции и цифровизации, особенно в соотношении «материальный подлинник — цифровая копия», в решении проблем и определении перспектив изучения, хранения и актуализации культурного наследия.

Список литературы

1. *Ананьев В. Г.* История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
3. *Головнёв А. В.* Этнография в российской академической традиции // *Этнография.* № 1. 2018. С. 6–39.
4. *Головнёв А. В.* Музейное мышление: соблазн открытия и инстинкт хранения // *Кунсткамера.* № 3 (5), 2019. С. 9–18.
5. *Головнёв А. В., Киссер Т. С.* Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // *Уральский исторический вестник.* № 3 (48). 2015. С. 59–69.
6. *Конт Ф.* От этнографических музеев к музеям общества. Размышления по поводу французского опыта // *Антропологический форум.* 2007. № 6. С. 41–47.
7. *Кудрявцев О. Ф.* Флорентийская платоновская академия (Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии). 2-е изд. М.: Лум, 2018.
8. *Наварро О.* История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // *Вопросы музеологии.* 2010. № 2. С. 3–11.
9. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М.: Наука, 1994.
10. *Поршнев В. П.* Музей в культурном наследии античности. М.: Новый Акрополь, 2012.
11. *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М. — Л. Изд-во АН СССР, 1953.
12. *Шастель А.* Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. М., СПб.: Университетская книга, 2001.
13. *Шнирельман В. А.* Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // *Этнографическое обозрение.* 2010. № 4. С. 8–26.
14. *Shaw W. M. K.* Possessors and Possessed. Museums, Archaeology, and the Visualization of History in the Late Ottoman Empire. Berkeley: Univ. of California Press. 2003.
15. *Stránský Z. Z.* Archeologie a muzeologie. Brno: Masarykova univerzita, 2005.
16. *Willett F.* Museums: two case studies of reaction to colonialism // *The politics of the past.* Eds. P. Gathercole, D. Lowenthal. L.: Unwin Hyman, 1990. P. 172–188.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.008

Часть 2

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Ленинградские учёные в годы блокады¹

И. В. Тункина

22 июня 1941 г. с началом Великой Отечественной войны указами Президиума Верховного совета СССР в Ленинграде и области было введено военное положение и объявлена мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения.

Еще в 1934 г. по решению советских властей Академия наук СССР была переведена из Ленинграда в Москву. В северной столице осталось большинство учреждений Отделения общественных наук (Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра, Институт антропологии, археологии и этнографии, Историко-археографический институт, Институт книги, документа и письма, Институт русской литературы, Институт востоковедения, Музей истории религии, Институт истории науки и техники, Лаборатория консервации и реставрации документов), институты других отделений (Физико-технический, Оптический, Ботанический, Зоологический институты, Институт физиологии и др.), а также учреждения при Президиуме АН СССР — Библиотека и Архив [Тункина, 2018: 122]. На начало 1941 г. в Ленинграде действовало 49 учреждений Академии наук СССР из 175 по всей стране (28%): 14 научных институтов, Пулковская астрономическая обсерватория, Библиотека, Архив, три музея, Дом ученых, 10 лабораторий, 4 комиссии, 2 станции, Тихоокеанский комитет, Географическое и Энтомологическое общества, 9 вспомогательных учреждений. Самыми крупными учреждениями являлись Ботанический институт со штатом 362 человека, Типолитография — 312 чел., Библиотека — 270 чел., и Физико-технический институт — 178 сотрудников [Анфертьева, 2008: 164].

Непредвиденно быстрое продвижение фашистских войск к Ленинграду в первые месяцы войны поставило под угрозу значительную и старейшую часть научного потенциала страны. 16 июля 1941 г. Совет по эвакуации при Совнаркомe СССР принял решение об эвакуации из Ленинграда учреждений АН СССР². Довоенный мобилизационный план предусматривал пере-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 18-09-40116 и № 20-59-07003, подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» (I. 25) объединенного проекта Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечение стратегического прорыва России» (2018–2020).

² Подробнее об истории АН СССР в годы войны см.: Лёвшин, 1966; 1983.

мещение эвакуированных учреждений в Томск, но в июле 1941 г. главным местом эвакуации была определена Казань, которая не могла вместить даже институты Физико-математического отделения и Отделения технических наук. В результате учреждения АН СССР были рассредоточены в 45 пунктах отдаленных от фронта регионов. Летом 1941 г. организованно эвакуировались из Ленинграда только три института — Физико-технический, Радиевый и Химической физики, деятельность которых была переориентирована на оборонную тематику [Кольцов, 1962: 26].

Через месяц после начала войны, 22 июля в специальном вагоне в пансионат Боровое Акмолинской области Казахстана выехали вместе с семьями академики А. П. Баранников, С. Н. Бернштейн, Б. М. Ляпунов, А. С. Орлов, А. И. Тюменев, А. Е. Фаворский и член-корреспондент Л. С. Берг [Кольцов, 1997: 94]. В первой половине августа эвакуация научных учреждений была приостановлена: преимущество в очередности вывоза из Ленинграда получили промышленные предприятия, учебные и детские заведения.

Война нарушила привычный уклад жизни научных учреждений и ученых, которая медленными темпами стала перестраиваться на военный лад. События показали полную организационную неготовность Административно-хозяйственного управления АН СССР к жестким нормам военного времени. Блокадные дневники директора Архива АН СССР Г. А. Князева свидетельствуют о непонимании и пренебрежении властей страны и города, а также академического руководства к Архиву Академии наук и другим уникальным академическим собраниям Ленинграда — сначала принимались противоречивые решения об их эвакуации, затем о них просто забыли [Козлов, 2010: 154–155, 158]. Сотрудники учреждений АН СССР с богатейшими научными коллекциями и архивными собраниями оказались в одиночестве, борясь не только за спасение вверенных им научных и культурных ценностей, но и за собственную жизнь.

В конце июня 1941 г. сотрудники Архива АН СССР в ожидании объявления эвакуации начали обеспыливание, упаковку и перемещение наиболее ценных документов, укрепляли окна и двери фанерой и мешками с песком. На 7-й день войны Г. А. Князев записал содержание дискуссии о судьбе архива М. В. Ломоносова: «Наконец решили, что рациональнее всего будет поместить рукописи Ломоносова вместе с рукописями Пушкина в бронированной комнате в И [нституте] Л [итературы]», т. е. Пушкинском Доме, что не было осуществлено. Два дня спустя заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома Б. П. Городецкий пришел к Г. А. Князеву за советом, как сохранить рукописи «Пушкина, Ломоносова, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Толстого и др. На Городецком лица нет. Не может спать...» [Князев, 2009: 45]. 6 июля 1941 г. наиболее ценные материалы Рукописного отдела, музея и библиотеки, музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке, 12, упакованные в 27 ящиков, в составе эвакоэшелона Артиллерийского музея были вывезены в Новосибирск [Иванова, 2006: 282–283].

Патрон академического архива, председатель Комиссии по истории АН СССР академик С. И. Вавилов, приехавший в Ленинград 7 июля 1941 г., рекомендовал Г. А. Князеву готовить основные документальные ценности к эвакуации. Директор Государственного Эрмитажа, член Ученого совета

Архива АН СССР акад. И. А. Орбели согласился присоединить их ко второму эвакуационному музею³. Документы академического архива в объеме 30 ящиков, т. е. не более 1/100 части документов всего архива, были эвакуированы. Рукописи И. Кеплера, Л. Эйлера, Г. Ф. Миллера, М. В. Ломоносова, П. Н. Лебедева, И. П. Павлова, Г. Лангсдорфа, подлинные протоколы заседаний Конференции АН XVIII — начала XX в., «ученая корреспонденция», акварели М. С. Мериан и рисунки экспонатов Кунсткамеры XVIII века, автограф наказа Екатерины II Комиссии по составлению нового уложения, ряд других ценностей были вывезены в Свердловск, где был организован филиал Эрмитажа [СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 483. Л. 22]. В составе того же второго эвакуационного Эрмитажа удалось отправить в тыл 42 ящика личной библиотеки А. С. Пушкина из Пушкинского Дома. Третий эрмитажный эшелон, в котором должна была эвакуироваться еще одна партия академических документов, включавшая фоновалики уникального Фонограммархива Пушкинского Дома, уже выехать не смог — кольцо блокады сомкнулось. Упакованные ящики всю войну хранились в подвалах Эрмитажа [Иванова, 2006: 283].

Учёные, эвакуировавшиеся из города, оставляли свои личные архивы и документы своих учителей на хранение в Архиве АН СССР. Летом 1941 г. были приняты документы профессоров Т. П. Кравца, Н. И. Степанова, М. Д. Приселкова, И. В. Кучина, академиком И. П. Павлова, Н. Я. Марра, А. А. Борисяка и Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, членов-корреспондентов В. М. Жирмунского, Н. И. Степанова, В. Н. Любименко и В. П. Вологодина. С. А. Коплан-Шахматова передала переписку своего отца акад. А. А. Шахматова, вдовы Л. Я. Штернберга и С. П. Глазенапа принесли в академический архив документы своих мужей. Собиравшиеся эвакуироваться академики Н. С. Державин, С. А. Зернов и Е. Н. Павловский сдали свои архивы в августе 1941 г. [Анфертьева, 2008: 170]. Инициатива спасения документов зачастую исходила от самих академических архивистов, которые в свободное от строительства оборонных укреплений время ездили в Пулково, упаковывали архив Главной астрономической обсерватории, который по частям перевозился в Архив АН СССР. Благодаря этому фонд Пулковской обсерватории за первые 100 лет ее существования дошел до нас в полном виде [Тункина, 2011: 82–83].

Во всех академических учреждениях началось сокращение штатов — увольняли сотрудников, ушедших в РККА или эвакуированных из города. Благодаря академикам И. И. Мещанинову и И. А. Орбели Архив АН СССР оказался единственным академическим учреждением, где сокращений практически не было [Анфертьева, 2008: 168]. Напротив, штат сотрудников Института языка и мышления, составлявший на 1 января 1941 г. 190 человек, на 1 августа был утвержден в количестве 121 человека [Анфертьева, 2005: 17–18].

Сотрудники АН СССР в возрасте от 18 до 50 лет вступали в народное ополчение, отряды которого к 7 июля 1941 г. насчитывали 160 тыс. чел.,

³ В числе сотрудников Эрмитажа со вторым эшелонном была эвакуирована археолог-кавказовед Е. Г. Пчелина (1895–1972) с 12-летним сыном Георгием. Вплоть до 1944 г. в Свердловском филиале Эрмитажа она охраняла эрмитажные ценности и сокровища академического архива, а перед смертью завещала свой личный фонд в Архив АН СССР [Тункина, 2019: IX].

мобилизованные уходили на фронт. К середине августа фашисты вышли на ближние подступы к городу: на строительство оборонных укреплений и различные «трудповинности» летом и осенью 1941 г. отправлялись оставшиеся служащие учреждений АН СССР. Женщины становились сандружинницами и обучались на курсах медсестер (к примеру, в Зоологическом институте РАН их насчитывалось 18 чел.), во внеслужебное время ходили на дежурства в госпитали, штопали солдатскую одежду [Кольцов, 1962: 18–20, 25]. По словам Г. А. Князева, они больше мужчин делали для фронта [Князев, 2009: 225].

Начиная с середины июля 1941 г. многие институты организовали отряды противовоздушной обороны и установили круглосуточные дежурства по своим зданиям, с целью сохранения бесценных научных, музейных и архивных коллекций, которые необходимо было сохранить от бомбежек и пожаров. В группу Местной противовоздушной обороны Ботанического института входило 50 чел., Института этнографии — свыше 30 чел. В ночь с 10 на 11 сентября 1941 г. на здания Зоологического института и Библиотеки АН СССР упали первые зажигательные бомбы. В ночь с 17 на 18 октября дежурные по Зоологическому институту поднимались по тревоге 4 раза — 24 зажигательные бомбы были сброшены на чердак и во двор здания, в ту же ночь загорелась башня Кунсткамеры. В ликвидации этих пожаров участвовали будущие члены АН СССР А. Н. Световидов и Д. А. Ольдерогге [Кольцов, 1962: 21, 41, 42].

Работа всех академических учреждений Ленинграда и тематика научных исследований были переориентированы на решение оборонных задач. В июле 1941 г. при горкоме партии была создана Комиссия по реализации оборонных предложений во главе с акад. Н. Н. Семеновым, в которую вошли академики А. Ф. Иоффе, Б. Г. Галеркин (эвакуированы в первые месяцы войны), а также специальная техническая комиссия, которые рассматривали оборонные изобретения и помогали промышленности в организации выпуска оборонной продукции и совершенствовании техники производства. Естественно-научные учреждения занимались такими проблемами, как размагничивание кораблей, разработка средств против обледенения самолетов (проф. П. П. Кобеко), радиолокация, составление таблиц стрельбы для артиллеристов (акад. В. А. Фок) и таблиц восходов и заходов Солнца и Луны, разработка новых составов высококачественных сталей (акад. А. А. Байков, М. А. Павлов), изготовление противочинготного средства из хвои и др. [Кольцов, 1962: 26–28].

Не оставали и ученые-гуманитарии. Сотрудники Института языка и мышления АН СССР выполняли специальные задания Геодезической части Штаба Ленинградского военного округа по транскрипции и переводу топонимов на военных картах, составляли военные разговорники и словари. Сотрудники Ленинградского отделения Института истории АН СССР во главе с акад. Е. В. Тарле издали сборник документов и материалов «Отечественная война 1812 г.» (М.; Л., 1941), отдавали много сил пропагандистской и лекционной работе на предприятиях, в воинских частях и госпиталях. В 1941 г. историки и филологи издали целую серию научно-популярных статей в периодике и брошюры для красноармейцев — акад.

Е. В. Тарле «Отечественная война 1812 г. и разгром империи Наполеона», проф. В. В. Мавродин «Ледовое побоище», чл.-корр. Н. К. Пиксанов «Русская художественная литература о всенародной борьбе с Наполеоном» и др. Сотрудники Института востоковедения АН СССР по заданию политуправления Красной Армии составили географо-этнографические справочники по странам Востока, серию небольших словарей и разговорников [Кольцов, 1962: 34–36]. Военно-шефский сектор Дома ученых организовал лекционное обслуживание воинских частей Ленинградского фронта и кораблей Балтийского флота, госпиталей и предприятий оборонной промышленности и пр. [СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 5. Д. 60. Л. 3].

С начала блокады Ленинграда 8 сентября 1941 г. массовая эвакуация стала уже невозможной. Вывозились лишь отдельные группы ученых, в основном на самолетах. По приказу властей академики — классик отечественного антиковедения С. А. Жебелёв и славист Н. С. Державин — 19 сентября 1941 г. выехали на машине на аэродром в Старую Деревню, но вернулись обратно, так как началась бомбежка, после чего 74-летний Сергей Александрович Жебелёв категорически отказался покидать город [Кольцов, 2000]. В Ленинграде оставалось около 2000 сотрудников Академии наук (не считая обслуживающий персонал), в том числе 12 академиков и 15 членов-корреспондентов [Кольцов, 1997: 99].

25 октября 1941 г. Совет по эвакуации СНК СССР принял постановление об эвакуации на самолетах из Ленинграда 1100 научных сотрудников и членов их семей, в том числе 200 наиболее крупных ученых. Указывалась необходимость вывоза наиболее ценного имущества и оборудования институтов — Физиологического, Зоологического, Ботанического, Истории материальной культуры, Языка и мышления, отделений Математического института и Института истории, но из-за сложного положения на фронтах реализация этого постановления растянулась на многие месяцы [Кольцов, 1962: 45]. Академик С. А. Жебелёв вспоминал, что к 28 октября 1941 г. он стремился удовлетворить своей резолюцией пожелания около 1000 сотрудников АН СССР, стремившихся эвакуироваться из блокадного города [Кольцов, 2000: 367], но объявленная в начале декабря 1941 г. эвакуация научных сотрудников и членов их семей не состоялась [Князев, 2009: 421].

Г. А. Князев не без издёвки записал в дневнике, что многие директора академических институтов эвакуировались в первую очередь, оставив своих сотрудников на произвол судьбы, уйдя «с капитанского мостика первыми» (8 января 1942 г.) [Князев, 2009: 192]. Так, в конце ноября 1941 г. фактически бежал из Ленинграда под предлогом командировки в Казань заместитель директора Института литературы Л. А. Плоткин, руководивший им вместо жившего в Москве директора Пушкинского Дома П. И. Лебедева-Полянского. Л. А. Плоткин проводил еженедельное сокращение штатов, что было равносильно смертному приговору — увольняемый лишался карточек, а поступить на работу в блокадном городе было фактически невозможно [Иванова, 2006: 285–286].

Руководство ленинградскими учреждениями АН СССР во время войны первоначально осуществляла Ленинградская группа членов Президиума АН во главе с Л. А. Орбели, П. И. Степановым и И. И. Мещаниновым, ко-

торая провела свое первое заседание лишь 25 августа 1941 г. Но и эти академики, получавшие рабочий паек, оставили Ленинград в октябре 1941 г., когда были «отозваны» специальным распоряжением правительства [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 18. Д. 10. Л. 11]. Затем руководителем группы стал акад. С. А. Жебелёв, с 7 ноября возглавивший Институт истории материальной культуры АН СССР. 21 октября 1941 г. группа была преобразована в Комиссию по делам ленинградских учреждений АН СССР, в которую вошли акад. А. А. Байков, проф. М. И. Артамонов, А. Г. Гинецинский, а с ноября — акад. И. Ю. Крачковский [Кольцов, 2000: 356].

Первая блокадная зима стала самой страшной для Ленинграда. Проблема снабжения города продовольствием встала уже с середины лета 1941 г. — с 18 июля ленинградцы стали получать хлеб по карточкам [Князев, 2009: 79]. Исполком Ленгорсовета разработал «Инструкцию о разбивке контингентов населения по группам». Нормы снабжения продуктами определялись принадлежностью к одной из четырех групп: 1) рабочие и инженерно-технические работники; 2) служащие; 3) иждивенцы; 4) дети до 12 лет. Но «Инструкция» не могла учесть все категории населения, и в августе 1941 г. к ней появилось дополнение. Самые большие нормы снабжения были у *первой группы*, в которую вошли руководители промышленности и рабочие различных профессий, в том числе «работники партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов, находящиеся на выборной освобожденной работе», а также «повара всех разрядов, судомойки, корневищицы и кухонные рабочие, уборщицы кухонь; поломойки, мойщицы машин, полотеры, истопники бань и прачечных, уборщицы бань и прачечных, метельщики улиц, садов и парков, гладильщики белья в прачечных, рабочие магазинов, древоколы предприятий».

Ко *второй группе* относилась большая часть служащих, в том числе «директора, профессора, доценты, аспиранты ВУЗов, ВТУЗов и техникумов; директора НИИ, кроме НИИ промышленности, <...> научные сотрудники, учителя начальных и средних школ, врачи, артисты и т.д.». Персональные пенсионеры, инвалиды войн, академические пенсионеры и пенсионеры-орденоносцы, ранее признанные «иждивенцами», с августа 1941 г. были отнесены ко второй группе, куда включили также и «служителей культа» [Анфертьева, 2008: 171]. Научные работники снабжались по нормам служащих: с 16 июля — 600 граммов хлеба, со 2 сентября — 400 граммов, с 11 сентября — 300 граммов, с 1 октября — 200 граммов, с 13 ноября — 150 граммов, с 20 ноября 1941 г. — 125 граммов. С ноября 1941 и в 1942 гг. как пищевую добавку к блокадному хлебу примешивали гидроцеллюлозу, получаемую из хлопка и древесной целлюлозы. Постановлением Ленсовета от 29 октября 1941 г. столовые Дома ученых АН СССР и клуба ученых Политехнического института были приравнены к столовым предприятий оборонного значения, но они смогли обслуживать лишь небольшую часть оставшихся в Ленинграде научных сотрудников [Кольцов, 1962: 43, 50, 56].

С 25 декабря 1941 г., после открытия «дороги жизни» по Ладоге, хлебный паек немного увеличился. Служащие стали получать 200 граммов хлеба в день вместо 125. На рубеже 1941–1942 гг. в течение трех суток хлеб в город не поступал совсем, что стало причиной гибели тысяч ленинградцев.

24 января 1942 г. норма хлебного пайка увеличилась до 300 граммов, но это мало помогало обессиленным людям. «Мороз многих доканал, помимо голода», — записал Г. А. Князев. К тому времени уже замерзли водопроводные трубы, вышла из строя канализация, не было электричества, не ходил общественный транспорт. Ленинградцы жили в нетопленных квартирах и шли на работу в промерзшие учреждения. Несмотря на пронизывающий холод, сильный ветер, бомбежки и артобстрелы, переболевший детским полиомиелитом Г. А. Князев на своей инвалидной коляске с ручным управлением практически ежедневно совершал путь по Университетской набережной в Архив АН СССР от Дома академиков (угол 7-й линии Васильевского острова и набережной лейтенанта Шмидта до Университетской наб., д. 1) и обратно.

Энтузиазм первых месяцев войны к поздней осени и зиме 1941/1942 гг. сменился у блокадников апатией и безразличием к собственной судьбе. В конце декабря 1941 г. А. Князев констатировал, что большинство горожан впали в состояние безразличия и апатии — они перестали дежурить на крышах и чердаках и спускаться в бомбоубежища во время бомбежек и обстрелов [Князев, 2009: 372]. Свыше 90% научных работников страдали дистрофией. Женщины оказались живучее мужчин: «погибает их в сравнении с мужчинами 7–8 процентов, остальной чудовищный процент приходится на долю мужчин», — записал Г. А. Князев 9 января 1942 г. [Князев, 2009: 394]. Страшный голод стал хронической болезнью и причиной вымирания в блокаду около 1 млн 500 тыс. ленинградцев — точные цифры погибших до сих пор неизвестны.

Несмотря на голод, холод, артобстрелы, бомбежки, стоящий замороженный транспорт научная жизнь в Академии наук продолжалась. Возглавлявший Комиссию по делам ленинградских учреждений АН СССР академик С. А. Жебелёв скончался от голодного истощения 28 декабря 1941 г., в ночь на 1 января 1942 г. ушёл из жизни семитолог, академик П. К. Коковцов. После смерти С. А. Жебелёва работу Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР возглавил академик И. Ю. Крачковский. Эта комиссия регулярно, 2–3 раза в неделю, проводила заседания, на которых обсуждались организационные вопросы и заслушивались научные доклады. 16 марта 1942 г. комиссия решила создать Объединенный ученый совет гуманитарных институтов (Востоковедения, Литературы, Истории материальной культуры, Языка и мышления, Ленинградского отделения института истории) во главе с акад. И. Ю. Крачковским [Иванова, 2006: 287]. «Значение этой Комиссии, единого связующего звена всех ленинградских учреждений Академии, было очень велико...: она брала на себя, в зависимости от обстоятельств, в нужных случаях решение и научных, и организационных и, в особенности, бытовых вопросов, обыкновенно в очень трудных условиях. Она старалась в меру своих возможностей поддержать и научную работу, и сохранить в целостности богатые фонды академических учреждений, и спасти наличные кадры работников как входивших в их состав, так и оставшихся в Ленинграде по различным обстоятельствам без поддержки», — подчеркивал И. Ю. Крачковский [цит. по: Анфертьева, 2008: 169–170]. Отказывавшегося эвакуироваться академика И. Ю. Крачковского 25 июля 1942 г. вывезли из Ленинграда тяжело больным и истощенным.

Страницы дневника пережившего первую блокадную зиму Г. А. Князева ценны бытовыми подробностями о жизни простых людей, живших в прифронтовом Ленинграде. Они ярко рисуют настроения и условия жизни рядовых ленинградцев — регулярные артобстрелы и бомбежки, сведения о положении на фронтах; трусость, растерянность, жестокость, покорность судьбе одних, — взаимопомощь и взаимовыручку других, общие страдания и ежедневную борьбу за выживание жителей холодного, темного и постепенно вымирающего города. Г. А. Князев создал целую портретную галерею ленинградцев — от академиков до дворников и уборщиц; скрупулезно зафиксировал череду смертей близких, коллег, знакомых. Информацию он черпал на «малом радиусе» общения, ограниченном миром академических учреждений, Домом академиков, где он жил, а также из ежедневных наблюдений и сведений, почерпнутых из пропущенных сквозь фильтр цензуры газет, писем с фронта и фронтовых сводок [Козлов, 2010; Тункина, 2011: 80]. Добровольный летописец событий пришел к выводу, что «ни газеты, ни письма не отражают переживаемого нами времени» (запись 12 февраля 1942 г., 236 день войны) [Князев, 2009: 480].

По мнению Г. А. Князева, война четко разделила блокадников по типам поведения на «героев», стойчески переносивших лишения и тяготы блокадной жизни, и «шкурников» [Князев, 2009: 710]. «Испытания не сблизили, а разъединили людей. Всякий думает только о себе. А ослабел или умер — и со счетов долой» (12 марта 1942 г.) [Князев, 2009: 534]. Он отметил разобщенность людей даже в среде жильцов академического дома — обстоительства времени заставляли ленинградцев бороться за существование поодиночке, они начали жить «все сами по себе. Даже нет самой простой и элементарной взаимопомощи. Особенно изолированно держались и раньше семья академиков... Другие жильцы также чуждаются друг друга, и не из гордости, а из своей мещанской или чиновничьей природы... Живем все врозь, без всякой взаимопомощи, ... изолированно переживаем все трудности» (13–14 января 1942 г.) [Князев, 2009: 400].

Голод и дистрофия ослабили людей настолько, что уже в конце января 1942 г. пришлось отказаться от ночных дежурств в академических учреждениях. 7 февраля 1942 г. А. Князев записал: «На службе... холод, мерзость запустения... Сотрудники усталые, осунувшиеся, ничего не делающие» [Князев, 2009: 461]. Запись от 21 февраля 1942 г.: «Сейчас все мои мысли сосредоточены на том, как бы сохранить затухающую жизнь в Архиве Академии, которым я ведаю, и сохранить его как один из самых замечательных архивов по истории русской культуры, и в особенности науки, за два с лишним века. А сил становится и у меня, и у сотрудников все меньше!..» [Князев, 2009: 499]. До 80% сотрудников отсутствовали на работе как мобилизованные в РККА, по болезни или смерти [Анфертьева, 2008: 173]. «Мы — люди самые обыкновенные, ничем не замечательные, и записывать что-нибудь героическое мне просто нечего, — писал Г. А. Князев. — Одно только и есть достойное внимания — это то, что мы работаем все время, даже во время тревог на службе работа не прекращается. Вот и все, что можно отнести к нашему «геройству». Это, в сущности, и немало при всем том, что сейчас приходится переживать ленинградцам» [Князев, 2009: 128].

В феврале 1942 г. по «дороге жизни» на одном из грузовиков с эвакуированными академическими сотрудниками уехал историк из Ленинградского отделения Института истории АН СССР С. А. Аннинский. После переезда через Ладожское озеро эвакуированным дали хлеб: Аннинский съел слишком много и сразу умер. В блокадном городе из членов АН СССР к августу 1942 г. оставался только физиолог академик А. А. Ухтомский, организовавший исследования по травматическому шоку для нужд обороны. Он сначала отправил в тыл оборудование своей лаборатории и некоторых сотрудников, затем неоднократно отказывался от эвакуации. Рюрикович по происхождению, князь А. А. Ухтомский пережил первую блокадную зиму, но умер 31 августа 1942 г. [Тункина, 2011: 87].

Все время войны не прекращал свою деятельность Дом ученых им. М. Горького в Ленинграде. Центрами оборонной работы в нем стали Бюро научной и научно-технической помощи городу и фронту, занимавшееся по заданиям штаба Ленинградского фронта вопросами промышленного внедрения исследований по химии, металлургии, машино- и приборостроению, а также работа технико-промышленных секций. В Доме ученых непрерывно функционировала столовая, академические сотрудники иногда снабжались «ненормированными» продуктами, действовал амбулаторный прием больных, работала аптека. В начале 1942 г. открылся стационар на 50 человек, через который прошли сотни людей, получая там улучшенное питание и постоянную врачебную помощь [СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 5. Д. 60. Л. 3–3 об.; Анфертьева, 2008: 178].

Именно этот стационар предотвратил неминуемую гибель старшего научного сотрудника Архива АН СССР и Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, специалиста по русской культуре XVIII–XIX в., исследователя творчества М.В. Ломоносова и А.С. Пушкина Л.Б. Модзалевского: 27 марта 1942 г. он слег, 14 апреля две женщины-архивистки перевезли его на ручной тележке в стационар Дома ученых, где ученый находился до 23 апреля, затем Льва Борисовича отправили в госпиталь. Едва выздоровев, он возвратился в Архив АН СССР и в очередной раз отказался эвакуироваться. Тогда Г. А. Князев своим приказом командировал его 7 июля 1942 г. в Казань «для работы над материалами Московского отделения Архива АН СССР, находящимися в г. Казани, для их охранения и для концентрации материалов, отлагающихся от деятельности учреждений АН СССР в Казани» [Анфертьева, 2008: 173], чем спас ученого от голодной смерти.

В начале июля 1942 г. начался новый этап массовой эвакуации академических учреждений. Уцелевшие сотрудники Пушкинского Дома были эвакуированы в Казань, с ними удалось вывезти 107 ящиков институтского архива. С лета 1943 г. Л.Б. Модзалевский был официально назначен заведующий Архивом Пушкинского Дома в Казани, а поздней осенью и зимой 1943–1944 гг. обследовал состояние эвакуированных академических рукописей в Новосибирске, Свердловске и Москве в качестве ученого секретаря Музейной и архивной комиссии при Президиуме АН СССР [Иванова, 2006, 283–284, 297, 298–299].

В Ленинграде оставались небольшие группы сотрудников «для охраны имущества и ценностей». Так, возглавлявшая Рукописный архив и Фототе-

ку Института истории материальной культуры (ИИМК) им. Н. Я. Марра АН СССР О. И. Бич в период эвакуации института (с 12 июля 1942 г. по 2 сентября 1944 г.) была назначена уполномоченной по охране археологических коллекций, библиотеки, архива и научного оборудования. В блокадном городе к июлю 1942 г. оставалось всего 7 человек для охраны имущества ИИМК [Платонова, 1991: 61].

Для академических архивистов главной задачей оставалось спасение архивов учреждений и документального наследия умерших ученых. Личный фонд С. А. Жебелёва на руках перенесли в Архив АН СССР — его воспитанница Анна уже собиралась топить бумагами академика печку. Всего за 1942 год в Архив АН СССР было принято 92 поступления, среди них документы академиков Ф. И. Щербатского, П. К. Коковцова, В. М. Истрина, В. К. Ернштедта, С. Ф. Ольденбурга, А. П. Карпинского; членов-корреспондентов: Д. В. Айналова, Н. М. Гюнтера, О. А. Добиаш-Рождественской, В. В. Майкова, А. И. Малеина, Н. Н. Петрова, Н. Н. Яковлева, почетного члена АН Н. М. Книповича, а также историков И. М. Гревса и Н. С. Чаева, ботаников Е. В. Вульфа и И. В. Палибина, палеонтолога А. Н. Рябинина, гебраиста Н. М. Соколова, ассириолога В. К. Шилейко, сириолога Н. В. Пигулевской, антрополога Г. И. Петрова, фольклориста А. И. Никифорова, химика Э. Х. Фрицмана и многих других. 1943 год начался со спасения архива академиков А. А. Ухтомского, В. Л. Омелянского и Б. М. Ляпунова, умершего географа Н. М. Каратаева и других ученых [Анфертьева, 2008: 174, 175]. В апреле 1943 г. при Архиве АН СССР была образована Комиссия по сбору в ленинградских учреждениях Академии наук материалов по истории Отечественной войны, а летом того же года работала Комиссия по обследованию и выявлению убытков, причиненных академическим учреждениям бомбардировками и артиллерийскими обстрелами [Тункина, 2011: 89]. Комплектовался документами умерших писателей, поэтов, художников, ученых-литературоведов и Рукописный отдел Пушкинского Дома как в Ленинграде, так и в Казани [Иванова, 2008: 291–294, 298].

Архивисту О. И. Бич и оставшимся в блокадном городе сотрудникам ИИМК АН СССР мы обязаны тем, что культурное достояние России — крупнейшие в нашей стране археологические библиотека, Рукописный и Фотоархив главного научно-исследовательского археологического учреждения, восходящего к архиву Императорской Археологической комиссии, не погибли в топках буржук, не были проданы перекупщикам за пайку хлеба и дошли до наших дней практически в первоизданном виде. В блокадные годы в архив ИИМК были приняты личные фонды погибших на фронтах и умерших от истощения ученых института Б. Л. Богаевского, Е. В. Ернштедт, А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого, Е. А. Рызевской, Г. П. Соновского, Р. В. Шмидт [Тункина, 2015: 332].

В конце июля Президиум АН СССР приказал вывезти Г. А. Князева сначала в Москву, а затем — в Боровое в Казахстан. Вынужденный подчиниться, директор Архива АН СССР 12 августа 1942 г. вылетел из города на самолете [Анфертьева, 2008: 174]. Об атмосфере в Боровом, встречах с акад. В. И. Вернадским и другими эвакуированными из Москвы и Ленинграда членами АН СССР сохранились его воспоминания [Тункина, 2018].

15 сентября 1942 г. Ленгорисполком утвердил дополнительный список научных работников города, получающих продовольственные и промтоварные карточки по нормам рабочих. В него были включены академики, члены-корреспонденты и сотрудники, имеющие ученую степень; заведующие кафедрами марксизма-ленинизма получали это право независимо от наличия ученой степени. Вскоре решением Исполкома Ленгорсовета № 78, п. 14 от 22 октября 1942 г., эвакуация из Ленинграда была прекращена «в связи с выполнением намеченного плана эвакуации населения из города». С 1 ноября 1942 г. выезд разрешался «лишь в исключительных случаях (частичная эвакуация детских учреждений, эвакуация инвалидов Отечественной войны, престарелых и хронически больных) и с особого разрешения Городской эвакуационной комиссии» [Анфертьева, 2008: 171, 172].

Предпринятая в январе — феврале 1942 г. попытка прорыва блокады Ленинграда закончилась поражением, и городу пришлось пережить еще одну блокадную зиму. Только 15 января 1944 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление, и 27 января 1944 г. Ленинград был полностью освобожден от блокады. Пять месяцев спустя, 17 мая 1944 г. по представлению А. А. Жданова и президента АН СССР В. Л. Комарова, утвержденному Политбюро ЦК ВКП (б), Президиум Верховного Совета СССР наградил группу ленинградских ученых орденами и медалями «за самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады Ленинграда научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках АН СССР, являющихся национальным богатством страны» [Академия наук, 2000: 298]. Орденом Ленина были награждены академики И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели и член-корреспондент П. П. Кобеко, орденом Трудового Красного Знамени — 8 человек, Орден «Знак Почета» получили 18 человек. Медалью «За трудовую доблесть» были награждены 16 человек, медалью «За трудовое отличие» — 12 человек [Анфертьева, 2008: 176, 177].

К счастью для потомков, фашистские бомбардировки, артобстрелы, пожары, за небольшим исключением, пощадилы здания с уникальными академическими коллекциями, являющимися не только национальным, но и всемирным достоянием. Они дошли до наших дней не столько из-за превратностей судьбы, сколько благодаря гражданскому подвигу, исключительной самоотверженности и героизму архивистов и сотрудников других академических институтов — многие из них погибли на фронтах или умерли от голодного истощения, не допустив гибели бесценных научных материалов.

Весной 1943 г. в ленинградском Доме учёных им. М. Горького АН СССР образовалась инициативная группа, решившая собрать материалы о «громадной» научной работе, проделанной учеными Ленинграда во время блокады. «Инициативная группа... вполне основательно опасалась, что в результате большой распыленности научных сил (гибели научных работников, отъезда их из города, отсутствия с многими связи) для истории не сохранится в должном виде эта изумительная эпоха в жизни Ленинграда». Осенью 1943 г. о предпринятом начинании была дана информация по радио и в прессе, по учреждениям разосланы специальные анкеты. Постановлением Совета Дома учёных от 18 января 1944 г. решено было составить и издать сбор-

ник, по характеру справочник, с целью «дать сведения... о работах научных, законченных и написанных в Ленинграде во время блокады» и био-библиографические характеристики их авторов, почти половина которых состояла членами Дома учёных [СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 5. Д. 60. Л. 3 об.].

К началу 1944 г. в Дом учёных вернулись сотни заполненных анкет. 22 мая под председательством акад. В. П. Волгина состоялось заседание Редакционно-издательского совета Академии наук СССР, одоббившее издание на основе этих анкет и других собранных материалов книги «Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады». Редколлегию возглавил акад. И. А. Орбели, в её состав вошли специалисты по разным дисциплинам — акад. И. Ю. Крачковский, чл.-корр. М. В. Доброклонский, П. П. Кобеко и др.

Дошедшая до нас корректура сборника [СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 5. Д. 60. 186 л. (372 с.)] содержит аннотации свыше 1 000 опубликованных и неизданных исследований 480 авторов, иногда с указанием их объёма в авторских листах. Редакция распределила работы на 7 тематических разделов практически по всем основным областям знания, самым большим из которых оказался раздел по медицине и смежным дисциплинам — полевая и тыловая хирургия, терапия заболеваний в годы блокады (алиментарное истощение, дистрофия, авитаминоз и их последствия, состояние новорожденных у истощенных матерей и пр.). Представлены работы по усовершенствованию оружия, по повышению качества оборонной продукции, ускорению технологических процессов в машиностроении, созданию приборов по радио- и звукопеленгованию и пр., по специальному строительству и маскировке. Часть работ по метеорологии и гидрологии посвящено знаменитой «дороге жизни» и трактуют вопросы грузоподъемности ледового покрова и гидрометеорологического режима ледовой трассы, посвящены службе прогнозов погоды, изучению переправ и пр. Ряд исследований поднимают вопросы поиска дефицитных материалов и сырья и поиска их заменителей для промышленности, здравоохранения (витаминозность и лечебные свойства дикорастущих растений в условиях дефицита лекарств), разработке новых видов топлива и строительных материалов, пищевых материалов, повышению продуктивности растениеводства. Ленинградские ученые проявили «широкую инициативу в исследованиях, быстроту в разработке конкретных вопросов и столь же быструю реализацию полученных результатов в производстве» [СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 5. Д. 60. Л. 4 об.]. В конце сборника приведены краткие сведения об авторах работ в алфавитном порядке, дающих уникальный справочный материал для реконструкции биографий блокадных ученых, в том числе умерших от голода и погибших на фронтах [Тункина, 2011: 91].

Редакция сборника выразила надежду, что он «выполнит свое назначение как библиографический источник о работе ученых в период блокады, в некоторых отношениях единственный и общеисторический, характеризующий творческую деятельность научных работников города Ленина, исторического передового центра русской науки» [СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 5. Д. 60. Л. 5–5 об.]. Но книга так и не увидела свет: 29 января 1947 г. директор Ленинградского отделения Издательства АН СССР И. Е. Тыслер по указанию президента АН СССР акад. С. И. Вавилова передал корректурные

листы книги в академический архив и тем спас рукопись от уничтожения. Историк науки А. В. Кольцов утверждал, что неиздание этой рукописи в ту эпоху — один из фактов произвола, связанного с начавшимся в начале 1949 г. «Ленинградским делом» [Кольцов, 1997: 147]. По моему убеждению, публикация этой книги в наши дни станет достойным памятником уважения и благодарности ученым блокадного города.

Список литературы

1. *Академия наук* — Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) — КПСС. Т. 1: 1922–1952/Сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000.
2. *Анфертьева А. Н.* Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) во время войны и блокады // *Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всерос. конф., посвящ. 60-летию победы в Великой Отечеств. войне/Отв. ред. Н. Н. Казанский.* СПб., 2005. С. 17–18.
3. *Анфертьева А. Н.* Архив Академии наук в Ленинграде в годы войны и блокады // *Академический архив в прошлом и настоящем: Сб. научных статей к 280-летию Архива Российской Академии наук/Отв. ред. И. В. Тункина.* СПб.: Нестор-история, 2008. С. 164–179.
4. *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дм. Буланин, 2006.
5. *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945/Отв. ред. Н. П. Копанева. СПб.: Наука, 2009.
6. *Козлов В. П.* Три «радиуса» архивиста Г. А. Князева в его «дневнике», или «покуда есть настоящее» // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2010. № 2. С. 141–162.
7. *Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943 гг.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
8. *Кольцов А. В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. Л.: Наука, 1997.
9. *Кольцов А. В.* «Пережитого за истекший месяц я не забуду» (Записка академика С. А. Жебелёва о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда) // *Деятели русской науки XIX–XX вв. Вып. 2/Отв. ред. И. П. Медведев.* СПб.: Дм. Буланин, 2000. С. 349–370.
10. *Лёвшин Б. В.* Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Наука, 1966.
11. *Лёвшин Б. В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны/Отв. ред. М. П. Ким. М.: Наука, 1983.
12. *Платонова Н. И.* Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // *Материалы конференции «Археология и социальный прогресс»/Ред. В. П. Алексеев, Д. Б. Шелов, Т. М. Потемкина.* М.: ИА АН СССР, 1991. Вып. 11. С. 45–78.
13. *Тункина И. В.* Академические архивисты и ленинградские ученые в годы блокады // *Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию.* 2010/СПбНЦ РАН. СПб.: Наука, 2011. С. 79–91.
14. *Тункина И. В.* Академик В. И. Вернадский в воспоминаниях Г. А. Князева (к 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского) // *Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург/Отв.*

ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-история, 2013. С. 329–338. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 4).

15. *Тункина И. В.* Ольга Ивановна Бич: материалы к биографии // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М.: ун-т Дм. Пожарского, Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 327–336.

16. *Тункина И. В.* Архив АН СССР и перевод Академии наук в Москву в 1934 г. // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. Материалы Второй международной научной конференции 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург/Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 115–123 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 14).

17. *Тункина И. В.* О фонде Е. Г. Пчелиной в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сборник статей по материалам научных чтений, 17–18 сентября 2019 г., Санкт-Петербург/Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. С. IX–XIV (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 16).

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.009

Иллюстрации

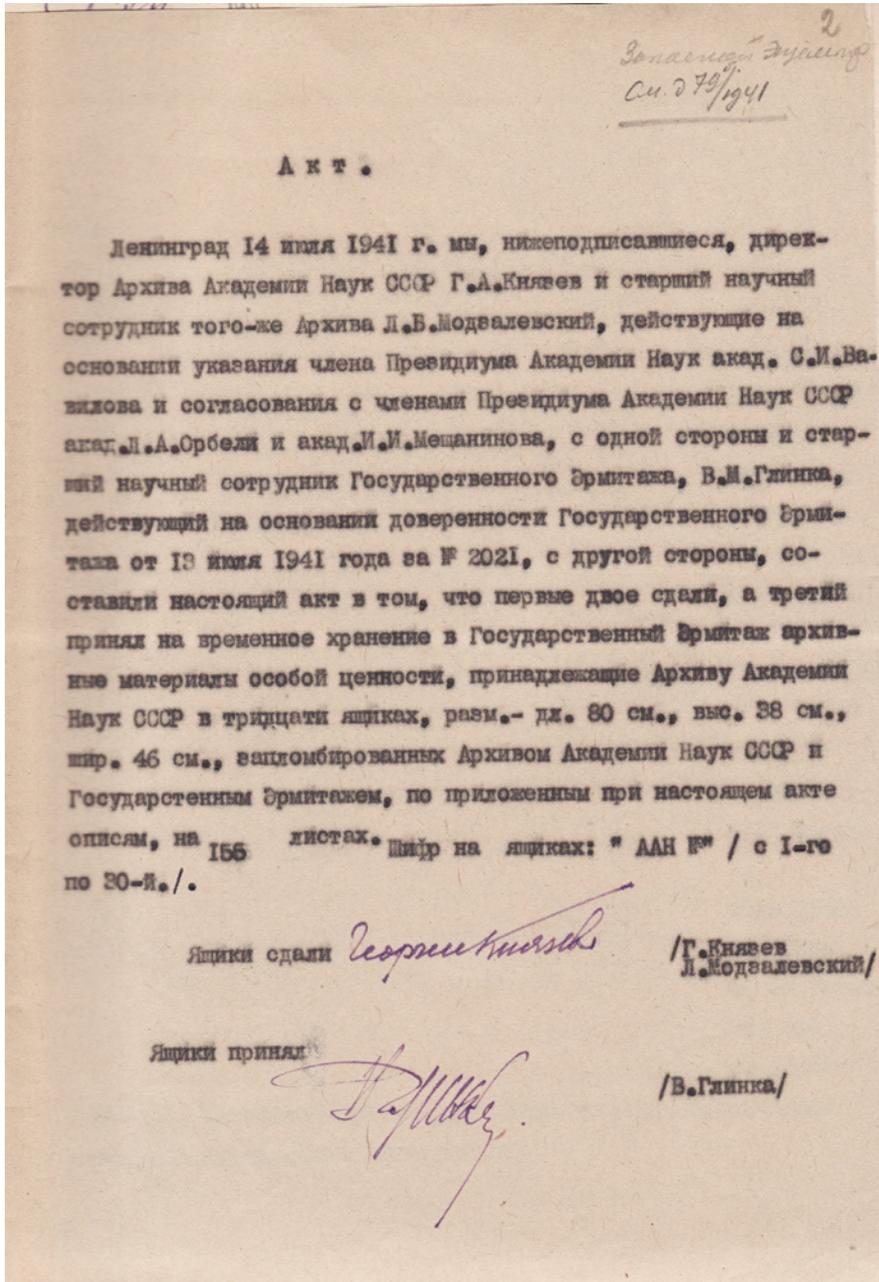

Рис. 1. Акт о передаче из Архива АН СССР на временное хранение в Государственный Эрмитаж архивных материалов особой ценности. Подлинник. 14 июля 1941 г. ©СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 391а. Л. 2.

Архив АН СССР.	Фонд № 20.	ящик № 1. 10
Архивный фонд Ломоносова.		
Опись № I.		
Портфели Ломоносова.		
✓ 1. 1724-1760	"Портфель Ломоносова" - I.1724-1760. Переплетенные в цельную кожу различные рукописи Ломоносова и другие рукописи его архива; с описью каждого документа, сделанной акад. П.П. Пекарским	Черновые 406
✓ 2. 1760-1765	"Портфель Ломоносова" - II.1760-1765. Переплетенные в цельную кожу различные черновые рукописи Ломоносова и другие рукописи его архива; с описью каждого документа, сделанной акад. П.П. Пекарским.	453
✓ 3.	Рукописи Ломоносова; один переплетенный том № 68 / См. распростран. опись документов, находящихся в един. хранения / в приложении к "Описи № I /.	329
✓ 4.	Химические и оптические записки, рукопись Ломоносова в переплете	49
✓ 5.	№ 165. Тетрадь различных черновых рукописей Ломоносова; здесь заметки, наброски и материалы по русской грамматике, "Суд Российских писем перед разумом и обычаем от грамматики представленной", "Предложение псалма 103", словарные материалы и другие авторграфы; в папочном переплете; на корешке цифра 112. Соб. Рукописного Отделения Библиотеки имп. Академии Наук.	168
✓ 6. 1748	Ода Ломоносова на день рождения имп. Елизаветы, Петровны, перевод немецкой оды Я.Я. Штелина: "Какой утехой общей луч. . ." Автограф Ломоносова, на 2 лл.	2
Присоединен 24/3-45.		

Рис. 2. Первый лист описи ящика с документами Архива АН СССР № 1 «Портфели Ломоносова», перевезенного со вторым эвакуационным Государственным Эрмитажем в Свердловск. Внизу отметка о возвращении в фонд М.В. Ломоносова 24 октября 1945 г. Подлинник. ©СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 508. Л. 10.

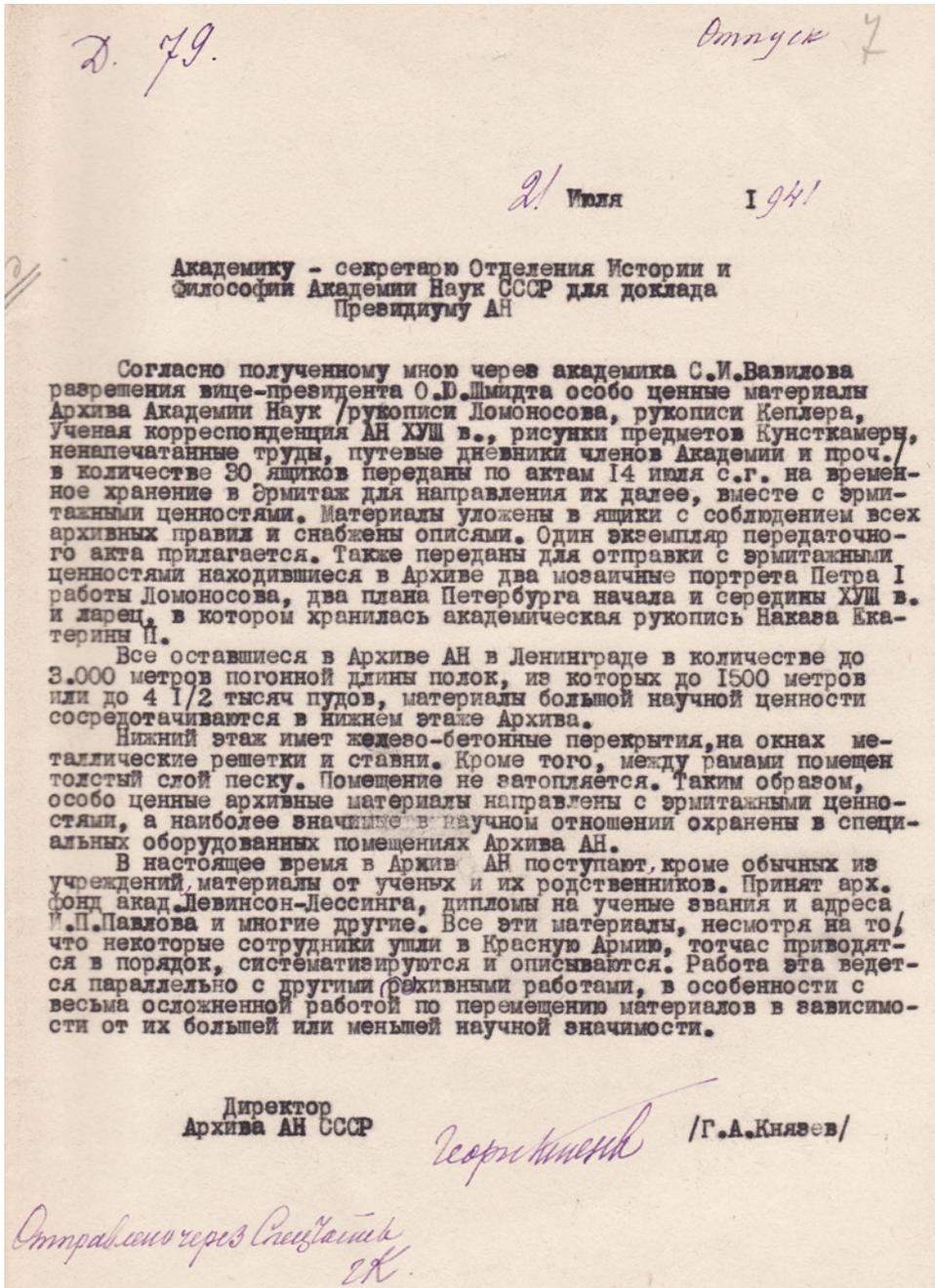

Рис. 3. Письмо директора Архива АН СССР Г.А. Князева академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР А.М. Деборину о передаче в Государственный Эрмитаж на временное хранение для направления в эвакуацию вместе с эрмитажными ценностями особо важных материалов и сохранении документов, оставшихся в Архиве АН СССР. Машинописный отпуск с подписью Г.К. Князева. 21 июля 1941 г. ©СПБФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 391а. Л. 7.

Рис. 5. Карточка на хлеб на декабрь 1941 г. Из дневника Г.А. Князева. 31 декабря 1941 г. ©СПбФ АРАН. Ф. 929. Оп. 2. Д. 97. Л. 232.

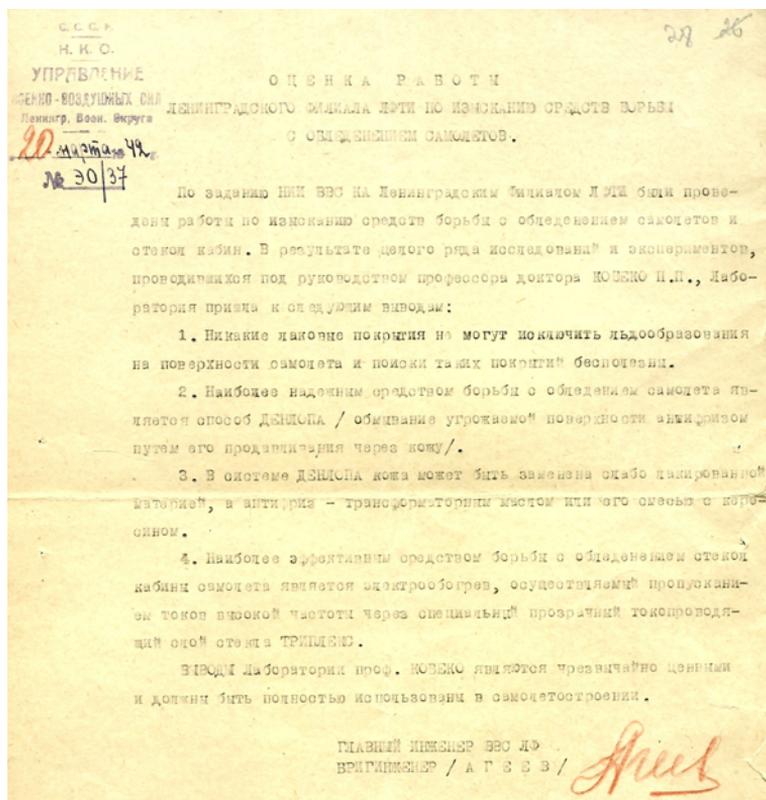

Рис. 6. Заключение главного инженера Военно-воздушных сил Ленинградского фронта бригадного инженера А.В. Агеева о работе Ленинградского филиала Физико-технического института АН СССР по борьбе с обледенением самолетов. Подлинник. Машинопись. 20 марта 1942 г. ©СПбФ АРАН. Ф. 910. Оп. 3. Д. 63. Л. 28.

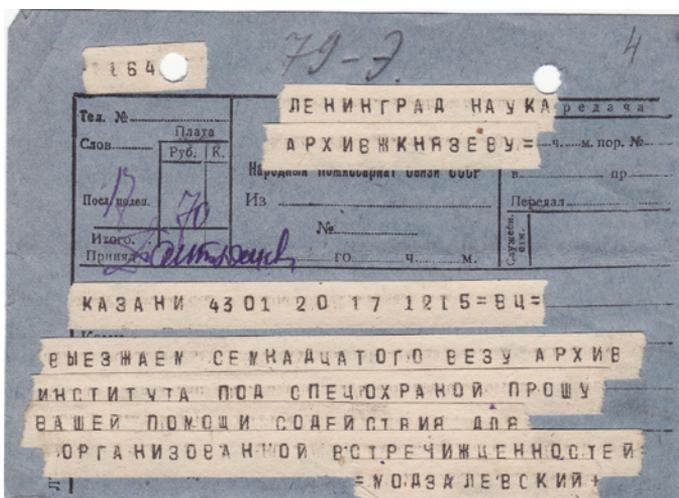

Рис. 7. Телеграмма Л. Б. Модзалевского Г. А. Князеву о возвращении архивных материалов Пушкинского Дома из Казани в Ленинград. 17 декабря 1944 г. ©СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 508. Л. 4.

Г. А. МАКАРОВ.

АЛИМЕНТАРНАЯ ДИСТРОФИЯ СРЕДИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ
ЛЕНИНГРАДА ПО НАБЛЮДЕНИЯМ СТАЦИОНАРА ПРИ
ЛЕНИНГРАДСКОМ ДОМЕ УЧЕНЫХ ЗИМОЙ 1942 г.

Среди научных работников, оставшихся в период блокады в Ленинграде, уже в конце декабря 1941 г. — в начале января 1942 г. наблюдалось распространение алиментарной дистрофии.

Первые серьезные заболевания были отмечены среди научных работников Политехнического института им. М. И. Калинина. Вследствие прекращения трамвайного движения, а также вследствие удаленности института от центра города, значительной части научных работников этого института пришлось преодолевать пешком большие расстояния. Это обстоятельство способствовало раннему развитию заболевания.

В феврале 1942 г., при Ленинградском Доме ученых им. М. Горького был открыт стационар с усиленным питанием на 50 человек. Ввиду многочисленности нуждавшихся в помощи, пребывание каждого больного в стационаре пришлось ограничить 10-дневным сроком. Порядок поступления больных в стационар определялся особой отборочной комиссией.

Главное терапевтическое воздействие для всех больных заключалось в усиленном питании, постельном режиме и поддержании окружающей температуры на достаточной высоте. В случаях необходимости приходилось прибегать к соответствующей индивидуальной терапии.

В пищевой паек стационара включались ежедневные порции сахара (50 г), масла (30 г) и мяса 2 раза, за обедом и ужином.

Стационар действовал 78 дней. За это время через него прошло 366 человек. Вследствие особенно тяжелого состояния, 45 человек пробыли в стационаре по 15 дней. Состав больных сложился следующим образом: старших научных работников прошло 118 человек (32,2%), младших — 248 человек (67,8%). По клинической картине все случаи, наблюдавшиеся в стационаре, можно разделить на две группы.

I группа (февраль — март). Заболели преимущественно мужчины. Отечных форм алиментарного истощения почти не наблюдалось; преобладали кахектические формы: быстрое и резкое исхудание, большая мышечная слабость, резкие боли в ногах, температура ниже нормы, зябкость, полиурия, особенно изнуряющая больного никтурия, брадикардия, апатия, быстрая утомляемость, длительные упорные энтероколиты, большей частью диспептические на почве резких расстройств секреторно-моторных функций пищеварительного аппарата.

II группа (апрель — май). На излечении находились преимущественно женщины. К проявлениям дистрофии присоединились гиповитаминозы. Наблюдались частые случаи цинги. Самое течение дистрофии приняло более продолжительный характер, вследствие затянувшихся энтероколитов.

Очень тяжелых случаев течения болезни (быстрое истощение, коматозное состояние, внезапная смерть), наблюдавшихся среди общего населения Ленинграда, в стационаре не было.

Из числа осложнений чаще всего приходилось наблюдать упорные головные боли, очаговые бронхональные и эндокринные недостаточности. Все осложнения имели затяжное течение и ясно выявляли пониженную реактивность организма.

Так как основным моментом, вызывающим дистрофию, является недостаток полноценных белков, то в данном случае увеличение их количества в рационе больных является главной задачей терапии. При применении такой диеты наступало быстрое улучшение в состоянии больного:

171

Рис. 8. Г.А. Макаров. «Алиментарная дистрофия среди научных работников Ленинграда по наблюдениям стационара при Ленинградском Доме ученых зимой 1942 г.». Резюме из не-изданного сборника «Ученые в блокаде». Корректурa 1946 г. ©СПБФ АРАН. Р. VI. Оп. 5. Д. 60. Л. 86.

Г. В. ПРОХОРОВ.

160

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО.

В работе дается биографический очерк писателя-декабриста, раскрывающий условия, предопределившие поворот его в сторону «безобидной» тематики и «безыдейности» творчества.

Характеризуя деятельность Марлинского, автор отмечает, что Марлинский, как критик, вслед за веком идет от классицизма к романтизму, и что особую значимость его критике придает применение им исторического метода.

В художественном творчестве Марлинский, несмотря на исключительно неблагоприятное положение, сумел выразить свои симпатии к кавказским горцам, к их свободолюбию, свой патриотизм и идею служения «общественному благу».

Отзвуки прогрессивного влияния Марлинского можно найти в произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Одоевского, Сологуба и др.

Отрицательный отзыв Беллинского поставил писателя в тень. Но, начиная с Чернышевского, восстанавливается положительное отношение к Марлинскому, окончательно утвердившееся после Великой Октябрьской революции. В советской литературе появляется ряд произведений, посвященных его личности и его прогрессивному творчеству.

Работая над книгой о Марлинском в течение нескольких лет, автор закончил ее в период блокады переработкой главы, содержащей биографию писателя, и составлением библиографической части.

(50 авт. л.).

Д. В. СЕМЕНОВ.

СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО АРАБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

До сих пор учеными изучался исключительно средневековый «классический» период арабского языка. В настоящей работе использован современный, не привлекавшийся еще материал, преимущественно из художественной и публицистической литературы. Книга является не только теоретическим исследованием, но и практическим пособием для изучения современного литературного языка.

(7 авт. л.).

И. Д. СМОЛЯНОВ.

БИБЛИОГРАФИЯ РАДИЩЕВА.

Автор поставил перед собой задачу выявить, систематизировать и прокомментировать все, что было написано Радищевым и о Радищеве с 1772 по 1940 г. на русском и иностранных языках, используя неопубликованные материалы и в том числе архивные. Работа, начатая в 1936 г. и законченная в 1943 г., состоит из двух томов: т. I — Радищев в дореволюционной печати (1772—1917 гг.) и т. II — Радищев в советской печати (1918—1940 гг.).

(60 авт. л.).

Б. С. СОЛОДНОВ.

1. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ PATHOS'A В «ПОЭТИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ.

База учения Аристотеля о pathos'e не в catharsis'e, как думали многие, а в органической необходимости противовеса строго научно построенной «Поэтике» — «творчества» как такового — необходимости введения в

319

Рис. 9. Страница неопубликованного сборника «Ученые в блокаде» с резюме исследований в области литературоведения, языкознания, библиографии. Корректурa 1946 г. ©СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 5. Д. 60. Л. 160.

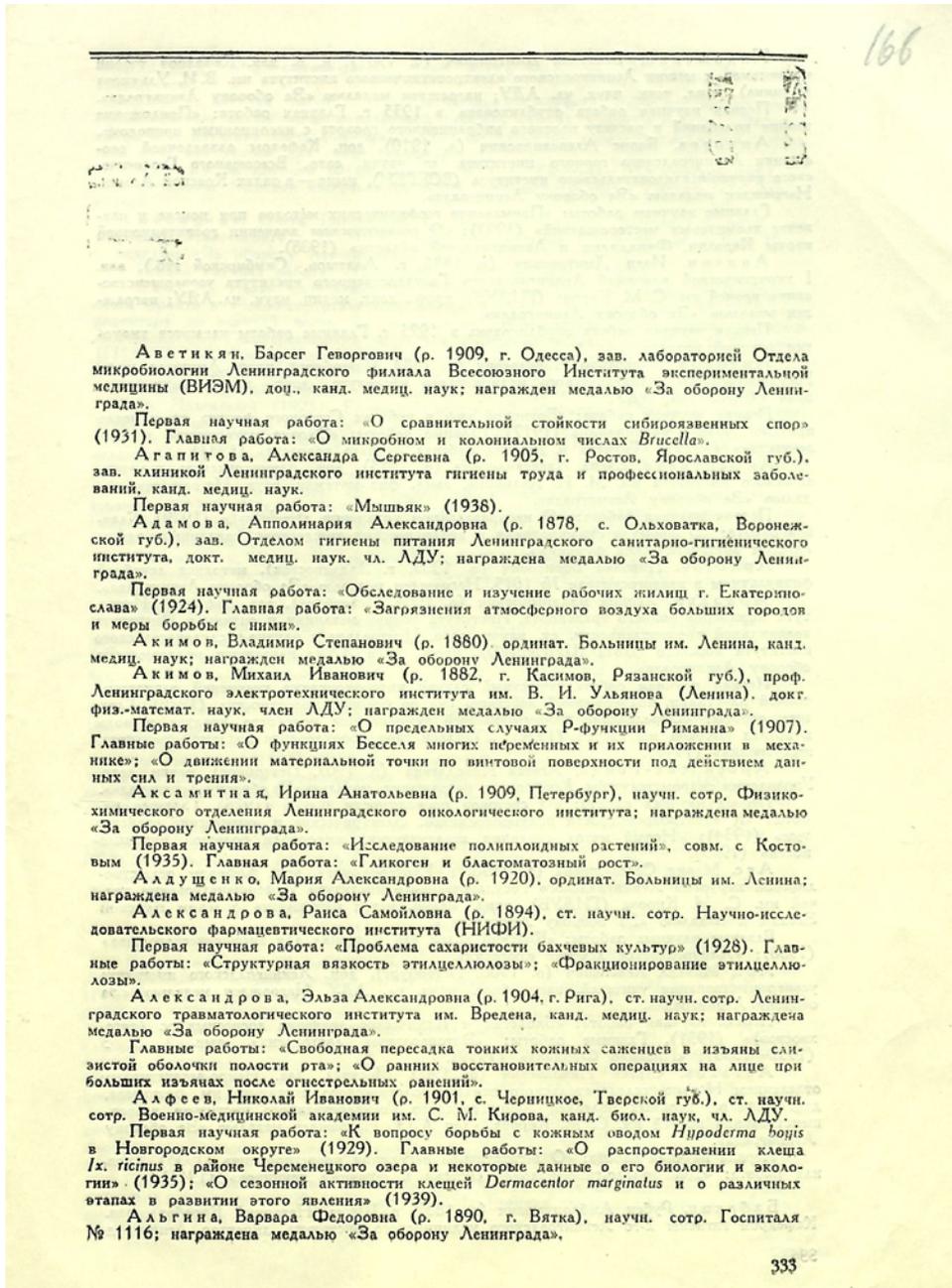

Рис. 10. Краткие биографические сведения об авторах неопубликованного сборника «Ученые в блокаде». Корректурa 1946 г. ©СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 5. Д. 60. Л. 166.

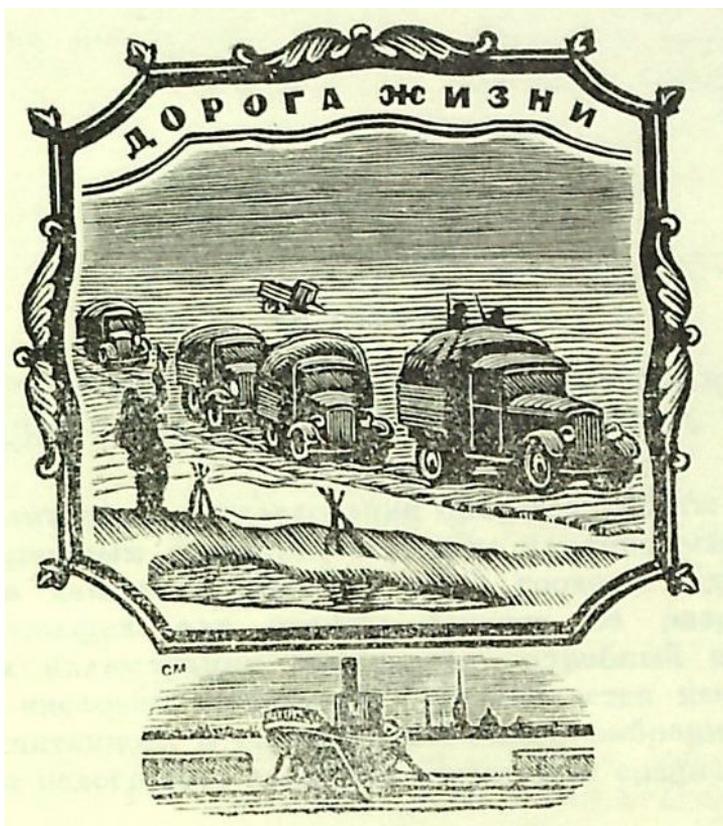

Рис. 11. Заставка «Дорога жизни» раздела «VI. Техника» неопубликованного сборника «Ученые в блокаде». Корректра 1946 г. ©СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 5. Д. 60. Л. 139.

Великая Отечественная война в судьбах Урала и уральцев

К. И. Зубков, И. В. Побережников, Н. В. Суржикова

Особое место Урала в Великой Отечественной войне — факт, давно признанный в специальной литературе. Место это определялось как логикой тотализации войны, так и спецификой развития Уральского региона. Раньше, чем ход Великой Отечественной войны определил критическое значение Урала как фундамента стратегического тыла нашей страны и выявил его колоссальный вклад в Великую Победу, в тяжелой обстановке лета-осени 1941 г. регион уже стал фигурировать в сценарных проекциях «большой стратегии», разрабатывавшейся как противниками, так и союзниками СССР, как важнейший рубеж советской обороны, способный оказать решающее влияние на судьбу всей войны.

В планах гитлеровского «блицкрига» сокрушение СССР, как известно, связывалось с захватом Москвы и выходом вермахта на линию Архангельск — Волга, но окончательное разрешение «русской проблемы», как считали нацистские стратеги, должно было произойти лишь после массивных бомбардировок или захвата силами специального экспедиционного корпуса «последнего» индустриального очага русских — «промышленной области Урала» [Дашичев, 1973. Т. 2: 86]. Как прорыв на Кавказ должен был обеспечить Третьему Рейху стратегические ресурсы нефти, так и захват Урала, помимо уничтожения последнего узла сопротивления большевиков и сигнала Японии к изменению направления её агрессии в сторону Сибири, должен был стать решающим шагом в создании под властью Германии богатой углём и сталью евразийской «континентальной империи» [Wight, 1999: 59]. В начале 1942 г. при дележе территории СССР между Германией и Японией планы нацистов простирались не только до линии «разграничения интересов» по меридиану Омска, но и предполагали включение в состав рейха всей территории Урало-Кузбасса [Rich, 1973: 235]. Неисчерпаемые ресурсы Евразии должны были уравновесить силы Германии в дальнейшей борьбе с Америкой и Британской империей за мировое господство.

Внутри нацистской верхушки шла скрытая борьба фракций — с одной стороны, авантюристически настроенных «идеологов», полагавших, что роль Урала в советской обороне можно пренебречь, и, с другой, «реалистов», считавших, что глубокий внутренний тыл Советов сохранит мощные резервы советской обороны даже после падения Москвы и Ленинграда и ввергнет Германию в смертельную для нее затяжную войну [Батлер, 1967: 74]. Засилье первых привело к крупнейшему стратегическому просчету Гитлера. Лишь в 1943–1944 гг., когда очевидной стала связь военных успехов СССР с бесперебойной работой его стратегического тыла, последовали лихорадочные, запоздалые и оказавшиеся провальными попытки гитлеровцев спланировать нанесение масштабных парализующих бомбовых ударов и проведение диверсий против индустриальных центров и энергетической системы Поволжья и Урала [Зубков, 2005: 360–361].

Летом и осенью 1941 г. Урал оказался также в фокусе внимания союзников СССР — Англии и США. Оценка военно-индустриального потенциала Урала на этапе складывания антигитлеровской коалиции превращалась в критический вопрос всей англо-американской стратегии: союзникам, прежде чем решиться на крупные поставки военного снаряжения Советскому Союзу, было важно знать, сможет ли он, утратив огромную часть территории и промышленных мощностей, остановить нацистский натиск, опираясь на недавно созданную на Урале военно-промышленную базу, и какой выигрыш во времени могли бы получить Англия и Америка при худшем сценарии — в случае сдачи Москвы и отступления Красной Армии на опорные пункты сопротивления в Сибири [War on Russia, 1941: 47–48]. Если советская оборона падет, то, согласно логике англо-американских стратегов, отправленная ими в Россию военная помощь могла попасть в руки Гитлера, и потому следует воздержаться от активной помощи СССР, уповая лишь на то, чтобы агония советского союзника дала Англии и Америке необходимый запас времени для организации собственной обороны. Поэтому уже 11 сентября 1941 г. Объединенный Комитет начальников штабов США отмечал в официальном мнении, что «поддержание действующего фронта в России» необходимо теперь связывать с созданием в районах Урала мощной стратегической базы обороны. «Надлежащее вооружение русских сил как путем снабжения их оружием извне, так и путем обеспечения производственных мощностей в бассейне реки Волги и к востоку от Уральских гор явится одной из наиболее важных мер, какие могут быть приняты союзными державами», — говорилось в документе [цит. по: *Шервуд*, 1958: 645–646]. В условиях, когда неверие в способность советских войск отстоять Москву было среди западных политиков почти всеобщим, любая обнадеживающая информация об ускоренном создании на Урале мощного стратегического тыла приобретала исключительное значение.

Интерес союзников к Уралу устойчиво возрастал в течение всего периода войны, поскольку создание «срединной» военно-индустриальной базы Советского Союза на Урале и в Сибири, помимо ее роли в разгроме Германии, становилось мощным фактором, связывающим силы Японии на Тихом океане [Logan, 1945: 118]. Намечались контуры гигантского, связанного коммуникациями стратегического тыла Объединенных Наций, включавшего советскую Азию, западные районы Китая и Тихоокеанское побережье Америки [Norrins, 1944: 28]. На определенном этапе это отвечало стратегическим интересам США, стремившимся выступать в роли «арсенала демократии», глобального координатора коалиционной стратегии. В конце войны деловые круги и политики США рассматривали растущие потребности новых центров индустрии на Урале и в Сибири в передовых технологиях не только как возможность углубления военно-экономического сотрудничества, но и как потенциальный рынок для американской индустрии. США, стремясь к повышению своей глобальной экономической роли в послевоенном мире, считали укрепившееся в ходе войны коалиционное сотрудничество эффективным инструментом воздействия на эволюцию СССР в желательном для Запада направлении через кредиты и поставки товаров. Эти соображения в значительной мере определяли повестку визитов в регионы советской Азии

ряда государственных деятелей США — вице-президента Генри Э. Уоллеса (май — июнь 1944 г.) [см.: *Wallace*, 1946], председателя Совета по военному производству США Дональда М. Нельсона (август 1944 г.), побывавшего в Свердловске, Магнитогорске и Новосибирске [*Nelson*, 1946: 420, 425], председателя Торговой палаты США Эрика Джонстона (август 1944 г.), который посетил важнейшие индустриальные центры Урала и Западной Сибири, включая Свердловск и Магнитогорск [см.: *Зубков*, 1993].

В годы Великой Отечественной войны Урал, превратившийся в опорный регион советского стратегического тыла, фактически, пережил «вторую индустриализацию», сопоставимую по масштабам и результатам с первой, реализованной в годы первых пятилеток. Именно курс на индустриализацию, развернутый с конца 1920-х гг. и предусматривавший серьезный сдвиг производительных сил на восток, заложил фундамент мощного военно-индустриального комплекса, который вырос на Урале в годы войны. Плановый подход к проблеме размещения производства, призванный приблизить промышленность к богатым источникам сырья и топлива восточных районов, не только закладывал надежную перспективу для хозяйственного развития страны, но и был рассчитан на повышение обороноспособности страны. Советская концепция индустриализации предусматривала построение экономики в виде эшелонированной с запада на восток системы мощных и относительно автономных «промышленных комбинатов», каждый из которых должен был опираться на развитую топливно-энергетическую и сырьевую базу [*Кржижановский*, 1957: 271]. Война доказала правильность этой политики сдвига индустрии на восток. Если учесть, что страна вынесла на себе бремя войны, располагая лишь 2/3 довоенных производственных фондов [*Антуфьев*, 1992: 95], можно представить себе, какой бы катастрофой мог обернуться быстрый захват врагом западных территорий СССР, если бы перед войной не были предприняты заблаговременные меры по пространственному расщеплению промышленного потенциала страны.

За годы первых пятилеток старый горнозаводский Урал превратился в многоотраслевой промышленный комплекс. В его структуре, наряду с качественно преобразовавшейся черной металлургией, всё большую роль стали играть металлообработка и машиностроение, цветная металлургия, электроэнергетика, химическая индустрия. Сооружение таких индустриальных гигантов, как Магнитогорский и Новотагильский металлургические комбинаты, Уралмаш, Челябинский тракторный завод, Уралавгонзавод, Свердловский завод электроаппаратуры, Красноуральский медеплавильный комбинат, Березниковский химический и Соликамский калийный комбинаты, обеспечивало переход промышленности Урала на новую ступень технологической модернизации [История народного хозяйства Урала, 1988. Ч. 1: 136, 138, 142–143, 154].

Доля восточных регионов в промышленных капиталовложениях выросла с 23,3% в первой пятилетке до 34,3% — во второй (в том числе по предприятиям Урало-Кузбасса — с 18,5 до 26,7%). Более половины капиталовложений по Урало-Кузбассу в 1937 г. приходилось на Урал [Планирование размещения производительных сил СССР, 1985: 77]. К концу второй пятилетки Урал давал 1/5 производства чугуна и стали (в том числе 1/4 всего каче-

ственного металла), лидировал в стране по производству цветных и легких металлов (меди, алюминия, никеля, магния и др.). В несколько раз выросли на Урале показатели производства машиностроения и металлообработки, химии, электроэнергетики. К концу второй пятилетки продукция машиностроения и металлообработки составляла уже около трети всей промышленной выработки Урала (31,7%) [История народного хозяйства... Ч. 1: 154].

Предвоенные итоги индустриализации Урала (как и восточных районов в целом), однако, нельзя преувеличивать. Этот курс осуществлялся с большими трудностями и структурными перекосами. Одной из главных причин этого, как ни парадоксально, являлась установка на ударные темпы индустриализации. Стремясь к росту показателей промышленной выработки, отраслевые наркоматы всеми правдами и неправдами стремились обеспечить их за счет старых, уже освоенных регионов европейской части страны (Центра, Северо-Запада и Украины), где отдача от капиталовложений была быстрее и выше [Harrison, 1990: 70–71]. Получив во второй пятилетке 26,7% индустриальных капиталовложений СССР, предприятия Урало-Кузбасса дали лишь 10,8% промышленной выработки. Индустрия Урала за годы первых пятилеток прошла лишь первые стадии модернизации и в структурном отношении была еще очень «утяжелена» производством полуфабрикатов и продукции низких переделов. Например, если к 1937 г. восточные районы давали 28,3% всей выплавки чугуна (Урал — 18,2%), то по продукции металлообработки и машиностроения эта доля по всем восточным районам составляла только 10%. Медленно снижались нерациональные перевозки продукции [Михеев, 2017: 45].

В годы незавершенной третьей пятилетки, когда развитие экономики страны планировалось уже под знаком нарастающей военной угрозы, несмотря на стратегически верные решения (программа создания на востоке предприятий-дублеров, запрет на новое промышленное строительство в крупных городах), положение изменилось мало, а в некоторых отношениях — даже ухудшилось, в полной мере свидетельствуя об издержках ведомственных подходов. Восточные регионы имели самый большой процент невыполнения планов по новому строительству. На Урал по-прежнему завозилось много готовых изделий, особенно машин и оборудования, производство которых можно было организовать в регионе. Несмотря на важность перебазирования на восток военных производств, размещение предприятий Наркомата оборонной промышленности в 1938 г. не отвечало этим требованиям: из 219 предприятий отрасли 68 из них (31%) располагались в Центре, 38 (17,3%) — на Северо-Западе, 26 (11,8%) — на Юге, и лишь 30 (13,6%) приходилось на Урал, Сибирь и Дальний Восток [Симонов, 1996: 98].

Если говорить о степени готовности экономики Урала к военным испытаниям, то главным итогом развития региона в 1930-е гг. можно считать не столько создание здесь специализированных мощностей оборонной индустрии, сколько формирование общего промышленного базиса, способного стать основой развертывания военного хозяйства, его «поддерживающей инфраструктурой» (машиностроения и металлообработки, производства черных и цветных металлов, топлива и электроэнергии, химической продукции, транспорта) [Урал в панораме XX века, 2000: 265]. В связи с этим

один из главных уроков, вытекающих из опыта первых пятилеток, заключается в том, что размещение стратегических важных производств, значимых для обороны страны, на безопасном удалении от границ должно являться важнейшим приоритетом промышленной политики и должно осуществляться даже ценой повышенных затрат. Безусловно, если бы эта политика более последовательно и жестко проводилась перед войной, то наши жертвы в войне были бы неизмеримо меньше.

С начала войны Урал закономерно становится основным центром сосредоточения военно-индустриальных мощностей страны, что было обусловлено не только достаточно высоким уровнем индустриального развития региона, но и его выгодным геополитическим положением, богатым природно-ресурсным потенциалом, разветвленной транспортной сетью [История народного хозяйства... Ч. 1: 191]. Создание военной экономики на Урале происходило несколькими путями.

Во-первых, это массовая эвакуация предприятий из западных районов страны. Из 1523 промышленных предприятий, перебазированных на восток СССР, Урал разместил на своей территории оборудование и рабочую силу 832 предприятий, из которых Свердловская область приняла 212, Челябинская — 200, Пермская — 124, Оренбургская — 90, Башкирия — 172, Удмуртия — 34 [Урал — фронту, 1985: 45]. Эвакуированные предприятия размещались на площадях родственных по профилю предприятий и других резервных площадях, на объектах незавершенного строительства или на временных фундаментах, почти под открытым небом. При этом установка оборудования велась часто одновременно со строительством стен и прокладкой коммуникаций. Часть эвакуированных заводов в виде отдельных профильных цехов рассредоточивалась по нескольким пунктам нового назначения. Несмотря на некоторые элементы хаоса и дезорганизации, эвакуация, потребовавшая четкой координации и предельно жесткой организации, в целом была проведена успешно, в рекордно короткие, предельно сжатые сроки — от месяца до двух.

Часть крупных эвакуированных заводов сливалась с однопрофильными предприятиями Урала, образуя крупнейшие военно-индустриальные комбинаты. Уралмаш, разместив на своих площадях Ижорский завод и еще ряд предприятий, превратился в крупное предприятие по выпуску бронетехники. В Челябинске на базе ЧТЗ и эвакуированных Кировского завода и Харьковского дизельного возник знаменитый «танкоград». Крупный танковый завод возник на базе слияния Уралвагонзавода с Харьковским заводом им. Коминтерна и Мариупольским заводом. Другая часть эвакуированных предприятий стала основой создания на Урале совершенно новых производств и отраслей. Так, оборудование киевского завода «Большевик», прибывшее в Свердловск в августе 1941 г., стало основой для создания Уральского завода химического машиностроения [Урал в панораме..., 2000: 267–268].

Во-вторых, перестройка экономики Урала на военный лад осуществлялась также путём мобилизации гражданских предприятий на выпуск военной продукции, что привело уже в конце 1941 г. к свертыванию до критического минимума выпуска многих видов промышленных изделий гражданского назначения [Антуфьев, 1992: 96].

В-третьих, необходимость «достройки» военного хозяйства, строительства корпусов для размещения предприятий, усиления действующих мощностей промышленности, добычи руд и топлива, производства электроэнергии потребовала значительных объемов нового строительства, сделав Урал гигантской строительной площадкой. В 1942–1943 гг. на долю Урала приходилось 25% всех капиталовложений СССР. За годы войны в экономику региона было вложено 16,3 млрд руб., что почти равнялось всем капиталовложениям, направленным в регионы Поволжья, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Строительство велось скоростными методами, с использованием смелых инженерных решений. Основные производственные фонды Урала выросли за годы войны почти в 2,5 раза [История народного хозяйства... Ч. 1: 192].

В-четвертых, война потребовала наращивания мощностей и качественного изменения производственного профиля действующих на Урале предприятий многих отраслей. Это, в первую очередь, касалось черной металлургии, которая в ускоренном темпе стала переходить на выпуск нужной для военного производства продукции. Резко возросло производство легированных сталей, что потребовало организации производства ферросплавов. Уральские металлурги сумели наладить это производство в доменных печах Магнитки и Нижнего Тагила, впервые в мире освоить выплавку легированных бронесталей в крупных мартеновских печах. Война дала мощный толчок технологической мысли, применению новых инженерных решений [Антуфьев, 1992: 120–125].

Становление военной экономики Урала имело сложную траекторию. В самый тяжелый первый период войны (1941–1942 гг.) её формирование было подчинено единственной задаче — скорейшему наращиванию военного производства. В этих условиях руководящие органы страны и региона вынуждены были действовать волевыми, в полном смысле слова, «командными» методами, по понятным причинам, мало внимания уделяя вопросам планирования, сбалансированного развития отраслей народного хозяйства, подведению под стремительно расширявшееся военное производство необходимой производственно-ресурсной базы [Harrison, 1990: 81–83]. В результате в 1943–1944 гг. возник целый ряд «узких мест» и лимитирующих факторов, которые серьезно препятствовали выполнению главной задачи. Поэтому в 1943–1944 гг. труженикам уральского тыла пришлось в таком же форсированном порядке, как и при организации военного производства, усиливать целый ряд участков военной экономики Урала — прежде всего, расширять электроэнергетические мощности и транспортные выходы [Проблемные регионы ресурсного типа, 2002: 47].

Лишь с устранением этих лимитирующих факторов окончательно сформировалась в 1943–1944 гг. слаженная военная экономика Урала. 1944 год — год решающих побед Красной армии — стал и зенитом развития военной экономики региона. Вклад Урала в военные усилия страны по праву позволяет ему считаться «становым хребтом» советской обороны, «опорным краем» державы. За годы войны выпуск промышленной продукции на Урале вырос в 3,6 раза. Удельный вес региона в валовой промышленной продукции СССР вырос с 6,4% в 1940 г. до 20,9% в 1945 г. Начиная с 1943 г. на Урале

производилось столько же промышленной продукции, сколько в Поволжье, Западной Сибири, Казахстане и Средней Азии вместе взятых [История народного хозяйства... Ч. 1: 216]. Здесь трудилось около 20% всех промышленных рабочих страны. Металлурги региона выплавляли к концу войны 58% чугуна и свыше 50% стали. Урал производил практически все виды военной продукции: танки и САУ, бронепоезда, авиамоторы, артиллерийское, зенитное и минометное вооружение, стрелковое оружие, боеприпасы, авиационные приборы и т. п. Выпуск военной продукции в регионе за годы войны вырос в 6 раз [Урал в панораме..., 2000: 274]. На долю Урала приходилось в целом 40% всего военного производства страны, по некоторым видам вооружений, например, по танкам, эта доля поднимается до 70%. Военной промышленностью региона было также произведено за годы войны 50% всех артиллерийских орудий, 50% боеприпасов [Гаврилов, 2005: 485]. Это сделало Урал в военные годы основным арсеналом Красной армии.

Успешное создание и непрерывное расширение военно-стратегического тыла СССР на Урале потребовало невероятного напряжения человеческих сил. Между тем, в отношении промышленных кадров — и вообще человеческих ресурсов — регион оказался в труднейшей ситуации. В то время как в регионе стремительно рос производственный аппарат военной экономики, требовавший всё большего числа работников, на фронт было мобилизовано около 3,7 млн жителей Урала, причем это были наиболее трудоспособные кадры. Мобилизация в действующую армию в первые месяцы войны оголила многие участки производства. Убыль трудовых ресурсов с осени 1941 г. отчасти позволила восполнить эвакуация. В период с июля 1941 по декабрь 1942 г. Уральский регион принял 2217 тыс. эвакуированных (более ¼ всех эвакуированных по России), однако следует учитывать, что немалую долю этих людей составляли женщины, дети, престарелые, которые были размещены главным образом в сельской местности. В целом по Уралу разместились в городах и включались в работу промышленности немногим более половины эвакуированных в регион; в индустриальной же Свердловской области эта доля к концу 1941 г. достигала 77,7%. К концу 1942 г. удельный вес эвакуированных в общей численности населения Урала достиг 9,7% [Потемкина, 2005: 87; Урал в панораме..., 2000: 268]. На промышленных предприятиях региона было занято 55% от всего трудоспособного эвакуированного населения. В конце 1942 г. в среднем по Уралу доля эвакуированных в составе кадров промышленности составила около трети, но на некоторых предприятиях, в значительной степени заново созданных на базе эвакуации, она достигала 50–75% [Урал в панораме..., 2000: 269].

Хотя в историографии порой отмечалось, что за счет эвакуации удалось компенсировать убыль трудовых ресурсов на Урале, значение этого фактора не стоит переоценивать. На сто процентов решить проблему кадров за счет эвакуации не удалось. Следует также учитывать, что эвакуация, резко увеличив численность городского населения, породила массу социальных проблем: перенаселенность, нехватку жилищного фонда, антисанитарное состояние жилищ, дефицит продовольствия, бытовые неурядицы. Кроме того, эвакуация оказала временный эффект на положение с трудовыми ресурсами: в начале 1944 г., когда военная экономика Урала выходила на пик

своего развития, уже полным ходом шла реэвакуация. В Свердловской области эвакуированных оставалось только 173 тыс., в Челябинской — 156 тыс., в Молотовской (Пермской) — около 100 тыс. человек [Исупов, Корнилов, 2017: 51].

Другим внешним и по большей части экстренным источником пополнения трудовых ресурсов стали принудительные мобилизации населения ряда местностей СССР. Это были, в частности, «трудовые армии», составленные из депортированных немцев Поволжья (около 200 тыс. чел.), контингенты спецпереселенцев из присоединенных перед войной западных территорий (польские «осадники» из Западной Украины и Западной Белоруссии, жители Прибалтики и Молдавии). В 1943–1944 гг. к ним добавились представители других депортированных народов (крымские татары, калмыки и др.). К январю 1942 г. на Урале находилось 90 тыс. мобилизованных рабочих из Средней Азии и Казахстана, в основном пожилых людей без квалификации и знания русского языка. Значительная их часть умирала от тяжелой работы и непривычных условий жизни. Использовался и труд заключенных, общий контингент которых, однако, существенно сократился из-за отправки его части в штрафные батальоны. Этими трудовыми ресурсами обычно закрывались потребности в рабочих руках на тяжелых неквалифицированных работах (строительство, горная добыча, лесоповал) [См.: Гончаров, 2006; Пажит, 2005; Суслов, 2010].

Весной 1942 г. на Урал стали направляться контингенты военнопленных нацистской Германии и стран-сателлитов, а в конце войны — интернированные лица. Больше всего их концентрировалось в промышленно развитой Свердловской области. В 1945 г. здесь насчитывалось более 80 тыс. военнопленных и около 22 тыс. интернированных. Сеть лагерей для иностранных военнопленных в Свердловской области входила в пятерку самых разветвленных и емких на территории СССР наряду с лагерными системами Украинской ССР, Хабаровского края, Белорусской ССР и Ленинградской области. По неполным данным, к маю 1945 г. на предприятиях разных наркоматов в Свердловской области работало около 45 тыс. бывших военнослужащих иностранных армий. Они строили Богословский алюминиевый завод, Новотрубный завод в Нижнем Тагиле, Среднеуральскую и Верхотурскую электростанции, работали на Уралмашзаводе и Уральском алюминиевом заводе, а также десятках других предприятий и строек [Суржикова, 2006: 56, 64, 239–241].

Но главным фактором разрешения проблемы дефицита кадров на Урале явилась всё же мобилизация внутренних ресурсов. Она проявлялась в активном вовлечении в производство неработающих женщин, детей, пенсионеров. Если доля пожилых людей и подростков в составе промышленной рабочей силы Урала была всё же незначительной (5,7 и 4,3% соответственно), то женщины в массовом порядке заменили на производстве ушедших на фронт мужчин. По наблюдениям американского журналиста Генри Шапино, в Свердловске в декабре 1941 г. женщины составляли до 70–80% рабочей силы, занятой на самых тяжелых работах [Senn, 2006: 65]. К концу войны доля женщин в составе кадров промышленности Урала составила 47,7% [Корнилов, 2010: 96].

Проблема трудовых ресурсов решалась также за счет массовой подготовки молодых пополнений через систему трудовых резервов. За годы войны в ремесленных и железнодорожных училищах, школах ФЗО на Урале было подготовлено около 450 тыс. рабочих [Урал в панораме..., 2000: 269]. Нередко для выполнения срочных и трудоемких заданий в промышленность через общегражданские трудовые мобилизации привлекалось сельское население.

При этом важно заметить, что создание военной экономики Урала и ее интенсивная непрерывная работа осуществлялись главным образом за счет тех жертв, которые понесла уральская деревня. Высокие темпы роста уральской промышленности сопровождались стихийным процессом урбанизации за счет притока оставшихся мужчин, женщин и молодежи из сельской местности. Как результат, сельское население Урала за годы войны сократилось на 25%, а его трудоспособная часть — на более чем 32%. Всего уральская деревня в годы войны за счет призыва на фронт и трудовых мобилизаций в промышленность, на лесо- и торфоразработки потеряла почти 65% работоспособного мужского населения, и ее демографическая структура к концу войны характеризовалась колоссальным дисбалансом полов: в составе ее рабочей силы мужчины составляли только 37,3%, а женщины, соответственно, — 62,7% [Корнилов, 2013: 92].

Став временем массового перемещения населения из деревни в город, война ожидаемо изменила соотношение горожан и селян в регионе. До войны горожане составляли 37,5% уральцев, к концу войны — 49,4%. Самый высокий рост городского населения наблюдался при этом в Свердловской области (71,2% в 1945 г. против 60,8% в 1941 г.). В соседней Молотовской области за годы войны доля городских жителей увеличилась с 42,6% до 54,1%. Рекордсменом же среди уральских городов по росту населения стал Челябинск, число жителей которого за 1941–1945 гг. увеличилось на 46%. Меньше всего процесс урбанизации проявился в Курганской области и Башкирии, где к концу войны порядка $\frac{3}{4}$ населения составляли сельские жители. Но даже этим территориям не удалось избежать форсированной урбанизации, проявлением которой стало не только увеличение доли городского населения, но и сокращение числа сельских поселений [Корнилов, 1993: 23–24; Мазур, 2006: 294].

Война стала для Урала героическим и жертвенным временем, а потому и важнейшим компонентом уральской идентичности. На фронте погибли или пропали без вести 600–700 тыс. уральцев [Кузьмин, Оруджиева, Корнилов и др., 1996: 38]. В тылу ситуация была немногим легче. Голод, лишения, вызванные ими болезни (дистрофия, тиф и т. п.), непосильный труд вызвали повышенную смертность населения и резкое сокращение рождаемости. Были случаи, когда люди умирали прямо на улице или на рабочем месте. Поэтому в сознании уральцев фронт и тыл часто сливались как неразрывные части единого патриотического служения Родине, самопожертвования и подвига. Неустанная, героическая, не прекращавшаяся ни на минуту работа по снабжению фронта вооружением воспринималась уральцами как то, что логично находило свое продолжение в победах Красной армии. Это единство фронта и тыла нашло в 1943 г. своё материализо-

ванное воплощение в создании по инициативе рабочих Уралмаша на сбережения уральцев Уральского добровольческого танкового корпуса. Он был целиком оснащен уральскими боевыми машинами и укомплектован опять же экипажами из уральцев. Начав свой боевой путь на Курской дуге, корпус с боями дошел до Берлина и Праги. 48 тыс. бойцов корпуса получили правительственные награды, 38 человек стали Героями Советского Союза [Сперанский, 2003: 138].

Гордость уральцев своим вкладом в Великую Победу в годы войны нашла свое отражение в полуказённом газетном эпитете «Сталинский Урал», который призван был воплощать безраздельную преданность Родине, силу, надежность и стойкость в испытаниях. Одновременно эта мощь Урала всегда, и особенно в годы войны, имела отчетливые исторические реминисценции с давней славой края сурово-сдержанных, работающих и искусных в работе с металлом — то мирным, то смертоносным — мастеров. Позднее эти чувства более точно и емко отразил образ «опорного края державы». Этот образ очень хорошо передан в строках стихотворения уральского поэта Константина Мурзиди «Улица пушкарей»:

«Если повидать тебе охота
Улицу уральских пушкарей,
Ты пройди дорогою похода,
Полям боя мимо батарей.
Высота ли встретится, долина,
Верный след повсюду ты найдешь.
Если не устанешь, до Берлина
Ты по нашей улице дойдешь...»

[Мурзиди, 1946]

Закрепить за Уралом славу основного военного арсенала Красной армии были призваны и памятники, посвященные Великой Отечественной войне. Одними из первых таких памятников стали установленные в Свердловске и Нижнем Тагиле в 1946 г. монументы танкистам и танкостроителям, весьма символично запечатлевшие не фронтовиков и тружеников тыла, а замечательнейшие образцы военной техники.

«Снарядами, танками,
Тоннами стали
Уральцы священную
Клятву держали», —

— эти слова, выгравированные на установленном на «Уралмашзаводе» самоходном орудии, кратко и чётко определяли место Урала и уральцев в войне [В честь героического труда, 1946; см. также: Памятник танкистам, 1946]. В конце войны и первые послевоенные годы новую грань патриотического самосознания уральцев формировало то, что Урал с его значительно выросшим промышленным потенциалом стал одной из важнейших опорных баз для восстановления разрушенной экономики западных районов страны [В города, пострадавшие от оккупации, 1946; На восстановление городов, 1946; Урал — Родине, 1946]. Сразу после того как отгремели последние залпы войны, уральцам — с учётом накопленного ими инженерно-производственного опыта, высокой квалификации кадров, их деловых

и моральных качеств и, конечно, уникального геополитического положения их региона, удаленного на безопасные расстояния от всех границ, — была доверена ответственная миссия по реализации атомного проекта, призванного кардинально решить проблемы безопасности страны, обеспечить ей надежный ядерный щит.

Лучшую, наверное, по своей емкости и точности поэтическую формулу роли и места Урала в истории страны дал в своё время Александр Твардовский:

«Урал!
Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец!»

[Твардовский, 1961: 8]

Действительно, со времён войны Урал неизменно ассоциировался с идеей бескорыстного, неустанного служения интересам страны и в военную годину, и в мирное время. В течение всего позднесоветского периода это всегда было предметом гордости уральцев. Лишь в смутные годы перестройки, когда между республиками и регионами началось своего рода сведение счетов, эта судьба Урала как работавшей на износ, без остановки и, соответственно, возможности осуществить реконструкцию, готовой на самопожертвование, но на каждом шагу ущемляемой в социальном плане и непритязательной индустриальной «рабочей лошадки» стала восприниматься с некоторым оттенком горечи от ощущения небрежения и несправедливости.

Список литературы

1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 338 с.
2. Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 г. – август 1942 г./пер. с англ. М.: Воениздат, 1967. 566 с.
3. В города, пострадавшие от оккупации // Уральский рабочий. 1946. 31 мая.
4. В честь героического труда // Уральский рабочий. 1946. 8 сент.
5. Гаврилов Д. В. Уральский тыл в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 475–488.
6. Гончаров Г. А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск: ЧелГУ, 2006. 222 с.
7. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. М.: Наука, 1973. Т. 2. 664 с.
8. Зубков К. И. Свердловск военных лет глазами американских журналистов // Екатеринбург в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвященной 270-летию города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. С. 89–92.
9. Зубков К. И. Уральский тыл и национальная безопасность: значение тыловых операций в геостратегии Второй мировой войны // Вклад Урала в разгром фашизма: Исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2005. С. 358–362.

10. История народного хозяйства Урала: В 2 ч. Ч. 1. 1917–1945. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 256 с.
11. *Исупов В. А., Корнилов Г. Е.* Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. №4 (57). С. 46–53.
12. *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: ТОО Уралагропресс, 1993. 174 с.
13. *Корнилов Г. Е.* Население Свердловска в военные годы // Российская история. 2010. №4. С. 94–106.
14. *Корнилов Г. Е.* Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941–1953) // Уральский исторический вестник. 2013. №3 (40). С. 91–98.
15. *Кржижановский Г. М.* Избранное. М.: Госполитиздат, 1957. 568 с.
16. *Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Корнилов Г. Е., Алферова Е. Ю., Голикова С. В.* Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. 212 с.
17. *Мазур Л. Н.* Сельское расселение на Урале в годы войны (1941–1945) // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век: к 60-летию со дня рождения Н. Н. Попова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 289–319.
18. *Михеев М. В.* Индустриальный Урал в советской региональной политике позднесталинского периода: 1945–1953 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 296 с.
19. *Мурзиди К.* Улица Пушкираей // Уральский рабочий. 1946. 24 нояб.
20. На восстановление городов // Уральский рабочий. 1946. 5 нояб.
21. *Пажит Ю. Ю.* Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: дисс.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 277 с.
22. Памятник танкистам // Тагильский рабочий. 1946.
23. Планирование размещения производительных сил СССР: в 2 ч. Ч. 1. М.: Экономика, 1985. 304 с.
24. *Потемкина М. Н.* Эвакопоселение в Уральском тылу: Опыт выживания // Отечественная история. 2005. №2. С. 86–98.
25. Проблемные регионы ресурсного типа: Экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири/под ред. В. В. Алексеева, М. К. Бандмана, В. В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. 356 с.
26. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
27. *Сперанский А. В.* Урал в Великой Отечественной войне: единство фронта и тыла // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Сборник материалов V региональной научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. С. 137–140.
28. *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. 421 с.
29. *Суржилова Н. В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956). Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2006. 500 с.
30. *Твардовский А.* За далью – даль // Роман-газета. 1961. №8 (263). С. 1–46.
31. Урал в панораме XX века. Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 2000. 496 с.: ил.
32. Урал – Родине // Уральский рабочий. 1946. 5 нояб.
33. Урал – фронту/П. Г. Агарышев, М. Н. Евланова, А. Г. Наумова и др.; под ред. А. В. Митрофановой. М.: Экономика, 1985. 344 с.

35. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. 679 с.
36. *Harrison, Mark.* Stalinist Industrialization and the Test of War // *History Workshop Journal*. 1990. No. 29. P. 65–84.
37. *Logan, R. F.* Siberia as a Base // *Far Eastern Survey*. 1945. Vol. XIV, No. 9. P. 118–120.
38. *Nelson, Donald M.* Arsenal of Democracy: The Story of American War Production. N. Y.: Harcourt, Brace and Co., 1946. xviii, 439 pp.
39. *Norrins, Martin R.* Gateway to Asia: Sinkiang, frontier of the Chinese far west. N. Y.: J. Day, 1944. 200 pp.
40. *Rich, Norman.* Hitler's War Aims: Ideology, the Nazi State, and the Course of Expansion. N. Y.; L.: W. W. Norton & Co., 1973. xviii, 352 pp.
41. *Senn, A. E.* Foreign Correspondent in Moscow, 1932–1973: Henry Shapiro. Kaunas: Vitauto Didžiojo universiteto lidykla, 2006. 186 pp.
42. *Wallace, Henry A.* Soviet Asia Mission/With collaboration of A. J. Steiger. N. Y.: Reynal & Hitchcock, 1946. 254 pp.
43. War on Russia // *Life*. 1941, October 13. Vol. LVII, No. 2. P. 44, 47–48, 50.
44. *Wight, Martin.* Power Politics/Ed. by H. Bull and C. Holbraad. L.; N. Y.: Leicester University Press; Royal Institute of International Affairs, 1999. 317 pp.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.010

Часть 3

Актуальные вопросы гуманитарных наук

Языки народов Российской Федерации в сфере образования в прошлом, настоящем и будущем¹

В. М. Алпатов

Часто сейчас у нас говорят об угрожаемом положении, в котором находятся многие языки малых народов России. Одной из сфер существования языков является сфера образования. На многих языках народов России образование не ведётся или ведётся в недостаточном объеме: в то же время на некоторых языках образование существует, однако не даёт должного результата. Чтобы разобраться в этих вопросах, полезно кратко рассмотреть историю образования на языках народов СССР и России с 1917 г. до наших дней и современную ситуацию. Подробнее об истории я писал в книге [Алпатов, 2000].

Основы желательной языковой политики ещё в 1914 г. сформулировал В.И. Ленин: «Русские марксисты говорят, что необходимо: *отсутствие* обязательного государственного языка при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках» [Ленин, т. 24: 295]. После 1917 г. была поставлена задача создать новую языковую политику, в том числе в области образования. Советская Россия, а затем СССР здесь были первыми в мире государствами, где ставилась задача сформировать образование на языках малочисленных народов.

В самый тяжелый период гражданской войны 31 октября 1918 г. появилось постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств», о создании таких школ говорилось и на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 г. Например, в Пензе уже в годы Гражданской войны работали татарские и мордовские школы, и в Туркестане к 1922 г. появились школы даже на таких языках, как украинский, армянский, немецкий, идиш [Болтенкова, 1988: 27, 31].

В резонанс вступили позиция власти, исходившая из стремления развивать все языки, включая самые малые, и деятельность интеллигентов (русских и представителей самих малых народов), многие из которых были энтузиастами и настоящими подвижниками. По окончании Гражданской войны было сделано многое. В 1929 г. Центриздатом выпускались учебники и учебные пособия на 56 языках, а в 1934 г. — на 104 языках (включая, правда, и некоторые зарубежные) [Национальные школы, 1958: 9]. Один из деятелей просвещения тех лет писал, что «в 1931/32 учебном году мы имеем возможность коренизировать на 100% начальную школу у 37 наци-

¹ Статья на основе доклада в Общественной палате РФ 13 декабря 2019 г.

ональностей, школы которых полностью обеспечены обучением на родном языке в пределах I ступени» [Советкин, 1974: 75]. В Республике Коми уже в 1930 г. рапортовали о полном переходе школ для коми на национальный язык [Просвещение национальностей, 1930, № 7–8: 71]. В то время (в отличие от более поздних периодов) речь шла об образовании на материнском языке для любого гражданина СССР, где бы он ни находился. Например, в Башкирской АССР в начале 30-х гг. существовали, помимо башкирских и татарских, чувашские, марийские, мордовские, удмуртские, латышские, немецкие, эстонские, польские школы [Сулейманова, 1993].

Всё это впечатляло. Один из западных социолингвистов впоследствии писал, что даже самый крайний противник советского строя не может не признать эти достижения [Crisp, 1989: 36].

Однако в языковой политике тех лет далеко не всё было продумано, а сложностей было много, и в итоге не все из них оказалось возможным преодолеть. Прямое сопротивление политике не было значительным. Много трудностей создавало недостаточное развитие многих языков меньшинств, у которых часто не было ни письменности, ни литературной нормы. Однако эта трудность осознавалась, и на ее преодоление было потрачено немало сил. К этому были привлечены многие выдающиеся лингвисты: Е. Д. Поливанов, Н. Ф. Яковлев и другие. К середине 30-х гг. было создано более 70 новых алфавитов (тогда на латинской основе).

Не осознавалось другое: в самих идеях равноправия языков было немало утопического. Считалось, что граждане страны должны овладевать всем богатством мировой культуры на родном языке. Однако еще в 20-е гг. Е. Д. Поливанов отмечал, что студенты из национальных меньшинств, которых одновременно обучали литературной форме родного языка и русскому языку, старались овладеть высокой культурой, прежде всего, на русском языке, а родной язык использовали лишь в бытовой сфере, на «уровне бытательской беседы» [Поливанов, 1927: 113]. Играла роль и общая обстановка в стране, где в 30-е гг. усиливалась централизация.

Со второй половины 30-х гг. языковая политика в СССР стала меняться при сохранении прежних лозунгов. Главным в этой политике стал курс на всеобщее овладение русским языком. В марте 1938 г. было принято совместное постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», действовавшее до распада СССР. Расширение преподавания русского языка было необходимо, но это делалось за счёт обучения другим языкам страны. Начиная с 5-го класса в РСФСР почти всё преподавание было «временно», как тогда объявили, переведено на русский язык, однако оно осталось таким до самого конца советской эпохи, а во многих случаях и до наших дней. В пределах РСФСР среднее образование после этого существовало, помимо русского, лишь на татарском и башкирском языках. Одновременно в 1935–1941 гг. новые латинские алфавиты заменили кириллическими.

Еще значительно уменьшилось преподавание малых языков со второй половины 50-х годов. Сыграла роль позиция Н. С. Хрущева, считавшего, что по мере продвижения к коммунизму будут стираться всякие различия, включая языковые. Но влияли и желания самих носителей многих языков

меньшинств. Во время школьной реформы 1958 г. родители получили право выбора школы для своих детей, в том числе выбора между русской и национальной школой. После этого количество национальных школ и учеников в них заметно сократилось [Lipset, 1967: 187–188]. Подобные явления отмечаются не только у нас: часто сами меньшинства выступают против школьного обучения детей на материнских языках, поскольку они затрудняют овладение более важным языком, которым в СССР и современной России был и остается русский.

Особенно сократилось обучение на языках, кроме русского, в РСФСР. Карелы потеряли национальные школы в 1956–1958 гг., буряты — в 1960 г., калмыки — в 60-е гг., кабардинцы и балкарцы — в 1965/66 учебном году [Silver, 1982: 31–32; Намжилов, 1994: 155]. Если в РСФСР школьное обучение в начале 60-х гг. шло на 47 языках, то к 1982 г. — лишь на 17 языках; правда, еще 32 языка преподавались в виде предметов [Кузнецов, Чехоева, 1982: 12]. На 12 из 17 языков образование не шло выше четвертого класса, на тувинском и якутском языках существовали восьмилетние школы и лишь на татарском и башкирском языках (и, разумеется, на русском) — средние [там же]. Всё это не соответствовало задачам, которые считались приоритетными в 20–30-е годы.

Конечно, освоение наиболее престижного и практически важного русского языка для многих казалось естественным. С другой стороны, ухудшение положения с языком своего народа могло восприниматься как национальное унижение. В годы перестройки эти противоречия вышли наружу и стали активно обсуждаться, в том числе и в РСФСР. Хотя здесь не осуществились наиболее радикальные требования, реализация которых была возможна лишь при отделении, но в конце 1980-х гг. и в первой половине 1990-х гг. во многих российских регионах образование на малых языках стало расширяться.

Тогда многие считали: «Начинать преподавание этого [национального. — В. А.] языка надо немедленно» [Дьячков, 1993: 103]. Уже к 1992 г. 70% начальных школ Кабардино-Балкарии (в основном в сельской местности) перевели на национальные языки [Языковая ситуация, 1992: 15]. В Башкортостане с 1993 г. с 1-го по 9-й классы всех школ введено преподавание башкирского языка [Независимая газета, 21.07.1993]. Возродились и школы на языках меньшинств вне мест их компактного проживания.

Однако при этом не всегда учитывалась реальная ситуация. Например, в отношении Калмыкии писали: «Мы при обучении калмыцкому языку исходили из того, что учащиеся владеют разговорным калмыцким языком. Поэтому составляли программы и учебники, считая, что все дети владеют родным языком. На практике же оказалось, что основная масса школьников не знает родного языка.... Основная масса калмыков — 59% — говорит и общается на русском языке» [Проблемы возрождения, 1992: 24]. Данную цифру другие авторы признают заниженной. «Ученики не знают ни одного калмыцкого слова, а их заставляют учить грамматику, правила, что вызывает лютую ненависть ученика к родному языку» [там же: 32]. «Можно сотнями выпускать специалистов по калмыцкому языку, но они уйдут преподавать русский язык и литературу» [там же: 48–49].

Однако наибольшие трудности в это время оказались у наиболее малочисленных народов, большинство из которых живет в Сибири, на Дальнем

Востоке и на европейском Севере, где «коренные языки почти не употребляются в постоянной жизни. В школах они изучаются как вторичные (после русского), по существу, с нуля. Некому и обучать национальным языкам» [Правда, 07.07.1993]. Не удивительно, что преподавание на ряде малочисленных языков спустя несколько лет прекратилось.

Проблема вымирания малых языков стоит везде. В советское время она смягчалась инерцией политики 20–30-х гг. и нерыночным характером общества. Советская власть могла финансировать заведомо убыточные издания книг, газет и журналов на национальных языках, которые всё-таки могли находить каких-то читателей, и поддерживать национальную литературу.

Теперь ситуация иная. При господстве рыночной экономики «потребности экономического оборота сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений» [Ленин, т. 23: 424]. Для России этот язык, разумеется, — русский. Поддержка малых языков — принципиально нерыночная мера; недаром ей много занимались в СССР, а за рубежом больше всего — при социал-демократических правительствах. У нас после 1991 г. резко снизилось издание литературы на малых языках, и снижение продолжается. Однако сфера школьного образования у нас в основном остаётся государственной, здесь не ставится задача извлечения прибыли. Но и преподавание на малых языках у нас уменьшилось по сравнению с 90-ми годами, хотя и превышает то, что было в 60–80-е годы.

Вот данные последних лет. «Языками коренных малочисленных народов Севера, на которых в школе ведётся весь процесс обучения, являются чукотский, эвенкийский, эвенский и юкагирский (т.е. на них преподаются неязыковые учебные предметы, такие как математика или физика), остальные языки изучаются в качестве отдельного учебного предмета» [Материалы, 2015: 46–47] (речь здесь не идет о более крупных языках региона вроде якутского или тувинского). Последних языков зафиксировано еще 18, из них лишь пять изучается в 10–11 классах. Можно видеть, что разделение языков на две группы не связано с численностью языков: на очень малочисленном юкагирском языке, где зафиксировано 39 учеников, преподаются неязыковые предметы, чего нет на более многочисленном ненецком, где школьников более четырех тысяч. Явно видно отсутствие единой языковой политики: всё зависит от позиции местных властей и от наличия или отсутствия энтузиастов. И зафиксировано 8 или 9 языков данного региона, на которых «не было создано ни письменных текстов, ни методической литературы для их преподавания», «это практически мертвые языки» [Материалы к совместному заседанию, 2015: 39]. Ещё три языка (шорский, саамский и тофаларский) по данным [Материалы к совместному заседанию, 2015] не считаются «практически мертвыми», но и не преподаются. На Северном Кавказе не преподаются и не имеют письменности 17 языков, ещё для пяти языков создана письменность, и они преподаются в качестве предметов [там же, 2015: 40]. Нередко образование на языках меньшинств, особенно если оно проводится в виде предмета, оказывается чистой формальностью.

И сохраняются те же проблемы, которые были в 1920–1930-х годах. Трудностей очень много, но всё же, как и тогда, есть принципиально реша-

емые и не поддающиеся (или с трудом поддающиеся) решению. Конечно, не хватает педагогов, учебников, финансирования, не для всех языков разработана литературная норма. Но всё это в принципе можно решить. Самое трудное — проблема мотивации, о которой сейчас много говорят.

Мне рассказывали в Калмыкии в конце 90-х гг., что дети любой национальности в этой республике первоначально с интересом занимались калмыцким языком, разучивали песенки на этом языке, участвовали в конкурсах на их исполнение, где иногда побеждали русские. Но к старшим классам интерес у всех, включая калмыцких детей, пропадал, поскольку они начинали задумываться о будущем. Никто не сомневается в практическом значении изучения русского языка и иностранных языков, но как быть с такими языками, как калмыцкий? И как можно использовать знакомство с математикой на юкагирском языке, которой в 2015 г. обучали 39 детей?

Какая может быть мотивация для изучения (в частности, школьного) того или иного языка? Можно, вероятно, выделить три мотива, каждый из которых не исключает остальных: интерес, престиж и выгоду.

Языки можно учить (не только в школе) из чистого интереса. Людей, увлечённых освоением языков, не говоря о полиглотах, можно встретить. Несомненно, русские дети в Калмыкии с увлечением пели на калмыцком языке по этой причине. Но всерьёз рассчитывать на такую мотивацию нельзя: у людей индивидуальные склонности различны, а интерес часто разрушается соприкосновением с жизнью.

Престиж языка, наоборот, исключительно важен. Из истории мы знаем много примеров его роли. В Японии в период американской оккупации (1945–1952), когда оказались дискредитированы другие национальные ценности, свой язык, который не осваивали американцы, сыграл роль основы идентичности. В первой половине XIX века чешский язык был почти вытеснен немецким языком, и предсказывали в скором будущем его полное исчезновение, но национальное возрождение поддержало его престиж, и это способствовало восстановлению государственности. Сейчас в Европе повышается престиж самых малых языков: фризского, ретороманского и др. Можно ли на это рассчитывать в России? Эта проблема — палка о двух концах: подъём национального самосознания может приводить к росту национализма. Но в реальности для исчезающих языков Севера намного актуальнее обратное: полное отсутствие престижности своих языков и своей культуры. Что тут делать? Возможно, видимо, сохранение престижа если не во всём, то хотя бы в каких-то сферах, прежде всего, эмоциональных. Как говорила одна норвежская саамка, она владела норвежским языком, но плакать могла лишь на своем языке [Skutnabb-Kangas, 1983: 48–54]. И может ли поднять престиж языка Сибири развитие в нём оленеводческой терминологии, которая не может быть адекватно переведена на русский язык?

Наконец, выгода. Можно не любить какой-то язык, но понимать необходимость его знания для любого продвижения вверх. В России так обстоит дело с русским языком. Жалобы на снижение уровня его знания постоянно раздаются в национальных субъектах федерации, хотя нередко такие жалобы — замаскированный протест против преподавания других языков России. Но мы живем в единой стране, и без знания русского языка трудно полно-

ценно жить, независимо от национальности. Однако может ли быть выгодно знание малых языков? Трудно представить ситуацию, при которой выгода возникала естественным путем. Но можно её стимулировать. Платили же в советское время надбавки за знание редких иностранных языков. Может быть, стоило бы платить за знание малых языков хотя бы государственным служащим, работающим в соответствующих регионах. Одна из серьёзных проблем, способствующих языковому сдвигу, — крайне низкий престиж этих языков среди русскоязычного населения. Бывало, что носители русского языка предпочитали отъезд в другой регион изучению малого языка.

Что ждет образование на малых языках в будущем? Когда-то мы были здесь впереди, теперь многие страны, особенно в Европе, нас опередили. Бесспорно, надо знать и использовать зарубежный опыт. И не надо сворачивать это образование: пусть даже выпускникам знание этих языков практически не понадобится, но что-то в памяти может остаться. Каждый язык — это особая культура, особый взгляд на мир, способ выражения эмоций, и не хотелось бы это терять.

Список литературы

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. М., 2000.
2. Болтенкова Л. Ф. Интернационализм в действии. М., 1988.
3. Дьячков М. В. Социальная роль языков в многоэтнических обществах. М., 1993.
4. Кузнецов Г. Д., Чехоева С. А. Национальные школы РСФСР в современных условиях // Советская педагогика, 1982, № 11.
5. Ленин В. И. Собрание сочинений. Издание 5-е. 1958–1966.
6. Материалы к совместному заседанию Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку. М., 2015.
7. Намжилов Ц. Н. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
8. Национальные школы РСФСР за 40 лет. М., 1958.
9. Поливанов Е. Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. М., 1927.
10. Проблемы возрождения калмыцкого языка. Элиста, 1992.
11. Советкин Ф. Ф. Избранные труды, т. 1. Саранск, 1974.
12. Сулейманова Л. Ш. Национальные школы малочисленных народов Башкортостана в 1917–1941 гг. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Уфа, 1993.
13. Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1992.
14. Crisp S. Soviet Language Planning. 1917–1953 // Language Planning in the Soviet Union. London, 1989.
15. Lipset H. The Station of National Minority Languages in Soviet Education // Soviet Studies, v. XIX, 1967.
16. Skutnabb-Kangas T. Bilingualism or Not — the Education of Minorities. Clevedon: Multilingual Minorities, 1983.
17. Silver B. D. The Status of National Minority Languages in the Soviet Union // Soviet Studies, 1, 1982.

Украина и Россия: по следам исторической памяти¹

П. П. Толочко

Историческое прошлое двух родственных народов — украинского и русского подвергается в независимой Украине невероятным искажениям. Особенно в учебниках и учебных пособиях для средних и высших учебных заведений. Выросло уже целое поколение на так называемом новом прочтении истории, изменившим её до неузнаваемости. Главный его смысл заключается в том, что общая с Россией история была вовсе и не «нашей». Обретения превратились в потери, нерушимая дружба двух восточнославянских народов стала извечной их враждой. Более чем трехсотлетнее пребывание Украины в едином с Россией государственном образовании (Российской империи и Советском Союзе) квалифицировано, как колониальное, в продолжение которого Украина была не субъектом истории, а объектом.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с учебниками и учебными пособиями по истории Украины, это немыслимая нетребовательность их авторов к научности. Можно согласиться с тем, что история — учебная дисциплина не тождественна истории — академической науке. Определено у них разные задачи, а следовательно, и разный уровень обобщений. Но чтобы одна не вытекала из другой, не пользовалась её достижениями, а почти целиком уходила в область мифологических представлений об историческом процессе, такого даже и в поруганном социалистическом прошлом не было.

Во всех случаях побудительными мотивами этого является стремление рассматривать её исключительно через украинскую этническую призму, что логически ведёт к идеализации. По существу, в новых учебниках история представлена не такой, какой была, а такой, какой её хотят видеть нынешние этноидеологи. При этом многие из них искренне убеждены, что на современном этапе развития украинской государственности и народного самосознания создание национальных мифов просто необходимо. Как говорил мне один из талантливейших украинских поэтов, это тот случай, когда ложь во благо. Непонятно только, какое благо могут извлечь современники из ими же созданных мифов о своем прошлом. Разве что несколько скрасить нынешние реальные неудачи воображенными достижениями далеких пращуров.

Видимо, именно этим можно объяснить появление в учебниках рассказов о древнейшем украинском государстве «Аратга», которое старше Шумера и Аккада, о становлении украинской монархии в скифское время, о заселении славянами Северной Африки и Ближнего Востока, о Велесовой книге, об украинцах — создателях Киевской Руси...

¹ Статья подготовлена по материалам выступления на совместном заседании Отделения историко-филологических наук РАН и Отделения общественных наук РАН (13 марта 2019 г.), посвящённого презентации книги автора «Украина между Россией и Западом»

После Киевской Руси мифы постепенно теряют свое позитивное содержание и превращаются в страшные сказки о невыносимо трудной судьбе Украины. Особенно это относится ко времени после присоединения к России и до распада Советского Союза. В новых учебниках Украина представляется исключительно как жертва российского империализма, в продолжение более чем 300-летнего периода находившаяся на положении колонии, эксплуатируемой и притесняемой москалями.

Вот только несколько примеров «лжи во благо». Первый касается обстоятельств объединения Украины и России в 1654 г. В новых исследованиях можно прочесть о сомнительной легитимности Переяславской Рады, на которой не было принято никакого юридического документа об объединении Украины и России. Но это элементарное шулерство. Пишущие это определенно знают, что на Переяславской Раде и не должны были приниматься никакие юридические акты, что это был присяжной акт. Акты были приняты раньше. В 1653 г. было Прощение о принятии Малороссии в российское подданство гетмана Б. Хмельницкого и было Решение Земского собора России об его удовлетворении. Так лукаво роняются в молодые души зерна сомнений.

С таким же лукавством авторы утверждают, что советская власть и социализм Украине были навязаны исключительно большевиками России. Это отсюда пришли «несметные» орды Муравьева и принесли на своих штыках бедным украинцам ненавистный им социализм. Хотя если бы были честны перед историей, должны были сказать, что за советскую власть сражались десятки тысяч украинцев под водительством украинских же полководцев — Щорса, Боженко, Пархоменко, Коцюбинского, Антонова-Овсеенко и др., что их поддержало большинство украинского населения. Историческая правда заключается также и в том, что социалистическую идею исповедовали и утверждали своим творчеством такие выдающиеся украинские интеллектуалы, как И. Франко, М. Драгоманов, Леся Украинка, В. Винниченко. Были социалистами, как известно, и отцы-основатели Украинской Народной Республики — Грушевский, Винниченко, Петлюра.

То же можно сказать и о трагическом голоде 1932–1933 гг., унесшим миллионы украинских жизней. Кроме Украины, страшная беда постигла и другие зерносеющие регионы Советского Союза: Кубань, Подонье, Поволжье, Северный Казахстан. Признавая это, некоторые украинские историки утверждают, что больше всего жертв было все же на Украине. А коль скоро это так, значит, мы имеем дело с явлением геноцида против украинского народа.

Вполне конкретен и адрес палачей: конечно, это Москва. Нам бы задуматься над тем, почему это с Украины выгребли хлеба больше, чем с других регионов. Не наши ли соотечественники повинны в этом? Из Москвы ведь не было видно крестьянских чуланов или ям с зерном. Но для этого надо хоть немного напрячь мозги, а для обвинения «москалей» ничего напрягать не нужно. Они заведомо виноваты во всем.

Еще более безнравственным выглядит в новых учебниках отношение к Великой Отечественной войне, а также к событиям, ей предшествовавшим и за ней следовавшим. Практически произошла тотальная их перео-

ценка. Уравнены в ответственности жертва и её палач. Война объявлена не нашей. Герои-освободители, получившие признание и уважение всей спасенной ими от фашистской чумы Европы, унижены реабилитацией и героизацией западноукраинских националистов, сотрудничавших с немцами. Пакт Молотова — Риббентропа оценен как преступный тайный сговор двух агрессоров, а послевоенное мироустройство — как порабощение Советским Союзом народов Восточной Европы.

Совершенно по-новому освещается теперь и националистическое движение в Западной Украине в годы Второй мировой войны. Оказывается, это они, а не Советская Армия и советские партизаны являются истинными освободителями Украины. «Оранжевая» власть, в лице президента, озаботилась установлением дней празднования «доблестных» ОУН-УПА, присвоила их предводителям (и даже их детям) звания героев Украины, а чуткие на социальный заказ историки быстренько подложили под эти указы историческое обоснование. И, разумеется, никакой объективности, сплошная апологетика. Практически ничего о непримиримых противоречиях между отдельными ветвями националистов, сопровождавшихся междоусобной братоубийственной войной. Ничего о жестоком терроре по отношению к мирному населению, в первую очередь к национальным меньшинствам и так называемым схиднякам. Ничего о борьбе с советскими партизанами и, конечно же, ни слова о тесном сотрудничестве с немцами, которое началось еще с предвоенной поры, когда Германия только готовилась к войне с Советским Союзом и создавала собственную «пятую колонну».

Украина имеет простую историю. Можно сказать, две разные истории. Ту, которая была общей с Россией и Белоруссией, и ту, которая является общей с рядом западных стран — Польшей, Литвой, Австро-Венгрией, Румынией. Так вот, если первая в новейших исторических работах, в том числе и учебниках, представляется как непрерывная цепь страданий несчастных украинцев, как своеобразная черная дыра и пропащее время, вторая излагается вполне сочувственно, как приемлемая альтернатива. Все в этой истории было лучше. В составе Польской империи Украина являлась чуть ли не равноправным учредителем Речи Посполитой. В либеральной Австро-Венгерской империи тоже чувствовала себя достаточно комфортно. Не испытывала такого гнета, какой имел место в «тюрьме народов» России, ни в социально-экономическом, ни в национально-культурном отношении.

И, по существу, ничего о том, что украинцы в этих государственных образованиях были людьми второго сорта, что ни в одном из них не получали такого доступа к государственному управлению, какое имели их соплеменники в России, что польские «либералы» посредством Брестской унии отняли у них веру отцов и дедов, навязали католицизм, а австро-венгерские — заключали их в концентрационные лагеря Терезино и Таллергоф. Если так хорошо было украинцам в названных странах, тогда чем объяснить, что они постоянно стремились их покинуть.

Стоит ли говорить, что эта ложь уж точно не во благо. Ведь она формирует в обществе негативное историческое самосознание, воспитывает комплекс исторической неполноценности, неуверенности в собственных созидательных способностях. Ведь если не было успехов в прошлом, если

несчастливыми украинцами не помыкал и не унижал их только ленивый, то какая может быть уверенность, что в будущем будет по-другому. Так и прививается в масштабах целого народа чувство социально-психологической несостоятельности.

А еще безответственности за прошлое, которое было, якобы, вовсе и не его прошлым. К нему он не имел другого отношения, как только пассивной жертвы. Но это плохая услуга собственному народу. Изъятие его прошлого из исторического контекста России и Советского Союза превращает Украину из субъекта истории в ее объект.

Разумеется, это не так. Вот только в новых учебниках истории вы не найдете свидетельств того, что украинцы были такими же сотворцами российской государственности и культуры, как и русские. Что одним из авторов, выражаясь современным языком, проекта Российской империи был соратник Петра I, бывший ректор Киево-Могилянской академии, профессор Ф. Прокопович. Что практически во всех правительствах России, начиная от Елизаветы Петровны, на вторых ролях находились украинцы. Это братья Алексей и Кирилл Разумовские, сын Кирилла Алексей Разумовский, А. Безбородко, В. Кочубей. В советское время выходцы из Украины были не только вторыми лицами в государстве, как К. Ворошилов, Н. Подгорный и др., но и первыми — Н. Хрущев, Л. Брежнев.

Как же можно утверждать, что это была не наша история? Как можно говорить о колониальном статусе Украины? Где еще представители угнетенного народа имели такой доступ к управлению страной, становились канцлерами, министрами, сенаторами, крупными военачальниками и другими высокопоставленными чиновниками метрополии? Сказанное никак не согласуется с колониальным статусом Украины. Его не могло быть уже хотя бы потому, что российская общественная мысль в имперское и советское время не считала малороссов и украинцев отдельным от русских народом.

При внимательном изучении прошлого оказывается, что даже русский язык, являющийся ныне яблоком раздора между «сознательными» и «несознательными» украинцами, нам не чужой. А тем более не иностранный, до чего додумалось образовательное ведомство в «оранжевое» безвременье. Не говоря уже о том, что он родной для 8,5 млн русскоэтничных граждан Украины, так еще и создавался украинцами. В XVII — первой половине XVIII в. в значительной степени ими, в XIX и XX вв. — в том числе и ими.

По признанию известного российского ученого-языковеда С. Н. Трубецкого, уже при патриархе Никоне «киевская редакция церковнославянского языка вытеснила московскую в богослужебных книгах... Так что тот язык, который послужил основанием для «славяно-русского» литературного языка петровской и послепетровской эпохи, является именно церковнославянский язык киевской редакции» [Трубецкой, 1927: 165–184].

Как известно, в новой Украине отношение к русскому языку совершенно нетерпимое. Законом «Об обеспечении и функционировании украинского языка как государственного» от 25.04.2019 г. он, по существу, объявлен вне закона. В быту на нем говорить можно, а вот учиться и учить, а также пользоваться на официальном уровне нельзя. За это предусмотрены даже карательные меры. Оправданием такой нетерпимости к русскому языку, как

правило, служат ссылки на Валуевский циркуляр (1863 г.) и Эмский указ (1872 г.) царя Александра II, которые будто бы запрещали употребление украинского языка.

Конечно, названные документы сегодня не могут вызывать одобрения. Не было его и во времена их выхода. Русские интеллектуалы подвергли их критике. С ними не согласен был даже министр просвещения А. В. Голловин. Против выступили ведущие ученые России: академики Ф. Корш, А. Шахматов и др. В 1905 г. Российская академия наук направила правительству доклад, в котором утверждала, что украинский язык является самостоятельным славянским языком и рекомендовала отменить антиукраинские акты. В том же году Николай II подписал манифест о политических свободах, в том числе и о свободе слова, который фактически упразднил запретные языковые акты.

Однако, если мы посмотрим на Валуевский циркуляр и Эмский указ беспристрастно, то окажется, что они были намного либеральнее нынешнего украинского языкового закона. Украинского языка они вовсе и не запрещали. Ими налагался запрет только на общественно-политическую литературу на украинском языке, а также на украинские переводы канонических церковных книг. Никаким ограничениям не подвергались произведения «изящной литературы», публикации исторических памятников — песен, дум, летописей, театральные постановки. И, определенно, литературное творчество на украинском языке никогда не приобретало «подпольного нелегального характера», как это можно прочитать в новых украинских исследованиях, исторических и филологических. Через год после выхода Валуевского циркуляра на сцене Санкт-Петербургского театра были поставлены на украинском языке две пьесы Г. Квитки-Основьяненко «Щира любов» и «Сватання на Гончарівці», а в начале 80-х годов XIX в. в том же Петербурге появилось роскошное издание Кобзаря Т. Г. Шевченко.

Совершенно невероятные вещи происходят в Украине и в области исследования этнической истории. Здесь нашли благодатное поле для заявления своей патриотической преданности не только люди, ничего в этой проблеме не смыслящие, но и откровенные расисты. Сняли даже фильм, в котором поведали миру, что на основании анализа ДНК неоспоримо доказывается не только исконная европейская древность украинцев, но также и их арийскость.

И все эти потуги предпринимаются только для того, чтобы доказать, что украинцы в своем генотипе не имеют ничего общего с русскими. Должен огорчить доморощенных «арийцев», что ни биология, ни антропология не имеют никакого отношения к культурной этноидентификации. Ибо если мы на основании этих наук будем определять истинных украинцев, тогда окажется, что многие выдающиеся деятели, которые вошли во все энциклопедии и справочники как украинские, не окажутся таковыми. Среди них будут: П. Могила, В. Баранович, И. Гизель, Н. Бантыш-Каменский, И. Мартос, Н. Гоголь, М. Драгоманов, В. Антонович, В. Липинский, С. Ефремов и многие другие. Не выдержат тест на истинную украинскость В. Кочубей, И. Выговский, И. Мазепа, С. Петлюра, П. Скоропадский и, страшно сказать, даже Д. Донцов — идеолог украинского интегрального национализма.

Но это же абсурд какой-то. Цивилизованная Европа, куда мы неодолимо стремимся, такой дурью не мается. Принадлежность к тому или иному народу там определяется не составом крови или формой черепа, но интегрированностью в культуру в самом широком значении этого определения. А еще тем, кем человек себя осознает.

Несколько перефразировав известное изречение классика, можно сказать, что моя малороссийская душа исполнилась гордостью за Украину. Сколько талантливых людей она послала миру! Но и за Россию тоже. Ведь это в ней в трудную годину находили приют украинские переселенцы. И это в ней многие из них обретали всероссийскую (всероссийскую) и мировую славу.

В украинской национально-патриотической литературе, а нередко и в речах политических деятелей, можно встретить утверждения, что ареал расселения украинцев на востоке значительно шире ее нынешних государственных границ. Что и Воронежское Подонье, и Кубань — это украинские земли. Из этого делаются выводы, что Украина в совместной жизни с Россией потеряла часть своих исконных земель. Едва ли не первым, кто зародил эту лукавую мысль, был П. Чубинский, заявивший в своем стихотворении «Ще не вмерла Україна», ставшем ныне государственным гимном Украины, что ее территориальные пределы простираются «От Сяну до Дону». Его последователи прибавили сюда еще и Кубань.

Действительно, в означенных регионах украинцы проживают. Но не на своих землях, а на исконных российских, куда массово переселялись в продолжение XVII–XVIII вв. Известно, сколь значительным был переселенческий поток в Россию во времена господства на Украине польской шляхты. От невыносимого ее гнета украинцы переселялись под защиту московских властей на Путивльщину, Белгородщину и Воронежщину. Полных статистических данных этого переселения у нас нет, но едва ли будет большим преувеличением считать, что оно исчислялось десятками тысяч. Не терпя польского засилья, в Россию уходили семьями, общинами и даже полками, как Черниговский полк во главе с полковником Иваном Дзиговским, в количестве 1003 казаков с женами и детьми был расселен на Острогжщине. В 1649 г. в Белгород переселился брат Богдана Хмельницкого Григорий, покровительство которому оказывал царь России Алексей Михайлович.

В отдельных приграничных регионах России выходцы из Малороссии численно даже превосходили русских. Это видно, в частности, из Отписки путивльского воеводы Н. Плещеева, в которой говорится, что «ныне (в 1649 г.) в Путивле и Путивльском уезде литовских (украинских. — П. Т.) людей больше твоих государевых людей». Аналогичная ситуация имела место и на Кубани, куда в 1792 г. с разрешения императрицы Екатерины II было переселено «Войско Коша верных казаков Запорожских», переименованное в 1860 г. в Кубанское войско.

В реальности нынешняя восточная граница Украины проходит значительно дальше, чем это могло быть исходя из политических реалий XVII–XVIII вв. При Юрии Хмельницком и по его просьбе к Малороссии отошла Новгород-Сиверщина, ранее находившаяся в составе Московского государства. Впоследствии украинскими оказались города российской юрисдикции

Путивль и Глухов, а также Слобожанщина, находившиеся преимущественно под управлением Белгородского воеводства и Разрядного приказа.

Часто, говоря о том или ином деятеле науки и культуры России или Советского Союза, мы оказываемся в затруднении при определении его принадлежности. Русский он или украинский? Не обходится здесь и без национальных патриотических предпочтений. В украинской историографии употребляют прилагательное «украинский», а в русской — «русский». Приходится даже читать, правда, как правило, в украинских изданиях, что они (русские) почему-то называют нашего писателя (или учёного) «русским». Квалифицируется это, как синдром имперскости, со всеми вытекающими из этого негативными оценками. Причем в основу национального соотношения кладется не творчество, не интегрированность в конкретную культурную среду, а место рождения или биологическая этничность.

Что касается людей литературы и искусства, то здесь мерой всему является характер творчества. Конечно, С. С. Гулак-Артемовский является русским певцом и артистом. Об этом говорит более чем двадцатилетняя его служба в оперных театрах Санкт-Петербурга и Москвы, широкий русский песенный и оперный репертуар. Но ведь он пел и украинские песни, да к тому же написал знаменитую (первую) украинскую оперу «Запорожец за Дунаем». А значит, был также украинским певцом и композитором.

В советское время яркий пример двукультурной принадлежности явил И. С. Козловский. Начав свой певческий путь с хора Киевского Михайловско-Златоверхого монастыря (как и С. С. Гулак-Артемовский), он затем пел в Полтавском музыкально-драматическом театре и Харьковском оперном. С 1926 г. и до конца жизни пел в Большом театре СССР. Вошел в историю русского искусства, как несравненный исполнитель партий Ленского и юродивого, русских старинных романсов. Но кроме них в репертуаре И. С. Козловского всегда были украинские народные песни и романсы, а также арии из опер С. Гулака-Артемовского и Н. Лысенко.

Среди выходцев из Украины — народных артистов СССР, внёсших огромный вклад в развитие русского искусства, я называю и Б. С. Ступку. Это не очень нравится украинским националистам. Как же так, ведь более украинского актера, чем Б. Ступка, и представить себе невозможно. А вот так. Человек гениальный никогда не вмещается в узкие этнокультурные рамки. Не вмещался в них и Б. Ступка. Он, как справедливо выразился Евгений Евтушенко, «актер планетарного масштаба». В российском кинематографе сыграл десятки ролей. Сыграл блестяще. Один только Тарас Бульба чего стоит. За это получал на различных кинофестивалях призы «Золотая роза», «Ника», «Триумф», был избран членом Российской киноакадемии. Одним из его любимых писателей был А. Чехов. В Москве бывал часто и охотно. Называл ее театральной Меккой интеллектуальных и духовных сил Советского Союза. И можно согласиться с народным артистом СССР М. Ульяновым, который отмечал, что «Украина может гордиться своим сыном. Богдан Ступка достойно представляет ее в России».

Примерно то же самое можно сказать и о Л. Ф. Быкове. Да, он украинский актер и режиссер. Но разве можно представить российский кинематограф 50–70 годов XX столетия без его блистательного в нем присутствия. Как ак-

тера и режиссера. Его картины «В бой идут одни старики» и «Аты-баты шли солдаты» и сегодня составляют золотой фонд российского советского кино.

Непредставимым окажется российский культурный процесс и без А. П. Довженко, который с 1934 г. и до конца жизни жил и работал в Москве. В годы Великой Отечественной войны он снял несколько документальных фильмов («Буковина — земля украинская», «Битва за нашу советскую Украину», «Победа на Правобережной Украине»), писал публицистические статьи, сценарии новых фильмов («Украина в огне»). После войны снял фильм «Мичурин», который критика оценила как событие в советском кинематографе, а также «Прощай, Америка», увидевший экран только в 1995 г. Написал сценарии фильмов «Поэма о море», «Повесть пламенных лет» (реж. Ю. Солнцева), «Зачарованная Десна» (реж. Ю. Солнцева). Много сил отдавал подготовке кадров, преподавал во ВГИКе.

У А. П. Довженко был свой критический взгляд на советско-партийную действительность, но никогда это не переносилось на его отношение к русской культуре. Его творчество, в том числе и домосковского периода, свидетельствует о том, что русский язык для него был такой же родной, как и украинский.

Говоря о знаменитых украинцах в России и их вкладе в развитие русской культуры, мы, переполненные чувством гордости за это обстоятельство, не всегда осознаем, что далеко не все они приходили туда с полностью сформированным творческим лицом. Большинство обрело его уже в России, чье участие в обучении и воспитании украинских талантов трудно переоценить. Практически все музыканты и художники XVIII–XIX вв., вышедшие из Украины, получили высшее образование в России, а затем и за рубежом. Причем, все материальные и организационные затраты государство всегда брало на себя.

Украинские музыковеды нередко обижаются на то, что в российских изданиях композитор Д. С. Бортнянский именуется русским композитором. Но так ли уж несправедливо это определение? Особенно если принять во внимание, что из Украины он уехал в десятилетнем возрасте, что музыкальное образование получил в Санкт-Петербурге, а затем в Италии, что всю последующую жизнь провел в Санкт-Петербурге. Конечно, его творчество оказало влияние на развитие украинской хоровой культуры. Но такое же, а может, и большее влияние Бортнянский имел на российскую музыкальную жизнь последней четверти XVIII — первой половины XIX вв. Это очень хорошо осознавали российские композиторы, и не случайно П. И. Чайковский в 1882 г. озаботился публикацией его 10-томного творческого наследия.

Может быть, еще более показательной в этом отношении является судьба художника А. П. Лосенко, начинавшего хористом Глуховской певческой школы и из-за красивого голоса приглашенного в Санкт-Петербург. Потеряв голос, он мог быть отправлен обратно в Глухов или затеряться в столице. Но этого не случилось. Люди, отвечавшие за его судьбу, определили юношу на учебу к художнику-портретисту Аргунову, где он обнаружил талант художника. Продолжил свое образование за государственный счет за границей, во Франции и Италии, стал выдающимся русским живописцем.

Ярким примером органичного соединения традиций русской и украинской культур является творчество Н. В. Гоголя. Еще при жизни его фигура вызывала острые споры. Кто он, малоросс или великоросс? Особую актуальность они приобрели в наше время, правда, преимущественно в украинском общественном мнении. Между тем, спорить, по существу, не о чем. Несомненно, Н. В. Гоголь является великим русским писателем. У него нет ни одного произведения, написанного по-украински, а его вклад в развитие русской литературы и языка столь значителен, что подобный оказался под силу лишь немногим писателям русского происхождения [*Данилевский*, 1902: 92–100].

Прибыв в Петербург в девятнадцатилетнем возрасте, он счастливо оказался под опекой таких выдающихся русских писателей, как В. Жуковский, А. Пушкин, П. Вяземский, П. Плетнев и др. Они были не только заинтересованными слушателями первых сочинений Н. В. Гоголя, но и участливыми критиками, советчиками. Известно, что А. Пушкин, прослушав «Тараса Бульбу», посоветовал молодому писателю развернуть эту эпопею шире и даже набросал ее план. Он же подсказал Гоголю и сюжет для «Мертвых душ». Одновременно петербургские учителя-наставники, в большей мере В. Жуковский, заботились продолжением образования Гоголя. Перефразировав известное выражение, что русская литература вышла из «Шинели» Гоголя, можно сказать, что сам он вышел из «шинелей» Пушкина, Жуковского, Плетнева и других выдающихся петербургских писателей.

Е. Гребинка в советских энциклопедиях назван не только украинским, но и русским писателем. И это истинная правда. Рожденный на Украине в 1812 г., он уже в 1833 г. оказался в Санкт-Петербурге. Здесь познакомился с А. С. Пушкиным и был введен им в круг литераторов, сотрудничавших в журнале «Современник». Писал произведения на украинском и на русском языках. Знаменитым стал после написания песен «Помню, я еще молодухой была» и «Очи черные, очи страстные», которые являются любимыми и в наше время.

Заметный след в истории русской культуры оставил П. А. Кулиш. Большую часть жизни он прожил в Санкт-Петербурге. Большинство произведений написал на русском языке. Наиболее известные «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца», «Евгений Онегин нашего времени», «Петр Иванович Березин и его семейство», «История воссоединения Руси».

Видимо, справедливо в этом контексте упомянуть и еще одного петербургского украинца Т. Г. Шевченко, который также внес достойный вклад в развитие русской художественной культуры. Все его прозаические произведения написаны на русском языке. Причем на превосходном русском, определено, ему родном. Убедительным свидетельством этому является его дневник, также написанный на русском языке. Это разговор наедине с собой, не рассчитанный, как утверждал Тарас Григорьевич, на печать. Стоит ли доказывать, что такие душевные исповеди не пишутся на чужом языке. Несомненно, русскоязычные повести Т. Г. Шевченко, как его дневник, дают основания считать его не только украинским, но и русским писателем.

Думаю, что в споре за обладание тем или иным русским гением украинского происхождения следует обязательно учитывать обстоятельства, при

которых он состоялся. Кроме, разумеется, характера, содержания и языка творчества. Ориентация только на биологическую этничность здесь совершенно неприемлема. Тем более что у многих выходцев из Украины, связавших свою жизнь и творчество с Россией, она была не только украинской. К примеру, С. Полоцкий — белорус, Кочубеи происходили от крымско-татарского мурзы Кучук-Бея, А.Н. Вертинский, С.П. Королев — русские, М. Бернес, Э.А. Быстрицкая, И.Д. Кобзон — евреи. Тем не менее все они имеют непосредственное отношение к Украине, одни рождением и полученным образованием, другие — длительным проживанием и изначальной интегрированностью в украинский культурный процесс.

Жестко определить их этнокультурную принадлежность попросту невозможно. И, может быть, прежде всего, из соображений нравственности. Поскольку у нас никогда не может быть уверенности в том, что наша нынешняя идентификация того или иного деятеля (государства, науки, культуры) будет соответствовать его собственному самоопределению. И совершенно нет никакой уверенности в том, что будь у нас возможность задать им вопрос — какая у них культурная идентичность? — мы бы получили однозначный ответ.

Как известно, на него не мог ответить Н.В. Гоголь даже самому себе. «Сам не знаю, какая у меня душа», — восклицал он. Художественные произведения писал исключительно на русском языке. Был уверен, что так и надо. Призывал к этому своих земляков, оказавшихся в России. Недоумевал, почему это Т.Г. Шевченко пишет по-украински. И, вместе с тем, хорошо знал украинский (известно его письмо на украинском языке), любил свою малую родину, ее историю, воспевал их в своих произведениях: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Тарас Бульба». Русский язык для него был не чужим, не языком соседнего народа и уж никак не оккупанта, как его именуют нынешние националисты, но своим, родным.

Как справедливо утверждал крупнейший украинский филолог и культуролог Д. Овсянико-Куликовский, творить художественно можно только на родном языке, но не на искусственно усвоенном. С этим невозможно спорить, следует только заметить, что у человека может быть два родных языка. В российской и советской действительности такими были национальный язык и русский, или, как утверждал А. Потебня, для русских, украинцев и белорусов — общерусский. Вряд ли может быть сомнение, что если бы Гоголь решился написать что-либо на украинском языке, оно было бы столь же художественным, как и русскоязычное. И, прежде всего, потому, что было бы написано также на родном языке.

Ярким примером двукультурной идентичности был выдающийся русский ученый В.И. Вернадский. Украина и Россия для него являлись нерасторжимым единством. В письме к сыну от 1922 г. он писал: «Я не разделяю русских и украинцев. Это два лика нашего народа. Для меня русская и украинская культура есть проявление одного большого целого». При этом он вполне осознавал свою корневую связь с Украиной: «Украина мое родное племя», — записал он еще в юности [Страницы биографии В.И. Вернадского, 1981: 33].

Примеры двойной языковой, а следовательно, и культурной идентичности выходцев из Украины, чья жизнь и творчество проходили в России, мож-

но приводить бесконечно. В российское время это еще М. П. Максимович, П. А. Кулиш, М. О. Бодянский, в советское — А. П. Довженко, И. С. Козловский, Б. А. Руденко, С. Ф. Бондарчук, В. В. Бортко, А. В. Петренко, В. С. Лановой, Р. Г. Виктюк и многие другие.

Следует сказать, что феномен двукультурной идентичности был характерен не только на имперском (или союзном) уровне, но и на национальном. Причем как в среде творческой элиты, так и в широких кругах населения. И причиной этому была не насильственная русификация, о чем без устали твердят националисты, а глубокие традиции этнокультурного и исторического родства русских и украинцев.

В суверенное время никаких административных поддержек русскому языку не оказывается. Наоборот, идет методическое выдавливание его из употребления, но большинство украинцев упрямо не желают с ним расставаться. Почему? Видимо, потому, что инстинктивно чувствуют, что с уходом русского языка все они станут духовно беднее. Что оборвется нить, связывающая их с общим восточнославянским прошлым, в том числе, и с нашими великими земляками, создававшими его вместе с русскими и белорусами.

Смею думать, что украинскому интеллектуалу, не страдающему комплексом неполноценности, абсолютно ясно, что поликультурность народа есть его преимущество. Особенно в нынешнем глобализованном мире. Да и в прошлом тоже. Попытки, к примеру, сделать монокультурным Киев представляются контрпродуктивными. Он никогда таким не был. Согласно переписи населения 1874 г. русский язык считали родным 38%, украинский — 30,2%. Для значительного числа киевлян родными были польский и еврейский. Такое положение сохранялось вплоть до Октябрьской революции 1917 г. И, как оказалось, не помешало раскрыться в нем таким гениям украинской культуры, как И. С. Нечуй-Левицкий, Н. В. Лысенко, М. Л. Кропивницкий, братья Тобилевичи, Н. Садовский, И. Карпенко-Карый, И. Саксаганский, Леся Украинка и др. А может и помогло, поскольку известно, что для рождения и развития таланта нужна высокоинтеллектуальная конкурентная среда.

Сегодня в ортодоксальных украиноэтнических кругах, пытающихся диктовать свое видение прошлого и будущего Украины, пользование русским языком приравнивается чуть ли не к измене национальных интересов. Некоторые, не в меру ретивые борцы за украинскую чистоту, не стесняются заявлять, что те, кто говорит на русском языке, должны или перейти на украинский, или уехать в Россию. При этом, судя по всему, нисколько не задумываются над тем, что их депортации подлежит, если и не половина населения Украины, то уж точно не меньше 8,5 млн человек, назвавших себя во время последней переписи этническими русскими. И ехать им никуда не надо, поскольку с деда-прадеда живут на своей родной земле: в исторической Новороссии, на Донбассе, в Крыму, которые стали Украиной согласно правительственным декретам. И намного раньше, чем нынешний «оплот» украинства Галичина. И пора бы уже это понять. И украинским националистам, и украинскому политическому руководству, которое никак не реагирует на столь скандальные заявления.

Я не знаю, что движет этими людьми, но убежден, что не желание добра Украине. Анализируя в эмиграции неудачный опыт строительства украинского государства, Павел Скоропадский одну из главных причин видел в национальной нетерпимости, неспособности подняться над своими предубеждениями относительно всего русского. По существу, именно эти предубеждения и стали причиной поднятого против гетмана восстания С. Петлюры. Как будто оправдываясь перед потомками, П. Скоропадский писал: «Но тут разница между мной и украинскими кругами та, что последние, любя Украину, ненавидят Россию: у меня же этой ненависти нет» [*Скоропадський*, 1995: 233].

Казалось, в начале XXI в. такая дилемма (любить или ненавидеть) вообще не должна обсуждаться. На тысячах примерах могли убедиться, что язык не является условием присутствия или отсутствия патриотизма. Ведь родина это не только язык. Это еще и место рождения, обитания, могилы предков, «пленительные» воспоминания. К сожалению, эта простая истина никак нам не дается. И в этом наши извечные беды. Вместо того, чтобы решать фундаментальные проблемы развития, украинские политические круги продолжают спекулировать на языке, этничности, патриотизме.

Список литературы

1. *Трубецкой С. Н.* К украинской проблеме. Евразийский современник. Книга 5. Париж, 1927.
2. *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем. Из литературных воспоминаний. Сочинения. Изд. 9-е. 1902. Т. 14.
3. Страницы биографии В. И. Вернадского. Составитель Филиппова Н. В. М., 1981.
4. *Скоропадський Павло.* Спогади. Київ; Філадельфія. 1995.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.012

Новодевичий монастырь: археология для истории (по материалам исследований 2016–2020 годов)

Л. А. Беляев

Новодевичий монастырь, памятник истории и культуры XVI–XVII веков (в Москве — один из немногих хорошо сохранившихся) за последние годы стал полем активной реставрационной и отчасти строительной работы. Идёт полная реконструкция, обусловленная необходимостью модернизировать инфраструктуру древнего ансамбля и поддержать сооружения, обветшавшие за последние полвека (считая от последней реставрации, с 1950-е гг.). Есть и ещё одна причина: в начале 2020-х гг. исполнится 500 лет существования этого монашеского сообщества, эту дату планируется отметить всей страной на самом высоком уровне. Для осуществления такой программы необходимо участие учёных как в области практического дела реставрации и обновления структуры, так и в сфере развития исторического знания, продвижения исследований древней архитектуры, иконографии, источниковедения и других дисциплин¹.

Пространством, где натурная работа, архивный поиск и сравнительный анализ сходятся воедино, стала, как это часто бывает в аналогичных случаях, археология. Уже более десятилетия (начиная с 2007 г.) Институт археологии РАН ведёт обширные исследования в самом монастыре и в прилегающей зоне монастырской слободы (также хорошо известной письменным источникам). Они включают: (1) участие во всевозможных исследованиях архитектуры и работах по приспособлению монастырской территории; (2) самостоятельные раскопки, обусловленные, впрочем, той же целью — помочь процессу обновления; (3) комплексное исследование, учитывающее данные археологии и специальных исторических дисциплин, а также применяющее естественнонаучные подходы.

Исследования далеко ещё не завершены (пожалуй, в 2020 г. они на пике напряжения), но их результаты можно и нужно предварительно оценить с позиций фундаментальной науки. Они важны для формирования направления в изучении древностей, которое следует, набравшись дерзости, именовать археологией национального периода русской истории, то есть период II тыс. н. э.², с особым акцентом на эпохе Московского царства (см. о новом направлении: [Беляев, 2018: 121–133]). Поскольку в него укладывается вся история Новодевичьего монастыря, материалы этих исследований должны

¹ Исследования ведутся по контрактам с реставрационными и иными организациями, в том числе по государственным контрактам. С 2018 года накопленные и вновь получаемые материалы стали информационной базой для разработки специального раздела в рамках в рамках НИОКТР ААА-А-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение» (ИА РАН). На развитие этой темы Министерство науки и высшего образования РФ обращает самое пристальное внимание.

² Возможно, следует видеть его на 500 лет длиннее, начиная с эпохи Великого переселения народов.

образовать один из ключевых научных проектов в современной археологии, представляющих национальный интерес.

Задачей статьи не является введение в оборот полученных при раскопках материалов — с их скорейшей публикацией экспедиция справляется (подробный обзор: [Беляев, Глазунова, Григорян, Елкина, Шуляев, 2019: 192–207]; публикации по отдельным темам будут вводиться по ходу изложения). Здесь же попытаюсь поделиться мыслями о соотношении истории и археологии, которые становятся яснее на фоне панорамного исследования, совмещающего процедуры анализа письменных и вещественных источников. При этом станет наглядным и потенциал многогранного археологического исследования даже на «позднем» памятнике, отделённом от нас всего полутысячелетием. Есть и прагматическая задача: набросать контур будущей монографии по археологии и истории Новодевичьего монастыря. Это не значит, что в статье совсем не будет новых археологических наблюдений и находок (даже наоборот, будут самые новые, сделанные в 2020 году), но важно еще раз подчеркнуть, что в археологическом исследовании дело, собственно, не в находках. Соответственно, постараюсь избегать бесчисленных археологических подробностей, сложных для восприятия историкам иных специальностей. Зато буду стремиться подчеркнуть возможность рождения в археологии ранее не существовавших проблем развития монастыря и направлений истории Московской Руси, показать перспективу анализа получаемых археологами данных вместе с историками и искусствоведами.

Ценность Новодевичьего монастыря в том, что это памятник династической истории России, целиком укладывающийся в эпоху Московского царства и ранней Империи (недавний полный обзор и онлайн версии избавляют от необходимости в громоздком аппарате, см.: [Беляев, Квливидзе, М.А. М., Шведова, 2018: 588–606; Московский Новодевичий монастырь..., 2012]). Созданный по обету царём и великим князем Василием III, он оказался с самого начала убежищем для многих знатных женщин; в конце XVI в. стал опорной точкой рода Годуновых; в Смуту перенёс тяжелейшие испытания (был, по сути дела, уничтожен). Возрожденный при первых Романовых, монастырь достиг кульминации развития в эпоху возвышения Нарышкиных и, особенно, во время заточения здесь царевны Софьи и Евдокии Лопухиной. Эта вспышка активности отмечена устройством в Смоленском соборе к 1720-м гг. некрополя четырёх царевен. Потом внимание к монастырю несколько ослабло, и только в XIX в., с развитием монастырских кладбищ Москвы, он вновь занял одно из первых мест, на этот раз как престижный некрополь не только родовой и служилой знати, но и учёных, писателей, художников, военных и купцов, государственных и церковных деятелей — словом, элиты страны во всем её разнообразии.

С точки зрения памятников архитектуры и искусства, монастырь выглядит сегодня созданием царевны Софьи. При ней построена новая пышная ограда с двумя надвратными церквями и знаменитой колокольней: возведены (изредка — перестроены) жилые и хозяйственные корпуса; оформлен и дополнен древний некрополь в подклете собора; написаны иконы и устроены роскошной резьбы иконостасы; сложены не менее великолепные печи с эмалевыми изразцами. В общем, создано то хранилище культурно-истори-

ческой информации, каким мы привычно воспринимаем монастырь. К нему невольно (но постоянно) прилагают эпитет «царственный». Обычно при этом забывают, что впечатляющий ансамбль 1680–1690-х гг. невольно скрывает от нас предшествующие полтора века его жизни. От периода, лежащего между 1520-ми и 1680-ми годами, до нас дошёл, по сути дела, один памятник — главный храм монастыря в честь Смоленского образа Богородицы — напоминание об обете Василия III, данном в уповании на победу в Смоленской войне еще в 1510-х гг., рождение которого погружено в сумрак интриг великокняжеского двора 1520-х гг.

До недавнего времени материалы для исследования Новодевичьего монастыря делились, можно сказать, на три большие бокса, с множеством кейсов и файлов в каждом. Их с должным вниманием штудировали историки, искусствоведы и архитекторы. Работы 2010-х гг. призваны образовать четвертый бокс, археологический, папки из которого потребуются объединить с ранее сложившимися, создав единую систему. В этой картине археология набрасывает новый контур, в первую очередь, для первых 200 лет жизни монастыря, что будет ясно даже из самого краткого ее очерка на фоне общих проблем русской истории XVI–XVII вв.

Оставлю на будущее оценку географического положения монастыря и природной среды в районе Девичьего поля, а также впервые обнаруженные следы использования его до составления монастыря (слабые, они все же обозначены серий фрагментов керамики XIV–XV в. в юго-западной части территории). Зато подчеркну открытие линии первоначальной ограды, окружавшей монастырь. Она спланирована совершенно регулярно, прясла сходятся под прямыми углами. Общая ширина чрезвычайно широка и составляет 9 м, из которых внешние 3 м — это неглубокий (1.5–2.0 м) ров, за которым проходит ничем не занятая полоса и, наконец, линия собственно ограды, вероятно, деревянной, во всяком случае — на очень слабом фундаменте. Эта широкая тройная лента, где ограда и «берма» равны по ширине рву (по 3 м), замыкала пространство менее обширное, чем сейчас (отступ внутрь от линии каменных стен составляет 15–25 м). Полная ширина (север-юг) по линии ограды — около 110 м (по внешнему краю рва — 125 м); длина (по южному пряслу) — более 200 м (насколько больше — пока неизвестно). В историческом отношении значение этой находки, во-первых, в открытии первой монастырской ограды из дерева и земли — до сих пор ничего подобного в археологии России не встречалось. Во-вторых, подтверждается малая фортификационная нагрузка, свойственная большинству монастырских оград, которую историография склонна была преувеличивать, опираясь на немногие, хотя и яркие, эпизоды, когда монастыри выдерживали длительные осады — в этих случаях речь всегда идет не о монастырях вообще, а о типе «государевых крепостей» (подробнее: [Беляев, 2010: 103–122; Баталов, Беляев, 2010: 181–203]). Наконец, правильность топографической разбивки, нечастая в градостроительстве Московского государства, отсылает нас к другим проектам эпохи Василия III, напоминающая о его западных семейных связях или, возможно, о продолжающемся использовании итальянских инженеров. Если принять за установленное, что следы мелких и нешироких канавок, обнаруженные вокруг шатрово-

го храма в Коломенском, построенного западными архитекторами, следы сложной разметки плана (см.: [Баталов, Беляев, 2013: 44–51]), то отмеченные в южной галерее Смоленского собора отрезки таких же канавок говорят о том же процессе.

Развитие работы по исследованию укреплений монастыря предполагало поиск и дальнейшее отслеживание их материальных остатков: нужно найти и изучить западную линию, оформление углов и въезда или въездов; понять устройство надземной части конструкции. Необходимо будет типологически соотнести ограду с полевой фортификацией Западной Европы. Пока же требовалось окончательно установить, когда была построена первая *каменная* стена, существование которой предполагает изображение на Несвижском плане Москвы 1611 г. и описание Павла Алеппского в 1656 г. огромных стен и башен³. Ранее предполагали⁴, что стены 1680-х гг. если и прошли по старым линиям, то лишь частично, что в конце XVII в. территорию монастыря расширили. Отчасти это подтвердило прохождение восточной стены по краю кладбища Новодевичьей слободы при церкви Иоанна Предтечи, существовавшего с середины XVI в. в некотором отдалении к востоку от обители. Оно распространялось в её сторону и в момент постройки существующих стен их башни частично перекрыли могилы. Важно, что с этого момента могилы кладбища, которое продолжало развиваться за стенами, получило ориентировку вдоль них, то есть по оси север-юг, совсем не по церковному обыкновению следовать линии запад-восток — раньше этого не наблюдалось.

Только в 2020 г. в юго-восточном углу монастыря были обнаружены остатки башни со стеной из типового кирпича XVI в., разобранной при строительстве новой ограды царевной Софьей. Подошву укрепляли толстые и длинные деревянные колья-сваи, фундамент состоял из известняка и булыжника. Угловая башня была граненой, довольно крупной (длина широкой грани превосходит 4 м, диаметр описанной окружности достигал 10–11 м), ширина стены в основании была близка одной сажени. Позже были найдены участки рвов вокруг северо-восточной башни и фундаменты южной стены.

Эта ограда стояла еще в середине XVII в.: под рухнувшей стеной найдены две медные монеты эпохи денежной реформы царя Алексея Михайловича (не ранее начала чеканки из меди, 1654 г., и вряд ли много позже ее прекращения, 1663 г.). Видимо, ограда возникла при царе Феодоре Иоанновиче или в правление Бориса Годунова. Стены эпохи царевны Софьи далеко (на 15–25 м) вынесены за периметр XVI в. Площадь монастыря изначально была около 3 га (сейчас — 5 га). Все это археологические подробности, важные для истории.

³ На плане 1611 года изображена, скорее всего, каменная ограда; Павел Алеппский пишет, что в 1656 году он видел мощные стены, 10 башен и двое въездных ворот. Последнее, как и большие надвратные храмы, — признак того, что военное предназначение монастыря не было главным, ведь въезды более уязвимы, чем глухие башни и стены.

⁴ Архитектор Г. А. Макаров, автор наиболее масштабной реконструкции Новодевичьего монастыря, делал попытки обнаружить «вторую стену» в составе существующих стен или вне их, но успеха не добился и в целом склонился к мысли, что стоящие сейчас стены возведены одновременно в 1680-х гг. См.: [Макаров, 1999: 108–120].

Следующий сюжет связан с тем единственным архитектурным объектом, который дошёл до нас, как показали новые реставрационные исследования, в основных частях не перестроенным с момента появления в XVI в. Археология включилась здесь в изучение двух тем, существующих в науке довольно давно, — проблемы археологии строительства собора⁵ и истории его некрополя с соответствующими изысканиями по генеалогии. Эти темы оказались в неожиданной связи, так как для датировки объекта получило значение открытие в подклете небывалого конструктивного элемента: вторичного, усиливающего кирпичного каркаса, состоящего из обкладок для опорных точек (арок между стенами и центральными столбами) и ленточных фундаментов (также в основном кирпичных), которые проходили под полом от столбов к трем стенам четверика (кроме западной). Дату конструкции определили включенные в нее материалы и, главное, могилы, прорезающие кладку. Из них, среди датированных, самая ранняя устроена в 1570 г. Это определяет *terminus ante quem*. Распределение остальных позволяет утверждать, что их устроили вскоре после (если не непосредственно по ходу) сооружения кладок, избегая затрагивать их края. Все это позволяет считать собор заложенным и достроенным, возможно с перерывами, не ранее конца 1530-х — 1550-х гг., но и не позднее этих десятилетий. История опорных конструкций — часть общего архитектурного анализа, который завершится в недалеком будущем отдельной публикацией⁶.

Сам некрополь, сложившийся внутри и отчасти сохранившийся даже вокруг Смоленского собора, — один из важнейших для истории России. Его часто представляли как новый этап развития Вознесенского монастыря, кладбища великих княжон, цариц и царевен в Кремле. Проведенный анализ показал, однако, что речь идёт не о наследовании традиции, а скорее об ответвлении или наросте на её стволе, вызванном особыми историческими обстоятельствами. Не вдаваясь в характеристику погребений некрополя (его предварительному обзору посвящена недавно специальная статья [Беляев, Григорян, Шуляев, 2019: 5–20]), отмечу иное видение его положения в сообществе московской знати.

Прежде всего, стало очевидным, что до конца XVII в. этот некрополь, несомненно, имел статус аристократического, но всё же не воспринимался как династический царский. Лишь опальная царевна Софья попыталась повысить его значение, для чего создала в подклете погребальный комплекс первой дочери царя Ивана IV, Анны, перенеся сюда её саркофаг и установив над ним, в центральной апсиде подклета, доску с вырезанным на белом камне подробным свидетельством об этих событиях. Ею были сделаны шаги к упрочению и возвышению памяти о первой игуменье монастыря, Елене Девочкиной, для чего снаружи, на стене апсиды была установлена другая резная доска, включавшая длинный текст о настоятельнице и основании обители. Рядом лежало надгробие Девочкиной (видимо, вторично ис-

⁵ Проблема хронологии собора — очень старая, она важна не только для истории монастыря, но и для всей картины русского строительства в XVI в. См. подробный разбор историографии: [Баталов, 2012: 599–620].

⁶ Это совместная работа с архитекторами-реставраторами Г. С. Евдокимовым и Е. Н. Рузаевой.

полненное после Смуты) — видимо, известное строителям конца XVII в. [Беляев, Романов, Шлионская, 2010: 156–165]. Эти акции были достаточно типичны для времени, когда одну за другой стали заказывать памятные и надгробные доски с «летописями», повествовавшими о том или ином событии далекого прошлого, «восстановленном» с опорой на сохранявшиеся документы (родословия и другие) или просто устную традицию.

До переноса саркофага дочери Грозного в подклете похоронили лишь двух близких к царскому дому женщин: Ульяну Александру Палецкую, вдову князя Юрия, брата Грозного, которую царь лично проводил в монастырь в 1564 г., чтобы умереть через 10 лет, в 1574 г., при загадочных обстоятельствах, и Елену Ивановну Шереметеву, супругу Ивана Ивановича, сына Грозного (традиционную идентификацию её саркофага нам не удалось подтвердить, вернее, удалось — но предположительно, поскольку никаких эпиграфических свидетельств до нас не дошло); умерла она в 1591 г. Эти два погребения были совершены в центральной апсиде. Все прочие могилы в подклете принадлежали знатым инокиням из княжеско-боярских семей, но цариц среди них не было — когда потребовалось похоронить Ирину Годунову, вдову царя Федора Иоанновича и постриженницу Новодевичьего, выбрали старый кремлевский монастырь Вознесения.

Вообще отмечается известная периферийность некрополя XVI–XVII вв. в подклете Смоленского собора по отношению к великокняжеским обителям Кремля и таким дочерним монастырям, как Новоспасский с его кланом бояр Романовых, царских родственников и родственников. Возникший, как предполагают, *ad hoc*, как ответвление суздальского Покровского монастыря в расчете на пострижение Соломонии Сабуровой, Новодевичий и позже, оставаясь до известной степени придворным, часто служил местом пострижения опальных семей, разведённых жен, незамужних царевен, казненных бояр (начиная с матери князя Кубенского и ее семьи). Выше этого уровня статус некрополя не поднялся, собственно, даже в эпоху погребения здесь Лопухиной и Милославских, включая царевну Софью. Интересно, что с XVI в. здесь хоронят и детей из недавно крещеных служилых людей, как западных христиан (Иван Мартемьянович Ганусов, получивший в крещении имя Алексей и умерший в 1552 г.), так и мусульман (умерший в 1562 г. Федор, сын крещеного князя Ивана (Уразлы) Канбарова Мангит).

Работа по идентификации погребений в подклете собора выявила одну важную особенность формирования идентификации и памяти (поминания) в XVI–XVII вв. На неё указали надписи крышек саркофагов (видимо, наиболее надежный источник сведений о погребении) и надгробных плит, в которых упоминали неизвестных по другим источникам персонажей или таких, принадлежность которых к данной семье вызывала сомнения. Приведу примеры. Так, на саркофаге в центральной ячейке у южной стены хорошо читалось сообщение о смерти в 1548 г. Анастасии, жены Федора Ивановича Бельского. У князя Бельского было, по крайней мере, две супруги, одна из которых, литовская подданная, умерла в Киеве и там же погребена (приняв постриг с именем Агата), в то время как вторая, Анна Васильевна, рязанская княжна, считалась погребённой в Покровском монастыре Суздаля, основанием для чего считали указание синодика, выведенного в Новое вре-

мя на стену монастырского собора, и погребение там многих членов клана Бельских. Доказательный характер надписей на крышках саркофагов не позволяет сомневаться в том, что женщина с иноческим именем Анастасия действительно умерла в 1548 г., причём была до пострига супругой Ф. И. Бельского (это не исключено хронологически — её супруг скончался вскоре после 1506 г., но Анна-Анастасия (в составе документов встречается еще одно имя жены Ф. И. Бельского — Александра) могла существенно пережить его, хотя в 1548 г. ей было бы около 70 лет). Критический анализ источников (о чем готовится совместная статья с Ю. С. Шокаревым) показал, что опираться в вопросах биографики на такие привычные памятники, как кормовые книги и синодики, чрезвычайно опасно, особенно если имеются только их копии XVIII–XIX вв. Несоответствия и характерные туманности, вызванные, в том числе, феноменом многоименности, обнаружались и для женщин из семьи князей Кубенских, например Анны-Александры, супруги известного князя И. И. Кубенского, а также Елены-Гликерии Кубенской/Морозовой. Всё более очевидно, что историки, работающие с генеалогическими источниками, время от времени становятся жертвой явления многоименности, и вопрос этот отчасти решается с помощью археологии [*Литвина, Успенский, 2020*].

Характерный пример — надписи на плите Феодосии Голицыной (Телятевской), также изученной в подклете собора и чрезвычайно интересной по многим причинам. Судя по всему, она носила не менее четырёх имен (хронологическая последовательность: София (?) — Феодосия — Евфросиния — Феврония). Но многоименность — лишь один из элементов, позволяющих понять эффект появления «лишних» жён. Второй связан с географией захоронений и разницей между списками поминаемых в монастыре и в нём же погребённых. Феодосия, например, упомянута и в церкви Микулина Городища, в настенном позднем синодике, как предполагалось, опиравшемся на текст с плиты (тем более что плита в Новодевичьем монастыре, возможно, лежит не на своём месте, а князья Голицыны с Новодевичьим монастырем связаны слабо [*Беляев, Топычканов, 2020. №3.: 91–108*]). То же самое — с Ульяной Палицыной, — хотя надпись на крышке саркофага не может подтвердить или полностью опровергнуть сам факт её гибели на Шексне, о чём надписи не упоминают (хотя факт переноса тела и насильственной смерти иногда фиксировали) — погребена она была, несомненно, не в Горненском монастыре, а в московском Новодевичьем, в подклете Смоленского собора.

Таким образом, исследование надписей на изучаемых погребальных сооружениях заставило задуматься над хронологией, географией и просопографией некрополя. Допустимо думать, что эффект «лишних жён» можно устранить за счёт ещё более критического восприятия настенных и книжных синодиков, кормовых книг и других монастырских перечней, персонажей которых далеко не всегда (пусть и достаточно часто) погребали в монастыре — получателе вклада. Также будет учитываться и яркое явление старомосковской многоименности.

Наблюдения на некрополе у стен Смоленского собора, снаружи, также оказались весьма поучительными. Здесь экспедиция второй раз встретилась с традицией повторного оформления надгробий, замены камней с повторением на них старого текста в новом декоративном обрамлении.

Примеры анахронных надписей (включающих даты более ранние, чем декор надгробия) впервые доказательно представлены в исследованиях Высоко-Петровского монастыря, после чего стало возможным таким же образом интерпретировать надгробие Елены Девичкиной, уже упоминавшееся выше, и уложенные друг на друга плиты с орнаментами первой трети XVI в. и с орнаментами и надписями конца XVI в. На других плитах, лежащих у стен собора с юга, обнаружены надписи инокинь, принадлежавших к выехавшей служилой знати (князя Коркадинова) и, наравне с ними, к «слугам монастырским» (например, Муромцевым) (рис. 1).

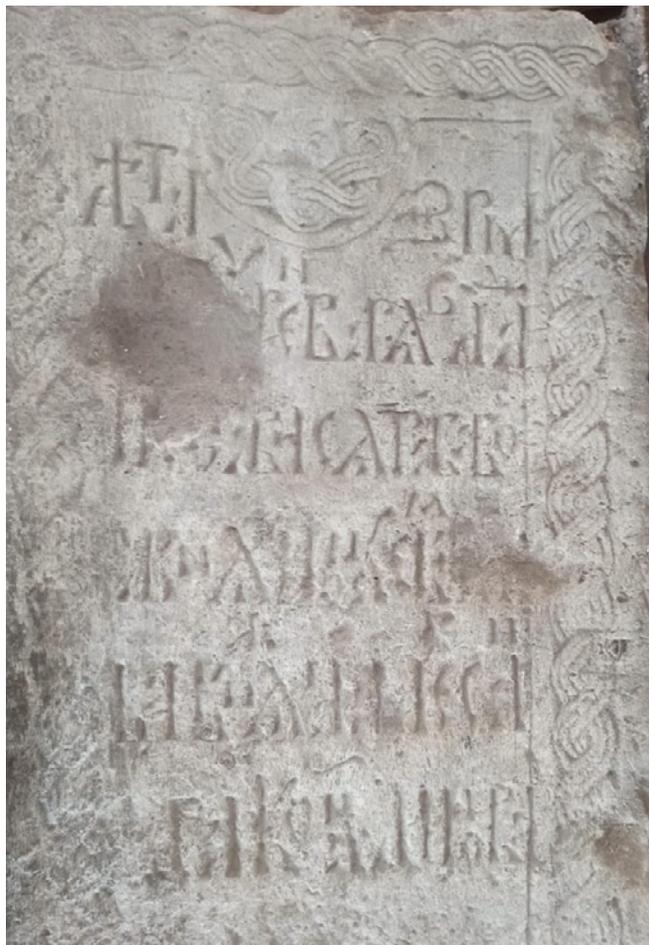

Рис. 1. Надгробие схимницы (в миру жены князя Александра Коркадинова), 13(?) февраля 1642 г. (у Смоленского собора)

Свое место в этом анализе находят и плиты, давно утратившие связь со своими погребениями. Их изучение позволило не только пополнить просопографию монастыря, но и поставить вопрос существования в нем (а возможно, и в ряде других) собственных мастеров белокаменной резьбы

или даже каменоломен в одной из многочисленных монастырских вотчин. Об этом говорят некоторые особые черты в палеографии надписей [Беляев, 2019а: 76–88], а также найденная заготовка камня рубежа XVI–XVII вв. с мастерски прочерченной графьей для нарезки жгутового орнамента, часть которого так и не была исполнена (кроме того, на камень была нанесена разлиновка — графья для надписи) (рис. 2).

Рис. 2. Заготовка надгробной плиты конца XVI–XVII в. с графьей для орнамента

В ближайшей перспективе перед экспедицией полная очистка плит (в большей части фрагментарных), которые собирались с разных участков монастыря во второй половине XX в. (в том числе полученные при реставрационных работах 1950-х гг., но не введенные тогда в оборот и, видимо, оставленные без фиксации; в архивах ее найти не удалось) (рис. 3). Из значительного количества плит, сохранившихся на поверхности вокруг собора, часть пока недоступна изучению, его приходится откладывать по техническим причинам. Полная сводка, конечно, даст основу для новых обобщений и конкретно-исторических исследований. Хорошая перспектива открылась и для направлений генеалогии, биографики и просопографии.

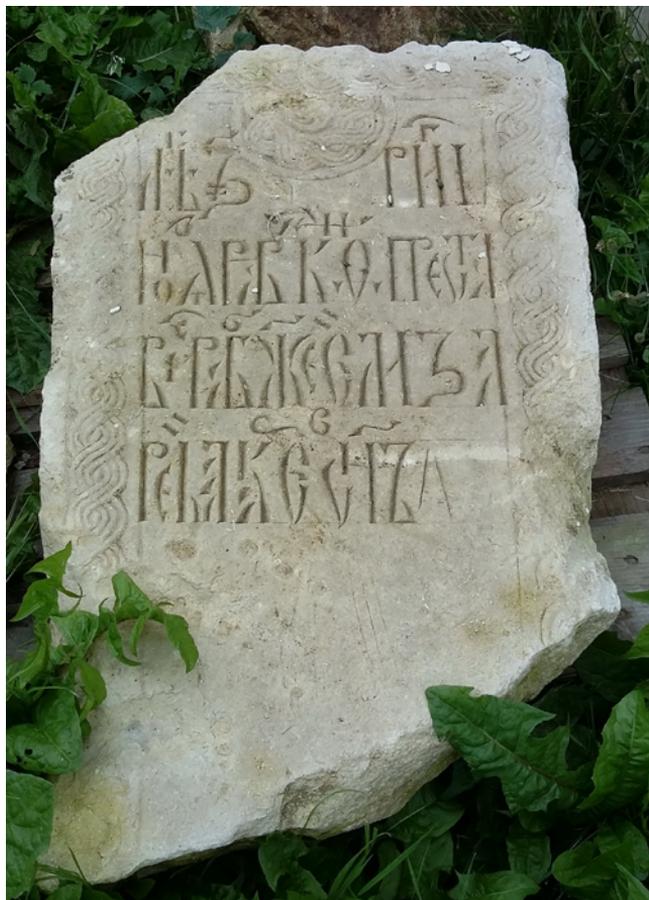

Рис. 3. Надгробие Елизара, Макарьева сына. 29 ноября 1609 г.

Конечно, работа с лапидарной эпиграфикой, особенно в тех случаях, когда её образцы уже оторваны от стратиграфии и контекста, может быть отнесена к археологии только в самом общем понимании этой науки, отчасти охватывающей и область лапидарной эпиграфики. Однако связь с письменной историей осуществляется не только через надписи — традиционная археология жилища и монастырской топографии в Новодевичьем монастыре даёт для этого вполне определенные возможности.

Третьим по счету горизонтом древностей (считая первым дерево-земляную ограду 1520-х годов, а вторым — сооружение Смоленского собора во второй трети столетия и образование некрополя в его подклете и у стен снаружи) стала деревянная келейная застройка XVI — начала XVII в., дворы которой открыты к востоку, югу и юго-западу от собора. В их составе собственно кельи (частью, видимо, двухэтажные и с погребями), устроенные с предельно возможным тогда комфортом, позволяющим определить их интерьер как роскошный. Среди комнат этих келий-палат имелись вымощенные специальной керамической плиткой. Отапливали их печи с изразцами

древнейшего московского типа (широкорамочные с коробчатой румпой, так называемые красные), чьи рельефные изображения включали, среди прочего, фантастический bestiарий, тератологические сцены и дериваты классических орнаментов (рис. 4). Среди находок много предметов из черного и цветного металлов (степень сохранности обычно не позволяет определить форму и функцию); монеты (их немного) позволяют уточнить хронологию. Постройки этой серии частью были просто оставлены хозяевами, частью погибли в большом пожаре и образуют, видимо, единый горизонт, серию закрытых комплексов.

Рис. 4. Изразец с изображением крылатого хищника (Грифон?). Конец XVI – начало XVII вв.

Историческая интерпретация данных о третьем горизонте позволяет, во-первых, сравнить келейную застройку монастыря с единственным ранее известным аналогичным случаем — застройкой Алексеевского Зачатьевского монастыря на Остоженке, где две линии келий были открыты вдоль той же южной стены, а также к западу от главного храма монастыря (восточная часть там уничтожена) [Беляев, 2019б: 5–59]. Во-вторых, вспомнить о сказочно богатых и знатных инокинях монастыря, о его недолгом периоде процветания в эпоху царей Феодора Иоанновича и Бориса Годунова, о живущих здесь исторических персонажах, прежде всего Ирине Годуновой и других. В-третьих, о не менее ярких страницах, связанных с войнами и мятежами 1604–1612 гг., приведших монастырь к полному уничтожению при пожаре 1611 года. Все эти темы имеют важное значение для более широкого, чем история одного монастыря, подхода, и получают развитие в рамках анализа общей монастырской жизни России и, особенно, истории второй половины XVI–XVII вв.

Несомненную важность представляют и некоторые находки в кельях-усадебках, прежде всего изразцы: именно их анализ позволил правильно оценить историческую значимость обнаруженных в Кремле остатков печей конца XVI — начала XVII в. [Беляев, Глазунова, Смирнов, 2020: в печати]. Вообще предметный мир Новодевичьего монастыря в XVI–XVII вв. отличаются необычные черты, показывающие его связь с культурой далеких стран и высокий уровень развития живущих в нем инокинь, часть которых могла получить, по крайней мере, хорошее церковное воспитание, принятое при дворе. После того как в середине XVII в. к общине присоединились монахини «с Белой Роси», образовательный уровень повысился еще резче, окончательно закрепив западно-православный вектор развития монастыря в бытность в нем царевны Софьи. Об этом напоминают серии находок, хотя известных в других монастырях и слоях городов, но далеко не столь многочисленных, как в Новодевичьем. Так, здесь исключительно часто встречаются застезки для книг, а представление о широком распространении грамотности и привычке пользоваться письменным текстом в самых разных целях подтверждает владельческая маркировка имущества, что подтверждают многие десятки встреченных на фрагментах разбитой посуды буквенных и словесных граффити) (рис. 5).

Рис. 5. Фрагмент чернолощеного кувшинчика с надписью-граффити «Покров[а]», XVII в.

В произведениях церковного искусства отражены явные следы европейских техник, таких как штриховая гравюра по металлу с чернением, обычная в печатной графике (рис. 6 а, б). Другой западный прием, высокая резьба, сочетается в миниатюрной композиции с чуждым древнерусской иконографии сюжетом «Распятие с виноградной лозой» — даже в XIX в. в России подобные изображения будут восприниматься как не православные (рис. 7). Найденную на кладбище Иоанна Предтечи в Новодевичьей слободе подвесную ставролеку с таким сюжетом легко связать с делом о заслужившей осуждение и уничтоженной иконе «Христос — виноградная лоза», входившей, видимо, целый в круг поступивших из православных земель Речи Посполитой книг с гравюрами и иконных гравированных листов [Петров,

1998: 253–260]. Вероятно, на Запад смотрит и перстень-печатка с вырезанной на нем композицией «Адам и Ева», необычной для типично московских мотивов для подобных изделий XVI–XVII вв. (зато там часто изображение птицы, также встреченное в Новодевичьем монастыре) (рис. 8 а, б; рис. 9).

Рис. 6 а-б. Подвесной крестик со сценами «Распятие» (лицевая сторона) и «святой Никита гонит беса» (оборот). Металл, гравировка, чернение. Конец XVII в.

Рис. 7. Подвесной крестик-ставроетка со сценой «Распятие в виноградном саду». Металл (оправа), резное дерево. Конец XVII в.

Рис. 8 а-б. Вставка-печатка металлического перстня: изображение Адама и Евы в Раю. Стекло. XVII в.

Рис. 9. Перстень-печатка с изображением птицы. XVI–XVII вв.

Европейские влияния видны даже в уникальных столовых изделиях из керамики [Глазунова, Максимова, 2019: 320–326], но наряду с ними следует отметить находку двух зооморфных замочков в виде фигурки оленя и коня (?) (рис. 10; рис. 11 а, б). Эти два последних предмета воспринимаются в русской археологии как восточные, поскольку их традиционно возводили к изделиям домонгольского Болгара. Однако то, что наиболее длинная серия таких изделий поднимается по времени к XVI столетию, причём в Новгороде с его балтийскими контактами [Кудрявцев, 2017: 283–290], заставляет задуматься уже не столько о времени, сколько о месте производства замочков в поздние эпохи. Соединение археологии с общим историко-культурным подходом, её вклад в сумму знаний не требует здесь специальной демонстрации, он очевиден. Однако указывает путь дальнейшей работы с находками, которая в самом начале, и состав предметов постоянно расширяется, требуя анализа на общем фоне мира вещей начала Нового времени в Европе и Москве.

Рис. 10. Замочек в виде фигурки животного (олень?). Черный и цветной металл. XVI–XVI вв.

Рис. 11 а-б. Замочек в виде фигурки животного (конь под седлом?). Черный и цветной металл. XVI–XVI вв.

Уже очевидно, что археология индуцирует в Новодевичьем монастыре все новые исследования, обнаруживая своего рода «слепые зоны» истории культуры. Так, не частая, но, конечно, и не уникальная находка креста-реликвария, обнаруженного в закрытом состоянии и подвергнутого естественнонаучным анализам по программе изучения вложений в древнерусские энколпионы [Макаров, Грешников, Зайцева, Подурец, Коваленко, Мурашев, 2020: 25–46], привела к постановке проблем в методике таких исследований, а также и в области традиционных методов, так как пришлось заново пересмотреть типологию и иконографию подвесных крестов XV–XVIII вв., в деталях разобрать соотношение археологического контекста, анализа

форм и результатов работы физиков, химиков, специалистов по палеобиологии и многим другим направлениям [Беляев, 2020: С. 812–199].

Говоря о мире находок в монастыре, невольно поднимаешься из третьего пласта его истории в четвертый, во время царевны Софьи и правления Петра I. Это самый короткий из промежутков, едва столетия. Но материалов и вопросов истории здесь не меньше, чем в длительных. Вопрос о соотношении стен эпохи Милославских и ранних укреплений уже обозначен. Укажу и на интересные сюжеты, связанные с развитием кладбища за стенами, в Новодевичьей слободе. При раскопках первой половины 2010-х гг. здесь был затронут ряд вопросов вещевода (изучены мало известные церковными облачениями XVII в. [Елкина, 2015: 323–327]), и управления монастырем (среди надгробий попался камень подъячего довольно экзотического учреждения конца XVII в., Новодевичьего приказа [Беляев, Шуляев, 2015: 319–323]), и с топографией этого пригородного кладбища (см. выше). Все это не избавляет от необходимости полной монографической публикации материалов кладбища Новодевичьей слободы от середины XVI до начала XIX в.

Внутри же монастыря сейчас восстановлена история функционального деления, установлены, наряду с усадебными, кладбищенскими и церковными зонами, хозяйственные участки, такие как юго-западный угол, где помещался центр водоснабжения и водоотвода монастыря, бани и прачечные. Здесь были большие подземные сооружения (ледники?) и несколько колодцев характерной московской формы, в виде четырехгранной пирамиды. Аналогичный открыт в начале 2010-х гг. в Высоко-Петровском монастыре, ранее же подобный тип был известен только по колодцу в Романовом дворе вблизи Моховой. Деревянные сооружения системы московского водоснабжения и дренирования местности XVI–XVII вв. давно специально не изучались и явно требуют повышенного внимания.

Конечно, впереди и серьезнейшие вопросы деятельности самой царевны Софьи, которые исторически уводят нас опять вглубь ранних периодов. Уже упомянуто о переносе ею гробницы царевны Анны Иоанновны (XVI в.) в 1685 г. в подклет собора, о подробном «отчёте» об этом, нарезанном на каменной плите. Однако это история полна непонятной таинственности: независимые источники ни слова не говорят ни о церемонии, ни даже о самом событии переноса, — а документация эпохи Софьи весьма обильна и подробна, несмотря на то, что архив самого монастыря во многом утрачен. Нет подтверждений и существованию в течение более столетия недостроенной церкви над первым местом упокоения Анны, согласно надписи, стоявшей без пения. Грозный, как известно, сам заложил деревянный храм Иоакима и Анны *de voto* за рождение первой дочери, где и крестил её — но ни в сообщении о смерти девочки, ни в каких источниках, за исключением «доски» царевны Софьи, нет сведений о её погребении в Новодевичьем монастыре и о начале строительства каменного поминального храма. Этот смутный сюжет побуждает к проверке источников, которую ведёт А. Топычканов. До сих пор, однако, в раскопах не встречено ни каменного фундамента, ни следов деревянной церкви. С этим сюжетом связан и более общий вопрос — о количестве каменных церквей в монастыре в XVI в., которое пытались ви-

деть очень значительным. На самом деле речь, видимо, может идти только о множественности престолов в известных нам храмах — во всяком случае, Павел Алеппский пишет только о двух каменных храмах в монастыре в середине XVII в., да и на Несвижском плане видно только два церковных объема (церквей над воротами не обозначено), причём второй, шатровый, можно предположительно интерпретировать как храм в Новодевичьей слободе, он именно шатровый.

Пространство монастыря эпохи Софьи остается полным если не тайн, то, во всяком случае, археологических загадок, которые время от времени, неожиданно-негаданно, предстают перед экспедиций. Так, на втором уровне южных врат, в стене церкви Покрова, при зондировании был обнаружен установленный в ней при строительстве в 1680-е гг. трапезиевидный белокаменный саркофаг, по размеру детский. Нет никаких сведений об этом погребении, а выяснить что-либо дополнительное из самого погребения не удастся: останков внутри не обнаружено (только куски гроба-колоды), их, видимо, извлекли достаточно давно⁷. Сам метод погребения на втором ярусе можно назвать экстравагантным для той эпохи. До известной степени он сопоставим с древнерусскими погребениями в аркосолиях, но они совершались в первом, наземном, ярусе. А напрямую — только с тем же некрополем четырех царевен на втором ярусе Смоленского собора. Судя по архитектурному контексту, погребение допустимо датировать временем сооружения стен и ворот. Вряд ли оно было тайным — вероятно, на стене снаружи или изнутри имелаась доска с надписью, утраченная при неоднократных ремонтах. При работах не было возможности исследовать саркофаг полностью, а со стороны храмового интерьера он был просто недоступен. Возможно, в будущем такое исследование будет проведено, в настоящее же время следует усиленно собрать весь возможный архивный материал по Покровской церкви вообще.

Последний исторический слой, с которым следует работать историкам и археологам, — это отложения позднейшего времени, от второй трети XVIII до конца первой четверти XX в. Это, прежде всего, слой исторического некрополя, который ставит пока не столько научные, сколько практические вопросы выработки методов его сохранения и актуализации. Однако вторжения в его слои в связи с задачами реконструкции неизбежны, они заставляют разрабатывать почти не существовавший ранее в российской археологии «инструментарий», то есть создавать типологию поздних подземных сооружений, усиленно работать с антропологами, заниматься идентификацией отдельных погребений и их групп. Это по-своему интересная историко-культурная работа, которая по завершении покажет исторический некрополь монастыря в совершенно ином свете: изменится представление о количестве погребённых, расширится их социальный состав, добавятся новые, ранее просто неизвестные имена (такие, например, как прапорщик Татаринов, живший во второй половине XVIII в. и погребённый севернее Успенской трапезной церкви, памятник которого сохранился на своём месте, но был поглощен культурным слоем). Простое пополнение списка погребённых,

⁷ Саркофаг открывали при реставрации 1950-х гг. Об этом сами реставраторы (народ, как известно, веселый) оставили записку. Но, похоже, и они видели это погребение уже пустым.

изучение малодоступных и ранее никого не интересовавших систем позднего захоронения — конечно, вклад в историю «приручения смерти» и европеизации погребального обряда (разница в устройстве кладбища разных стран очевидна, но до сих пор, кажется, не осмыслена на уровне этнологии). На этом пока рано останавливаться подробнее, но ясно, что это перспективный комплексный проект для фундаментального научного исследования.

Поскольку при разборе всех конкретно-исторических сюжетов намечались задачи дальнейшей научной работы, нет смысла формулировать эти перспективы ещё раз. Надеюсь, что изменение взгляда на монастырь, усиление совместной работы специалистов разных областей исторической науки с археологами, возможность в будущем сделать это соединение неразрывным и плодотворным — показаны здесь достаточно ясно.

Статья написана в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение» (ИА РАН).

Список литературы

1. Баталов А.Л. К полемике о времени строительства собора Новодевичьего монастыря // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции: к 2000-летию христианства: памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М., 2012. С. 599–620.
2. Баталов А.Л., Беляев Л.А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М.: ДИК, 2010. С. 181–203.
3. Баталов А.Л., Беляев Л.А. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история. М.: МГОМЗ, 2013. С. 44–51.
4. Беляев Л.А. Московские «монастыри-сторожи»: к истории одного заблуждения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. СПб, 2010. С. 103–122.
5. Беляев Л.А. Историческая археология России: неожиданные перспективы // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2018. С. 121–133.
6. Беляев Л.А. 7000 лет и деловые пометки: к палеографии надгробий Москвы XVI — начала XVII века // Звучат лишь Письмена. К юбилею А.А. Медынцевой. — М.: Институт археологии РАН, 2019а. С. 76–88.
7. Беляев Л.А. Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков // Исторические записки. Т. 18 (136). М., 2019б. С. 5–59.
8. Беляев Л.А. Крест из Новодевичьего монастыря: археологический контекст и типология энколпионов XVI–XVII вв. // РА. 2020. №4. В печати. С. 812–199.
9. Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. №4. С. 192–207.
10. Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Смирнов А.Н. Изразцы конца XVI — первой половины XVII в. по материалам раскопок 2019 г. в Московском Кремле // РА. 2020. №3. В печати.
11. Беляев Л.А., Григорян С.Б., Шуляев С.Г. Некрополь смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. №4. С. 5–20.

12. *Беляев Л. А., Квливидзе Н. В., М. А. М., Шведова М. М.* Новодевичий монастырь // Православная энциклопедия. т. 51. М., 2018. С. 588–606.

13. *Беляев Л. А., Романов Н. С., Шлионская Л. И.* Надгробия игуменьи Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре // РА. 2010. №2. С. 156–165.

14. *Беляев Л. А., Топычканов А. В.* Надгробие Ф. А. Голицыной и другие плиты князей Голицыных XVI–XVII в. в Новодевичьем монастыре // Древняя Русь. Проблемы источниковедения. 2020. №3. С. 91–108.

15. *Беляев Л. А., Шуляев С. Г.* Надгробие подъячего из Приказа Новодевичьего монастыря // КСИА. Вып. 241. 2015. С. 319–323.

16. *Глазунова О. Н., Максимова А. А.* Тройной сосуд конца XVI – I половины XVII в. из Новодевичьего монастыря // КСИА. Вып. 257. 2019. С. 320–326.

17. *Елкина И. И.* Оплечье XVII в. из слободы Новодевичьего монастыря // КСИА. Вып. 241. 2015. С. 323–327.

18. *Кудрявцев А. А.* Зооморфные замки из раскопок в Новгороде// DE MARE AD MARE. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск, 2017. С. 283–290.

19. *Литвина Ф. Б., Успенский А. Ф.* «Се яз раб Божий...». Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб: Евразия, 2020. 128 с.

20. *Макаров Г. А.* Стены и башни Новодевичьего монастыря // Реставрация и исследования памятников архитектуры. Вып. 3. М., 1999. С. 108–120.

21. *Макаров Н. А., Грешиков Э. А., Зайцева И. Е., Подурец К. М., Коваленко Е. С., Мурашев М. М.* Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 25–46.

22. Московский Новодевичий монастырь. К 500-летию основания. Антология./Ред. Баталов А. Л., Беляев Л. А. М.: «Арткитчен», 2012. 552 с.

23. Новодевичий монастырь в русской культуре. М., 1998 (Труды ГИМ. Вып. 99).

24. *Петров А. А.* Дело Московской Духовной консистории 1858 г. об изображении «Христос — виноградарь» в Успенском храме Новодевичьего монастыря // Труды ГИМ. Вып. 99. М., 1998. С. 253–260.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.013

Ещё раз о древнерусских надписях на стенах церкви Св. Пантелеймона в Галиче¹

А. А. Гунтус, С. М. Михеев

Широкому кругу исследователей древнерусской культуры эпиграфический комплекс церкви Св. Пантелеймона в Галиче был до последнего времени знаком по чрезвычайно яркой надписи актового содержания, впервые изданной в 1914 г. И. Пеленским [*Peleński*, 1914: 31–33] и спустя восемьдесят лет по-новому прочитанной Т. В. Рождественской (далее — № 1), а также по трём надписям с точными датами, в одной из которых Т. В. Рождественская прочитала дату 6702, то есть 1194 г. (№ 5)². Опубликованная в 1996 г. статья В. С. Вуйцыка с альтернативным прочтением этой даты и сообщением о наличии на стенах церкви ещё двух многострочных граффити (№ 2 и 4) [*Вуйцик*, 1996] не получила должного отклика в научной среде³. Положение резко изменилось в 2016–2018 гг. с выходом сразу нескольких работ, посвященных галицким граффити. Наиболее масштабная из них — свод храмовой эпиграфики Галича, изданный В. В. Корниенко и включивший 781 граффито церкви Св. Пантелеймона, из которых около 20 составляют кириллические надписи древнерусского времени [*Корнієнко*, 2018: 83–498].⁴ За год до выхода этого свода В. В. Корниенко опубликовал четыре пространных текста, составляющие ядро комплекса: уже известный акт князя Мстислава (№ 1) и ещё три надписи актового характера (№ 2–4) [*Корнієнко*, 2017: 86–104], о двух из которых сообщал В. С. Вуйцык. Происхождение всех четырёх надписей исследователь связал с деятельностью канцелярии Мстислава Мстиславича в первой половине 1220-х гг. На страницах того же издания увидела свет статья В. Слободяна и А. Гусака, которые независимо от В. В. Корниенко опубликовали и исследовали текст, содержащий упоминания подвойского и сотского (№ 2) [*Слободян, Гусак*, 2017: 105–114]. Годом ранее, в 2016 г., вышла статья одного из авто-

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, предоставленного через Институт славяноведения РАН (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»). Авторы признательны сотрудникам Лаборатории RSSDA и лично Ю. М. Свойскому за съемки и изготовление 3D-моделей галицких надписей, а руководству Национального заповедника «Древний Галич» — за разрешение на съемки. Отдельная благодарность — М. М. Волощуку и А. Е. Стасюку за организацию съемок. Украинский перевод данной статьи (без ее третьей части) одновременно публикуется в пятом выпуске ивано-франковского сборника «Галич».

² См. [*Могытыч*, 1982: 66], где приведены чтения В. С. Вуйцыка; [*Рождественская*, 1990: 56; 1991: 94–95, № 58–59; 1992: 124–134, № 84–86; 1996; *Вуйцик*, 1996; *Иоаннисян, Рождественская*, 2007; 2009].

³ К сожалению, в многочисленных работах Т. В. Рождественской нет ссылок на исследование В. С. Вуйцыка, а в статье самого В. С. Вуйцыка не упоминаются работы Т. В. Рождественской.

⁴ В книгу, в частности, вошли и надписи из Успенской церкви в селе Крылос. К сожалению, нумерация В. В. Корниенко не может быть использована, так как носит хаотичный характер. Желающих воспользоваться книгой В. В. Корниенко следует также предупредить о том, что схема расположения надписей на стенах церкви Св. Пантелеймона [*Корнієнко*, 2018: 300 (табл. XXVII)] содержит ошибки: в ней перепутаны литеры Е и Г.

ров настоящей работы, где была опубликована надпись № 2, предложен ряд поправок к чтению и интерпретации граффито № 1 и частичное прочтение плохо сохранившегося акта с упоминанием тиуна (№ 4) [Гиппиус, 2016: 49–64]. Подчеркнём, что статьи В. В. Корниенко и В. Слободяна с А. Гусаком, хотя формально и вышли годом позже работы А. А. Гиппиуса и содержат реакцию на неё, представляют прочтения надписи № 2, к которым авторы пришли совершенно независимо: для эпиграфики древнего Галича просто «припело время». Благодаря названным публикациям стало ясно: церковь Св. Пантелеймона была неслучайно названа И. Пеленским «каменным архивом» — на её стенах до нас дошёл уникальный комплекс судебных актов XIII в., содержащий самые ранние образчики этого подвида древнерусской некнижной письменности⁵.

Тому, что этот комплекс, долгое время остававшийся не востребованным наукой, стал предметом независимого изучения сразу нескольких специалистов, можно было бы только радоваться, если бы не следующее обстоятельство: результаты прочтения документов галицкого «архива» сильно расходятся между собой. Особенно показательна в этом отношении надпись № 2, которая на протяжении двух лет была опубликована трижды. Остановимся подробнее на различиях между её трактовками, для чего приведём три записи текста вместе с переводами и реконструкциями.

А. А. Гиппиус (АГ):⁶

----зи при данилѣ при ...
 --- [д]ѣдѣ подвоиский ива...
 -кимѣ соцкомъ имжанови...
 дюдка и не доиск---- и вз[а]...
 до и могоричь пили 8 д-[д]ин...
 слѣси кол-ама-ипра-а...
 по борзата соцкии ивано ...
 ровичь радославо д...
 (с)тепано по стѣ п...

Реконструкция:

(При кнѣзи при Данилѣ, при (тысяцкомъ |при) [Д]ѣдѣ подвоиский Ива(но при) | (А)кимѣ соцкомъ Имжанови[ч](и |искало) Дюдка, и не доиск(а-ло са), и вз[а](ло выкла)|до, и могоричь пили 8 Д[юд]и. Н(а то по)|слѣси: ... (по)|по Борзата, соцкии Ивано ...|ровичь, Радославо ..., (С)тепано ...

⁵ Стоит заметить в связи с этим, что с территории Галицкой Руси происходит и древнейшее косвенное свидетельство существования на восточнославянских землях практики письменного оформления завещаний. Имеем в виду берестяную грамоту № 2 из Звенигорода Галицкого, содержащую упоминание записанного священником предсмертного распоряжения некоего Говена (см. [Зализняк, 2004: 346]; изложенная здесь интерпретация документа, вопреки ее критике в [Толочко, 2008], остается в силе, см. [Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015: 274–275]).

⁶ Здесь и ниже мы используем следующие условные обозначения: в квадратные скобки помещены не полностью сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, дефисами обозначаются утраченные буквы или буквы, остатки которых не позволяют сделать выбор между возможными вариантами прочтения (количество дефисов соответствует вероятному количеству таких букв), а отточием — неизвестное количество непрочитанных букв. В угловых скобках даются нормализованные записи.

В. В. Корниенко (ВК):⁷

--виприданилѣмари-----
дѣдѣподвоискииива-----
-симѣсоцкомѣимжеакови--
-юдкаинедои---в-ивзѣ----
лоимогоричп-а-ѣденег---
слѣсикол-амартинрязанец--
ио^аборзѣтасоцкии--стан----
рзѣчерадославидѣлоска-----
степанопустѣотрѣцѣ

Реконструкция:

... при Данилѣ Мари[и] ... Д(а)в(и)дѣ подвоискии Ива[нѣ]... [Мак]симѣ соцкомѣ им же Акови ... [Д]юдка и недои[мки] в[с]и в[з]ѣ[лѣ] ... и мого- рич п[л]а[т]ѣ денег[ѣ] ... [п]о[сл]ѣси кол[к]а Мартин рязанец[ѣ] ... Иоа(нѣ) Борзѣта соцкии [К]о[с]тан[г]ин ... [Б]о[р]зѣче Радослави дело ска[зати] ... Степану по С(вѣ)то(и) Тр(ои)цѣ.

Перевод:

... при Данилі, Марії ... Давиді підвоиский Іван ... Максимі соцкому ним же Якові ... Дюдка, він недоїмки всі взяв ... і могорич, плату грошей ... послухів кілька: Мартин рязанець ... Йоанн, Борзятя соцький, Костянтин ... Борзятине Радославу діло звелів ... Степану по Святій Трійці⁸

В. Слободян, А. Гусак (СГ):⁹

[...]ки придани лжи ари
[...]в: дѣ подвоискии ива
[...]симѣ соцкомѣ имжакови
[.]юдка и недои данѣа и взѣ
л он могоричъ п[и]ли ѣдѣнии
слѣси кола мани врзѣне
по борзѣ та соцкии анка н
р зиче радославо д[г...у]...саг
[...]те пано по сто три

«Адаптированная интерпретация»:

«[...] підданий злісної брехні [...] помічник судді Іва[н] [.] симѣ сотник имжакови[ч] [...] Євреї не дошукався дані, взяв він могорич, і пили посеред дня [...] Свідки Коламана в судовому процесі [...] пошвидше сотник (урядо- вець) Янка [...] зиче Радославу [г...у] [...] те пану по сто три»¹⁰

⁷ Цитуємо по [Корниенко, 2018: 289–291], без исправлення авторських умовних позначень.

⁸ Буквальний переклад: ‘... при Даниле, Марии ... Давиде подвоиский Иван ... Максиме сотскому им же Якове ... Дюдка, он все недоимки взял ... и могорич, плату грошей ... свидетелей несколько: Мартин рязанец... Иоанн, Борзятя сотский, Константин ... Борзятино Радославу дело велел ... Степану по Святой Троице’.

⁹ Цитуємо по [Слободян, Гусак, 2017: 110–111], без исправлення авторських умовних позначень.

¹⁰ Буквальний переклад: ‘[...] подвергнутый злобой лжи [...] помощник судьи Ива[н] [.] симѣ сотник имжакови[ч] [...] Еврей не доискался дани, взял он могорич, и пили посреди дня [...] Свидетели Коламана в судебном процессе [...] побыстрее сотник (чиновник) Янка [...] зиче Радославу [г...у] [...] те господину по сто три’.

Масштаб расхождений между версиями характеризует следующий факт: общими для трёх прочтений являются только шесть слов: *подвоишки*¹¹ *Ива(нь)*, *соцкомь*, *могоричь*, *соцкии*, *Радослав-*. И это в тексте, состоящем из более чем сорока слов! Такой разброд интерпретаций ставит под сомнение саму возможность объективного установления текста, затрудняя использование документа как исторического источника. Впрочем, сопоставляя версии попарно, мы наблюдаем более обнадеживающую картину. Оказывается, что больше всего сходств имеют версии АГ и ВК, вычленивающие в тексте слова *при Данильъ*, *Дѣдъ подвоишкии*, *Дюдка*, *(по)слуси*, *Борзата*, *(С)тепано*. Версии АГ и СГ объединяют отчество *Имжакович-* (в версии АГ: *Имжжнович-*) и слово *пили*. При этом слова, которые бы объединяли версии ВК и СГ в общем противопоставлении версии АГ, отсутствуют — такое соотношение встречается лишь на уровне отдельных букв (к чему мы вернемся ниже). Таким образом, трактовки надписи №2, альтернативные предложенной в статье 2016 г., расходятся между собой существенно больше, чем каждая из них — с трактовкой АГ.

Неудивительно, что альтернативы чтением, общим для двух версий, выглядят совершенно неприемлемыми в содержательном и/или лингвистическом отношении. Так, чтению *при Данильъ* ... противостоит в версии СГ экстравагантное сочетание *придани лжи ари* ‘подвергнутый злобной лжи’, чтению *(по)слѣси* — столь же невероятное *слѣси*, в котором публикаторы видят слово *слуги*, имеющее, однако, значение ‘свидетели’; прозрачному имени *Борзата* — последовательность *по борза та*, первая часть которой произвольно трактуется как наречие ‘быстро, как можно’, а вторая вовсе оставлена без интерпретации. В версии ВК таких откровенно ошибочных интерпретаций несколько меньше, но они тоже есть. Альтернативу чтению *Имжа(к/н)ович-* составляет в ней грамматически не интерпретируемое и не имеющее нормального перевода *им же Акови*, а соответствием *пили*, идеально сочетающемуся с *могоричь*, выступает столь же неуместное в данном контексте *плату*.

Не будем продолжать список лингвистических претензий к трактовкам надписи, предложенным нашими украинскими коллегами, поскольку очевидно: ни для В. В. Корниенко, ни для В. Слободяна и А. Гусака грамматическая связность текста и его соответствие нормам древнерусского языка своего времени просто не являются требованиями, предъявляемыми к прочтению эпиграфического памятника. Две трактовки объединяет и недостаток внимания к формуляру актового источника — их авторов совсем не заботит то, как прочитанное ими соотносится с теми шаблонами, по которым строятся известные образцы древнерусской и староукраинской актовой документации, в том числе и в первую очередь — находящийся здесь же, на стене Св. Пантелеймона акт Мстислава Мстиславича. Возьмём хотя бы такой устойчивый компонент актового формуляра, как перечисление свидетелей. В. В. Корниенко относит к их числу не только лиц, обозначенных как *послуси*, но также Данила, «Марию» и Давыда, фигурирующих в самом начале документа, где ни в одном древнерусском акте послухов встретить

¹¹ В записи СГ: *подвоишкии*, но в прорисовке без *и*.

невозможно. Версия В. Слободяна и А. Гусака аномальна по другой причине: свидетели только упоминаются, но имена их не приводятся — вместо них текст наполняется персонажами (Коламан, Янка, Радослав), роль которых в структуре акта вообще не поддается определению. Да и сама структура, в которой можно было бы опознать формуляр акта, ни в одной из двух версий не просматривается: вместо неё мы имеем набор фраз, точнее их обрывков, описывающих ситуацию, общее содержание которой уяснить невозможно. Надо ли говорить, что ситуации, которые пытаются реконструировать В.В. Корниенко и В. Слободян с А. Гусаком, не имеют между собой ничего общего?

Трактовка, предложенная А.А. Гиппиусом в статье 2016 г., опиралась на убеждение, что два древнейших судебных акта Галицкой Руси, находящиеся в составе одного эпиграфического комплекса, должны обладать отнесенным структурным подобием. По этой причине имена Данила и Давыда в начале текста были поставлены в соответствие именам Мстислава и Игната в первой надписи, что позволило отнести акт ко времени княжения Даниила Романовича. По образцу акта Мстислава, *narratio* которого образует пара *искали ... и не нашли*, была реконструирована пара (*искало*) ... *и не доиск(ало са)*¹². С опорой на тот же текст, в котором далее читается *выкладеное дало*, относящееся к оправданному ответчику, была восстановлена клауза, формулирующая то же действие в перспективе судебной инстанции: *и вз[а](ло выкла)до*. Общая структура этой части надписи оказалась таким образом сходной с надписью Мстислава, варьируя звенья того же актового формуляра. Значительный элемент реконструкции, свойственный этому чтению, представлялся (и продолжает представляться) оправданным актовым характером текста. При этом в статье 2016 г. не делалось попытки полной реконструкции текста: места, которые не удалось разобрать по имеющимся фотографиям и для которых не появилось версий, удовлетворительных с точки зрения языка и формуляра, были оставлены без интерпретации в надежде на дальнейший прогресс в изучении надписи. И это оправдало себя: такой прогресс действительно был достигнут В.В. Корниенко, прочитавшим в 6-й строке слово *рязанець*, а в 9-й — *Святой Троиць*, с чем невозможно не согласиться¹³.

Сказанное не означает, что за исключением непрочитанных мест мы находим трактовку, предложенную в статье 2016 г., полностью достоверной. Как уже было сказано, чтения В.В. Корниенко и В. Слободяна — А. Гусака, не совпадая против чтения А.А. Гиппиуса ни в одном целом слове, совпадают, однако, в отдельных буквах. Два таких совпадения, несомненно, объясняются ошибками в транскрипции АГ. Во-первых, в имени,

¹² В дополнение к написанному ранее заметим, что глагол *доискатися* хорошо засвидетельствован в старорусской деловой письменности. Ср. в Судебнике 1497 г.: «А не доищется ищца своего, а будет виноват ищца, и ему имати на ищца с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег» [Памятники русского права, 1955: 352].

¹³ Корректность этих чтений можно оценить на фоне альтернатив, предлагаемых В. Слободяном и А. Гусаком, которые в 6-й строке читают «интересное древнеукраинское слово» *вразане*, объясняемое (без ссылок на источники!) как «в судебном процессе», а во втором — сочетание *по сто три*, никак не приязненное к контексту.

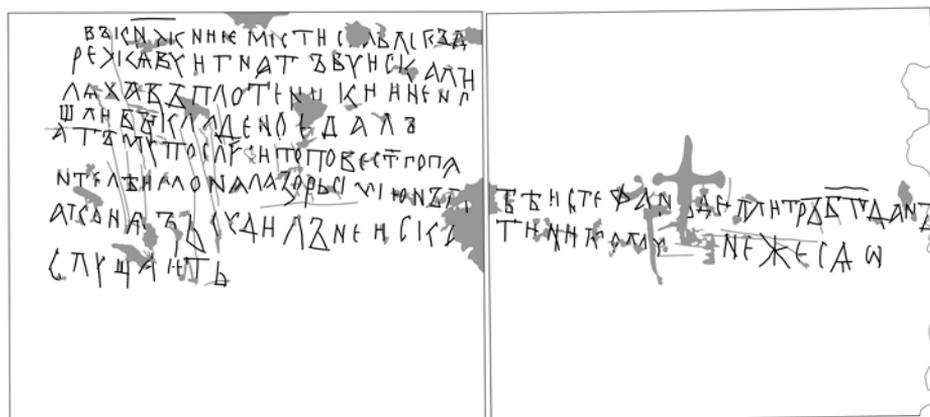
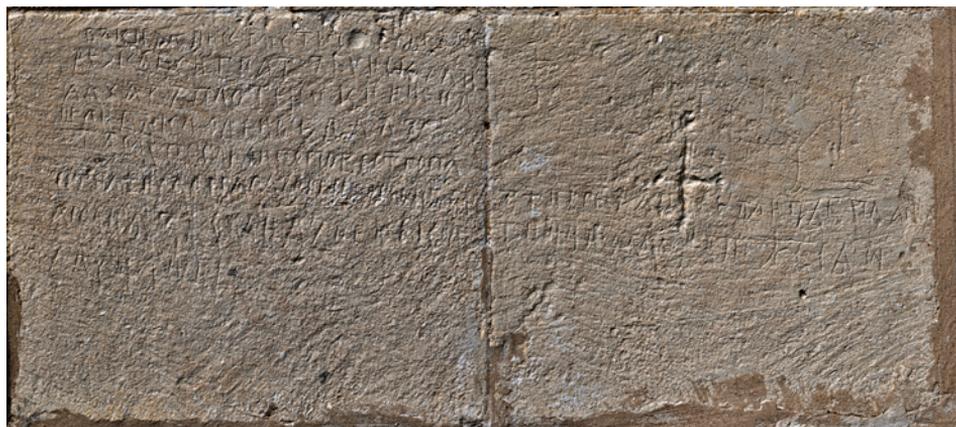
прочитанном как *Имжлнович-*, вместо *н* следует читать *к*. Во-вторых, букву в начале пятой строки нужно признать несомненным *л* — трактовка ее как *д* с плохо сохранившейся платформой была обусловлена реконструкцией слова (*выкла*)до, по образцу «выкладного» в акте Мстислава. Новое прочтение этого сложного места, подтверждающее общую адекватность трактовки А. А. Гиппиуса, было предложено С. М. Михеевым. Оно представлено ниже в детальном разборе надписи, вместе с другими поправками к ее тексту.

История с тремя независимыми прочтениями граффито №2 зримо обнажила одну из главных проблем, стоящих перед исследователями древнерусской эпиграфики, — проблему доказательности и верифицируемости прочтения эпиграфического текста. Разбирая буквы на изрытой временем каменной поверхности, исследователь, независимо от того, сознает он это или нет, всегда интерпретирует текст, а не просто фиксирует его. Перед читателем, которому предлагается на выбор несколько расходящихся друг с другом интерпретаций, остро стоит вопрос: какая из них соответствует действительности и в какой мере? При этом заверения исследователя X в том, что исследователь Y прочел некоторую букву неправильно, не может быть принято на веру, поскольку исследователь Z может быть другого мнения. Лингвистическая корректность прочитанного текста и возможность подтвердить прочтение параллелями в других источниках являются важнейшими критериями, позволяющими отсеять заведомо неправдоподобные интерпретации. Но соблюдение этих требований не гарантирует правильности прочтения: оно может достигаться и путём невольной «подгонки» транскрипции под исследовательскую гипотезу. В этой ситуации критически важной становится возможность независимой проверки адекватности предлагаемых транскрипций и прорисовок. В простых случаях для этого бывает достаточно хорошей фотографии. Однако в сложных случаях, при плохой читаемости текста, когда отдельные элементы букв становятся видны только под определенным углом света, получить объективную картину или, по крайней мере, приблизиться к ней можно, лишь сопоставляя фотографии, сделанные при разном расположении источника света. На современном уровне развития цифровых технологий оптимальным решением этой задачи является построение трёхмерной модели поверхности с надписью. Работая с визуализацией такой модели, меняя угол и направление света, заинтересованный читатель получает доступ к той же исходной информации, какой располагает исследователь, и может самостоятельно решить, согласен он с предложенной ему идентификацией того или иного начертания или нет. Не менее, а может быть, и более важно, что трёхмерная модель как точная цифровая копия эпиграфического памятника является формой сохранения его для будущего, что — в условиях постепенной и неизбежной эрозии каменных поверхностей — оказывается самой насущной задачей.

В области древнерусской храмовой эпиграфики технология трёхмерного моделирования (фотограмметрическим методом) уже была успешно опробована московской Лабораторией RSSDA в сотрудничестве с авторами настоящей статьи; она применялась, в частности, при прочтении надписи об убийстве Андрея Боголюбского, найденной в 2015 г. на стене Спасо-Пре-

ображенского собора в Переславле-Залесском [Гиппиус, Михеев, 2017; 2020]. В случае с галицкими граффити её использование представлялось единственным способом объективной фиксации текстов и выработки консенсуса в их интерпретации. Благодаря деятельной поддержке украинских коллег эту задачу удалось реализовать. 10–11 сентября 2019 г. несколько надписей церкви Св. Пантелеймона, включая четыре надписи актового характера, были сняты Ю.М. Свойским; в конце 2019 г. — весной 2020 г. Е.В. Романенко, Е.С. Конаковой и А.А. Зиганшиной в Лаборатории RSSDA были сформированы трёхмерные модели галицких надписей. Их облегченные цифровые образы размещены на сайте Лаборатории RSSDA.¹⁴

Надпись №1, единственная из галицких актовых надписей выбитая на внешней стене церкви Св. Пантелеймона (на восточном прясле южного фасада), читается по модели следующим образом (см. илл. 1):

Илл. 1 а-б. Надпись №1 – акт Мстислава Мстиславича. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

¹⁴ <https://rssda.su/en-rus>. На участках с надписями обеспечивалась детальность моделирования 0,05–0,06 мм, на участках без надписей достигалось снижение детальности до 0,13–0,15 мм.

**въкнѣжнїем-стис[л]авл[е]въ[д]-
режавуигнатъвуискали
лахавъплотеникиинена
шливъкладеноедалъ**

- 5 атьму послу си попове стго па
нтелѣмона лазоръ с-м-юнь---ѣстефан[ъ]демитръ бѣданъ
ак[о]наз[ъ]судильнеискатиникому(-)--неже сав
слушаеть**

Перечислим отличия от прочтения 2016 г.: (1) *e*, а не *ю* между буквами *o* и *d* в четвёртой строке¹⁵, (2) третья буква пятой строки — *ъ*, а не *o*, (3) *e* вместо *и* между *d* и *м* во второй половине шестой строки, (4) *не* вместо (*a*)[*и*] перед *же сав* в конце седьмой строки¹⁶, (5) в восьмой строке не было никакого продолжения: это конец надписи.¹⁷

Имя второго свидетеля сильно повреждено. Оно однозначно определяется как *Съмьюнъ*, однако могло быть записано через *e*, а не *ъ*.¹⁸ Следующее имя приходится на стык двух каменных блоков. На левом блоке могли уместиться две буквы, от которых видны только еле заметные остатки. На правом блоке перед *ѣи* видна буква *т*, как будто имеющая дополнительные элементы справа внизу. Возможно, это лигатура *тв* и перед нами форма (*Ма*)[*тв*]*ѣи*, хотя нельзя исключить и варианта *Матѣи*, предложенного в статье 2016 г.

Приведем теперь текст с делением на слова и описанными конъектурами:

- въ кнѣжнїе М-стис[л]авл[е] въ [д]-
режаву Игнатъву искали
Лаха въ плотеники и не на-
шли въкладеное далъ**
- 5 а тьму послу си попове Стго Па-
нтелѣмона Лазоръ С-м-юнь [М](а)[тв]ѣи Стефан[ъ]
Демитръ Бѣданъ
а к[о]наз[ъ] судиль не искати никому(-)--не же сав
слушаеть**

Для поврежденного места в конце седьмой строки в статье 2016 г. была предложена конъектура *никому (же а) [и]же сав|слушаеть ... '... никому. А кто ослушается ...'* Она предполагала, что в несохранившемся продолжении восьмой строки читалась формулировка санкции, грозящей нарушителю. Теперь же, когда мы знаем, что это продолжение отсутствовало, глагол можно трактовать только как часть оппозитивной конструкции: '(И) пусть никто не ослушается!' Точный вид этой фразы, к сожалению, не удаётся

¹⁵ В. В. Корниенко также прочел здесь *e* [*Корниенко*, 2018: 184].

¹⁶ И. Пеленский читал здесь буквы *ис*, а Т. В. Рождественская — *не* [*Рождественская*, 1992: 128].

¹⁷ Возможно, это подразумевалось уже в первой публикации надписи [*Pelenŝki*, 1914: 32].

¹⁸ Отметим нестандартное распределение графем *o/ъ* и *e/ъ* в графико-орфографической системе данной надписи. В уверенно читаемых местах неконечные слабые редуцированные записаны при помощи графем *o* (*к[о]наз[ъ]*) и *e* (*[[d]-режаву, плотеники, въкладеное, Демитръ*; в слове *нашли* слабый редуцированный пропущен). При этом все 12 конечных редуцированных записаны через *ъ* и *ь*: *въ* (3×), *далъ*, *Лазоръ*, *С-м-юнь*, *Стефан[ъ]*, *Демитръ*, *Бѣданъ*, *к[о]наз[ъ]*, *судиль*, *в|слушаеть*. Обратная замена *e* на *ъ* не представлена, а замена *o* на *ъ* встретилась лишь дважды на девять примеров с *o*: *Игнатъву*, *а тьму* (обратим внимание на удивительное сходство этих фрагментов: ...*атову* и *а тому*).

установить. Слева от *н*, возможно, стояла буква *а*, а левее нее, по-видимому, была написана буква *ж*, находящаяся почему-то заметно выше уровня строки и существенно правее её ожидаемого положения в слове *никомуже*. Возможно, фраза содержала ошибку или подверглась исправлению.

В стандартной орфографии и с современной пунктуацией текст акта будет выглядеть следующим образом:

Въ княжение Мъстиславле, въ дръжаву Игнатову искали Ляха въ плотники и не нашли; выкладное далъ.

А тому послуши попове Святаго Пантелѣимона: Лазорь, Съмьюнъ, Матвѣи, Стефанъ, Дмитръ, Богданъ.

А князь судиль не искати никому[---] не же ся ослушаеть!

Перевод:

‘В княжение Мстислава, в управление Игната рассматривался иск к Ляху из-за плотников, и не был удовлетворен; [Лях] уплатил «выкладное».

А тому свидетели — попы Святого Пантелеймона: Лазарь, Семьюн, Матвей, Стефан, Дмитръ, Богдан.

А князь постановил [более по этому делу] никому иска не предъявлять, и пусть [никто] не ослушается!’

Подробный комментарий к этому акту см. в статье [Гиппиус, 2016: 52–56]¹⁹. О Богдане см. также надпись № 7.

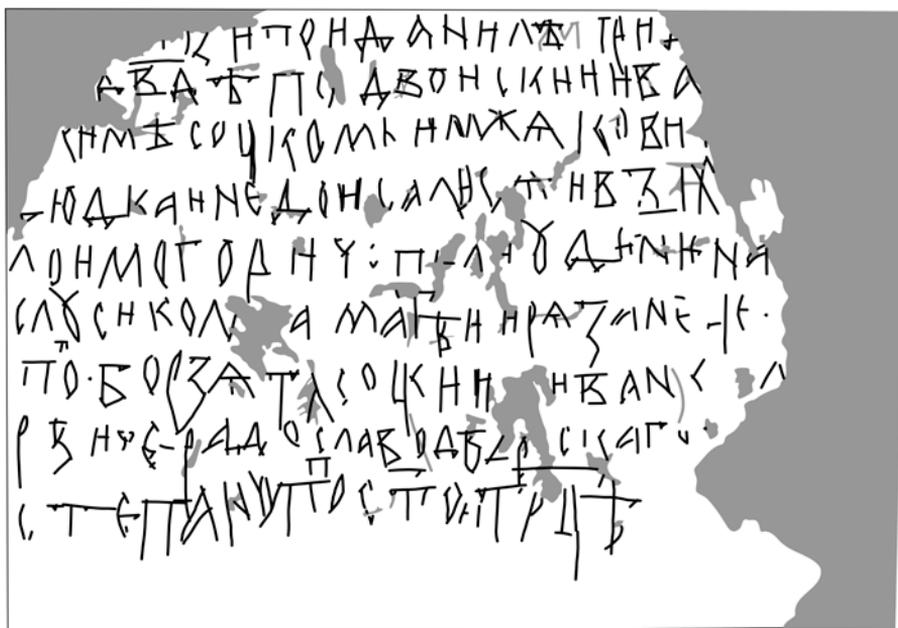
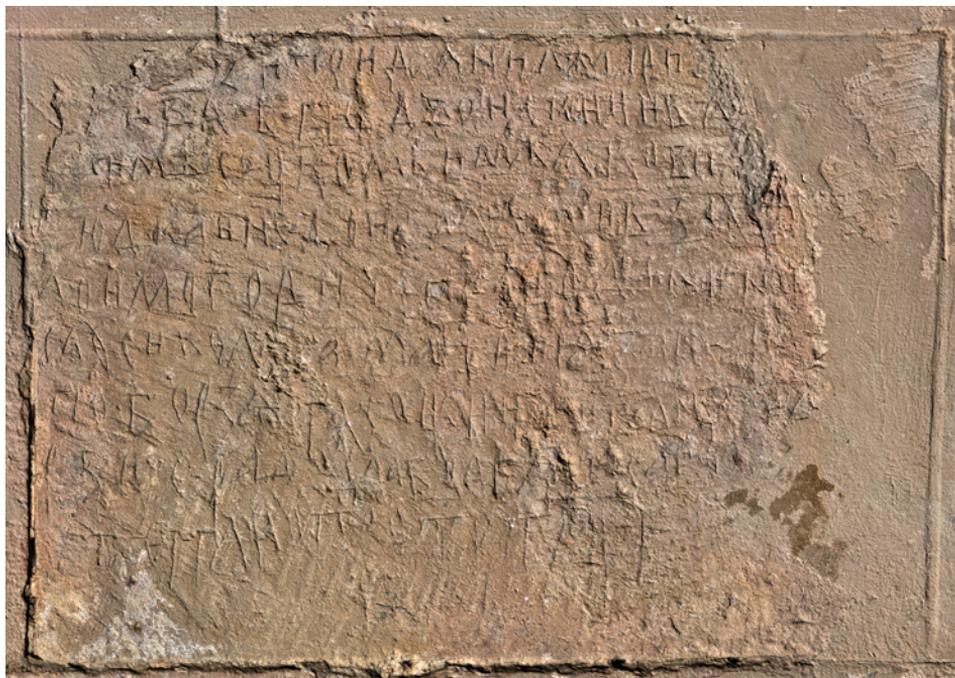
Надпись № 2, расположенная на внутренней стене церкви, с южной стороны от западного портала, читается по новой модели следующим образом (см. илл. 2):

----зиприданилѣпри[д](...)
---дѣдѣ·подвоискииива(...)
-кимѣсоцкомѣимжакови...
дюдкаиinedoi[с]ал-са·ивѣх(...)
5 лоимогорич[е]п[и]лиѣде[н]е[н]а(...)
слѣсико[м]-аматвириазане[це·](...)
по¹⁰¹·борзатасоцкии(-)иван...
рзиче·радославод[в]-р-скаго[·](...)
степанопо¹⁰²сѣо[и]триѣ

Предложенное в статье 2016 г. чтение буквы *з* в первой строке подтверждается её сопоставлением с другими *з* данной надписи: ср. *з* сходного нестандартного начертания с очень длинной левой засечкой в начале восьмой строки. Буква *гъ* в слове *Данилъ* в первой строке написана поверх буквы *м*. Следующие две буквы (*пр*) написаны лигатурно.

От буквы после *и* на конце третьей строки видна только вертикаль внизу, однако иные реконструкции кроме [*ч*] здесь неуместны.

¹⁹ Предложение В. В. Корниенко [2018: 186] вернуться к истолкованию слова *плотники* как ‘плательщики’ лингвистически несостоятельно. Приводимые исследователем примеры просторечной замены *а* на *о* в глаголе *платить*, извлекаемые из великорусских текстов XVIII–XIX вв., не должны быть принимаемы во внимание на фоне многих сотен употреблений этого глагола с корневым *о* в древнерусских, старорусских и староукраинских текстах.

Илл. 2 а-б. Надпись № 2 – акт Даниила Романовича. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

В начале четвёртой строки уверенно читается имя *Дюдка*, имеющее восточное происхождение, о чём уже говорилось в статье 2016 г.²⁰ В слове *дои[с]ал-са* в середине строки, вероятно, пропущена буква *к*. Буква между *л* и *с* похожа на *о* и на *и*. Возможно, это результат правки одной буквы на другую.

В конце пятой строки В. В. Корниенко верно прочёл последовательность букв *ѡденѣ*, которые вслед за В. Слободяном и А. Гусаком следует трактовать как запись слова <уденье> в значении наречия ‘пополудни’.

В конце шестой строки подтверждается прочтение слова *разанец*, предложенное В. В. Корниенко.

Окончание имени *Иван...* в седьмой строке повреждено. В конце строки видна буква *л* или деталь буквы *м* — возможно, это начало отчества [*М*](*илобо*)*рзиче*, от имени *Милоборзь*; ср. предыдущее имя *Борзята* (← *Бързята*), известное также по двум надписям из Софии Киевской, и отчество погибшего в 1268 г. под Раковором новгородца *Василя Воиборзовича*²¹.

Буквы *о* в последней девятой строке имеют ромбовидные очертания, при этом в первой из них штрихи длиннее, чем это требуется для ромбовидного *о*. Буква [*и*] в слове *Стѡ[и]* угадывается с трудом. Если она действительно имеется в надписи, то была процарапана уже после написания следующей буквы, менее глубокими штрихами. В конце строки стоит слово *Триѣъ*, верно прочтенное В. В. Корниенко.

Теперь можно привести текст с делением на слова и уверенными конъектурами:

(при к)[н]зи при Данилѣ при [д](...)
(при) Дѣдѣ · подвоискии Ива(н... при)
(А)кимѣ соцкомѣ Имжакови[ч](- искал-)
Дюдка и не дои[с]ал-са · и вѣх(од... да)≠
5 ло и могорич[е] п[и]ли ѡде[нѣ] н[а] (то по)≠
слѣси Ко(-)-а Матвии разане[це ·] (...)
по^{lml} · Борзата соцкии (·) Иван... ...(бо)≠
рзиче · Радославо д[вѣ]р(е)скаго [·]
Степано поⁿ Стѡ[и] Триѣъ

В конце первой и второй строк до края каменного блока могли уместиться еще примерно по семь букв. В конце первой строки, скорее всего, читалась должность *Давыда* — вероятно, [д](*ворскомѣ*) или [д](*ержавиѣ*), если восстанавливать его по аналогии со словами *въ дережзлву Игнатѣву* в акте Мстислава Удатного (№ 1).²²

В конце второй строки могло не быть ничего кроме слов *Ива(но при | А)кимѣ*, но мог стоять и какой-то глагол: например, <судиль> или <быль> в смысле ‘находился, присутствовал’: ср. *а тѣ былъ* в начале перечня сви-

²⁰ Ср. прозвище *Дюдка* (*Дютка*), которое носил Фёдор Александрович Ёлкин-Кобылин — внук родоначальника бояр Романовых Андрея Кобылы [Вeselовский, 1974: 105].

²¹ См. [Высоцкий, 1966: 60–64, табл. XXVII–XXVIII, №25; Корниенко, 2011: 131, 333 (табл. ССП: 3), №2090; Новгородская первая летопись, 1950: 86 (6776, л. 145), 316 (6776, л. 181 об.)]. Ср. также топоним *Brzeta* в Боснии и Герцеговине.

²² Ср. термин «державца», известный на территории Великого княжества Литовского с XV в. [Любавский, 1892: 68–69].

детелей покупки Бояновой земли в граффито Софии Киевской [Высоцкий, 1966: 60–64, табл. XXVII–XXVIII, №25]. Подвойский и сотский, по-видимому, могли вдвоём составлять судебную инстанцию, в которой, однако, главным должен был быть сотский, если исходить из уставной грамоты Василия Дмитриевича Двинской земле 1397–1398 гг. [Памятники русского права, 1955: 162–163].

В третьей и четвёртой строках необходимо сделать выбор из нескольких возможных вариантов: «искаль Дюдка и не доискался» или «искали Дюдка и не доискалися»; «Имжаковичь», «Имжаковича» или «Имжаковичи» (гипотетически это может быть отчество сотского Якима, истца, истцов или ответчика — Дюдка). Наиболее вероятной нам теперь представляется реконструкция *Имжакович(а искали) | Дюдка* ‘Рассматривался иск к Дюдку Имжаковичу’. Во-первых, она подразумевает неупоминание истца, как и в акте №1 (*искали Лаха в плотеники и не нашли*). Во-вторых, препозиция отчества представлена в соседнем акте №3, а также, по-видимому, в плохо сохранившемся документе №4 (об обоих этих текстах пойдёт речь ниже). Наконец, в-третьих, человек с восточным именем *Дюдко* приобретает таким образом соответствующее его имени отчество.²³

В конце четвёртой строки, перед словом (*да*)*ло*, вероятно, стояло слово *вых(одо)*, однако нельзя исключать и реконструкции *вых(одное)*: ср. *выкладное* в надписи №1 и *выходь* в акте №3, о котором см. ниже.

Имя первого свидетеля в шестой строке из-за утраты читается не полностью, а в конце шестой строки утрачено короткое имя священника, который был третьим свидетелем.

Таким образом, мы можем предложить реконструкцию текста акта, снабдив её современной пунктуацией и сняв эффект бытовой орфографии:

[При к]нзюи при Данилѣ, при д[... при] Давыдѣ подвойский
Ива[нѣ ... (?) при Я]кимѣ соцкомѣ.

Имжакович[я искали] Дюдка и не доис[к]ал[и]ся; и вых[одѣ] (*или*:
вых[одное]) [да]лѣ; и могоричь пили уденье.

На [то по]слуси: Ком[-]а Матвии рязанець, [----] попь, Борзята
соцкии, Иванъ [Милобо]рзичь, Радославъ двор[ѣ]скаго, Степанъ попь
Святои Троицѣ.

Перевод:

‘При князе Даниле, при дворском (*или*: державце) Давыде подвойский Иван был (*или*: судил) при сотском Якиме.

Рассматривался иск к Дюдку Имжаковичу (?), и не был удовлетворен; и [Дюдко] дал «выход» (*или*: «выходное»); и пили могорыч пополудни.

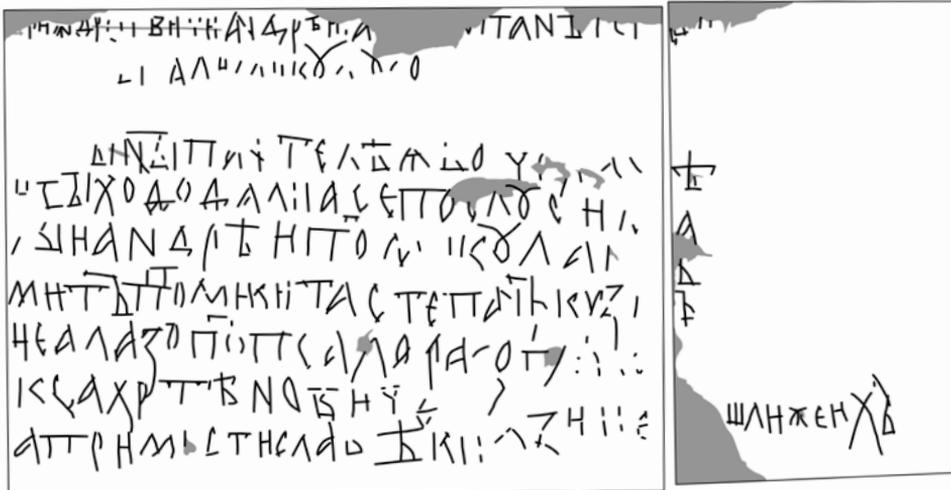
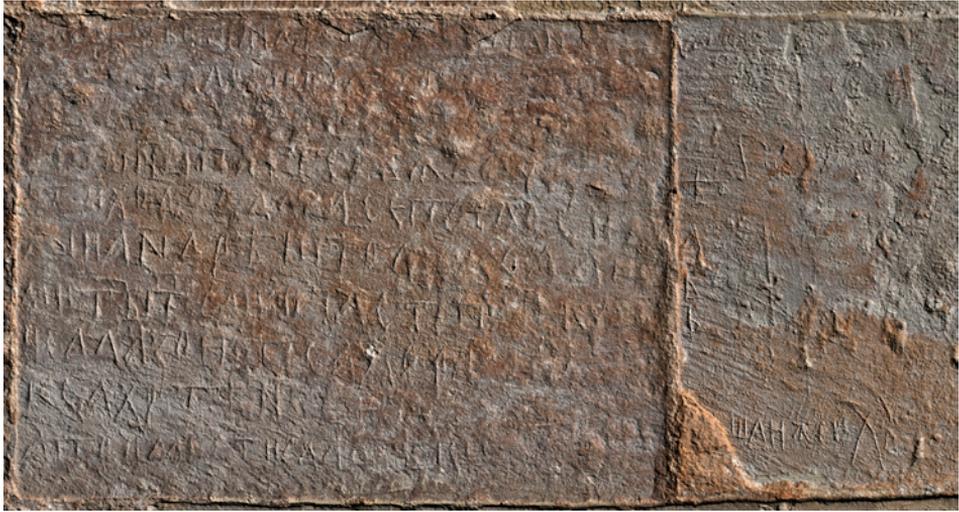
Этому свидетели — Матвей Ко... рязанец, поп ..., сотский Борзята, Иван Милоборзич (?), Радослав, [сын] дворского, Степан, поп Святой Троицы’.

Возможно, имя дворского, отца Радослава, не упомянуто по той причине, что это был тот самый Давыд, имя которого читается в начальной датирующей фразе акта²⁴.

²³ Если эта реконструкция верна, то в слове <доискалися> букву *о* <ѣ> правили на *и*.

²⁴ О возможной идентификации Давыда с Давыдом Вышатичем см. [Гунтус, 2016: 60–61].

Надпись №3 к северу от западного портала, в которой В.В. Корниенко прочитал, в частности, имя «Андрѣи» в середине первой строки, слова «а се послуси» в середине и фразу «А при Мъстиславѣ князѣ не нашли же ихъ» в последней строке [Корниенко, 2017: 93–95, 104 (ил. 7–8); 2018: 276–277, 494–495 (табл. ССХХІІІ–ССХХІV), № 762], по трехмерной модели читается так (см. илл. 3):

Илл. 3 а-б. Надпись № 3 – акт Андрея Андреевича. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

--[иандр]--вич[и]андр[ѣи:]а-----пан-----(...)
-----л[им]ик8[л8]-о...
...
---[ы]нъпанте[лѣ]а-о(-)ч----(-)ѣ

- 5 [и в]ыхододал[и]асепослѣси-а
-ѣиандрѣипо" : м-кѣла-(-)[ѣ]
митѣпо"микитастеп[анѣ]к[уз]-[ѣ]
цеалазоп[о]псалора-о-- : ---
ксахотѣнович[е]

10 априм[ѣ]стисла[в]ѣк[назине]--шли же ихъ

Надпись содержит лигатуры *ан* (дважды в первой строке и по одному разу в четвертой и седьмой строках) и *ик* (в седьмой строке). В седьмой строке дважды представлена высокая буква ѣ (ср. также ѣ на конце десятой строки).

Как выясняется, надпись начиналась с упоминаний Андрея Андреевича — то есть сына венгерского короля Андраша II принца Андраша — и, по-видимому, некоего Степана (возможно — тысяцкого, державца, дворского).

Во второй строке предположительно восстанавливаются слова (*и*)[ска]-л[и] [М]икѣ[лѣ].

Правая половина второй строки и третья строка надписи практически полностью затерты и не читаются.

В четвёртой строке упоминался человек по имени *Пантелѣи* (вряд ли таким образом могла быть обозначена церковь Св. Пантелеймона). В начале строки, судя по всему, читалось имя на *-ына*, также в родительном падеже.

На переходе с шестой строки на седьмую можно реконструировать [н](а)ѣ|митѣ <наимитѣ> ‘наемный работник’. Замена *и*, обозначающего /jь/, на ѣ изредка встречается в древнерусских текстах, ср. *прими ѣ въ городѣ* в берестяной грамоте № 737 середины — второй половины XII в. [Янин, Зализняк, 2000: 36] и *п(о)ѣ(р)ѣб(ѣ)ше ѣ* ‘похоронив его’ в надписи о смерти и погребении князя Всеволода Мстиславича в новгородской церкви Благовещения на Городище [Гинпиус, Михеев, 2019: 38].

С делением на слова и конъектурами текст приобретает следующий вид:

(п)ри Андр[е]--вич[и] Андр[ѣи :] а (при Ст)[е]пан[ѣ] ----(...)
--- (и)[ска]л[и М]икѣ[лѣ] -о...

...

---[ѣ]ны Панте[лѣ]▲ -о(-)ч----(-)ѣ

- 5 [и в]ыходо дал[и] а се послѣси [м]аѣ
[л]ѣи Андрѣи по" : М(и)кѣла [н](а)[ѣ]ѣ
митѣ по" Микита Степ[анѣ] к[узнь]ѣ
це а Лазо п[о"]псало ра-о-- : -[ле]ѣ
кса Хотѣнович[е]

10 а при М[ѣ]стисла[в]ѣ к[нази не] (на)шли же ихъ

Ключевое значение для понимания текста в целом имеет заключительная фраза. В. В. Корниенко истолковал её в том смысле, что при Мстиславе было вынесено судебное решение, зафиксированное надписью. Между тем фраза явно сообщает о другом: что при князе Мстиславе ответчики по данному делу *тоже* были оправданы; сама же запись, как мы теперь знаем, сделана при Андрее Андреевиче. Таким образом, перед нами несомненная отсылка к более раннему судебному постановлению. Слова «не нашли же ихъ» показывают, что Микла был обвинён и оправдан вместе с ещё какими-то лицами — «с товарищи», как можно было бы выразиться на языке более позднего

времени. Но это ближайшим образом напоминает содержание акта Мстислава Мстиславича, в котором «Лях» привлекался к суду «въ плотьники» «за плотников»²⁵. Разница лишь в том, что в первом случае ответственность возлагается на главу некоторого коллектива, тогда как во втором он разделяет её со своими подопечными. Появляется, таким образом, серьёзное основание думать, что Микула надписи №3 — это то же лицо, что и Лях надписи №1, и что при Андрее Андреевиче Микула по прозвищу Лях был повторно обвинён «съ плотники» — вопреки прямому предписанию Мстислава Мстиславича более не предъявлять иска по этому делу. Иначе говоря, документом, к которому отсылает последняя фраза надписи №3, является акт №1. С предположением, что иск был предъявлен плотницкой артели, хорошо согласуется присутствие среди свидетелей наемного рабочего и кузнеца²⁶.

В свете такого понимания существа дела интерпретируются и имена в четвёртой строке. Можно думать, что они принадлежали тем самым плотникам, которые были обвинены и оправданы вместе с Микулой и которые вместе с ним внесли упоминаемый далее «выход». Употребление форм родительного падежа объясняется тем, что, в отличие от имени Микулы, перечень имён плотников управляется глаголом с отрицанием, при котором в языке этого времени последовательно употребляется генитив: (*не нашли ихъ: Микулы*), ..., *...ыны, Пантелѣа*, ... Окончание четвёртой строки содержало, по всей вероятности, ещё два имени. Их сохранившиеся фрагменты допускают, в частности, реконструкцию: [Б]о(у)ч(ѣ), [Зд](а)[ч]ѣ (ср. довольно распространённую фамилию *Бойчин*). Заметим, что имя, заканчивавшееся на *-ына*, было также безусловно не христианским.

Следует отметить, что «выход» в документе Андрея Андреевича и «выход» или «выходное» в акте №2 выступают на месте «выкладного» документа №1 и «помочного» украинских грамот XV в., с которым «выкладное» было сопоставлено в статье 2016 г. [Гиттис, 2016: 55–56]. Исторически словами такое использование слова *выходъ* не фиксируется, хотя оно и употреблялось в близком значении разовой выплаты князей при получении ханских ярлыков. Ср. также *выходъ* как переход к другому сюзерену и *выходное* как плату за такой переход [Историчний словник українського язика. Т. I: 472; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3: 271–272; Словарь древнерусского языка. Т. II: 259].

В имени *Лазорь* в восьмой строке пропущены последние две буквы. После слова *псало*, вероятно, стояло прозвище попа Лазоря, возможно, *ра[з]о[гу]*, т. е. <*Разгуль*>.

В книжной орфографии и с современной пунктуацией текст акта может быть реконструирован следующим образом:

[Пр]и Андрѣвичи Андрѣи, а [при Ст]епан[ѣ ... и]скали Микулу съ [плотники и не нашли ихъ: Микулы,]ыны, Пантелѣа, Бо[-]ч[-], Зд[-]ѣ; и выходъ дали.

²⁵ Об этом значении предлога *въ* см. [Зализняк, 1993: 309–312; 2004: 162].

²⁶ Упоминание кузнеца заставляет вспомнить приводившееся в статье 2016 г. письмо перемышльского судьи Костька польскому королю Владиславу II Ягайлу с описанием ситуации, в которой контроль за работой плотников и раздачу им денег осуществлял некий *клепачь* (кузнец) [Гиттис, 2016: 55].

А се послуши: малыи Андрѣи попь, Микула н[а]емить, попь Микита, Степанъ кузнецъ; а Лазо[рь] попь псаль Разъгуль (?), [О]лекса Хотѣновичь.

А при Мьстиславѣ князи не нашли же ихъ.

Перевод:

‘При Андрее Андреевиче, при Степане ... рассматривался иск к Микуле и плотникам (?), и они были оправданы: Микула,ына, Пантелей, Бойча (?), Здача (?) — и уплатили «выход».

А вот свидетели: поп Андрей Малый, наемный рабочий Микула, поп Микита, кузнец Степан, а поп Лазорь Разгул (?) писал [эту надпись], Олекса Хотенович.

А при князе Мстиславе их тоже оправдали’.

Писец этой надписи поп Лазорь, по всей видимости, идентичен попу Святого Пантелеймона Лазорю — первому свидетелю акта Мстислава Мстиславича (№ 1). То, что он упомянут не последним, вероятно, объясняется случайным пропуском имени Олексы Хотеновича, внесённого в акт уже после его завершения.

Нельзя полностью исключить возможности того, что Степан, фигурирующий в *datum* акта, — это Стефан-«конюх», получивший владения в Венгрии за услуги, оказанные Андрею Андреевичу, после смерти последнего [Дьёни, 2017: 821].

Четвёртый акт «каменного архива» церкви Св. Пантелеймона сохранился существенно хуже описанных выше (илл. 4). Фотографию надписи, находящейся внутри храма, в центральном членении северной стены, и почти полностью занимающей поверхность одного каменного блока, опубликовал В.С. Вуйцык, отметивший, что её сильно повреждённый текст состоит из 11 строк [Вуйцык, 1996: 194, вклейка после с. 192]. В статье 2016 г. было предложено частичное прочтение данной надписи по фотографии В.С. Вуйцыка и по результатам её натурного изучения [Гиппиус, 2016: 58, прим. 165], а в статье и книге В.В. Корниенко были даны новая фотография и прорись надписи и версия чтения двух последних строк её текста, сохранившихся лучше остальных [Корниенко, 2017: 95–96, 103 (ил. 5–6); 2018: 280–281, 496–497 (табл. ССXXV–ССXXVI), № 763].

Илл. 4. Надпись № 4 – акт Мстислава Мстиславича. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA)

Прочтение текста надписи № 4 затруднено не только самими утратами поверхности блока, но и тем, что в разное время они были замазаны цементом, который скрыл под собой и многие читаемые буквы. В левой верхней части блока цементная заплатка тянется неровной полосой до 9-й строки, правее центра блока находится вытянутое по вертикали овальное повреждение, затронувшее пять строк, а справа уничтожены по несколько букв на конце десяти строк графито. При этом овальное повреждение было зацементировано в относительно недавнее время, о чём свидетельствует фотография, приведённая в статье В.С. Вуйцыка 1996 г. На этом фото можно прочесть некоторые буквы, скрытые сейчас под слоем цемента.

Мы уверены, что продвинуться в интерпретации этого сложного документа станет возможно после раскрытия цементных заплаток, мешающих прочтению текста. Пока же можно заметить, что большинство предварительных чтений, предложенных в статье 2016 г. (в том числе слова *(Коу)зма тивоун[ъ]* в пятой строке), подтверждается. В дополнение к этому в середине первой строки, где В.В. Корниенко увидел буквы *ни---в----лаза*, по модели достаточно уверенно читается фрагмент *нии Мьстислави*, то есть текст акта начинался со слов «При княжении Мьстислави» — Мстислава Мстиславича Удатного. Во второй половине четвёртой строки предположительно можно реконструировать слова *а се ѓ[осл](оус)[и] Мо...* ‘А вот свидетели: Мо...’ (подчёркнутые буквы были прочитаны В.В. Корниенко).

В трёх относительно хорошо сохранившихся галицких актах в списках свидетелей числится по шесть человек, то есть по полудюжине. Это

шесть священников церкви Св. Пантелеймона в документе № 1 Мстислава Мстиславича, четыре священника, кузнец и ещё один человек — в акте № 3 Андрея Андреевича, писцом которого, по-видимому, был священник церкви Св. Пантелеймона, и два священника, сотский, сын дворского и ещё два лица — в более позднем акте № 2 Даниила Романовича²⁷. В дошедшем до нас в значительно худшем виде документе № 4 Мстислава Мстиславича, вероятно, было перечислено больше свидетелей, что заставляет снова вспомнить об уже упоминавшейся нами киевской надписи, где приводится список из двенадцати «послухов» покупки Бояновой земли, все или почти все из которых были киевскими священниками²⁸.

По своему содержанию три галицких судебных акта, подтверждающих оправдание в суде названных в них ответчиков, как уже было отмечено Т. В. Гимон, близки к следующему по времени древнерусскому судебному документу — смоленской грамоте 1284 г., а также к более поздним московским правым грамотам XV в. Главным содержательным отличием галицких текстов является то, что в них не излагается суть предъявлявшихся обвинений. Кроме того, по-видимому, во всех трёх актах не упоминались истцы. Указав на кардинальные расхождения в формуляре этих документов, Т. В. Гимон заключил, что «галицкие надписи и смоленская грамота, хотя и являются текстами одного и того же назначения, не отражают какой-либо одной традиции» [Гимон, 2016: 27–28]. Подтверждается и вывод об отсутствии в эпоху создания надписей устоявшегося формуляра судебного акта — можно сказать, что этот формуляр вырабатывается прямо на наших глазах. Так, термину *выкладное* акта Мстислава противостоит *выходь* в актах Андрея и Даниила, тогда как по другому признаку — *не нашли / не доискались* — акт Даниила противопоставлен актам Мстислава и Андрея. Только в нём упоминается и обряд распития могорыча. Наконец, чрезвычайно значимым выглядит сам факт фиксации на стенах храма именно оправдательных судебных решений: оформленные таким образом, акты трёх галицких князей должны были восприниматься как образцы справедливого суда, совершаемого в присутствии представителей Церкви и освящённого её авторитетом.

Обратимся теперь к надписям церкви Св. Пантелеймона, содержащим в себе точные даты. Насколько нам известно, первое печатное сообщение о подобных граффити на стенах этого храма принадлежит исследователю архитектуры и реставратору церкви Св. Пантелеймона И. Р. Могитичу: «Исследуя граффити на стенах, — писал И. Р. Могитич, — искусствовед В. С. Вуйцик открыл три неизвестные ранее датированные надписи, относящиеся к XIII в. Самая древняя (1212 г.) открыта на пилястре южного фасада; на том же фасаде обнаружена надпись, датированная 1229 г., и надпись в интерьере (1288 г.)» [Могитич, 1982: 66]²⁹.

²⁷ Об участии шести человек в судебных и досудебных разбирательствах ср.: [Чебаненко, 2016: 105–106, 112–113].

²⁸ Подробнее см. [Дробышева, 2020: 134].

²⁹ Ср. также [Раппопорт, 1982: 110].

Надпись «1212 г.» на лопатке между западным и центральным пряслами южного фасада церкви Св. Пантелеймона (далее — № 5) содержит начальную часть даты: «Въ лѣто 67[--], мѣсяца августа». Последние две буквы годовой даты повреждены. Т. В. Рождественская и В. В. Корниенко читают в надписи № 5 слова **лѣ^т ꙗꙋ^лѣ**, то есть «лѣто 6702-е» — 1194 г., а В. С. Вуйцык в статье 1996 г. предложил чтение **ꙗꙋ^лкѣ**, то есть либо «лѣто 6720-е» (1212 г.), либо «лѣто 6725» (1217 г.). Предпочтительным В. С. Вуйцык считал первый вариант, при котором конечное *-е* трактуется как фонетический дополнитель³⁰.

Как заметил В. В. Корниенко, тем же почерком с характерной лигатурой *мѣ* в слове *мѣсяца* <мѣсяца> выполнена надпись № 6 на северной стене жертвенника (илл. 5). В. С. Вуйцык читал в ней дату **ꙗꙋ^лкѣ** — 6795 (1287) г., а В. В. Корниенко — **ꙗꙋ^лѣ** — 6702 (1194) г.³¹ По трехмерной модели надпись читается следующим образом:

**въ лѣ^т ꙗꙋ^лкѣ прѣ^ѣ
стависа ѿ^ли^л
на мѣца маа въ
ѿ^днѣ**

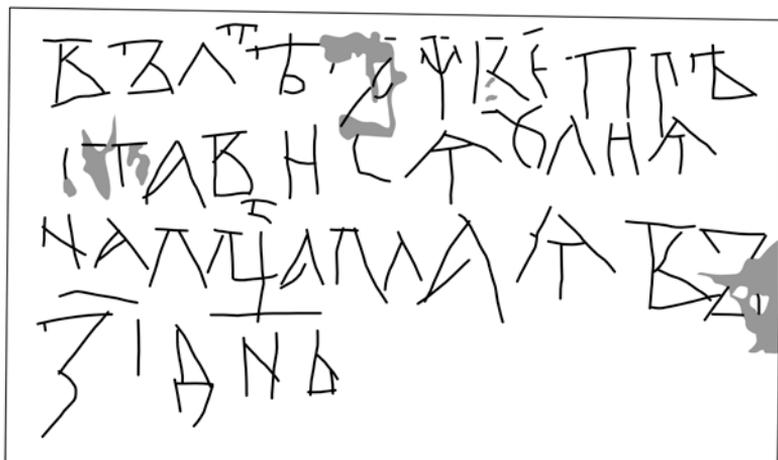
Над буквами *ѣ*, *к* и *е* в первой строке хорошо видны одинаковые титла. Короткое низкое титло над *к* делает его похожим на *в*, что и стало причиной ошибки В. В. Корниенко.³² Титло могло стоять и над буквой *ѣ* в начале годовой даты.

³⁰ См. [Рождественская, 1992: 125–126, № 84; Вуйцык, 1996: 192, вклейка после с. 192; Корниенко, 2018: 227, 432 (табл. CLX: 2), № 526]. В работе О. М. Иоаннисяна и Т. В. Рождественской утверждается, что данная надпись «была известна еще И. И. Срезневскому, который читал дату как 1212 г., что было принято и В. С. Вуйцыком» [Иоаннисян, Рождественская, 2009: 203]. Между тем ссылок на И. И. Срезневского нет ни в статье В. С. Вуйцыка, ни в статье О. М. Иоаннисяна и Т. В. Рождественской.

³¹ См. [Вуйцык, 1996: 192, вклейка после с. 192; Корниенко, 2018: 284–286, 486 (табл. ССХIV: 1), № 753].

³² Впрочем, следует с сожалением заметить, что необоснованное удревление датировок строительства церковей путем прочтения мнимых дат в их надписях-граффити является отличительной чертой данного исследователя; ср. [Материалы Круглого стола «Заснування Софійського собору в Києві: Проблеми нових датувань», 2010].

Илл. 5 а-б. Надпись № 6 – о смерти Ульяны. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

С раскрытием сокращений текст приобретает следующий вид:

Въ лѣто 6725 прѣставися Улиана, мѣсяца мая въ 17 днь.

Перевод:

‘17 мая 6725 года преставилась Ульяна’.

Прочтение надписи №6 позволяет вернуться к разбору надписи №5 и, основываясь на фотографиях, опубликованных В. С. Вуйцыком и В. В. Корниенко, предложить для нее следующую реконструкцию:

въ лѣтѣ ꙗꙋ[кѣ]

м^[с]ца авгѹсѣ

т(...)

Над цифрами в первой строке могли стоять титла.

Упрощенный текст:

Въ лѣто 6725 мѣсяца августа [...].

Перевод:

‘... августа 6725 года ...’

Таким образом, надписи №5–6 следует датировать августом и 17 мая 1217 г., а не существенно более ранними датами, как предлагали Т. В. Рождественская и В. В. Корниенко. Это обстоятельство лишает твёрдой почвы принятую в академической «Истории русского искусства» удревшённую датировку галицкой церкви Св. Пантелеймона концом XII в. [Архипова, 2015: 335]³³.

Следующая надпись с датой тоже является сообщением о смерти, как и известие о кончине Ульяны. Это надпись №7, расположенная на внешней стене, восточнее южного портала (илл. 6).

³³ В книге В. В. Корниенко представлена также надпись на внешней стене центральной апсиды храма, прочтенная им как «*сѣѣ въ кѣ авѣгуста ...*» ‘22 августа 6701 (1193) года’ [Корниенко, 2018: 138, 347 (табл. LXXIV: 1), №204]. К сожалению, нам пока не удалось изучить эту надпись, не поддающуюся прочтению по фотографии в своде В. В. Корниенко. Полной уверенности, что в этом граффито была дата, нет.

Илл. 6 а-б. Надпись № 7 – о смерти Богдана. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

В отличие от всех остальных надписей церкви Св. Пантелеймона, прочтение данного графито не вызвало никаких разногласий: В.С. Вуйцык, Т.В. Рождественская и В.В. Корниенко согласны в чтении содержащейся в ней годовой даты: $\text{с}\psi\text{л}\zeta$ — 6737 (1229) г.³⁴

Приведем полный текст надписи № 7:

въ лѣ^ѣ с^ѣψл^ѣз
м^ѣ(ц)а маа въ
ї оумре Богда[нѣ]

³⁴ См. [Рождественская, 1992: 126, 127, № 85; Вуйцык, 1996: 192, вклейка после с. 192; Корниенко, 2018: 209, 411 (табл. СXXXIX: 1), № 457].

Буква з в конце первой строки повреждена широким вертикальным штрихом.

Упрощенный текст:

Въ лѣто 6737, мѣсяца мая въ 10, умре Богданъ.

Перевод:

‘10 мая 6737 года умер Богдан’.

В. В. Корниенко справедливо заметил, что Богдан может быть идентичен шестому свидетелю акта № 1 — попу церкви Св. Пантелеймона в годы княжения Мстислава Мстиславича. Отметим, что обе надписи — № 1 и № 7 — находятся на южном фасаде.

Итак, во время княжения трёх правивших друг за другом галицких князей: Мстислава Мстиславича, Андрея Андреевича (сына Андраша II) и Даниила Романовича — на стенах церкви Св. Пантелеймона были начертаны как минимум четыре надписи актового характера. В трёх хорошо читаемых судебных документах кратко сообщается об оправдании ответчиков и уплате ими судебной пошлины, что в каждом случае сопровождается перечнем из шести свидетелей.

Две древнейших надписи с точными датами на стенах церкви Св. Пантелеймона были выполнены в мае и августе 6625 (1217) г., в княжение Коломана, старшего брата Андрея Андреевича. Это дает надежный *terminus ante quem* для датировки строительства церкви Св. Пантелеймона.

Список литературы

1. *Архипова Е. И.* Архитектурный декор и скульптура XII века в Южной, Юго-Западной Руси и Рязани // История русского искусства. Т. 2/2: Искусство второй половины XII века. М., 2015. С. 306–353.
2. *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
3. *Вуйцик В.* Графіті XII–XV століть церкви святого Пантелеймона в Галичі // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. ССXXXI: Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 1996. С. 189–194.
4. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. I: XI–XIV вв. Киев, 1966.
5. *Гимон Т. В.* Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. // Письмо и повседневность. Вып. 3. М., 2016. С. 18–48.
6. *Гиппиус А. А.* Галицкие акты XIII в. из церкви св. Пантелеймона // Письменность Галицко-Вольнского княжества: историко-филологические исследования. Оломоуц, 2016. С. 49–64.
7. *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 3 (69). М., 2017. С. 31–32.
8. *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // Архитектурная археология. № 1. М., 2019. С. 35–54.
9. *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // Slověne = Словѣне. Vol. 9. № 2. 2020. В печати.

10. Дробышева М.М. Граффито №25 из Софии Киевской: Что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. История. Вып. 1 (48). Пермь, 2020. С. 130–145.

11. Дьёни Г. Королевич Андрей // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 62. Вып. 4. СПб., 2017. С. 817–824.

12. Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–320.

13. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

14. Иоаннисян О.М., Рождественская Т.В. Надпись из церкви св. Пантелеймона в Галиче Южном в контексте политических событий конца XII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2007 г. Материалы конференции. М., 2007. С. 93–98.

15. Иоаннисян О.М., Рождественская Т.В. Надпись с именами Мстислава и Игната на стене церкви Св. Пантелеймона в Галиче в контексте политических событий конца XII в. // Труды Государственного Эрмитажа. XLVI: Архитектурно-археологический семинар Архитектура и археология Древней Руси: Материалы научной конференции к 100-летию со дня рождения М.К. Каргера (1903–1976), 26–28 ноября 2003 года, и научного заседания, посвященного 90-летию ученого, 27 мая 1993 года. СПб., 2009. С. 198–218.

16. Историчний словник українського языка. Т. I: А — Ж. [Зошит I.] Харків; Київ, 1930.

17. Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. III: Центральна нава. Київ, 2011.

18. Корнієнко В. Документи канцелярії галицького князя Мстислава Мстиславовича на стінах церкви Святого Пантелеймона // Галич: Збірник наукових праць. Вып. 2. Івано-Франківськ, 2017. С. 86–104.

19. Корнієнко В.В. Епіграфіка сакральних пам'яток Галича (XII–XIX ст.). Івано-Франківськ, 2018. (Галич: Збірник наукових праць. Сер. 2. Вып. 3.)

20. Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского статута. М., 1892.

21. Матеріали Круглого столу «Заснування Софійського собору в Києві: Проблеми нових датувань» (7 квітня 2010 р., м. Київ). Київ, 2010.

22. Могытыч И.Р. Результаты исследования церкви Пантелеймона близ Галича // Академия наук СССР. Ордена Трудового Красного знамени Институт археологии. Краткие сообщения. 172: Археология и архитектура. М., 1982. С. 65–70.

23. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

24. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. М., 1955.

25. Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–47.)

26. Рождественская Т.В. Древнеболгарская эпиграфическая традиция и новгородская эпиграфика XI–XV вв. // Palaeobulgarica = Старобългаристика. XIV, 2. 1990. С. 51–58.

27. Рождественская Т.В. Древнерусская эпиграфика X–XV веков: Учебное пособие. СПб., 1991.

28. Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

29. *Рождественская Т. В.* Надписи-граффити XII–XIII вв. в памятниках зодчества Волыни и Галича // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996. С. 90–91.

30. *Слободян В., Гусак А.* Образок з життя на зламї XII–XIII ст. зі стін храму Святого Пантелеймона поблизу Галича // Галич: Збірник наукових праць. Вип. 2. Івано-Франківськ, 2017. С. 105–114.

31. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II: (възалкати — добродѣтельникъ).* М., 1989.

32. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. V: (молимъ — обатьнь).* М., 2002.

33. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3: (володѣнье — вящшина).* М., 1976.

34. *Толочко А. П.* «Правда Русская» и звенигородская берестяная грамота № 2 // *Palaeoslavica*. XVI/1. 2008. P. 276–278.

35. *Чебаненко С. Б.* Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота № 548 // *Новгородский исторический сборник*. 16 (26). Великий Новгород, 2016. С. 103–114.

36. *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. X: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.

37. *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. XII: (Из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.

38. *Peteński J.* Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych. Kraków, 1914.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.014

Архитектура церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Вл. В. Седов

Частично сохранившийся памятник

Церковь Бориса и Глеба расположена в селе Кидекша на берегу реки Нерль. Село, административно принадлежащее к Суздальскому району Владимирской области, отстоит от Суздаля к востоку на шесть километров. В XVII в. древний белокаменный храм рухнул в своей восточной части, обвалился и барабан купола, и все верхние своды. В XVII–XVIII вв. церковь починили, устроив сомкнутый свод в бывшей подкупольной зоне, переложив восточные столбы (они стали квадратными в сечении), упростив внутри устройство абсид и сделав новые своды в алтарной части и с запада — над хорами. Часть окон заложили, заложили и южный портал. В XIX в. к храму были пристроены два притвора, с севера (он не сохранился) и существующий сейчас — с запада.

В результате разрушения храма и его дальнейших достроек он превратился в частично существующий древний объект, который при исследовании нужно не только мысленно достраивать, но и постоянно освобождать от переделок, доделок и закладок. Тем самым были привнесены обстоятельства, безусловно, мешающие спокойному рассмотрению памятника, затрудняющие его искусствоведческий анализ. Мы постарались в этой статье восполнить этот пробел, сосредоточившись на сохранившихся частях сооружения и не вдаваясь в детальное рассмотрение таких материй, как вопросы реконструкции первоначального вида здания и проблемы стиля перестроенных частей храма.

Статья посвящена только древним формам, которые возможно анализировать и ставить в контекст белокаменной архитектуры XII в. во Владимиро-Суздальском княжестве. При этом в своей работе автор опирается на большой круг уже проделанных работ, учитывая предшествующие публикации. Архитектуре церкви в Кидекше посвятили свои труды многие ученые. На их основе стала возможной эта искусствоведческая работа.

Среди архитектуроведческой литературы следует выделить посвященную церкви Бориса и Глеба главу в монографии Н. Н. Воронина [Воронин, 1961: 67–76]. Храм неплохо датируется временем около 1152 г., когда он упомянут среди церквей, построенных в Ростово-Суздальской земле князем Юрием Владимировичем (Долгоруким); в 1159 г. в храме был погребен сын князя Юрия, князь Борис.

Сведения о реставрации памятника сообщены А. Д. Варгановым [Варганов, 1958: 22–23], а также С. Н. Вахтановым [Вахтанов, 2009]. Интересные наблюдения над внутренним пространством и фасадами церкви находим в статье А. И. Комеча [Комеч, 1966: 78–81]. Сводку данных о храме привел П. А. Раппопорт [Раппопорт, 1982: 60–61]. О вероятном ремонте и синтроне в средней абсиде памятника писали В. П. Глазов [Глазов, 1995], И. В. Антипов [Антипов, 2000: 14–16; Антипов, 2002] и Т. П. Чукова [Чукова, 2004:

89]. О живописи в церкви писали Н. П. Сычев [*Сычев*, 1951], Л. И. Лифшиц [*Лифшиц*, 1997: 161–168] и А. М. Гордин [*Гордин*, 2006].

Из архитектуроведческих работ недавнего времени назовём несколько статей и главу в книге, написанные О. М. Иоаннисяном [*Иоаннисян*, 1988; *Иоаннисян*, 1996; *Иоаннисян*, 2002; *Иоаннисян*, 2006; *Иоаннисян*, 2012]. Сравнение церкви в Кидекше и собора в Переславле проводил автор данной статьи, две статьи которого посвящены системе романского декора середины XII столетия [*Седов*, 2013; *Седов*, 2017].

В 2011 и 2012 гг. под руководством автора этой статьи внутри и снаружи церкви Бориса и Глеба проводились археологические раскопки. Отдельные формы убранства храма и погребальные памятники рассматривались в серии статей [*Седов*, 2015; *Седов*, *Папин*, *Шполянский*, *Милованов*, *Федорина*, 2015; *Седов*, 2018; *Седов*, 2019].

Кладка

Церковь в Кидекше сложена из белого камня — довольно плотного известняка серо-желтоватого цвета, в массиве кладки представляющего подобие белого цвета. Способ кладки полубутовый: изнутри и снаружи положены крупные прямоугольные блоки, квадры, а внутри стены присутствует битый камень (бут), залитый известковым раствором; тот же раствор связывает белокаменные блоки. На поверхности стен внутри и снаружи эти квадры образуют очень ровную поверхность, на которой хорошо видны и выделены детали, а также уступы, складки, отливы. Нужно подчеркнуть тщательность кладки и ее эстетическую правильность (при наличии мелких изъянов).

План и объемная композиция

Церковь Бориса и Глеба по своему плану и объемному построению принадлежит к характерному для средневизантийской архитектуры типу вписанный крест; это представитель простого варианта этого типа, когда восточная часть перед алтарными абсидами не удлинена с помощью дополнительного членения, а алтарная преграда проходит по линии западных граней восточной пары столбов. В плане все размерено довольно ясно и точно: есть основное тело храма, четверик, к которому с востока примыкают три абсиды.

Четверик размечен так, что прясла фасадов и разделяющие их лопатки в целом отвечают внутренним членениям. Барабан под куполом поддерживали четыре столба, из которых западные столбы имеют крестообразный план с равными ветвями, тогда как восточные столбы, в целом такие же, имеют с востока сильно выступающие лопатки, даже отрезки стен, которые соединялись аркой с торцами межалтарных стенок. Перед абсидами сделан уступ, за ним в средней и боковых алтарных частях расположено некое подобие вимы — прямоугольные в плане участки, предваряющие скругления, переход к которым сделан тоже с использованием уступов.

Выступам крестообразных в плане столбов на стенах отвечают лопатки того же выноса и размера: на западной и боковых стенах они равны обычным выступам столбов, а с востока у восточных столбов сильным выступам

отвечают такие же выступы межальтарных стенок. Вообще план рационален, логичен, а также последователен в проведении принципа соответствия и уступчатости.

Единственной иррациональной чертой плана является увеличение западной трети храма по сравнению с восточной — на северном и южном фасадах, где восточные прясла несколько меньше западных. Это увеличение западной трети на боковых фасадах является традиционным для многих древнерусских храмов. Здесь рациональность как будто подчинилась традиционности.

С другой стороны, внутри храма восточные ячейки (до уступов) увеличены относительно западных ячеек. Наблюдается стремление соблудности взаимное равновесие: там, где на фасаде членение уменьшено, там удлиняется членение внутри.

В целом план очень близок тому, что мы видим в Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского, отличия незначительные. Это значит, что собор в Переславле и церковь в Кидекше составляют цепочку (в нее входили и другие храмы пока совсем не исследованные или мало исследованные), в которой Кидекша то ли раньше, то ли позже Переславля (ниже будет показано, что позже). Здесь важно, что это часть традиции, что на Северо-Востоке Руси уже сложилась традиция храмов с таким планом.

Интерьер

От древнего храма до нас дошли части с запада: три полуциркульных свода в каждом членении. Вершина среднего из этих сводов проходит в продольном направлении (запад-восток), тогда как боковые своды развернуты так, что их вершины проходят по оси север-юг. Южный боковой свод сохранился полностью, а от северного свода читается след на северной и западной стенах. От подкупольного пространства и боковых рукавов креста эти своды отделены пониженными подпружными арками. На обращенных друг к другу боковых лопатках столбов, выходящих в среднее членение под хорами, имеются импосты из четвертного вала и полочки, похожие по местоположению и профилю на импосты собора в Переславле.

Вообще вся ситуация со сводами и декором в церкви Бориса и Глеба напоминает собор в Переславле, за тремя исключениями. Первое, о чем будет сказано и чуть ниже, это то, что темное пространство под хорами в соборе Переславля здесь, в Кидекше было освещено двумя окнами в боковых частях на западной стене. Это, безусловно, развитие, усложнение, исправление ошибок.

Второе: если в Переславле вход на хоры был устроен в виде дверного арочного проема в северной стене, то в Кидекше он был устроен в виде отверстия в своде северной части храма. Это отличие, возможно, объясняется тем, что в Переславле с севера от собора стоял городской княжеский дворец, а в Кидекше такого дворца не было.

Третье: в Переславле лопатки крестообразных столбов имели внизу базы в виде косых отливов или даже некоего подобия скоции, вогнутой кривой. В Кидекше таких баз нет, что, как увидим ниже, находит себе соответствие и на фасадах, где нет подобного цоколя, в Переславле присутствующего.

Резюмируя сказанное, отметим, что в интерьере церкви в Кидекше есть черты как усложнения, так и упрощения — по сравнению с собором в Переславле.

Декор фасадов

В Переславле в Спасо-Преображенском соборе западный и боковые фасады разделены на три прясла лопатками: довольно широкими в середине фасада и более узкими — на углах, где лопатки обходящие. Все средние лопатки имеют два вертикальных уступа, а обходящие западные углы лопатки тоже двухступчатые, но их уступчатые части расположены на смежных фасадах (восточные лопатки боковых фасадов имеют уступ с западной стороны и тоже обходят угол, но с востока, за углом, у них уступа нет). Посередине высоты основного тела храма проходит горизонтальный, косой в сечении уступ, отлив кладки; этот уступ переходит на лопатки, которые, таким образом, тоже устроены «с отливом». Этот же двухступчатый профиль переходит и на скругление арок закомар, так что закомары поддерживают этот мотив и являются, одновременно, его завершением.

Решение фасадов в Переславле достаточно просто, но очень убедительно: горизонтали отлива стены соответствует еще один «отлив» — уступ цоколя в основании стен. Две горизонтали и ряд из шести двухступчатых вертикалей, переходящих в арки, — вот основная схема фасада этого храма.

В Кидекше мастера отказываются от цоколя с уступом (отливом), здесь и стены, и лопатки вырастают из земли, что более привычно для церквей византийского круга. Фасады разбиты лопатками на три прясла, но если в нижней части мы видим уже знакомые нам по переславскому собору двухступчатые лопатки, то в уровне отлива кладки начинается нечто новое, ранее неизвестное. Если выступающие части этих лопаток проделаются и выше (то есть отлив кладки на лопатках в Кидекше отменен), то фланкирующие их прямоугольные уступы тоже следуют и выше, но в районе отлива они соединяются с плоскостью над арочками на консолях, как будто привешенными к этой узкой полоске, дополнительно усложненной лентой поребрика (это зажатые между двумя плоскостями камни, выступающие углом из углубления).

Этот тот же мотив, что мы видели на абсидах Спасо-Преображенского собора в Переславле: ограниченная по сторонам уступами плоскость, которая заканчивается арочными фестончиками, как будто привешенными к верхней границе. Только на абсидах переславского собора (и, мы уверены, что и на абсидах кидекшанского храма) эти плоскости, эти филенки высокие, тогда как в пряслах трех фасадов церкви Бориса и Глеба эти филенки устроены уже пониже, что сильнее выделяет саму форму, ограничивающую, останавливающую.

Выше отлива характер прясел меняется: дело в том, что в глубине отлива зарождается третий уступ лопаток. Этот дополнительный уступ не меняет сечений лопаток, они так и остаются двухступчатыми, но заглубляет плоскость самого прясла и арочной закомары над ним. В результате при первом, невнимательном взгляде, кажется, что лопатки расширились и сделались трехступчатыми, а потом оказывается, что мы имеем дело с вырезанной

в поле прясла нишей, повторяющей абрис прясла зрительно добавляющей уступ лопаткам и закомарам. Возникает тема слоистости фасада: помимо отлива кладки и зрительного утоньшения верхних частей прясел сюда добавлены арочные ниши.

Архитектор разыгрывает почти музыкальную тему отлива, утонения, облегчения. Эта тема подчеркнута самим отливом кладки, а также «привешенными» к нему в виде подзора полосой поребрика и арочками под ней. Достаточно простые окна с внешними раструбами (есть и внутренние раструбы) и арочными завершениями, а также перспективные арочные порталы в трех средних пряслах включены в складывающиеся отношения между верхними и нижними частями прясел. Внизу в пряслах расположены невысокие окна (только на западном фасаде) и крупные перспективные порталы, которые вместе, хотя и по-разному, дают представление о толщине и мощи стен. Вверху же высокие арочные окна с раструбами в какой-то степени вторят очертаниям верхних частей прясел, образуя своеобразное «ядро» этих прясел.

Отметим, что подобные окна в верхних частях прясел были и в Переславском соборе, но они там не были поддержаны третьим уступом обрамления этих полей: уступов было только два и окна были еще очень далеки от обрамления. Кроме того, в переславском храме не было окон в нижнем яруса наоса, тогда как в Кидекше мастер устроил два окна в боковых пряслах западного фасада, добавив света с западной стороны и тем самым осветив пространство под хорами, где в боковых стенах расположены аркосолии с саркофагами. Эти дополнительные окна вносят существенный усложняющий акцент в фасадную композицию, о чем говорилось выше.

Декор абсид

Алтарные полукружия церкви Бориса и Глеба дошли до нас не на всю высоту. Мы видим, что в боковых абсидах было по одному первоначальному окну, а в средней — три. От собственно декора до нас дошли лопатки по краям полукружий, необыкновенно важные для понимания иконографической схемы декора абсид.

У всех трех абсид в тех местах, где начинается скругление, находятся неширокие лопатки, изгибающиеся вместе со скруглением стены. Там, где сходятся кривые большой и малых абсид, лопатки сливаются в двойные, V-образные лопатки, две части которых исходят из угла. Понять назначение этих лопаток легко, если вспомнить подобные же формы в Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского: там такие же лопатки ограничивают выгнутые филенки, в которые заключено поле каждой абсиды. Филенки эти наверху завершаются пояском аркатуры, как будто привешенной к карнизу. Нет никаких сомнений в том, что в Кидекше на абсидах был тот же самый декор с филенками; возможно, была и аркатура наверху.

Выгнутые филенки, более высокие, чем нижние филенки фасадов, все равно должны были перекликаться с основной темой главного объема церкви в Кидекше. Мы видим здесь последовательно проведенный прием, узнаваемый и ясный.

Стиль

Перед нами, безусловно, романский стиль, продуманная и точная романника. Мастер, создавший эту фасадную декорацию, если и опирался на что-то, то на предшествующие памятники на Суздальской земле, созданные им же. В остальном он был свободен.

Но по сравнению с Переславским собором здесь выросла сложность, добавилась изощренность. Если мастер от чего-то и отказался, то от баз столбов и профилированного цоколя в основании стен, что, конечно, потеря, но связанная, видимо, с неким стремлением приблизиться именно в нижней части к безордерной древнерусской архитектуре. Зато выше эта безордерность заменена и превзойдена одновременно простым и сложным соотношением плоскостей, а также последовательным созданием рамок (филенок), заменяющих ордер в том, что касается порядка и соподчинения.

И в целом, и в деталях церкви в Кидекше чувствуется уверенность, знание. Мастер хочет создать формы, показывающие сразу ясность объема и логичность его членения на части. Одновременно немногочисленные детали (уступы, поребрик, арочки и раструбы) выполнены с точностью, они выверены и закончены. И если чего тут нет, то великолепия ордера и роскоши скульптуры. Но это отсутствие объясняется отсутствием изощренных резчиков по камню (для ордера, большого или малого)

Происхождение декоративной схемы и деталей

Основу декоративной системы фасадов составляют, как мы видели, лопатки и филенки, расположенные одна над другой в каждом прясле и ограниченные по сторонам лопатками. Нижние филенки завершаются аркатурой, а верхние — арочными тимпанами (закомар). Ничего абсолютно, в точности подобного в древнерусской архитектуре не было. Мы находим примерно такую же схему, но в другом варианте, примерно в то же самое время, в соборах Чернигова и Смоленска. В этих храмах видим подобную структуру прясел, но зрительно измененную до неузнаваемости: нижние филенки здесь высокие, а верхние, наоборот, очень невысокие, так что они сведены к полю закомар (становясь тимпанами). Эти филенки разделены поясом аркатуры ниже отлива кладки.

Можно считать, что и прясла церкви в Кидекше с примерно равными по высоте филенками, и прясла соборов Чернигова и Смоленска с высокими нижними филенками и расположенными над ними филенками-тимпанами являются двумя разными вариантами одной и той же схемы. Но откуда же взялась эта схема?

В готовом виде мы находим эту же схему фасадных членений в узком кругу памятников романского стиля в итальянской области Эмилия. В сооруженном на рубеже XI–XII веков соборе в Модене в каждом отделе всех фасадов видим ту же композицию, причем в варианте, который все же ближе к черниговско-смоленским храмам: нижнюю часть фасада образует высокая филенка, завершенная аркатурой, как будто подвешенной к уступу, выше которого идет ломбардская галерея, заключенная в невысоком прямоугольном поле, завершеном аркой. То же решение имеют фасады собора в Фер-

раре (заложен в 1135 г.), повторяющего собор в Модене. Приднепровские памятники прямо связаны с этой схемой, используют ее.

То же, что мы видим в Кидекше, вытекает из этой схемы, но не прямо, а через посредство собора в Переславле-Залесском. В этом храме был применен отлив кладки стен и лопаток примерно посередине высоты основного объема. Этот прием в Кидекше был обогащен и превращен в подобие двухчастной схемы храмов Эмилии и Поднепровья. Однако подобие это было развито так, что примерное равенство нижней и верхней филенки (найденное в Переславле) сохранялось, отличая почти принципиально этот вариант от уже известного. К тому же трехступчатые верхние филенки с закомарами тоже создавали оригинальный образ. В Северо-Восточной Руси итальянские мастера создали новый вариант моденской иконографической схемы. И как многим удачным решениям, этому новому варианту предстояло развитие, новая жизнь.

Будущее: церкви Бориса и Глеба в Кидекше и Покрова на Нерли

Мастер или мастера, которые в конце 1150-х или начале 1160-х годов построили церковь Покрова на Нерли, могли использовать церковь Бориса и Глеба в Кидекше в качестве опоры, не образца, а отправной точки. Они могли начать усложнение форм с того, что церковь в Кидекше была воспринята ими как каркас, который следует не переработать, а доработать.

Всю группировку объема, всю систему устройства оболочки храма Бориса и Глеба в Кидекше внутри и снаружи мастера церкви Покрова взяли за основу. План повторен практически полностью, устройство хор в западной части, крестообразные столбы, уступы перед абсидами — все это было перенесено в новый храм. Но затем мастера церкви Покрова вытянули вверх взятый за основу объем. Это создало новые соотношения и в интерьере и на фасадах. Это был очень заметный шаг — скачок в высоту.

Далее имевшиеся в исходном каркасе формы стали дополнять: внутри у столбов вновь появились профилированные базы. Кроме простых капителей в уровне основания арок под хорами появились капители арок наверху храма — в виде лежащих львов.

На фасадах работа была более сложной. В основании стен и лопаток храма появился профилированный цоколь. На все лопатки наложили колонны, причем на огибающие углы лопатки колонны были наложены на углу, как будто по диагонали. Колонны были устроены с резными коринфскими капителями. В разделяющем верхние и нижние части прясел поясе к аркатуре были «привешены» колонки на консолях. Возник аркатурно-колончатый пояс.

А прясла с филенками были дополнительно усложнены: если в нижнем прясле церкви Бориса и Глеба лопатки, ограничивающие по бокам филенки, были двухступчатыми, то в церкви Покрова они стали трехступчатыми, что создало дополнительную слоистость; третий, внутренний уступ перешел и на аркатуру, которая стала двухступчатой.

В верхних пряслах перемены были радикальнее. Напомним, что в Кидекше вверху арочные филенки имеют три уступа. В церкви на Нерли их стало четыре. Но если в Кидекше все уступы прямоугольные в сечении, то в церк-

ви Покрова устроены перемежающиеся прямоугольные уступы и скругленные тяги или валики. Профиль получается сложным: сначала от плоскости фасада и закомары идет вглубь прямоугольный профиль, потом идет валик, потом еще один прямой уступ и, наконец, опять валик, примыкающий к плоскости филенки. Этот самый сложный профиль был развитием и усложнением темы слоистости, но иконографически он был заимствован, по всей видимости, из профиля окон, которые имеют похожие перемежающиеся уступы и валики (такие окна в итальянской архитектуре не редкость, тогда как так сложно профилированные арки не встречаются).

На абсидах церкви Покрова декор тоже был последовательно усложнен: лопатки в исходящих частях полукружий были сохранены, но получили двухступчатый профиль, как и в нижних частях прясел; в поле выгибающихся филенок были вставлены малые колонки, поднимающиеся до уровня аркатурно-колончатого пояса и как будто заменяющие некоторые из его колонок.

Про декор барабана церкви Покрова можно сказать только, что это еще один пример сложности, однако сравнить его с Кидекшей мы не можем, поскольку в церкви Бориса и Глеба первоначальный барабан отсутствует. И верх абсид храма Покрова и его барабан можно было бы сопоставить с барабаном собора в Переславле (откуда наверняка мастера церкви Покрова заимствовали городки), но это не совсем корректно: между этими памятниками находится церковь в Кидекше, где названные части не сохранились. Однако мы чувствуем, что в храме на Нерли и в этих деталях развит и обогащен предыдущий вариант.

Из приведенного анализа связей церкви Бориса и Глеба в Кидекше с церковью Покрова на Нерли могло возникнуть ощущение, что первый памятник является только ступенью в восхождении ко второму. В какой-то мере так и есть. Но если даже не забывать о последующем развитии, а только взглянуть на тот памятник, который является предметом нашего рассмотрения, то в Кидекше мы обнаружим самостоятельную систему фасадного декора, а также интересную и не совсем обычную интерпретацию древнерусского храмового типа. То есть в этом храме есть свои собственные достоинства, это не столько ступень, сколько самостоятельное звено некоей цепочки храмов и, соответственно, художественных решений. Перед нами свидетельство развития (от Переславля к Кидекше и далее — к храму на Нерли), но это именно звено в цепи развития, законченное, самостоятельное, логически продуманное.

Церковь Бориса и Глеба в Кидекше является неким эквивалентом наших представлений о придворной жизни в Северо-Восточной Руси при князе Юрии Долгоруком. Благочестие, проявлением и памятником которого было строительство и украшение церквей, было частью придворной, княжеской жизни.

Все в этой придворной жизни, при отсутствии местной художественной традиции, поневоле должно было быть заимствовано: мастера каменного дела получены где-то далеко, в романских землях, может и в Италии, тип храма взят в южнорусской архитектуре, там же, если не в Византии взяты мастера стенового письма, расписавшие стены церкви. Но помимо этих за-

имствованных форм, из того, что было взято на стороне, постепенно возникают формы местные, сложившиеся (пусть при прямом участии иностранных мастеров) здесь, на суздальской земле. Пришлилые мастера постепенно меняют декоративную систему фасадов (и, в меньшей степени, систему освещения), причем движутся в сторону все более сложной и, что важнее, законченной системы.

Церковь в Кидекше представляет собой цельный образ, в котором простые и ясные формы в целом не слишком вертикального храма уже обогащены достаточно прихотливым декором, причем декором не столько «навесным», сколько структурным, спаянным с объемом декором, подчеркивающим сложность, слоистость, глубину пространства — что в интересе, что, в большей степени, на фасадах. Эта сложность была подарком мастеров, сумевших изменить первоначальный образ и создать в Кидекше новый. Этот новый образ встраивался в придворную жизнь, в княжеский обиход, где молитва в богато украшенном и сложном по архитектуре храме была частью внешней и внутренней жизни властелина и его окружения.

Сам князь если и влиял на художественную сторону жизни, то тем, что принимал предложенную ему сложность. Он оплачивал и обеспечивал возведение храма в таких формах и такого уровня сложности. Влиять на формальную сторону структуры и деталей декора князь почти не мог.

Это приятие князем предложенного уровня сложности архитектуры обеспечивало мастерам почти неограниченный кредит доверия. И они воспользовались им, постепенно создавая все более изысканную архитектуру. Именно изысканность, неожиданную, почти неуместную в уже освоенных, но еще не слишком окультуренных, молодых землях Залесья, сумели культивировать мастера Кидекши. Эти мастера, наверняка приезжие, более того, иностранные, продолжали на Владимиро-Суздальской земле вести диалог с идеальными формами, воплощая эти идеальные формы во все более изысканные схемы декорации фасада.

С точки зрения общественной эти мастера были обслуживающими власть ремесленниками, владевшими некими тайнами или даже просто трудно наживаемыми навыками, нужными при создании каменной архитектуры. С точки зрения художественной это были изощренные в своем деле артисты, продолжавшие и в отрыве от своей родной земли пробовать все новые и новые соотношения масс и плоских форм, создавать все более и более продуманную декорацию, в которой изысканность становилась синонимом законченности.

В Кидекше эта изысканность еще привита к монументальной и сдержанной трактовке объема церкви в целом. Эта монументальная трактовка связана с православной традицией того времени, она опиралась как на одновременные храмы Поднепровья и Новгорода (скорее — первые, хотя то же качество присуще и вторым), так и на архитектуру Византии эпохи Комнинов (в опосредованном виде — через Поднепровье). Эта монументальность, даже массивность, эта сдержанность высоты и соотношенность ширины и высоты, все это принадлежит древнерусской традиции, которую пришлилые мастера еще не могли изменить.

Может быть, они и не были еще способны изменить ее. Но они уже придумали — как одеть монументальный, хотя и небольшой храм в изысканные романские одежды. Был найден способ усложнить фасады (и добавить некоторые акценты в интерьере), а это обновило трактовку храма в целом. Такое введение романского стиля похоже на подновление метафоры в поэзии: само сравнение остается прежним, но остранным, делается вновь необычным.

И в этой новой трактовке самую большую роль играли затейливость и сложность продуманного и точно дозированного (без перенасыщения) архитектурного декора. Эти качества, затейливость и сложность, можно рассматривать как одни из форм изысканности, передачи сложности и проработанности чего-то: церковной службы, княжеской жизни, придворного благочестия и придворного этикета. В церкви в Кидекше эта изысканность выражена в двухъярусных филенках стены, аркатуре в сочетании с поребриком и косым отливом стены, ступенчатыми профилями лопаток и закомар.

Эта архитектурная изысканность со временем вылилась в архитектуру церкви Покрова на Нерли, архитектуру великолепную, граничащую, но не переходящую в роскошь.

Список литературы

1. Антипов И. В., 2000. Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета.

2. Антипов И. В., 2002. // Искусство Древней Руси и его исследователи. Сборник статей. Вып. 6. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. С. 261–268.

3. Варганов А. Д., 1958. К вопросу методики исследования и реставрации памятников древней архитектуры (из опыта Суздальского реставрационного участка Владимирской научно-реставрационной мастерской) // Практика реставрационных работ. Сборник 2. М., Государственное издательство по строительству, архитектуре и строительным материалам. С. 19–34.

4. Вахтанов С. Н., 2009. Реставрация церкви Бориса и Глеба в Кидекше. 1995–2008 гг. // Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Материалы исследований. Научно-практическая конференция 22–23 декабря 2008 г. Владимир. С. 62–66.

5. Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Том I. XII столетие. М.: Издательство Академии наук СССР.

6. Глазов В. П., 1995. Археологические исследования памятников зодчества XII–XIII вв. в Кидекше и Суздале // Археологические открытия 1994 года. М.: Институт археологии РАН. С. 81–82.

7. Гордин А. М., 2006. К реконструкции иконографического состава и уточнению даты росписи церкви Свв. Бориса и Глеба в Кидекше // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 262–290.

8. Иоаннисян О. М., 1988. Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши // Acta Archaeologica Carpatica. Tom. XXVII. Scaeviae. С. 185–218.

9. Иоаннисян О. М., 1996. Польско-русская и венгерско-русская границы в XI–XIII веках и их отображение в развитии средневековой архитектуры // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Rzeszów. P. 157–178.

10. *Иоаннисян О. М.*, 2002. К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI — начале XIII в. // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 206–230.

11. *Иоаннисян О. М.*, 2006. Об одной малопольской строительной артели романского времени (опыт реконструкции творческого почерка) // СΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М.: Северный паломник. С. 199–224.

12. *Иоаннисян О. М.*, 2012. Зодчество первой половины — середины XII века // История русского искусства. М.: Государственный институт искусствознания. Глава «Владими́ро-Суздальское княжество». С. 143–157.

13. *Комеч А. И.*, 1966. Рабочий метод зодчих Владимиро-Суздальского княжества XII в. // Советская археология. 1966. № 1. С. 77–91.

14. *Лифшиц Л. И.*, 1997. К вопросу о реконструкции программ храмовых росписей Владимиро-Суздальской Руси XII в. // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания. М.: Модус. С. 156–174.

15. *Раннопорт П. А.*, 1982. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л.: Наука.

16. *Седов Вл. В.*, 2013. Синтез романских и древнерусских форм в храмах Ростово-Суздальской земли середины XII века // Polska — Rosja: Sztuka i historia. Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne do końca XIX wieku/Польша — Россия: Искусство и история. Польское искусство, русское искусство и польско-русские художественные контакты с XII до конца XIX века. Warsaw — Toruń. P. 45–55.

17. *Седов Вл. В.*, 2015. Омфалий церкви Бориса и Глеба в Кидекше и подобные формы в интерьерах древнерусских храмов // Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. Москва — Вологда: Древности Севера. С. 349–364.

18. *Седов Вл. В., Папин И. В., Шполянский С. В., Милованов С. И., Федорина А. Н.*, 2015. Церковь свв. Бориса и Глеба в Кидекше по результатам работ 2011–2012 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 269–272.

19. *Седов Вл. В.*, 2017. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском и церковь Петра и Павла в Смоленске: Два варианта синтеза древнерусской и романской архитектуры // Древнерусское искусство. Византийский мир: Региональные традиции в художественной культуре и проблемы их изучения. К юбилею Э. С. Смирновой. М.: Государственный институт искусствознания. С. 227–239.

20. *Седов Вл. В.*, 2018. О конструкции в жертвеннике церкви Бориса и Глеба в Кидекше // Российская археология. 2018. № 3. С. 134–140.

21. *Седов Вл. В.*, 2019. Белокаменные саркофаги в аркосолиях церкви Бориса и Глеба в Кидекше // Краткие сообщения института археологии (КСИА). Вып. 255. М.: ИА РАН, 2019. С. 287–307.

22. *Сычев Н. П.*, 1951. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого // Сообщения Института истории искусств. Вып. 1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 51–62.

23. *Чукова Т. А.*, 2004. Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб.: Петербургское востоковедение.

Иллюстрации

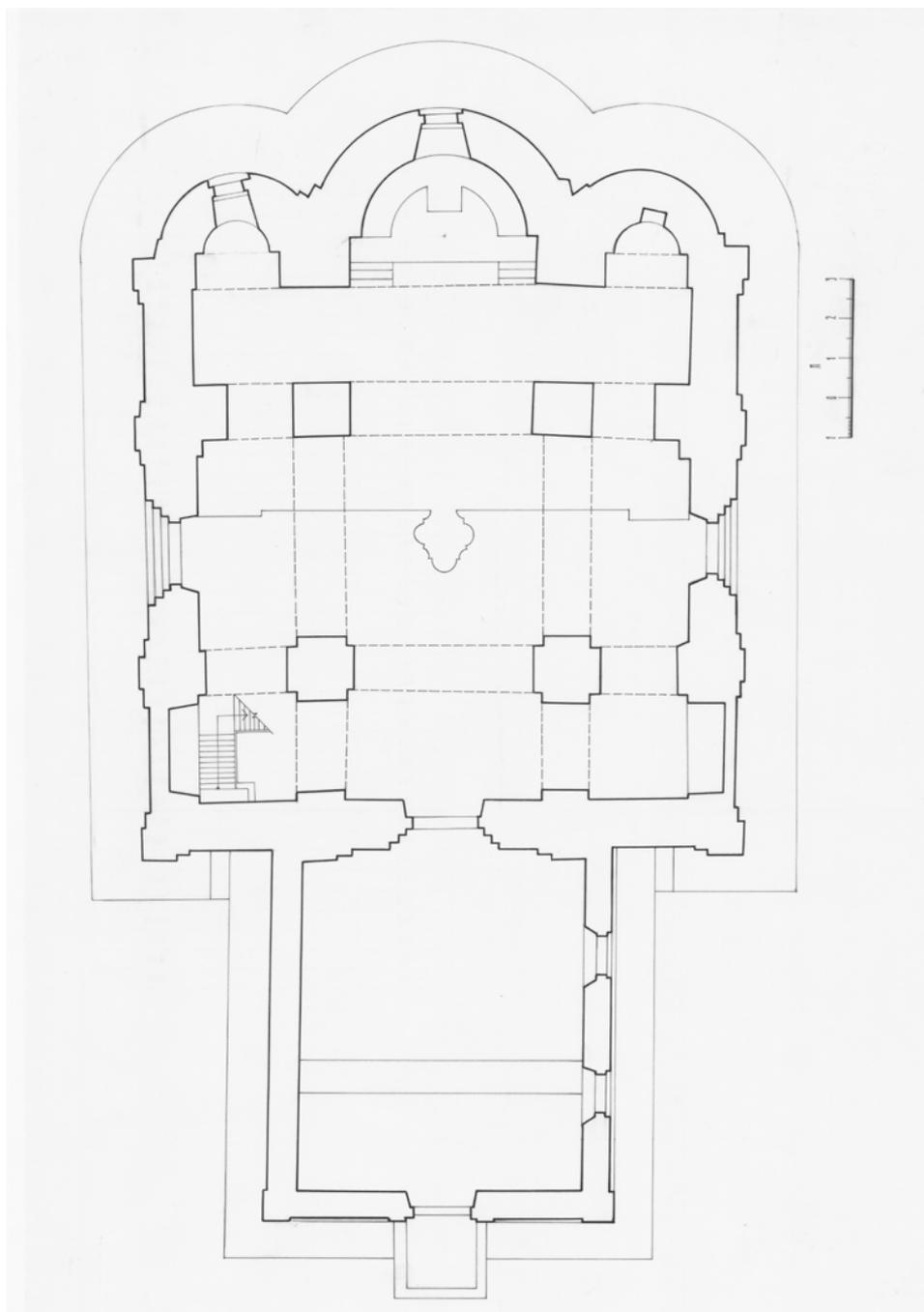
Илл. 1. Кидекша. Вид на церковный комплекс с птичьего полета

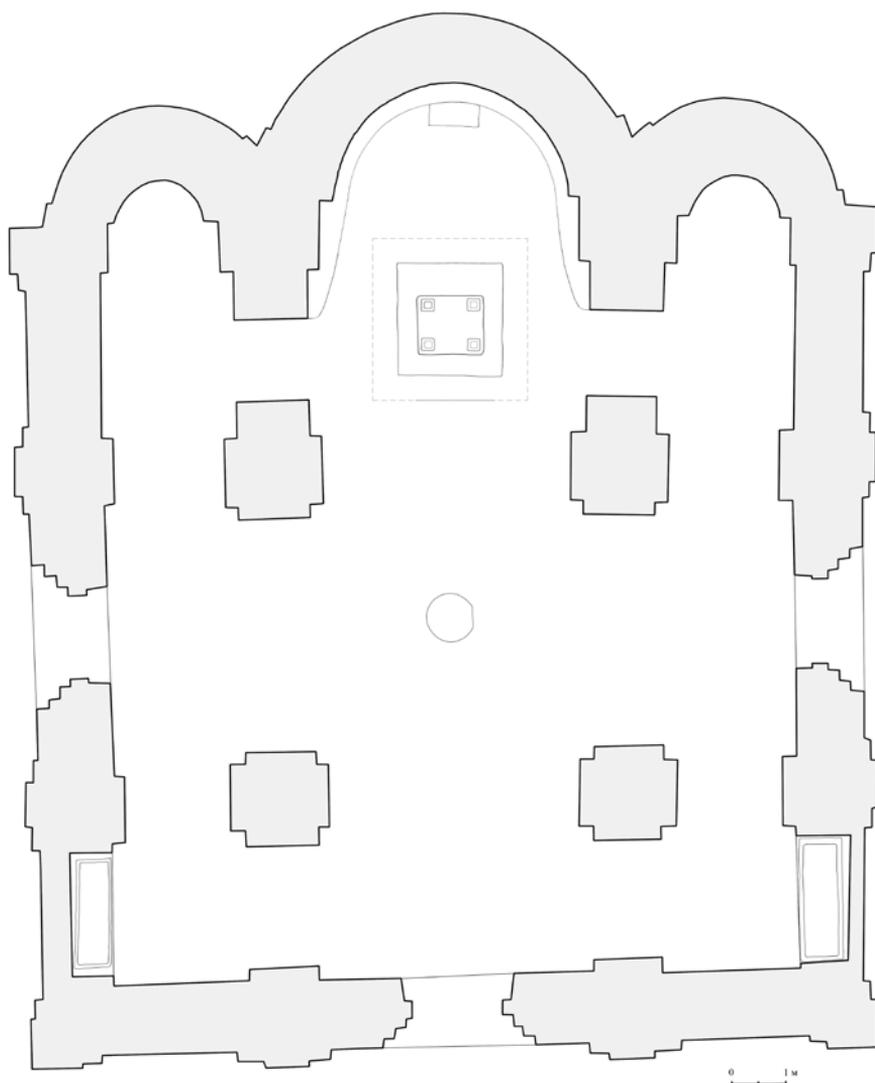
Илл. 2. Церковь Бориса и Глеба в Кидекше. Вид с юго-востока

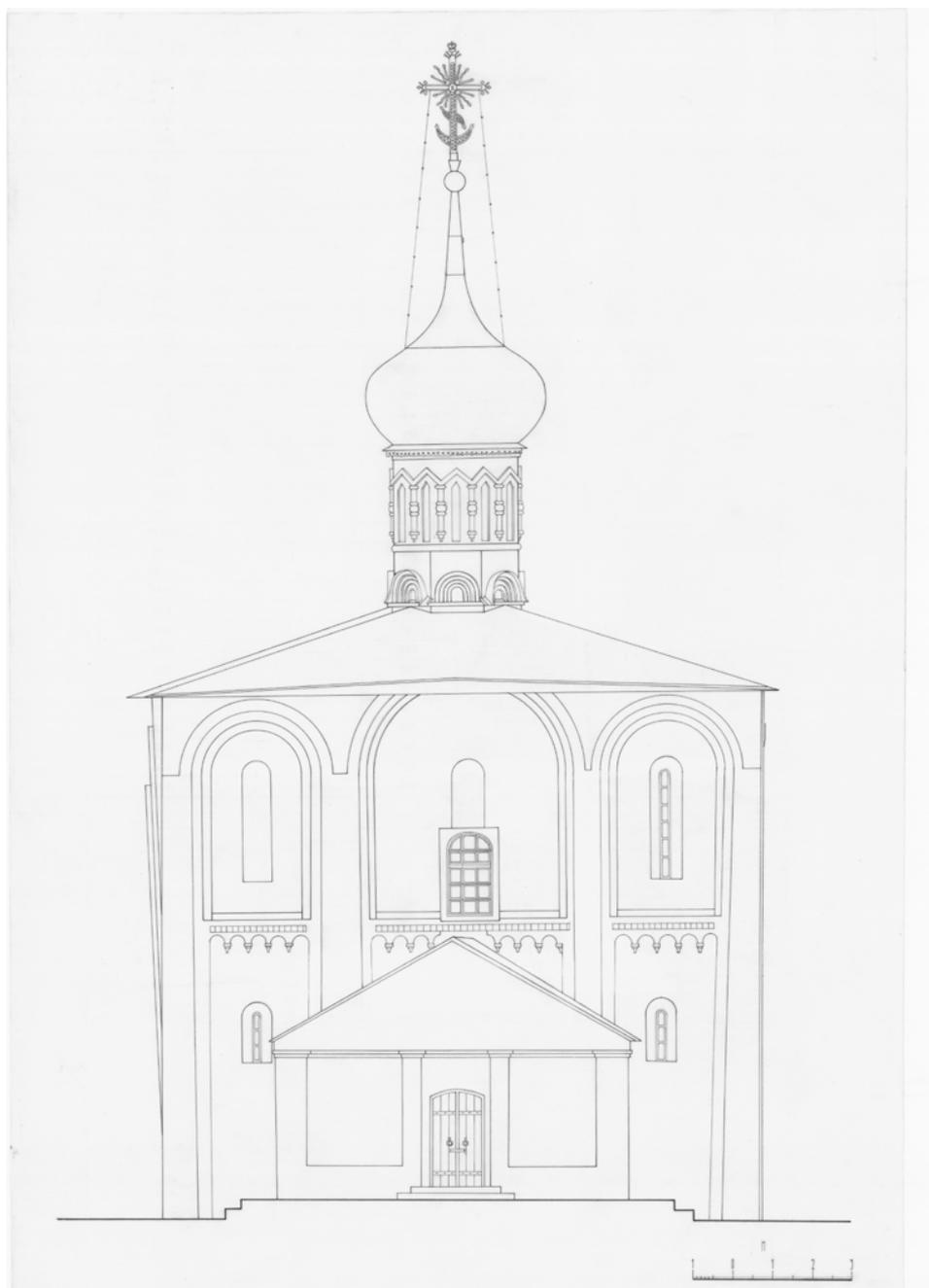
Илл. 3. Церковь Бориса и Глеба в Кидекше. Вид с северо-запада

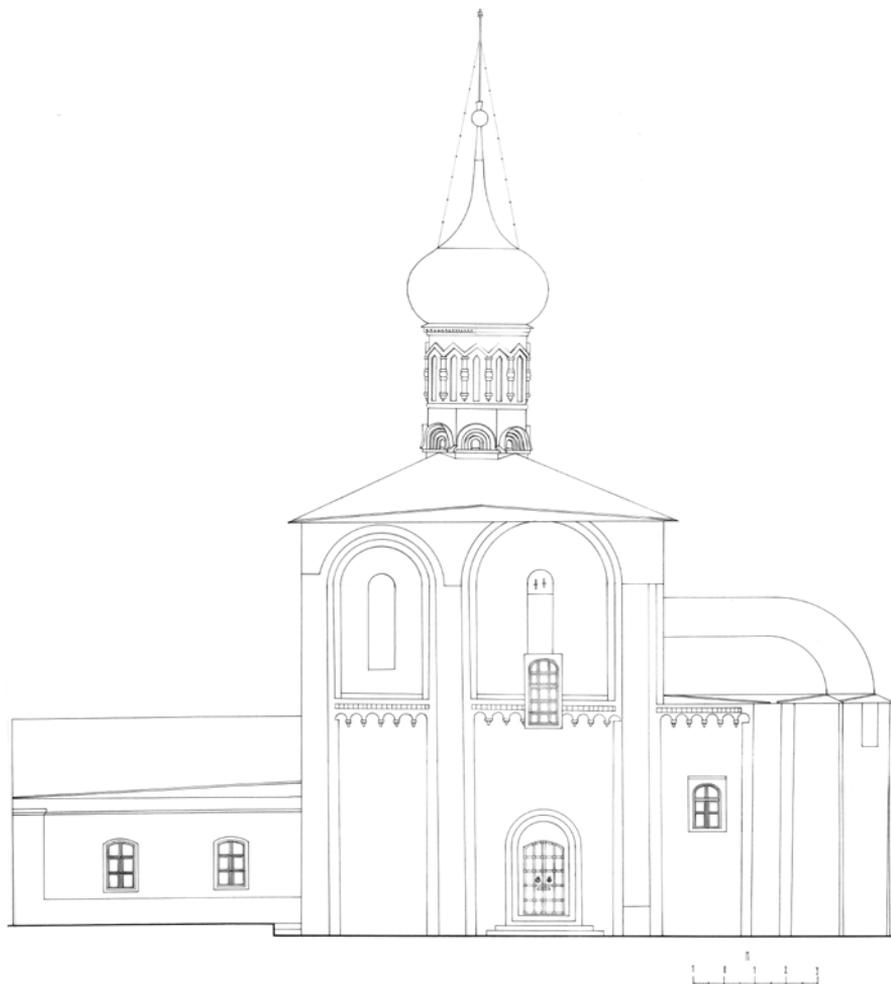
Илл. 4. Современный план церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Илл. 5. Реконструкция плана церкви Бориса и Глеба на середину XII века. Чертеж Ю.С. Фомичевой по материалам автора

Илл. 6. Западный фасад церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Илл. 7. Южный фасад церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Илл. 8. Северное прясло западного фасада церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Илл. 9. Северный портал церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Илл. 10. Интерьер церкви Бориса и Глеба в Кидекше. Вид на хоры с северо-востока

Илл. 11. Фигурная капитель лопатки в средней арке под хорами церкви Бориса и Глеба

Илл. 12. Вид пространства на хорах церкви Бориса и Глеба с севера

Особенности рецепции Хроники Шеделя в России XVI–XVII вв.

А. В. Сиренов

В XVI–XVII вв. российское общество знакомилось с западноевропейской культурой хотя и не столь интенсивно, как в XVIII в., но постоянно и непрерывно. Этот процесс, начавшись в конце XV в. приглашением в Москву итальянских архитекторов, ювелиров и врачей, в течение двух столетий подготовил российское общество к восприятию петровских реформ. Немалое значение в деле знакомства «московита» с европейской культурой играли западноевропейские издания, проникавшие на территорию России в XVI–XVII вв.

В XVI в. в России складывался новый формат исторического повествования. Средневековые жанры летописи или византийской хроники уже не устраивали читателя, который хотел видеть в историческом повествовании сюжет, концептуальное построение материала, наконец, авторскую позицию. Эти «вызовы времени», разумеется, не появлялись сами собой, а во многом являются следствием знакомства с историческими сочинениями западноевропейской традиции. Не случайны заимствования из Хроник Мартина Бельского и Конрада Ликостена в составе Хронографов западно-русской редакции и редакции 1617 г. [Попов, 1869: 111–116], а также факт перевода на русский язык текста этих хроник в 1584 г. (Хроника Бельского) и в 1599 г. (Хроника Ликостена) [Лазаревский, 1860: 390].

Русским книжникам XVI в. была известна и наиболее крупная опубликованная западноевропейская Хроника Гартмана Шеделя, увидевшая свет в 1493 г. в Нюрнберге [Reske, 2000]. Одновременно вышло два издания Хроники — на латинском и немецком языках. Замечательная особенность Хроники Шеделя заключается в обилии иллюстраций, большую часть из которых гравировал учитель знаменитого Альбрехта Дюрера — Михаэль Вольгемут. В работах целого ряда исследователей показано, что московским миниатюристами середины XVI в. Хроника Шеделя была знакома. Именно оттуда срисованы отдельные композиции, архитектурные элементы и корабли в Учительном Евангелии РГБ, собр. Е. Е. Егорова 80, Лицевом Житии Николы РГБ, собр. С. Т. Большакова 15, в так называемом Чудовском сборнике РГБ, собр. Е. Е. Егорова 1844 и других памятниках книжного искусства Москвы середины — второй половины XVI в. [Султанов, 1881; Неволин, 1996: 73–82; Неволин 2010: 67–70; Антонова, 1996]. Чтобы продолжить этот ряд, следует обратиться, прежде всего, к Лицевому летописному своду как русскому варианту иллюстрированной всемирной хроники. Заслуживает внимания наблюдение И. Б. Вишни, что из десяти томов Лицевого свода к иконографии западноевропейских гравюр ближе миниатюры первого тома, так называемого Музейского сборника [Вишня, 2011]. Это объясняется тем обстоятельством, что в процессе подготовки Лицевого свода у миниатюри-

стов формировался свой стиль. Таким образом, иконографические образцы в большей степени проявлялись в начале работы, чем в конечных текстах.

Первые миниатюры Музейского сборника изображают сотворение мира. Изображение сотворенного мира в виде сферы с ангельскими силуэтами и благословляющей дланью, по нашему мнению, восходит к Хронике Шеделя. Отметим, что подобным образом сотворение мира было изображено в первых клеймах иконы Троица в житии, которая находилась в одном из кремлевских соборов. Ее иконография отразилась в ряде икон второй половины XVI в. Вероятнее всего, в данном случае заимствование из Хроники Шеделя произошло через посредство русских списков иллюстрированной версии Христианской топографии Козьмы Индикоплова, испытавшей, в свою очередь, влияние гравюр Хроники Шеделя. Так или иначе, сюжеты сотворения мира, рождения Евы из ребра Адама и строительства Вавилонской башни в русских списках Христианской топографии и в Лицевом своде восходят к гравюрам Хроники Шеделя. Возможность этого признавал исследователь миниатюр Христианской топографии Е.К. Редин [Редин, 1916: 95]. Т.Б. Вилинбахова, исследовавшая икону XVI в. «Троица в деянии», происходящую из суздальского Покровского монастыря, отмечала влияние на иконографию некоторых клейм иконы миниатюр Христианской топографии [Вилинбахова, 1985: 136; Серебрякова, 1992: 77]. Также очевидны иконографические параллели первых клейм иконы «Троица в деянии» и миниатюр Лицевого свода, изображающих дни творения и грехопадение Адама. Все эти наблюдения свидетельствуют о сложных путях иконографических заимствований в русском изобразительном искусстве середины — второй половины XVI в. Иконографические заимствования из Хроники Шеделя использовались московскими художниками XVI в. и в книжной миниатюре, и в станковой живописи.

Если для XVI в. можно констатировать знакомство только с иллюстрациями издания Хроники Шеделя, то в традиции XVII в. нам известны случаи обращения к тексту латинского издания хроники. В рукописи 30-х гг. XVII в. РГБ. Ф. 726 (собр. И. К. Андропова) 2 после текста Сказания о Словене и Русе помещена «Выписка из латинского летописца». Заслуживает внимания сама рукопись, содержащая редкие для своего времени тексты. Согласно наблюдениям Н.В. Савельевой, рукопись происходит из Соловецкого монастыря, но отражает круг текстов, бытовавших в кругах, близких к московскому Печатному двору, среди справщиков которого в то время подвизались и монахи Соловецкого монастыря [Савельева, 2008: 124–125]. Так, список Сказания о Словене и Русе в этой рукописи — древнейший в рукописной традиции [Гольдберг, 1982: 50–62; Лаврентьев, Турилов, 1996: 19–25; Буланин, 1998: 445]. Текст «Выписки из латинского летописца» представляет самостоятельный интерес. Во-первых, изложение библейской истории сопровождается ссылками на три грамоты: «1-я грамота», «2 грамота», «третья грамота». Что имеется в виду — непонятно. Во-вторых, с отдельными героями ветхозаветной истории связывается происхождение того или иного народа. Так, к Ною возводятся халдеи, к Сале — «самаряне и индияне», к Еверу — евреи. Все эти этногенетические легенды в конце XV–XVI вв. бытовали в Западной Европе и восходят к трактату Джованни Нанни, так называемому Псевдо-Берозу [Доронин, 2018: 20–29]. Необычным в «Выписке из латинского лето-

писца» оказывается возведение руси через скифов к праотцу Серуху, потомку Сима, сына Ноя. Подобная схема неизвестна другим западноевропейским историческим сочинениям раннего Нового времени.

Можно утверждать, что источником «Выписки из латинского летописца» является латинское издание Хроники Шеделя, в тексте которой, действительно, происхождение отдельных народов связано с тем или иным библейским персонажем. Так, об Арфаксаде сказано: «Ab isto Arphaxat emersere chaldei...» [*Schedel*, 1493: 15v] (От этого Арфаксада происходят халдеи). В Выписке этот текст передан почти дословно: «По потоке Сим, сын Ноев, роди Арфаксада, от него же халдеи». Иная ситуация с праотцом Серухом, сыном Рагава. О нем в оригинальном тексте Хроники сказано следующее: «Saruch filius Ragau natus est anno mundi 2905 vixit ante annis 230 et mortus est» (Серух, сын Рагава, родился в 2905 году от сотворения мира, прожил до 230 лет и скончался). В Выписке этот текст передан с существенными изменениями: «Рагав роди Серуха, при сем начатся царство Скифское, се и Русь. В лето 2905 Русское царство скифское». Дата рождения Серуха в Выписке обозначена как начало русского скифского царства. отождествление руси со скифами присутствует ещё в Повести временных лет. Есть оно и в Сказании о Словене и Русе, которое читается в той же рукописи, что и Выписка, и даже находится с ней в непосредственном соседстве. Таким образом, попытка связать общим происхождением Русь со скифами не нова. Заслуживает внимания предпринятый автором Выписки поиск созвучия: «Серух» — «се и Русь». Подобные этимологические фальсификации использовались в русской книжности XVI–XVII вв. [*Сиренов*, 2018: 71–72].

В целом, Выписка представляет собой краткий пересказ библейской и античной истории по тексту Хроники Шеделя. Не имея возможности даже предположить, кто был автором Выписки, отметим, что сборник Андрон. 2 содержит тексты, обращавшиеся в среде московских книжников второй четверти XVII в., когда интерес к проблеме происхождения русского народа был весьма актуален.

Среди экземпляров Хроники Шеделя, бытовавших в XVII в. в России, выделяется один, хранящийся ныне в библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН (СПбИИ РАН. II Ф. 1). Эта книга в XIX в. принадлежала П. А. Муханову, от которого поступила в Археографическую комиссию [*Каталог*, 2006: 136–137]. Для нашей темы гораздо важнее другое обстоятельство: в XVII в. книгой владел выдающийся государственный деятель России XVII в. боярин Борис Иванович Морозов. Поскольку большинство книг Б. И. Морозова уже в XVII в. оказалось в библиотеке возглавляемого им Аптекарского приказа, то Е. А. Савельева справедливо предположила, что и рассматриваемый экземпляр Хроники Шеделя также был передан Морозовым в это учреждение. Важно и другое наблюдение Е. А. Савельевой: ряд книг из собрания Морозова имеют записи о бытовании в Вильно, что позволяет видеть в них трофеи войны 50-х гг. XVII в., в которой Б. И. Морозов принимал самое непосредственное участие¹. Экземпляр хроники Шеделя

¹ Маргиналии на экземплярах Хроники Шеделя в настоящее время являются объектом исследования (см.: <https://nurembergchronicle.co.uk/>, дата обращения 29.05.2020).

на первом листе индекса содержит владельческую запись 1630 г. профессора Виленской иезуитской академии Николая Дикия. Его маргиналии имеются и на некоторых страницах книги. Следовательно, в Россию эта книга, скорее всего, попала только в середине XVII в. По-видимому, уже в России был осуществлен перевод подписей к гравюрам на русский язык. Русские тексты подписей выполнены аккуратным книжным полууставом. В большинстве случаев русская подпись точно соответствует латинскому оригиналу, являясь его переводом. Но иногда русский перевод оказывается полнее и подробнее [Савельева, 2008: 24–25]. Это свидетельствует об образованности и начитанности переводчика. Е. А. Савельева предположила, что им был личный библиотекарь Б. И. Морозова Северин Щетинин. На некоторых книгах, принадлежавших Морозову, владельческая запись сделана рукой Щетинина. К этой группе книг относится и экземпляр Хроники Шеделя. На его первых листах, попавших при позднейшем переплетении в конец кодекса, читается полистная запись: «Книга Хроника боярина Бориса [...] Морозова [...] подписал Северешка Щетинин»². С отождествлением Щетинина и автора русских подписей нельзя согласиться, потому что их почерки существенно разнятся. Однако не все русские подписи сделаны одним почерком. На л. IX об. и на л. X помимо выполненных стильным полууставом подписей имеются и другие, написанные неровной скорописью. Часть из них впоследствии оказалась стертой, и на их месте появились другие, выполненные стильным полууставом. Но большинство первоначальных подписей осталось. Так, на левом поле л. IX об. читаются две отсезанные при позднейшем переплете подписи: против гравюры с изображением жертвоприношения сыновей Ноя — «Снесе жертву Богу [...] же день от земли», против гравюры с изображением братоубийства Каина — «Молвил брату своему: «Поидем на поле». Брата Авела убил». Важно отметить, что некоторые скорописные подписи не соответствуют тем изображениям, которые комментируют. Так, над гравюрой, изображающей праотца Мафусаила, подписано «Малелеил», а над изображением Малелеила — «Мафусаил». Над изображением праотца Ераха написано «Ламех», а над портретом Еноха — «Раидаз» (возможно, имеется в виду отец Еноха Иаред?). Очевидно, что автор подписей был не в состоянии прочесть и понять текст Хроники. Близость этой скорописи к почерку Щетинина (особенно характерна буква «р»)³ позволяет предположить, что именно Щетинин сделал первую попытку снабдить гравюры издания Хроники русскими подписями. Однако сразу же стала очевидна его неспособность к такой работе. По всей видимости, в этот момент был привлечен более квалифицированный специалист, который и выполнил стильным полууставом основной комплекс русских подписей. Можно думать, что эта работа была инициирована самим владельцем книги Б. И. Морозовым.

Таким образом, особенности обращения к Хронике Шеделя в России в XVI в. и в XVII в. существенно отличаются. В XVI в. обращались в основ-

² Е. А. Савельева имя Щетинина ошибочно прочитала как «Северинка», хотя она читается вполне определенно — «Северешка» [Каталог, 2006: 24, 177].

³ Воспроизведение почерка С. Щетинина см.: Каталог, 2006: 314, 329, 330, 333, 334, 380.

ном к гравюрам издания Хроники, широко используя их в качестве иконографического источника для книжной миниатюры (по преимуществу, в столичных книгописных центрах)⁴. В XVII в. Хроника Шеделя по-прежнему представляла интерес для русского читателя, но для этого времени уже фиксируются попытки знакомиться с самим текстом издания. Пока нам известно только два таких случая, но их наверняка гораздо больше.

Хроника Шеделя — памятник, без сомнения, важный, но обращение к нему в позднесредневековой России не носило систематического характера. Однако даже на приведенных частных примерах можно видеть качественное отличие в восприятии западноевропейской культуры в России в две эпохи, предшествующие целенаправленной вестернизации — XVI в. и в XVII в.

Список литературы

1. Антонова Л. И. Иллюстрации Жития Николая Чудотворца из собрания Т. Ф. Большакова и деятельность царской мастерской в третьей четверти XVI в.: Автореф. дисс. канд. иск. М., 1996.
2. Буланин Д. М., Турилов А. А. Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 444–447.
3. Вилинбахова Т. Б. Икона XVI в. «Троица в деяниях» и ее литературная основа // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 126–137.
4. Вишня И. Б. Лицевой летописный свод. 100 шедевров. М., 2011.
5. Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13. С. 50–62.
6. Доронин А. В. Европа рубежа XV–XVI вв.: на пороге новой истории (взгляд с Запада) // Нарративы Руси конца XV — середины XVIII вв.: в поисках своей истории/отв. сост. А. В. Доронин. М., 2018.
7. Каталог книг из собрания Аптекарского приказа/Сост. Е. А. Савельева. СПб., 2006.
8. Лаврентьев А. В., Турилов А. А. «Повесть о Словене и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи: Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени: Тезисы докладов. М., 1996. С. 19–25.
9. Лазаревский А. М. Записка о Русском хронографе // Известия ОРЯС. 1860. Т. 8. Вып. 5. С. 115–128.
10. Неволин Ю. Н. Влияние идеи «Москва — третий Рим» на традиции древнерусского изобразительного искусства // Искусство христианского мира: Сб. ст. М., 1996. Вып. 1. С. 73–82.
11. Неволин Ю. Н. Житие Николая Чудотворца // Лики Летописи: К 70-летию В. В. Морозова. М., 2010. Ч. 1. С. 67–70.
12. Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2.
13. Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. 1916.

⁴ Впрочем, более чем вероятно существование экземпляров Хроники Шеделя с русскими маргиналиями XVI в. Один такой экземпляр в 2012 г. был продан частному лицу на московском аукционе «Доме антикварной книги на Никитском». Судя по представленным на сайте аукциона фотографиям, на страницах хроники сделаны подписи на русском языке, выполненные скорописью XVI в. (см.: <https://ria.ru/20121119/9111292695.html>, дата обращения 13.01.2019).

14. Савельева Н.В. Стихотворная антология «Предисловия многообразна…» (вопросы атрибуции и истории текстов в связи с деятельностью московского Печатного двора 30-х — начала 50-х годов XVII века) // Книжная старина. Сб. науч. ст. СПб., 2008. Вып. 1.

15. Серебрякова Е.И. О двух лицевых Индикопловах XVI в. из Музейского собрания ГИМ // И. Е. Забелин. 170 лет со дня рождения: Мат-лы науч. чтений ГИМ. 29–31 октября 1990 г. М., 1992. Ч. 2. С. 70–78.

16. Сиренов А.В. Русское историописание XV–XVII вв.: в поисках своей истории // Нарративы Руси конца XV — середины XVIII вв.: в поисках своей истории/отв. сост. А.В. Доронин. М., 2018. С. 59–79.

17. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903.

18. Султанов Н.В. Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. СПб., 1881. 58 с.

19. Reske Ch. Die Produktion der Schedelschen Weltchronik in Nürnberg. Harrassowitz; Wiesbaden, 2000.

20. Schedel H. Registrum huius operis libri cronicarum cu [m] figuris et imagi [ni] bus ab inicio mu [n] di. Nürnberg, 1493.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.016

«Академия рискует остаться без Галилея, а Галилей будет отдан под надзор как сомнительный элемент»: академик С. Ф. Ольденбург как зеркало русской академической науки конца 1920-х — начала 1930-х гг.

В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин

Академик Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) в течение четверти века руководил российской и советской академической наукой в должности неперменного секретаря Академии наук: с 1904 г. — Императорской Петербургской, с 1917 г. — Российской, с 1925 г. — АН СССР. Этим и объясняется та неразрывная связь, которая существует между личной биографией С. Ф. Ольденбурга и историей российской науки как таковой.

Обращение к его биографическим материалам позволяет в значительной степени углубить понимание процессов, происходивших в 1920-х — первой половине 1930-х гг. как в СССР в целом, так и в научной сфере в частности. Особую актуальность эти материалы приобретают в свете приближающегося 300-летнего юбилея Российской академии наук, в связи с той важнейшей ролью, которую академик Ольденбург сыграл в деле сохранения Академии наук как главного научного учреждения страны после переворота 1917 г. и в ходе послереволюционного лихолетья. В рамках данной публикации мы сконцентрируемся на последнем, возможно, наиболее трагичном этапе в жизни ученого — рубеже 1920–1930-х гг. В качестве двух своеобразных маркеров, демонстрирующих сложность и неоднозначность реальной политики государственной власти по отношению к академической науке (эпитомией которой в данном случае и может служить судьба академика Ольденбурга), будут выбраны «дело Жебелёва» 1928 г. (начало прямого давления власти на науку) и празднование двойного юбилея Ольденбурга (70-летие ученого и 50-летие его научной деятельности) в 1933 г. (воплощенное единство власти и науки). Новые архивные материалы из хранилищ Москвы и Санкт-Петербурга позволяют в деталях увидеть механику инструментализации стратегий подавления и поощрения в отношениях власти и науки, не сводимую лишь к борьбе абстрактных понятий, но включающую в себя глубокую трагедию конкретной человеческой судьбы.

Вторая половина 1920-х гг. начиналась для Академии наук более чем успешно. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г., приуроченным к 200-летию юбилею создания академии, Российская академия наук, переименованная в Академию наук СССР, была признана «высшим ученым учреждением Союза ССР». С. Ф. Ольденбург принимал в этих событиях непосредственное участие как неперменный секретарь РАН и как член Комитета по проведению юбилея. Успешное проведение празднования, выразившееся, в частности, в приезде многих крупных учёных из-за границы, которые откликнулись, в том числе, на приглашения С. Ф. Ольденбурга, лишь на несколько лет обезопасило академию от давления со стороны

политических властей. АН СССР рассматривалась как важный инструмент распространения политического влияния страны за рубежом, и С. Ф. Ольденбург был призван исполнять в этой игре важнейшую роль. Об этом свидетельствует, в частности, «Предложение комиссии Политбюро по руководству празднованием юбилея Всесоюзной Академии Наук» от 29 октября 1925 г., которое содержит доклад Комиссии по организации празднования юбилея Академии наук [Есаков, 2000: 41–44].

В дальнейшем административная карьера С. Ф. Ольденбурга претерпела резкий поворот, что связано было и с изменением государственной политики в отношении «высшего ученого учреждения». Непременный секретарь академии оказался активным участником целой череды «дел», начавшихся с «дела Жебелёва» [см.: Тункина, 2000: 116–161] в конце 1928 г. и достигших кульминации в масштабном «Академическом деле» 1929–1931 гг.

Если материалы «Академического дела» уже активно вводятся в научный оборот, то характеристика «дела Жебелёва» в отечественной историографии дана пока преимущественно на основании материалов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, т. е. источников, происходящих в основном из самой академической среды. Для того чтобы лучше понять не только перипетии этого конкретного случая, но и общий модус взаимодействия академической науки и государственной власти в данный период (что особенно важно для осмысления той политики, которую на посту непременно секретаря АН СССР пытался проводить С. Ф. Ольденбург, её генезиса, целеполагания и эффективности), целесообразным представляется расширить источниковую базу за счёт материалов, происходящих из другого «лагеря» — структур государственной власти.

Ниже приводятся два документа, отложившихся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, которые, насколько мы можем судить, прежде не привлекали внимания исследователей. Они, однако, могут считаться центральными для реконструкции реальных механизмов раскрутки «дела Жебелёва» и истории формирования того отношения государственной власти к академической науке, которое и привело к трагическим событиям «Академического дела». Речь идёт о письме первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) С. М. Кирова секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе от 28 ноября 1928 г. и срочной телеграмме Кирову от Е. П. Воронова – заведующего Отделом научных учреждений Совнаркома СССР, полученной в Смольном 30 декабря 1928 г.

[405] ВЦИК
28 ноября 1928 г.
лично

Дорогой Амель.

Здесь у нас ходят слухи о том, что у Вас в Москве есть предположение опубликовать письмо академика Жебелёва по известному тебе делу и этим считать вопрос ликвидированным.

Здесь по поводу академика Жебелёва, согласно указаниям из Москвы, проведена большая кампания в нашу пользу (в секции научных работников и пр.).

После этого ликвидировать вопрос простым заявлением Жебелёва — это значит научных людей, так или иначе идущих за нами, поставить в очень плохое положение. Для Академии поступок Жебелёва очень невыгоден, особенно перед выборами.

По нашему, выгодно сделать так: письма Жебелёва до выборов не печатать, никакого решения пока о нем не выносить, держать его и Академию до выборов под угрозой возмездия Жебелёву за его поступок. Это будет лучшим нажимом на академиков во время выборов.

Жду твоего телефона по этому поводу.

Подпись: С. Киров¹.

[409]

22 срч москвы 17219461 1245 срочная ленинград обком вкпб Кирову
[штамп получения] № 300–23, 30 дек. 1928

Соответствии с полученным письмом решили оставить вопрос до известного момента фактически открытым смотри сегодняшний номер тчк самый факт подачи заявления и протокольное принципиальное постановление обязывали их оглашению зпт общее значение которого выходит за рамки частного вопроса тчк твердая установка сохраняется 1911 воронов

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 1-б. Д. 6.

Выборы, упоминаемые в приведенных выше документах, должны были стать моментом начала решительной «большевизации» Академии наук. К избранию был намечен целый ряд кандидатов-коммунистов. Активная подготовка началась в 1928 г. Как известно, выборы 1929 г. прошли совсем не так легко, как этого хотелось бы власти, но всё же привели ко включению в состав академиков лиц, которые не просто «так или иначе» шли за этой властью, но были готовы более чем активно участвовать в реализации её политики.

При этом, однако, властям, до определенной степени, приходилось учитывать и тот факт, что поддержка их действий в широких кругах научной общественности была отнюдь не абсолютной. Это вносило определенные коррективы в проводимую политику. Некоторое представление о настроениях того времени может дать любопытный документ, относящийся как раз к предвыборному периоду и связанный с той реакцией, которую у части наблюдателей вызвала масштабная кампания по дискредитации «старой Академии», поднятая в советской прессе (лидером выступала «Ленинградская правда») в 1928 г. [Горяинов, 1991]. Резолюция на документе, направляющая его А. И. Угарову, как раз и бывшему редактором «Ленинградской правды», датирована 12 июня 1928 г. Составление письма относится, вероятно, к началу лета того же года. Машинопись сохранилась в материалах Ленинградского обкома.

¹ На л. 406–408 — черновик письма, рукою С. М. Кирова.

[341]

К выборам в Академию наук

Поднятая в печати односторонняя кампания около выборов новых академиком мне представляется несколько непонятной и даже странной.

В газетах указывалось на отрыв Академии от масс и даже рекомендовалось, как одна из мер против отрыва, устройство «производсовещаний» для обсуждения научных вопросов (по примеру заводов) с участием всех сотрудников Академии. Думаю, что или я не понял, или автор предложения хотел сказать что-то другое, да у него не вышло ... Я представляю себе разбор на «академпроизводсовещании» вопроса, скажем, о квантах при участии всех сотрудников Академии. Картина получается убедительная. Что хорошо на заводе, вряд ли будет также хорошо в Академии.

При выборах новых академиком ставится и новый принцип — принцип выборов без утверждения этих выборов высшей властью с возложением ответственности на Академию. Посмотрим-де, говорит «общественное мнение», как проведут академики эти выборы.

Раньше, «в доброе старое время» под давлением царского правительства в Академию наук попадали ученые с легковесным багажом и не попадали ученые с таким именем, как Менделеев; но утверждение выборов властью снимало отчасти с Академии и ответственность за выборы. Теперь перед Академией наук стоит новая угроза — давление «общественного мнения».

Боюсь, что после подобных «уступочных выборов» научный авторитет высшего научного учреждения страны — Академии наук — будет подорван, тем более что ведь они, академики, сами произвели эти выборы, без утверждения. Путь, безусловно, чреватый большими опасностями.

На мой взгляд, выборы в Академию наук должны производиться без всякого давления как со стороны какого бы то ни было правительства, так и со стороны какого бы то ни было общественного мнения — сомнительного, безответственного и всегда пристрастного. Одна наука беспристрастна.

Единственной рекомендацией для права получения звания академика и права быть выбранным должны служить научные труды — научная значимость кандидата. Для науки и её высшего представителя — Академии наук — совершенно не важно, какого вероисповедания Ньютон или Галилей, а важно только то, чем является он для науки. При наличии «общественного мнения» Академия рискует остаться без Галилея, а Галилей будет отдан [342] под надзор как сомнительный элемент. Так и было... Неужели так и будет?

Всякое насилие над ученым есть зло, обращающееся, правда, на произведшего насилие, но, к сожалению, только в истории. Не думаю, чтобы в стране свободы (ведь мы не в Америке) возможно было давление на науку, хотя бы со стороны даже и «общественного мнения». Не думаю также, чтобы такое давление было сколько-нибудь полезно для науки.

Да и вообще вводить в Академию наук общественных деятелей и писателей я считал бы совершенно нерациональным. Гораздо разумнее поступили французы, открыв академию бессмертных. Такое же учреждение, очевидно, настало время открыть и у нас, но ни в коем случае не следует, как это сделало царское правительство, соединять его с Академией наук.

«В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Академия наук и пусть будет Академия наук, а для общественного мнения и для литературы — академия бессмертных.

Просто человек, уважающий науку.

Инженер-технолог К. В. Наумов,
Васильевский остров, 11 линия, дом № 32, квартира 10.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 1-б. Д. 6.

«Академия бессмертных» для удовлетворения «общественного мнения» так и не появилась. Общественные деятели и писатели, в итоге, оказались избраны в Академию наук. И в отношении новой политики по отношению к ней фигура С. Ф. Ольденбурга вновь оказывается символичной, а то, как применительно к нему лично власть стремилась «оставить вопрос до известного момента фактически открытым», применяя репрессии, но всё же не лишая роли важного игрока, можно считать перенесением на персональный уровень общей политики периода по отношению к академической науке. Наиболее авторитетные из «Галилеев» находились под надзором, но по времени получали и определенную долю признания.

Празднования 25-летия службы С. Ф. Ольденбурга на посту неперменного секретаря Академии наук в 1929 г. не случилось. Вместо этого 30 октября 1929 г. он был келейно снят со своего поста. Однако избежал ареста и в 1930 г. был даже назначен на должность директора Института востоковедения АН СССР, вынужденно смирившись с реформой Азиатского музея, который возглавлял с 1916 г. Формально он оставался главой советского востоковедения. Но остановить реформы институциональной структуры этого востоковедения он не мог. Так, в последнем письме многолетнему коллеге и товарищу, академику В. В. Бартольду, отправленном в 1929 г. (более точную дату установить невозможно), он писал: «Очень огорчили вести Ваши о Кабинетах арабском и иранском. Напишу Ферсману и буду упорно настаивать. Какое глубокое непонимание того, что Азиатский музей должен быть библиотекой, а Кабинеты совершенно другое!» (СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 23 об.). Это письмо было написано, когда Ольденбург ещё исполнял обязанности неперменного секретаря АН СССР: в нем упоминается академик С. Ф. Платонов, ещё редактировавший «Доклады Академии наук», однако вопросы формирования академических учреждений уже решались без консультаций с академиком Ольденбургом. Стоит ли удивляться, что атмосфера в новосозданном институте была крайне тяжелой, и даже ближайшие коллеги вынуждали Ольденбурга уйти со своего поста [*Каганович*, 2013: 207, 209].

В значительной степени всю жизнь в науке С. Ф. Ольденбургу пришлось жертвовать деятельностью ученого в пользу ведения изнурительной административной работы. Однако и освободившись в значительной степени от груза административных обязанностей в АН СССР, Ольденбург не смог полностью обратиться к чистой науке. Менее чем через полтора года по-

сле кончины о его научных заслугах помнили только ближайшие коллеги, избежавшие репрессий, а на высшем уровне — научном и политическом — фигура Ольденбурга рисовалась ничтожной, не имеющей никаких реальных заслуг. Характерным примером тому служит письмо исполняющего обязанности председателя Государственной академии истории материальной культуры (в которой Ольденбург служил с момента её основания в 1919 г.) Ф.В. Кипарисова от 15 июня 1935 г. на имя И.В. Сталина с просьбой о назначении пенсии вдове Н.Я. Марра, получавшей в два раза меньше, чем вдова С.Ф. Ольденбурга. В нем Кипарисов дал следующие оценки: «...Марр и Ольденбург — величины во всех случаях и во всех отношениях несопоставимые. Ольденбург — типичный и довольно ничтожный буржуазный учёный, больше дипломат, чем учёный, не оставивший после себя ни одной крупной и сколько-нибудь значимой работы. Марр — гигант масштаба Дарвина и Менделеева, написавший свыше 500 работ..., величайший учёный... Ольденбург — условно советский ученый, бывший кадет и министр правительства Керенского» [цит. по: Есаков, 2000: 174].

Слова Ф.В. Кипарисова об академике Ольденбурге тем более обидны, что они почти правдивы. В учетной карточке Ольденбурга, составленной в начале 1930-х г. и сохранившейся в собрании Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, неизвестным наблюдателем, определенно, принадлежавшим к властным кругам, дана следующая его характеристика: «работник старой школы, давно уже переставший работать научно, много знает по своей специальности» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 132800. Л. 1 об.).

«Был ли С.Ф. Ольденбург крупным учёным?», — задается вопросом и современный исследователь [Каганович, 2013: 227]. Академик Ольденбург — автор более 500 статей, рецензий, кратких монографий, критических изданий текстов. Основной его труд, подготовленный по итогам работ Второй Русской туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. в «Пещерах 1000 будд», «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана», до 1938 г. пребывал в состоянии рукописного черновика, ныне хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 208. Оп. 1. Д. 171). К 1940 г. усилиями вдовы автора Елены Григорьевны Ольденбург и О.А. Крауш рукопись была перепечатана на машинке и бегло отредактирована академиком Ф.И. Щербатским. Эта работа была закончена в 1940 г., однако исследование всё ещё остается не опубликованным на русском языке и лишь в настоящее время готовится к изданию [Ольденбург, 2020 (в печати)].

Тот факт, что сам С.Ф. Ольденбург в 1930-е гг. не смог закончить работу над трудом всей своей жизни, легко объясним. «Академическое дело» стало рубежом для биографии С.Ф. Ольденбурга. Он не только лишился поста неперемennого секретаря АН СССР. Очевидно, произошли и внутренние изменения. В исследовательской литературе уже отмечалось, что последние годы жизни учёный провёл в подавленном состоянии [Каганович, 2013: 216]. Сказывались репрессии: десятки коллег были сосланы или расстреляны, трудное материальное положение, давление власти, требовавшей перехода от классического востоковедения — «истории и литературы азиатских народов» — по этой дисциплине С.Ф. Ольденбург был избран в академию

наук — на «новые рельсы». Давала о себе знать и постоянная многолетняя загруженность. Яркую характеристику состояния учёного находим в письме его близкой помощницы О. А. Крауш, писавшей Ольденбургу: «Милый Сергей Федорович, я очень-очень люблю Вас и не могу смириться с мыслью, что вы делаете себе вред. Каждый раз, как я Вас вижу, я вижу, что Ваше состояние все хуже и хуже, Вы нервничаете [нрзб], Вы ни о чем не можете говорить спокойно. Так нельзя. У Вас есть большие обязательства перед работой помимо личных. Ваши необходимые дела сейчас, так или иначе обойдутся без Вас, если вы свалитесь. А мы не можем допустить этого. Не ругайте меня за то, что решаюсь говорить Вам все это, но мы не можем ждать спокойно, пока Вы свалитесь совсем» (СПбФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 303. Л. 1–3).

Друзья — Д. И. Шаховской, И. М. Гревс — отмечали разительные перемены, происходившие в нем [Каганович, 2013: 214–215]. Весьма характерны и наблюдения академика В. И. Вернадского — не просто старого товарища Ольденбурга, с которым они разделяли общие просветительские убеждения, лежавшие в основе приютинского братства, но и соседа Сергея Федоровича. Так, в дневнике за 1932 г. В. И. Вернадский отмечал: «Сергей меня раздражает своей низкопоклонностью (не по форме) к власти» (8 марта) [Вернадский, 2001: 274]; «В заборной лавке ГПУ — всё есть и даже при пайке. С. Ф. рассказывал, что у его кухарки разбегались глаза — она отвыкла в наших голодных псевдолавках» (9 марта) [Вернадский, 2001: 275]; «Был Сергей — как-то мысль его поблекла и не интересна» (18 марта) [Вернадский, 2001: 291]; «Сергей указывает на трагедию коммунистов-аспирантов. Он сейчас по своему обыкновению, резко выявляемся в последний год (сильно духовно опустился) — очень подлаживается, (но) без скверных мыслей. Просто понимание меняется: в той среде, где живет. Это его наблюдение верно» (19 марта) [Вернадский, 2001: 293]; «Вечером у Сергея — скучно и серо» (23 марта) [Вернадский, 2001: 300].

1 февраля 1933 г. одно из заседаний Общего собрания АН СССР было посвящено двойному юбилею С. Ф. Ольденбурга: 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности. Это мероприятие практически не привлекало внимания исследователей советской науки, между тем, оно было призвано сыграть роль, сходную с той, которую сыграл 200-летний юбилей академии наук в сентябре 1925 г. Показательны слова М. Н. Покровского в «Отчете председателя фракции Академии наук СССР о сессии Академии 28–30 октября 1929 года», направленном в Политбюро ЦК ВКП (б) 1 ноября 1929 г. Важность сохранения прежнего руководства АН СССР Покровский объяснял необходимостью международного престижа. «Теперь этого престижа нет», — заключает он [цит. по: Есаков, 2000: 76]. Определенно, стремлением восстановить международный престиж АН СССР, пошатнувшийся в ходе репрессивной кампании 1928–1931 гг., и было вызвано желание организовать юбилей С. Ф. Ольденбурга с приглашением крупных зарубежных учёных. Материалы данного юбилея, а также юбилея Н. Я. Марра сохранились в Архиве РАН под заголовком «Переписка и протоколы организационного комитета по проведению юбилея ак. С. Ф. Ольденбурга. Переписка и протоколы организационного комитета по проведению юбилея ак. Н. Я. Марра» (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1933. Д. 46).

Рис. 1. С. Ф. Ольденбург и С. Леви. 1933 г. © ЦГАКФФД

Эти документы важны для реконструкции научной биографии С. Ф. Ольденбурга в частности и истории российской и советской науки в целом. Открывается «Переписка и протоколы» документом, составленным за две недели до проведения юбилея. Документ не подписан, однако составлен с большим знанием дела, с пониманием роли, которую играл С. Ф. Ольденбург в развитии российской науки. Автор характеристики выделяет несколько направлений в его научном творчестве — сравнительно-литературоведческая, археологическая и этнологическая работа, делает акцент на главных его достижениях.

[7]

Характеристика научной деятельности академика С. Ф. Ольденбурга
[Срочно. 3 экз. 19/Г]

Сергей Федорович *Ольденбург* — совершенно исключительная фигура научного деятеля громадной эрудиции в области санскритского языка и санскритской литературы и при широкой научной его осведомленности громадной творческой силы и в областях, казалось бы, стоящих за пределами его специальности, вдохновитель и создатель многих преуспевших или преуспевающих даже ныне научных предприятий.

Своеобразие научной деятельности С. Ф. Ольденбурга доходит до невозможности уложить в обычную схему характеристики ученого-гуманитария хотя бы и многостороннего востоковеда, до невозможности ограничиться перечнем работ Сергея Федоровича Ольденбурга по санскриту или индианиз-

му, несомненно, составляющих базу официально определенной его специальности, без явного ущерба делу, выявления в полной мере значения его трудов в науке русской и мировой. Востоковед, он исключительно авторитетный специалист-исследователь в области западных культурно-исторических вопросов, связанных тесно с историей литературного творчества и на востоке, и на западе. Специалист по сравнительному изучению литератур, он глубокий знаток и несравненный работник в этнолого-лингвистических и археолого-культурных изысканиях, в последних единственный во всем мире по определению ему только известных им же добытых материалов с методом научно безупречным не только в отношении теоретической разработки, но и самой добычи, постановки технического подхода и открытию памятников материальной культуры и должному зафиксированию, обеспечивающему правильность дальнейшей исследовательской над ним работы.

Нельзя не отметить того, что независимо от личных природных способностей и университетской школы, усвоенной им на широко привнесённой из семьи основе культурных навыков и научных запросов, особенно содействовало материально выработке ярко выступающего в С. Ф. Ольденбурге типа учёного, это именно безграничная общительность и богатство интересов, порожденной тем, что С. Ф. Ольденбург — переселенец по наследству и скиталец с детства по сложившейся жизни отцовской семьи, — путешественник, страстный исследователь неизведанных стран; это углубило не только материально его знания, но и научное миросозерцание, но дало в нём сомкнуться узам и раздвинуло пределы обычного и у весьма крупных учёных традиционного научного кругозора.

В связи со сказанным, научная деятельность С. Ф. Ольденбурга проявилась в четырёх областях, трёх теоретических — 1) историко-литературной, 2) археолого-художественной и в 3) этнолого-лингвистической, и одной практической, а именно — в широком развитии научно-организационной работы. В *первой области* пользуются значением руководящих работ его исследования и заметки по вопросу о восточных влияниях на повествовательную литературу запада и по изучению различных восточных сказочных сборников. Как востоковед, С. Ф. Ольденбург в этой области пользовался не только различными литературными языками Индии, но и персидским, на котором им был открыт и особый извод, впервые в Англии, популярной в свое время и на востоке, и на западе повести о Варлааме и Иоасафе индийского происхождения. В *археолого-художественной области* достаточно сослаться на ряд его работ по буддийскому искусству Средней Азии, из числа которых первая «Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. Краткий предварительный отчёт с таблицами», награждённая золотой медалью Русского археологического общества, выдвинула автора как maestro [...] по вопросу и среди заграничных специалистов, от него, Сергея Федоровича Ольденбурга, ожидающих, как это было печатно заявлено одним из них, синтеза по вскрывшимся разнородным материалам. Впрочем, всеобщий интерес к авторитетному мнению нашего специалиста о буддийском искусстве сказался значительно раньше, именно когда его «Заметки

² В машинописи неразборчиво: чернила выцвели.

о буддийском искусстве» (см. сборник «Восточные заметки», 1895) были переведены на английский, голландский языки и сделаны предметом внимательного разбора в известном английском журнале Азиатского общества. В этнолого-лингвистической области сила С. Ф. Ольденбурга проявляется в трактовке вопросов по народной литературе, особенно по сказкам, значительно умеряющей увлечения значением письменных источников [...] литературных направлений и выдвигающей момент национального далее и этнического творчества. Наконец, по научно-организационной области можно сослаться на такое исключительной важности предприятие, как издаваемая Академией наук серия *Bibliotheca Buddhica*, собрание буддийских текстов, поддерживаемое в научном отношении русскими и иностранными учёными. Для заслуженной мировой известности ученого было бы достаточно тех качеств, которые предьявлены С. Ф. Ольденбургом как ученым для ведения этого по существу международного дела с отличающей его акрибией и успехом. Как интерес к конкретному проявлению творчества содействовал в свое время переходу от чисто историко-литературных тем к имевшим значение для масс памятникам материальной культуры, в частности, буддийской иконописи и буддийскому искусству, так непосредственное общение с разноплеменным и разнословным населением востока выработало в нём особый уклон в понимании генезиса не только народной литературы, но и человеческой речи, соотношения письменных и живых языков, творческой роли последних и независимо от выгод намечающихся отсюда для правильной постановки лингвистических вопросов по Индии и для полной оценки научной деятельности С. Ф. Ольденбурга должны быть учтены многочисленные случаи его научной помощи языковедам и этнографам именно благодаря тому же этно-культурному научному мышлению. С. Ф. Ольденбург, несмотря на его фактические совершенные заслуги, пожилой возраст (род. 14 сентября 1863 г.), все еще живой научный деятель, потому, естественно, не перестающий развиваться и расширять свои научные интересы. Вся описанная подготовка Сергея Федоровича Ольденбурга сказалась, между прочим, в делах по музеям; не требует совершенно специального освещения громадная роль его в музейном строительстве России начала революции.

С характером его экстенсивной и вечно движущейся творческой природы, а также свойственном науке⁴ в разрабатываемых им областях органически связано то, что большинство его писанных трудов — мелкие заметки.

Список работ С. Ф. Ольденбург до 1914 г. напечатан в Материалах для библиографического словаря действительных членов Академии наук (1917, том В, стр. 37–68). К сожалению, не составлен, но был бы не менее поучителен для выявления значения С. Ф. Ольденбурга как ученого совершенно исключительного значения список его трудов, не [...] различных научных предприятий, содействовавших сдвигу [8 об.] гуманитарной науки, не одного востоковедения в России, и потому научному просветлению,

³ В машинописи неразборчиво: чернила выцвели.

⁴ Так в машинописи.

⁵ В машинописи слово ушло под нижнее поле листа.

которым пользовались для успеха своих работ различные специалисты в общении с ним.

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1933. Д. 46. Л. 7–8 об.

Следующий документ — доклад Н. М. Маторина «С. Ф. Ольденбург как академик и общественный деятель. К 50-летию научной деятельности» — изначально не предназначался для сборника в честь 50-летия научной работы С. Ф. Ольденбурга, так как в проекте содержания значится та работа Н. М. Маторина, которая в итоге вышла в свет: «К методологии изучения религиозного синкретизма» (Л. 39). Н. М. Маторин был назначен на должность директора Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР одновременно с назначением С. Ф. Ольденбурга на должность директора Института востоковедения АН СССР. В исследовательской литературе уже неоднократно выделялись крепкие связи, существовавшие между двумя учеными [Решетов, 1994: 138–139, 145; Решетов, 2003: 155, 157–158, 172].

Весьма показательно, что на юбилее Ольденбурга не присутствовал старый друг и сосед — академик В. И. Вернадский. Выше уже приводились его характеристики в отношении старого товарища. Не разделял Вернадский и отношения Ольденбурга к Маторину. Так, в дневнике 20 января 1935 г. он записал: «Снят Маторин (антирелигиозник странная фигура). Узкий фанатик. С. Ф. защищал его как знающего» [Вернадский, 2006: 13]. Вернадскому, определенно, претила мировоззренческая позиция Ольденбурга — Маторина: агрессивно-материалистическая, не допускавшая «расширительной» трактовки мироздания. Сам академик Вернадский, не считавший себя христианином, все же полагал себя человеком религиозным, однако его религиозность имела, скорее, «научную» природу и заключалась в допущении бытования форм существования, отличных от «жизни» и недоступных пониманию с точки зрения науки того дня [см. его рассуждения на тему религиозности: Вернадский, 2001: 378–379].

Доклад Н. М. Маторина без лишних слов очерчивает *cursus honorum* С. Ф. Ольденбурга, выделяя основные его заслуги как перед чистой наукой, так и в сфере организации научной деятельности. Единственный недостаток доклада — отсутствие ссылки на «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана».

[123]

С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ

*как академик и общественный деятель.
К 50-летию научной деятельности.*

1 февраля 1933 года Академия наук СССР, а вместе с нею весь научный мир и советская общественность отмечает пятидесятилетие ученой и общественной деятельности академика Сергея Федоровича Ольденбурга. В этом году исполняется и семидесятилетие рождения С. Ф. Ольденбурга — таким образом, мы имеем двойной юбилей ученого и человека, так много сделавшего для организации научной работы в разнообразнейших ее областях.

Академик С. Ф. Ольденбург родился 14 сентября 1863 г. в Забайкальской области, в селе Бянкине. В 1882 году, будучи еще студентом 2-го курса факультета Восточных языков Петербургского университета, он опубликовал на французском языке в журнале «Muséon» свой первый научный труд — истолкование некоторых текстов Авесты. В 1885 году он окончил университет и по представлении диссертации «Фонетика и морфология пракритского наречия Магадди⁶» был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию и читал студентам курс санскритской грамматики. В период 1887–1889 гг. С. Ф. Ольденбург был в заграничной командировке в Париже, Лондоне и Кембридже, напечатав за эти годы ряд статей, как в русских, так и в иностранных изданиях. В 1889 г. С. Ф. Ольденбург начал читать лекции по санскритской словесности в Петербургском университете в качестве приват-доцента, а в 1887 г. назначен и. д. экстраординарного профессора. Однако из состава профессуры С. Ф. вышел в 1899 г. [124], не считая возможным продолжать преподавание при тогдашней политике Министерства народного просвещения. Углубленная работа С. Ф. Ольденбурга в области изучения культуры древней Индии снискала ему всеобщее признание со стороны специалистов-востоковедов. Его исследования буддийских легенд и исследования северного буддизма поставили его в ряд тех европейских ученых, в сообществе с которыми он мог приступить к изданию буддийских текстов при поддержке Академии наук. Эти же обстоятельства побудили группу крупнейших востоковедов выдвинуть С. Ф. Ольденбурга в качестве адъюнкта в Академии наук по литературе и истории азиатских народов — это избрание и состоялось 5 февраля 1900 года. Три года спустя С. Ф. Ольденбург избирается экстраординарным академиком, а 2 октября 1904 года Общее собрание академии избрало его непременным секретарем. С тех пор в продолжении четверти века академик С. Ф. Ольденбург находился на этом ответственном посту, выполняя множество заданий по организации научной деятельности академии, поддерживал живейшие связи с иностранными учёными кругами, проявляя огромную энергию и инициативу во всех областях академической деятельности. В 1909–1910 и 1914–1915 годах С. Ф. Ольденбург совершает две продолжительные научные экспедиции в Китайский Туркестан. Значительные научные материалы, привезенные им из этих экспедиций, находятся сейчас в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР и Государственного Эрмитажа. Внеакадемическая работа С. Ф. Ольденбурга в дореволюционный период связана с вопросами этнографии и фольклористики (этнографическое отделение Географического общества и группы «Живая старина») и рядом обязанностей по линии народного просвещения [125] (Комитет грамотности, секретарем которого одно время состоял С. Ф., женское образование и т. д.).

В послереволюционный период необходимо отметить ту большую роль, которую сыграл С. Ф. Ольденбург в деле налаживания сотрудничества лучшей части интеллигенции и научных работников, в том числе, с советской властью. По делам Академии наук С. Ф. Ольденбург неоднократно вызывается в Наркомпрос и Совнарком. В 1921 г. С. Ф. Ольденбург выполняет от-

⁶ Так в машинописи; правильно — Магадхи.

ветственное поручение советского правительства во время мирных переговоров с Польшей в качестве эксперта советской делегации в Риге по вопросу о культурных ценностях. Совместно с А. М. Горьким С. Ф. Ольденбург принимает горячее участие в организации Центральной комиссии по улучшению быта ученых, которая пользовалась такой внимательной поддержкой тов. Ленина, высоко ценившего Академию наук и поставившего по-новому задачи союза науки и труда в стране диктатуры пролетариата. В этот и последующий периоды С. Ф. Ольденбург принимает большое участие в руководимом М. Горьким издании лучших образцов всемирной литературы, в том числе восточной, далее в краеведческом движении, в деятельности секции научных работников. С. Ф. Ольденбург выступает и на массовых собраниях — пионеров, комсомольцев, красноармейцев, рабочих, содействует практическому выполнению лозунга союза науки и труда. С. Ф. Ольденбург состоял членом Ленинградского совета XI и XII созывов и кандидатом в члены ЦИК СССР с 1929 г.

Реконструкция работы Академии наук, когда в ряды ее влился ряд крупнейших коммунистических научных сил, поставила академика С. Ф. Ольденбурга во главе важнейшего учреждения академии — Института востоковедения, возникшего на базе бывшего Азиатского [126] музея с его богатейшим собранием рукописей. Опыт и знания С. Ф. Ольденбурга позволили ему в сравнительно короткий срок сплотить группу высококвалифицированных специалистов по изучению стран советского и зарубежного Востока, наладить систематическую и живую связь с союзными республиками, завязать ряд новых связей с границей, поставить учебную научную смену — аспирантов. Расширение деятельности Академии наук СССР как высшего научного учреждения повело к созданию ее филиалов на местах. С. Ф. Ольденбург становится во главе отделения Академии наук в Таджикистане, куда осенью 1932 года, несмотря на свои годы, предпринимает продолжительную поездку. Наряду с тем С. Ф. Ольденбург имеет значительные нагрузки по Редакционно-издательскому совету академии, состоит членом редакции журнала «Советская этнография», членом Комитета научной консультации и пропаганды при академии, является деятельным членом Государственной академии истории материальной культуры, профессором Государственного Эрмитажа и членом ряда научных обществ СССР и заграничной.

В условиях бурного роста культурной революции в нашей стране деятельность С. Ф. Ольденбурга является редким образцом энергии, трудолюбия и научно-организационной инициативы. Нет сомнения, что она будет продолжаться еще долгие годы, побуждая к тому же широкие массы ученых Советского Союза, где наука с каждым днем все ближе и теснее связывается с великими задачами социалистического строительства.

Директор Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР

Профессор Н. Маторин.

27. I-33 г.

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1933. Д. 46. Л. 123-126.

Стенограмма выступлений на самом торжественном заседании, посвященном двойному юбилею С. Ф. Ольденбурга, сохранила целый ряд материалов. Некоторые из них — законченные произведения научной мысли, как,

например, доклад И. А. Орбели «С. Ф. Ольденбург как искусствовед» (листы 184–196 стенограммы) — подготовлены к печати [*Орбели*, 2020: (в печати)]. Другие представляют собой памятник эпохе: завершению эры Ольденбурга в российской науке. Выступления президента АН СССР А. П. Карпинского, директора ИРЛИ АН СССР А. В. Луначарского⁷ и Н. М. Маторина можно назвать «этикетными». В них выступавшие вспоминали те или иные события из жизни юбиляра, поздравляли его и желали всего, что принято желать на юбилеях. Некоторые выступавшие, как, например, А. П. Карпинский, определенно «забывались» и переходили на материи, совершенно неуместные на торжественных юбилеях начала 1930-х гг., например, на «перемену правительства» — так очень скромно пожилой президент Академии наук обозначил революцию октября (ноября) 1917 г.

Некоторые выступления, наоборот, были призваны обозначить близость С. Ф. Ольденбурга революционному рабочему классу. Так, рабочий типографии по фамилии Шор вспоминал, как в 1905 г. С. Ф. [Сергеем Фёдоровичем] возил булки в тюрьму для двух арестованных рабочих (Л. 211 стенограммы).

С. Ф. Ольденбург, скорее всего, понимал, что его речь на юбилее — последнее публичное выступление. Он уже был тяжело болен: в сентябре 1933 г. подозрения на онкологическое заболевание были подтверждены. Главный лейтмотив его выступления — стремление постоянно учиться. Однако завершает свою речь он словами покаяния: «Я учился недаром, и в положительных словах я сумел прочитать и ту справедливую критику ошибок, которые я сделал, — конечно, их было немало, — я благодарю за эту критику, которую я понял и в отрицательном, и в положительном». Никакой критики юбиляра выступавшие на торжественном заседании не предлагали. Можно предположить, что осознавая свой скорый неминуемый уход, С. Ф. Ольденбург просил прощения у всех, кого так или иначе обидел своими решениями, с кем не нашёл понимания, с кем вынужденно разорвал некогда прочные коллегиальные связи, кому не смог помочь на высоком посту. Конечно, таких было немало. Однако прав В. И. Вернадский, утверждавший в письме Ф. И. Родичеву от 20 сентября 1929 г., что фактически академик Ольденбург спас российскую научную культуру. «Я думаю, что суд истории над С. Ф. будет во многом иной, чем думают современники... Он стольким людям помог (и тем, которые его ругают), как едва ли кто из живущих в России» [цит. по: *Торбаков*, 2002: 35–36].

⁷ По иронии судьбы, мать Луначарского — А. Я. Ростовцева (1842–1914) — дочь Я. П. Ростовцева (1791–1871) — отца И. Я. Ростовцева (1931–1917) — отца академика М. И. Ростовцева (1870–1952), который энергично обвинял С. Ф. Ольденбурга в коллаборационизме; таким образом, А. В. Луначарский и М. И. Ростовцев — двоюродные братья.

* * *

[183]

Торжественное заседание,
посвященное 50-летию юбилею деятельности
Академика С. Ф. Ольденбурга
1 февраля 1933 г.

Председатель — Ак. Карпинский.

Карпинский. Заседание открывается.

Старый неизменный друг! Я здесь самый старый и самый старинный — он второй старинный, но в старости есть человек до 20 конкурентов ему, он далеко не старый. И всегда, как молодой, работает с утра до вечера, а при перемене правительства, когда надо было сложную работу проводить, он и ночами работал в Канцелярии.

Нет более трудной в академии должности, чем должность непременно-го секретаря. В некоторых учреждениях эта должность считается самой высокой, во Французской академии, когда одного из президентов выбрали в непрменные секретари, он благодарил, что с высшей должности попал в наивысшую. Нет более ответственной и трудной должности.

Сердечно желаю Вам всего хорошего, многим мы Вам обязаны, особенно в первые годы после революции — когда Ваше участие было чудесно... (аплодисменты).

[200]

Луначарский

Сергей Федорович, ученый комитет ЦИКа Союза Республик просил меня передать Вам свои лучшие пожелания и свои поздравления. Состав всего учёного комитета и работники аппарата прекрасно отдают себе отчет в Вашей плодотворной научной деятельности и в Вашей огромной организационной работе. Верьте, что Вы окружены в этой среде, в этом государственном учреждении высоким почтением и горячими симпатиями.

[201] Позвольте, Сергей Федорович, к этому краткому приветствию добавить несколько слов от себя лично — несколько слов воспоминаний.

Сейчас же после совершения пролетарского переворота волей партии я был поставлен на ответственный и тяжелый пост народного комиссара по просвещению. В один из первых дней после того, как я начал разворачивать работу в этом проклятом здании прежнего министерства народного просвещения, я в своем кабинете увидел высокоуважаемых посетителей — представителей Академии наук: нашего высокоуважаемого президента А. П. Карпинского, к сожалению, потерянного нами с тех пор вице-президента Стеклова и непрменного секретаря С. Ф. Ольденбурга.

С тех пор между нами установилась некоторого рода связь, о которой не стоило бы говорить, если бы она имела чисто личный характер, но она имела характер глубоко общественный.

Полон рот хлопот был тогда у Сергея Федоровича: время было очень тяжелое. Классовые противоречия вошли в новую стадию, разумеется, несколько не потеряли своей обостренности. Происходила переоценка всех ценностей, когда научные дисциплины становились на суд.

Большая буря волновала нашу страну и в отношении научной обстановки. Все покачнулось.

Сергей Федорович тогда делу спасения научных учреждений самой науки и учёных, ибо глубоко чувствовал, что при всех обстоятельствах и всегда — это великое достояние, которое должно быть сохранено⁸.

[202] Я помню Вас тогда, Сергей Федорович, Ваш аскетический вид — кое-как одеты, в серых валенках, как Вы приходили тогда ходатайствовать по разным нуждам русской науки к председателю пролетарской власти.

И не только на саму Академию наук простирались тогда Ваши заботы — [203] Вы думали тогда о краеведении, которое развилось широко, об издании памятников и научных работ, о научных кадрах и их судьбах — не только старых кадров, но Вы были один из первых, которые напомнили о необходимости вызывать к жизни новые кадры — научные смены. О музеех Вы думали тогда много и часто совещались о том, как спасти и реформировать их.

Я знаю хорошо, что Ваша работа сводилась не только к тому, чтобы доказать значение старой науки и ее почетных учреждений, которые, однако, по своей окраске, казались чуждыми новому миру и классу — Вы должны были уговаривать многих учёных, людей старого закала, которые легкомысленно принимали совершившийся переворот за временное помрачение, которые хотели отсидеться на старых позициях.

Положение Ваше было трудное, но досуги⁹ Ваши никогда не забудутся.

На этой почве возникали иногда очень тяжелые недоразумения. Все мы помним о том почти катастрофическом конфликте, который разразился вокруг Академии, который много горечи принес и Вам, и нам. Но, действительно, Сергей Федорович, нет худа без добра. После серьезной реформы, которой подверглась Академия, она, этот большой фрегат, сбросивший часть своего старого балласта, широко раскрыл свои паруса и поплыл при попутном ветре, поплыл лучшими берегами.

Не далее как сегодня мы слышали доклад нашего друга академика Губкина, который в коротком поневоле докладе спрессовал отчёты об экспедициях академических учреждений, руководимых СОПСом, и перед нами развернулась такая [204] картина, которая заставит самого скептического и холодного человека сказать: да, Академия включилась, как одна из самых мощных сил, в дело нашего социалистического строительства (аплодисменты).

Тот, кто участвует в этом строительстве, тот играет тем самым огромную роль в мировой истории, а вчера мы слышали, какую роль играет С. Ф. в этом деле развития сил Академии. Наш Непременный Секретарь посчитал долгом указать на то, что прекрасное развитие Института востоковедения, ставшего бесспорным центром обновленного живого незабываемого прошлого, но повернувшегося лицом к настоящему — заслуга в этом его расширении и обновлении принадлежит опять-таки его директору — Сергею Федоровичу Ольденбургу (аплодисменты).

⁸ Предложение не согласовано. Так в машинописи.

⁹ Так в машинописи; возможно, ошибка: вместо правильного «заслуги».

Сергей Федорович, между нами установились добрые отношения, которыми я горжусь, потому что Вы для меня являетесь светлым типом того истинного ученого, того слуги познания, того строителя культуры, с которым легко сговориться социалисту и легко поладить перестраивающему всю жизнь революционному пролетариату.

Когда Лассаль в ранние годы развития рабочего движения говорил о необходимости союза науки с четвертым сословием — так он называл рабочий класс — он имел в виду учёных такого типа, к которым принадлежит Сергей Федорович. Сейчас в нашей стране интенсивно происходит слияние двух великих стихий науки и труда, и в этом процессе Вы играете славную роль (аплодисменты).

[208] Маторин

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович, позвольте приветствовать Вас от имени Музея антропологии и этнографии Академии наук и всех его сотрудников.

[209] В Вашем лице, Сергей Федорович, мы видим многостороннего учёного и никогда не забываем о том, что на поприще этих этнографических исследований Вы являетесь одной из крупнейших фигур советской и международной науки. Наш Музей антропологии и этнографии, включая, в особенности, те отделы, которые связаны с изучением зарубежного, советского Востока, не может мыслить своей дальнейшей работы без самой глубокой и тесной связи с Вашими научными исследованиями.

Я должен отметить ту громадную роль, которую играет С. Ф. и сейчас в работе нашего журнала «Советская этнография», ближайшим образом рассматривая как член редколлегии все статьи и помогая молодым специалистам становиться на те высоты науки, которые сейчас необходимы в силу тех требований переработки прежних достояний науки, которые сейчас предьявляет жизнь, в силу тех требований, которые сейчас предьявляет марксистско-ленинская идеология. В деле изучения народов Советского Союза и в деле подготовки этнографических исследований в международном масштабе мы должны следовать примеру и лучшим традициям той полувекковой деятельности, которой была посвящена жизнь Сергея Федоровича и которая теснейшим образом связана с судьбами советской науки и этнографии.

[211] Ольденбург.

Дорогие товарищи! Позвольте прибавить после всего, что я слышал сегодня, — дорогие друзья!

Мне кажется, что сегодняшний вечер утвердил во мне, и во многих других, справедливость той мысли, что человек, который хочет действительно заниматься наукой, должен всегда учиться — с первых шагов своей жизни и до самой смерти. В этом залог [212] всякого успеха в научной работе. Тот, кто прекратит учиться, тот, кто думает, что он уже знает достаточно, для того, чтобы только творить, — тот глубоко ошибается.

Рис. 2. Президиум торжественного заседания по случаю 50-летия научной деятельности академика С. Ф. Ольденбурга. Ленинград 1933 г. © ЦГАКФФД

Рис. 3. С. Ф. Ольденбург на выступлении в конференцзале АН СССР на праздновании 50-летнего юбилея научной деятельности. © ЦГАКФФД

Мне в жизни, как частью слышали здесь, очень повезло в отношении возможности учиться: на первых шагах научной работы мне посчастливилось встать в близкие отношения с крупнейшими учёными в тех областях знания, которыми я занимался. Дальше мне посчастливилось встать в близкие отношения с рядом моих сверстников, среди которых [213] самый близкий и дорогой мне, 40 лет принимавший вместе со мной участие в общей научной работе [...] ¹⁰ показал мне, как мы друг у друга учимся и как должны учиться.

Когда я стал старше, моими учителями стали гораздо более молодые, чем я. Когда я был молод, я учился у стариков, когда я стал стареть, я начал учиться у сверстников, а когда я стал старше, я начал учиться у молодежи (аплодисменты) ... И даже, как вы слышали сегодня, когда видели эту крошку, которая была здесь — я учился и учусь у детей.

Мне кажется, что каждый из нас, будет ли он старик или человек среднего возраста, человек молодой и ребенок, может многому научиться у других. Самое важное понимать, что учиться можно не только по книгам, а ещё лучше можно учиться у людей, в живом общении с людьми.

Мне кажется, это есть то, на чем, по моему глубокому убеждению, строится вся новая жизнь человека, строится социалистическое строительство, т. е. сознательное отношение от мала до велика, от юного до старика, сознательное отношение к жизни. И чтобы это сознательное отношение к жизни было у всех, всем нужно учиться.

Представим себе на одну минуту, что мы, действительно, достигли себе того, что те тысяча ¹¹ пятьсот миллионов, которые сейчас составляют граждан нашей страны, все от мала до велика сознательные люди — чем тогда станет наша научная работа и как легко будет положение ученого, потому что каждый шаг на пути науки будет приветствоваться этими ста пятьюдесятью миллионами.

[214] Если теперь мы встречаем затруднения в научной работе, не хватает иногда возможности работать — тогда мы будем иметь всю эту огромную массу сотрудниками и помощниками в работе для общего великого дела. Но чтобы это стало возможным, мне кажется, нужно, прежде всего, не забывать о том, что надо учиться, учиться и учиться.

Спасибо вам большое. Естественно, конечно, что все-таки старику в день пятидесятилетнего юбилея говорят больше о положительных сторонах его деятельности, но я учился не даром и в положительных словах я сумел прочитать и ту справедливую критику ошибок, которые я сделал, — конечно, их было немало, — я благодарю за эту критику, которую я понял и в отрицательном, и в положительном.

Осталось мне жить, конечно, немного, но я знаю одно — как учился раньше, буду учиться и далее и надеюсь учиться до той поры, пока не умру.

Спасибо (аплодисменты).

¹⁰ Пропуск в машинописи.

¹¹ Так в машинописи.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934/отв. ред. В. П. Волков. М., 2001.
2. Вернадский В. И. Дневники. 1935–1941. В двух книгах/отв. ред. В. П. Волков. Книга 1. 1935–1938. М., 2006.
3. Горяинов А. Н. «Ленинградская правда» — коллективный организатор «великого перелома» в Академии наук // Вестник Академии наук. 1991. № 8. С. 107–114.
4. Есаков В. Д. (сост.) Академия наук в решениях политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) — КПСС/1922–1952. М., 2000.
5. Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2013.
6. Ольденбург С. Ф. Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана/изд. подг. М. Д. Бухарин, И. В. Тункина // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX веков. Том V. Вторая Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.: С. Ф. Ольденбург. Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана/под общ. ред. М. Д. Бухарина, М. Б. Пиотровского, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 43–743.
7. Орбели И. А. С. Ф. Ольденбург как искусствовед/изд. подг. В. Г. Ананьев // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX веков. Том IV. Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С. Ф. Ольденбурга/под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. М., 2020. С. 623–630.
8. Решетов А. М. Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 132–159; № 4. С. 204–205, 213–16, 221.
9. Решетов А. М. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2/сост. Д. Д. Тумаркин. М., 2003. С. 147–192.
10. Торбаков И. (изд. подг.). «Любопытно, что будет через несколько лет»: письма В. И. Вернадского Ф. И. Родичеву // Источник: документы русской истории. 2002. № 2. С. 28–40.
11. Тункина И. В. «Дело» академика С. А. Жебелёва // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России: Альманах. 2000. Вып. 2. С. 116–161.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.017

Типология слухов как исторического источника

В. П. Козлов

В последнее время феномен слухов, связанных с прошлой и современной реальностями, начал активно изучаться в социально-психологическом плане [Дубин, Толстых, 1993] как разновидность фольклора или «устной истории» [Неклюдов, 1995; Орлов, 2006; Орлов, 2015], в качестве проявления речевой и языковой рефлексии [Осетрова, 2003], неофициальной или неформальной коммуникации [Слухи в России, 2011], в качестве одной из разновидностей исторического источника [Кабанов, 1997; Голубев, 2012; Егоров, 2015]. Специальный историографический обзор проблемы [Гайлит, 2018; Осетрова, 2011] насчитывает несколько сотен названий. Предпринята оригинальная попытка дать типологию слухов по источникам XVIII — XIX вв. [Побережников, 1995] Заговорили о специальной научной дисциплине, изучающей феномен слухов, — румурологии.

В результате накоплены ценные наблюдения над бытованием слухов и их ролью в общественном сознании с наметившимися недоговоренностями и противоречиями. Ключевой вопрос: что такое слух, — не имеет единого толкования, например, в связи с формой его бытования (устная коммуникация и/или фиксация каким-либо способом), его достоверностью, оппозиционностью к современности и числом лиц, коммуницирующих слух.

Настоящая статья представляет собой попытку архивно-историко-ведческого рассмотрения слуха в качестве любого устного сообщения, реагирующего на действительность. Как нематериальное произведение, первоначально транслируемое устным путем, слух может фиксироваться каким-либо способом, в первую очередь, письменным. В России такая фиксация осуществлялась органами охраны порядка, безопасности и карательными органами, средствами массовой информации (СМИ), а также носителями и потребителями слухов. В первом случае слухи передавались в специальных обзорах состояния общественных настроений или отношения к какому-либо событию. Во втором случае они записывались в дневниках, воспоминаниях, переписке. Любая такая фиксация включала слух в состав документальной исторической памяти. На наш взгляд, только такое понимание слуха открывает возможность рассмотрения его в качестве исторического источника, т. е. общедоступного сообщения, закрепленного на материальном носителе, открывающего возможности для различных его интерпретаций.

Всем хорошо известно стихотворение В.С. Высоцкого «О слухах» [Высоцкий, 1998]. На первый взгляд, оно носит бытовой характер и затрагивает одну из обыденных сторон повседневной жизни в застойный период советской истории. В этом произведении Высоцкий внешне примитивизирует проблему слуха, делая его носителем «беззубых старух», генерирующих и распространяющих слух от безделья или по злобе на мир и людей. К тому же в одном из своих публичных выступлений сам Вы-

соцкий пояснил, что стихотворение является его ответом на всякие слухи и о нем, и о его творчестве. Но, как всегда у Высоцкого, и за этим стихотворением скрывались «задние мысли», важный второй план, который стал художественным осмыслением природы и сущности слуха. Не случайно, комментируя своё стихотворение во время одного из выступлений, он проговорился, поясняя, что в нём «бытовое, шуточное», «в шутливой форме» отражает «серьезное».

Прежде всего, Высоцкий констатирует распространенность слухов и силу их воздействия на общественное сознание, восклицая: «Сколько слухов наши уши поражает!». Более того, они не просто звучат, они настойчивы, назойливы и их невозможно пресечь: «Закаленные во многих заварухах,/Слухи ширятся, не ведая преград». Далее поэт отделяет слух от сплетни. Слух, по Высоцкому, имеет некое реальное основание, а также может нести в себе элементы достоверности о происходящем, тогда как сплетня — это всегда ложь, т. е. сообщение, в том числе прогноз, никогда ничем не подтвержденное. Поэт делит слухи на «плохие» (в другом месте — «дурные») и «хорошие». Его перечень тематики слухов в застойном СССР носит исключительно «дурной» характер: о близящемся подорожании продуктов питания, вплоть до поваренной соли, строительстве подземного города на случай ядерной войны, закрытии бань, обнаружении при рытье траншеи труб с текущим в них коньяком, отравлении шпионами самогоном городского водоснабжения, аресте соседа старух, за то, что он оказался похожим на Л. П. Берию, скором освобождении от должности тренера футбольной команды ЦСКА А. И. Мамыкина, изготовления хлеба «из рыбной чешуи». Высоцкий продолжает: «А к хорошим слухам люди не привыкли почему-то,/Говорят, что это выдумки и чушь». Словом «говорят» Высоцкий как бы дистанцирует своё понимание сплетни, т. е. всего лишь подчеркивает редкость «хороших» слухов, и поэтому в общественном сознании признаваемых «выдумками и чушью». Эта поразительная игра слов, за которой скрывалось художественное осмысление едва ли не диалектического противоречия жизни и общественных настроений в позднем СССР, завершается просто блестящим по выражению и глубине осмысления тогдашней действительности двустишием: «Ходят сплетни, что не будет больше слухов совершенно,/Ходят слухи, будто сплетни запретят». Иначе говоря, Высоцкий предупреждает о том, что слухи о советской действительности погасить невозможно — это сплетня. Точно так же частицей «будто» выражается уверенность в обратном сказанному ниже — слухам о запрете сплетен. Таким образом, Высоцкий подводил к выводу о вечности слухов как относительно достоверных известий и сплетен как живых сообщений.

Стихотворение Высоцкого «О слухах», конечно же, было, прежде всего, его оценкой одной из форм проявления общественного сознания в СССР, каким всегда являются слухи вообще и сплетни в частности. В ироничных размышлениях поэта скрывалась горькая истина: сознание советских людей генерирует только негативные слухи о действительности, позитивные слухи об этой действительности невозможны, а потому находятся как бы под запретом. Это стихотворение как художественное осмысление проблемы мы можем рассматривать в качестве важной и беспощадной для характе-

ристики времени его создания метафоры, обрамленной ставшими широко известными тремя афоризмами.

В толковании слуха как общественного явления стихотворение Высоцкого более сдержанно, чем у А. С. Пушкина. У последнего слух — это либо радостная и правдивая весть, например о нем лично как национальном поэте («Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...»), либо лукавая, мятежная «молва», иногда становящаяся, как в случае с Борисом Годуновым, «мнением народным» и в конце концов могущая приобрести действительный характер. Не углубляясь далее в литературоведческий разбор понимания слуха двумя великими отечественными поэтами, отметим два их общих соображения. Первое: слух — это и «весть», т. е. простое достоверное или недостоверное известие о чем-либо, и некое общественное «мнение», способное формировать склонность к определенным поступкам. Второе: слух как «весть» и «мнение» могут быть «сомнительными», «баснями», по Пушкину, или «лживыми», по Высоцкому, и правдивыми. Так, например, слух о Лжедмитрии I как о чудесно спасшемся царевиче Дмитрие Ивановиче был ложью, а слух о его появлении в лице Лжедмитрия I оказался правдой. Точно так же и у Высоцкого почти все перечисленные слухи представлены в виде гиперболы, но в их основе находились реальные факты. Например, городской слушатель и читатель стихотворения прекрасно понимал его строки о подземном городе, поскольку был свидетелем строительства бомбоубежищ в рамках неизвестных ему программ гражданской обороны.

Таким образом, Пушкин и Высоцкий создали своего рода художественный образ слуха как одного из реальных проявлений общественного сознания и как отражения самой реальности человеческого бытия. Нам остается посмотреть на это явление с позиций его источникового значения при изучении времени возникновения того или иного слуха.

По большому счёту в распоряжении историка современности есть только четыре типа источников: 1) обнародованные и ограниченный круг общедоступных архивных документов официального происхождения; 2) СМИ, опубликованные мемуары, дневники и личная переписка неофициального происхождения; 3) собственные наблюдения историка новейшего времени над происходящим; 4) слухи.

Наш третий великий поэт И. А. Бродский однажды написал: «Страницы и огонь, зерно и жернова,/Секиры острые и усеченный волос — /Бог сохраняет все: особенно слова ...». Эти слова Бродского с точки зрения темы нашей статьи имеют двойственный смысл. С одной стороны, слово — это звук, распространяющийся во времени и пространстве как устное сообщение, с другой, слово — это письменная и иная фиксация звуков, т. е. сообщений, имеющих смысл. Слух имеет такую же двойственную природу, и она определяется двумя формами его бытования.

Рассмотрим каждую из этих форм. Слух как устное сообщение о чем-либо по способам актуализации может быть результатом специального внедрения в общественное сознание определенного сообщения с какой-либо целью, а также являться отголоском реальности или домысливания чего-либо. Реально существуя в общественном сознании как порождение времени, такой слух остается принадлежностью устной традиции и исчезает, не остав-

ляя следов о себе в исторической памяти, даже если в реальной жизни его воздействие на происходящее имело какое-то значение. С другой стороны, такой же слух оказывается так или иначе зафиксированным во время своего возникновения или много позже — в этом случае слух является частью обыденной исторической памяти и составляет часть документальной исторической памяти. Поэтому анализ в этом случае слухов есть ничто иное, как формирование представлений о достоверности их носителей. Например, ныне широко опубликованные информационные сводки ВЧК — ОГПУ — НКВД одним из своих источников имели слухи, иногда с прямой ссылкой на них, нередко в скрытом виде.

Слух всегда есть ничто иное, как попытка коллективной интерпретации события, формирующейся на основе некоего первичного импульса. Он является либо результатом сознательного целенаправленного вброса некоего сообщения, либо порождением полного отсутствия или недостатка информации о реально случившемся факте.

Для понимания слухов как исторического источника по истории современности важно рассмотреть их типологию, в основе которой лежит представление об их фазированном бытовании. Оно может быть выражено *формулой фазирования*: генерация слухов — трансляция слухов — циркуляция слухов — бытование слухов — воздействие слухов на общественное сознание и поведенческую деятельность человека.

Первая часть этой формулы — *генерация слухов* — может представлять собой: 1) целенаправленное вбрасывание в общественное пользование сведений о реально случившихся или не имевших места фактах и событиях; 2) домысливание факта, события в общественном сознании; 3) слухи как ожидания или опровержения чего-либо; 4) слухи как страхи перед чем-либо или чего-либо. Как видим, во всех четырех случаях генерации слухов присутствуют три прямо противоположных мотива — сознательная мистификация, простодушный домысел или искаженная реальность. И в том, и в другом, и в третьем случаях необходим источниковедческий анализ, который должен показать или достоверность слухов, или мотивы их фальсификации, что представляет самостоятельный интерес.

Вторая часть формулы, связанная с *трансляцией слухов*, предполагает, что они могут внедряться через: 1) устную трансляцию; 2) фейквнедрение, например, через СМИ; 3) специальную фиксацию; 4) произвольную фиксацию; 5) комбинацию всех или части названных выше форм трансляции.

Устная трансляция слухов возникает в результате личных коммуникаций между людьми. Формы таких коммуникаций многообразны и в принципе их перечисление бесконечно, так же как бесконечно пространство и время их циркуляции. Они могут бытовать в неопределенном или определенном локальном пространстве. Однако применительно к пониманию слуха как исторического источника важно одно из оснований их классификации — степень близости людей в процессе передачи слухов. Слухи в семейном, родственном, дружеском, корпоративном кругу имеют более высокую степень фильтрации с точки зрения их достоверности, нежели слухи, распространяющиеся в неопределенном социуме. Это ничто иное, как *очарованные слухи*.

В отличие от этого на неопределенный социум рассчитаны такие слухи, как *фейковые сообщения*, транслирующиеся через СМИ и с помощью других средств, например ораторами на массовых митингах. Коварство слухов-фейков связано с тем, что они изначально нацелены на массовое потребление и для определенных общественных слоев населения прикрыты ореолом доверия к печатному слову, уважительное отношение к которому у человека воспитывается с детства, с букваря. Фейк-слухи, как правило, имеют определенное обрамление, своего рода «конвой». С его помощью такие слухи камуфлируются, прикрываются, например, ссылками на общеизвестные авторитеты или солидные центры информации. Фейк-слухи, как правило, изначально преследуют кратковременные цели, рассчитаны на оперативное воздействие. Их можно определить как *наведенные слухи*, т. е. всегда преследующие некие цели.

Определенная часть слухов исследователям новейшей истории известна в форме *специальной фиксации*. Их инициация связана в первую очередь с деятельностью служб охраны порядка и безопасности государства и социологическими службами. Например, после окончания Великой Отечественной войны и вплоть до смерти Сталина в крестьянской среде широко циркулировали слухи об отмене колхозной системы, старательно фиксированные органами НКВД и МВД. Такая форма циркуляции слухов как отражение определенных настроений в разных социумах общества и как их публичное выражение после специальной фиксации становилась доступной лишь ограниченному кругу организаций и лиц. Как правило, такие слухи становятся известными после издания этих источников. Однако новейший период истории вообще и отечественной в частности дает немало примеров их трансляции в дневниках и мемуарах еще живых людей. Достаточно прочитать дневник А. Черняева [Черняев, 2010], чтобы убедиться в этом.

Непроизвольная фиксация слухов характерна для класса документальных источников неофициального происхождения и в первую очередь для переписки, дневников и мемуаров. Авторы таких источников с разной степенью критичности фиксируют слухи, привлекающие их в соответствии с личными интересами [см., напр.: Демидова, 1956]

Наконец, *комбинированная форма фиксации слухов* представляет собой своего рода поступенчатую трансформацию их от устного сообщения к публичной, т. е. обнаруживаемой форме. Наиболее четко она проявляется, когда слухи оперативно становятся известными через СМИ. Например, журнал «Вестник сельского хозяйства» в 1918 г. имел специальный раздел «Вести и слухи» [Кабанов, 1997].

Циркуляция слухов определяет степень их известности, а значит, в какой-то мере эффективность воздействия. Среда такой циркуляции может быть: а) сколь угодно неопределенной; б) социально ориентированной; в) корпоративной; г) служебной; д) задружной; е) семейно-родственной. Неопределенная среда циркуляции слухов отражает их общественное звучание, связанное с той или иной востребованностью общества, проблемностью его жизнедеятельности. Например, слухи о подорожании продуктов питания касаются всех и поэтому циркулируют в *разных социумах*. *Социально ориентированные слухи*, как правило, ограничены обращением

в определенных социумах. Так, слухи об отмене колхозной системы, переводе колхозов в совхозы после Великой Отечественной войны циркулировали преимущественно в крестьянской среде. *Корпоративная среда циркуляции слухов* ограничивает их распространение среди заинтересованного круга лиц, связанных профессиональной деятельностью. Здесь особенно распространены слухи, например, о кадровых перемещениях. *Служебная среда циркуляции слухов* представляет собой организационные структуры, для которых фиксация, инициация и трансляция слухов, их обработка является одной из функциональных задач. Как уже отмечалось выше, это преимущественно органы безопасности и порядка, СМИ. В *задружной среде циркуляции слухов* их распространение происходит в кругу разных сообществ, имеющих общие территориальные и экономические связи. Например, в крестьянских общинах были нередки слухи об ошибках — сознательных или случайных — при земельных переделах. Такие слухи иногда приводили к внутриобщинным конфликтам. *Семейно-родственная среда циркуляции слухов* открывает простор распространению слухов, так или иначе связанных с судьбами составляющих ее людей, и определяется характером отношений между ними.

Иначе говоря, циркуляция слухов всегда определяется характером их сообщений. Он же регулирует продолжительность и территориальную принадлежность циркуляции слухов — их бытование во времени и пространстве.

Бытование слухов во времени как четвертая фаза формулы фазирования зависит от степени их соответствия реальному ходу событий, современных возникновению и циркуляции слухов. С этой точки зрения мы можем говорить о *слухах подтвержденных, не подтвержденных и неопределенных*. В первом случае бытование слухов прекращается, и они оказываются достоверными историческими источниками по истории современности, разумеется, с нюансами в установлении их точности и достоверности. Например, циркуляция во время и после Крымской войны слухов об отмене крепостного права, рождавшая напряженность в деревне, была погашена реформой 1861 г. Во втором случае для бытования слухов сохраняется неопределенно длительный временной период. Например, те же слухи об отмене колхозной системы в СССР после Великой Отечественной войны, как мы теперь знаем, не имели под собой никаких оснований даже в послесталинский период советской истории. Однако они продолжали упорно бытовать до конца 1950-х годов, пока импульсивная политика Н. С. Хрущева о преобразовании колхозов в совхозы, их укрупнении и наоборот не запутала не только советское крестьянство, но и низовые звенья власти. Точно так же разные слухи об «антипартийной группе В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича и примкнувшего к ним Д. Т. Шепилова» бытовали до тех пор, пока часть их не нашла свое подтверждение в документальных публикациях последних двух десятилетий. Неопределенные слухи сохраняют свою актуальность и остаются предметом исследовательских усилий, рождая гипотезы, предположения и домыслы. Доверие к ним определяется степенью доказательности. Такие слухи, как правило, остаются неизменной частью историографической традиции. К их числу можно отнести слух о насиль-

ственной смерти И. В. Сталина или слух об обстоятельствах «форосского» пребывания М. С. Горбачева во время августовских событий 1991 г.

Последняя часть формулы фазирования, связанная с *воздействием слухов на человеческую жизнедеятельность*, подразумевает многомерность такого воздействия и среды их циркуляции. Известно немало примеров того, как слухи оказывают влияние на человеческую жизнедеятельность и на поступки и судьбы конкретных людей. Слух послужил одним из поводов дуэли А. С. Пушкина, сфальсифицировал взгляды П. Я. Чаадаева, объявив его сошедшим с ума. В новейшее время слух, оформленный в виде пробирки с боевым отравляющим веществом, стал оправданием действий, приведших к разгрому Ирака. Не будем говорить о том, как слухи сакрального характера формируют и в наши дни религиозные взгляды. Таким образом, регулятивный эффект слухов часто оказывается весьма эффективным и действенным, и уже по этой причине они являются важным историческим источником.

Рассматривая слухи как исторический источник, нельзя обойти их *содержательную типологию*.

В типологии слухов по их содержанию или проблематике можно выделить: 1) событийные слухи; 2) персонифицированные слухи; 3) объяснительные слухи; 4) производные слухи.

Событийный слух представляет собой сообщение о никогда не случавшемся факте, событии современности и недавнего прошлого или о реально случившемся факте, событии. Например, в современном обыденном историческом сознании и особенно в годы руководства страной Хрущева бытовал слух о многочисленных снижениях цен при Сталине, опиравшийся на реальные правительственные решения. В то же время в таком общественном сознании в годы перестройки был широко распространен слух о Сталине как агенте царской охраны, опиравшийся на недоступный советскому человеку опубликованный в США подложный документ, разоблаченный только в годы перестройки [Козлов, 2015. С. 463–487].

Персонифицированный слух позиционирует определенную оценку человека и его действий в рамках парадигмы «плохой — хороший». Типичным примером такой оценки является слух об известном советском и российском партийном и государственном деятеле А. Н. Яковлеве как американском агенте влияния.

Объяснительный слух носит концептуальный характер, т. е. содержит попытку объяснить вымышленные или реально состоявшиеся события современности и недавнего прошлого. Упомянувшиеся выше слухи о снижении цен при Сталине или Сталине как агенте охраны на самом деле рождали новые и более важные для понимания формирования обыденного или конструктивистского типов исторической памяти слухи. В первом случае рождался слух-миф о том, что «при Сталине жить было лучше», хотя реальные цены после Великой Отечественной войны росли. Во втором случае сформировался иной слух. Он объяснял репрессии 1930-х годов причастностью Сталина к сотрудничеству с царской спецслужбой, а значит, его традиционным предательством дела и идеи социализма. И в том, и в другом случаях объяснительный слух упрощает понимание прошлого и современности.

Производный слух рождается как дополнение к реально случившемуся событию. Он раскрашивает такое событие не только действительно бывшими, но и вымышленными подробностями, в которых реальность переплетается с фантазиями его создателей. Приведу пример такого слуха из давнего прошлого, чтобы не раздражить кого-то примерами из новейшей истории. На малой родине автора недалеко от Куликова поля, где произошло известное всем сражение, вплоть до 60-х годов XX в. бытовал слух о том, что убежавший хан Мамай, переправляясь через речку Воробьевку, исчезнувшую уже в XVIII в., затопил в её водах карету с золотыми и серебряными монетами и драгоценными изделиями. Поскольку школьником автору довелось копать в овраге, оставшемся от реки, в надежде найти эту карету, уже став историком, попытался найти истоки этого слуха. Оказалось, что «каретный клад» здесь искали энтузиасты-крестьяне едва ли не со второй половины XVIII в. Один из них разорился вконец на этом деле. Выяснилось, что слух возник после секретного расследования, масштабно и быстро проведенного тульским жандармским дивизионом в 1835 г. Сюда поступил донос епифанской мещанки А. А. Богдановой о том, что «Тульской губернии на Куликовом поле от села Куликовки в полутора верстах в Выселках у крестьянина Гаврилы Константинова под избою в подвале находится большое количество боченков с старинною золотою и серебряною монетою и что крестьянин Константинов пользуется будто бы с давних лет размениванием сих монет, отдавая оные по 16 и 18 руб. каждую, что о сем слышали они ... от крестьянина помещика ... села Архангельского Васильчикова — Михайлы Иванова Клыккина ...»¹. Результаты расследования остаются неизвестными, но «боченки», позже ставшие «каретой», вполне возможно имели место быть, если вспомнить, что строительство в Епифанском уезде при Петре I Ивановского канала сопровождал скандал с кражей денежных средств, предназначенных для оплаты трудившихся там иностранцев.

Слух как любой исторический источник представляет собой запоминание современной и прошлой реальности в виде достоверной и не достоверной реакции на эту реальность. Слухи являются одной из форм сознательно организуемой или стихийно формирующейся формой регулирования общественного сознания. В первом случае они выступают одним из инструментов политико-идеологического воздействия на общественное сознание, имеющего в разных случаях разный эффект. Во втором случае слухи с разной степенью полноты и достоверности дополняют и пополняют реальности современной жизни. Слухи восполняют недостаток информации о происходящем, являются одним из вариантов его интерпретации.

Слух часто представляет собой домысел, а домысел иногда превращается в версию. Он рождает исторический миф. Обычно это происходит в одном или во всех трех случаях. Первый случай — это когда слух вбрасывается в определенных политических и идеологических целях и активно внедряется в общественное сознание. Условно такой слух мы можем назвать *диверсионным*. Как правило, это откровенный, от начала и до конца фальсификат ассоциативного вида. Примером диверсионного типа слухов является слух

¹ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Дело 13629. Л. 1.

о последней российской императрице как агенте германского правительства во время Первой мировой войны, слух о ней же, как любовнице Григория Распутина. Второй тип слуха — *слух-домысел*. Он рождается стихийно как следствие дефицита информации о событии или действии лица и представляет собой их свободную интерпретацию. Примером слуха-домысла является слух о Г. К. Жукове как возможном диктаторе, намеревавшемся сместить Хрущева. Третий тип слухов — *слух-отголосок* как реальное свидетельство произошедшего глазами участника, очевидца или современника. Слух-отголосок, как правило, содержит достоверные свидетельства о случившемся факте-событии, но с их дополнением вымышленными подробностями. Примером слуха-отголоска является слух об обстоятельствах смерти Сталина.

Любой из трех названных выше типов слухов после их первичной генерации переживает различные трансформации. Они связаны главным образом с обрамлением первичного варианта слуха новыми деталями событийного ряда и дополнительными интерпретациями сути произошедшего. Иначе говоря, приблизительно с третьего транслятора слуха начинается его искажение. Каждое такое искажение, особенно искажение-интерпретация, есть самостоятельное произведение-слух как исторический источник.

Как уже говорилось в начале статьи, только зафиксированный слух является потенциальным документальным историческим источником. Ставший доступным и равнодоступным, он и становится полноценным источником. В закрытых обществах, т. е. обществах с контролируемой циркуляцией информации, зафиксированный слух приобретает двойное измерение. С одной стороны, он запоминает суть или детали какого-либо события, известного по другим документальным источникам. Такое запоминание может быть как истинным, так и ложным, а составляющий его слух можно назвать *конвенциональным*. С другой стороны, слух всегда, независимо от его истинности или домысла, отражает некое общественное настроение. Поэтому если в первом случае слух требует проверки на его достоверность, то во втором случае он автоматически является достоверным историческим источником, даже если его домысел очевиден.

Слухи не рождаются просто так, из ничего. Любой слух есть проекция на нечто случившееся или не случившееся, но имеющее некоторую вероятность случиться и, самое главное, так или иначе слух порождается злободневными проблемами и событиями современности. Задокументированный слух может быть ничем иным как фальсификацией документального источника. Однако задокументированный слух может содержать свидетельства о событиях и лицах достоверные и не документированные при их совершении. Более того, такие события могут быть принципиально не документированные по разным причинам.

Феномен слуха как общественного явления лет 30 назад можно было легко объяснять закрытостью советского общества, наличием в нем жесткого идеологического контроля, обеспечивавшего тайну многого из происходившего и потому способствовавших возникновению слухов в виде домыслов или устных правдивых сообщений. Действительно, гласность и фильтруемая, но все же существующая свобода слова, в наше время ограничили генерацию слухов. Но не ликвидировали их бытование, хотя и обеспечивают

теперь большие возможности их подтверждения или разоблачения. Можно сказать, что слухи являются одной из форм проявления общественного сознания, а значит, были и продолжают оставаться историческим источником по истории современности.

Список литературы

1. *Высоцкий В. С.* О слухах. — Летела жизнь. Песни, стихотворения. М., 1998.
2. *Гайлит О. А.* Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. №4 (20). С. 45–52.
3. *Голубев А. В.* Крестьянские слухи и толки: источник или предмет исследования? (На примере внешнеполитических представлений 1920-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012.. №3. С. 301–313.
4. *Демидова А. П.* Из истории организации комитетов бедноты в Тульской губернии (июль — август 1918 г.). // Исторический архив. 1956. №4.
5. *Дубин Б. В., Толстых А. В.* Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. №3. С. 15–1.
6. *Егоров А. К.* Слухи как объект исторического исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические науки и археология. Т. 2. №3. Петрозаводск, 2015. С. 7–9.
7. *Кабанов В. В.* Источниковедение истории советского общества. Курс лекций. М., 1997.
8. *Козлов В. П.* Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио. М., 2015.
9. *Неклюдов С. Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. №1. С. 2–4.
10. *Орлов И. Б.* Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. №2. С. 136–138.
11. *Орлов И. Б.* «Словно мухи, тут и там...» слухи как источник коммуникации в пространстве постфольклора // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. М., 2015. С. 12–21.
12. *Осетрова Е. В.* Слухи в речевой и языковой действительности // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 62. №1. М., 2003. С. 49–54.
13. *Осетрова Елена.* Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум. СПб., 2011. №5. Online [электронный ресурс]; режим доступа: <http://anthropologie.kunskamera.ru/07/5online/>
14. *Побережников И. В.* Слухи в социальной истории: типология и функции. (По материалам восточных регионов России XVIII — XIX вв.). Екатеринбург, 1995.
15. Слухи в России XIX — XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011.
16. *Черняев А.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2010.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.018

Источники первого проекта Союзного договора (1990)

Ю. М. Батурин

30 лет назад, 24 ноября 1990 года был опубликован первый проект нового Союзного договора, подготовленный в аппарате Президента СССР М. С. Горбачева¹. Потом, до ноября 1991 года появятся еще несколько проектов, значительно отличающихся друг от друга вследствие проходящих его обсуждений Подготовительным комитетом и предлагаемых поправок от союзных и автономных республик и органов государственной власти Советского Союза, а также под влиянием стремительно меняющейся политической обстановки. Но именно первый проект, его источники, как он создавался и кем, представляет особый интерес.

Впервые словосочетание «Союзный договор» прозвучало 16 ноября 1988 г., когда Верховный Совет Эстонской ССР принял резолюцию, которая так и называлась — «О Союзном договоре»². Весь следующий год в многочисленных публикациях в прессе все явственнее звучала мысль о необходимости нового Союзного договора. 15 марта 1990 г. на Внеочередном III Съезде народных депутатов СССР М. С. Горбачев был избран Президентом СССР. В своей первой президентской речи он сказал: «...Считаю безотлагательной разработку нового Союзного договора, который отвечал бы нынешним реальностям и потребностям развития нашей федерации, каждого народа. При этом следует предусмотреть дифференциацию федеративных связей с учетом своеобразия условий и возможностей каждой республики»³. Работу над подготовкой нового Союзного Договора М. С. Горбачев поручил своему помощнику, доктору юридических наук, члену-корреспонденту АН СССР Г. Х. Шахназарову⁴.

12 июня 1990 г. прошло заседание Совета Федерации СССР⁵ под председательством Президента СССР М. С. Горбачева, который поставил вопрос

¹ Проект представлен Верховному Совету СССР 22 ноября 1990 г.

² См. подробнее: Батурин Ю. М. Конец эпохи. О проекте Союзного договора 1991 г. — Труды Отделения историко-филологических наук РАН. — М.: «Наука», 2017, с. 296–316.

³ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. — М., 2007, с. 299.

⁴ Так сложилось, что автор настоящей статьи в 1990–1991 гг. работал под началом Г. Х. Шахназарова сначала в возглавляемом им секторе теории политических систем и политических отношений Института государства и права АН СССР, а затем в Аппарате Президента СССР и по своим служебным обязанностям занимался проектом нового Союзного договора. Все материалы в аппарате Президента готовились в машинописном виде. В трудные дни декабря 1991 — января 1992 года мне удалось сохранить полный набор документов по Союзному договору, который был в моих руках (фактически все материалы, с которыми работал Г. Х. Шахназаров), включая рукописную правку и черновики. Ныне они переданы в Государственный архив РФ, в мой персональный фонд (ф. 10354), но пока не описаны. Поэтому ссылки в статье будут иметь вид — «Батурин Ю. М. Личный архив». Исследователи, безусловно, смогут найти указанные документы в ГА РФ.

⁵ Совет Федерации СССР был создан в ответ на пожелания союзных республик более активно влиять на выработку общесоюзной политики. В него вошли высшие должностные лица союзных республик. Возглавлял его Президент СССР.

о новом Союзном договоре в практической плоскости. Было признано необходимым для разработки проекта Союзного договора создать рабочую группу в составе полномочных представителей всех союзных республик. Возглавить группу поручили Р. Н. Нишанову и Г. И. Ревенко. Народный депутат СССР Г. И. Ревенко был также членом Президентского совета, в 1991 году стал советником Президента СССР М. С. Горбачева, и в этих своих качествах он начал тесно сотрудничать с Г. Х. Шахназаровым, так что фактически возникла общая небольшая группа Шахназарова — Ревенко.

К этому времени в Отделе национальных отношений ЦК КПСС в условиях строгой конфиденциальности уже разработали несколько проектов Союзного договора — от консервативного (жесткая федерация) до более чем либерального (конфедерация). Однако ни один из них Г. Х. Шахназаров не посчитал возможным взять за основу для подготовки «модельного» проекта Союзного Договора, чтобы представить его президенту СССР М. С. Горбачеву⁶.

Поскольку Г. Х. Шахназаров одновременно со своей работой помощником Президента (Государственный советник) возглавлял сектор в Институте государства и права АН СССР и был Президентом Советской ассоциации политических наук, базировавшейся там же — в ИГП АН СССР, он решил положить в основу проект, подготовленной профессионалами-юристами. Однако в силу ряда причин собрать летом, в период отпусков, достойный авторский коллектив директору ИГП АН СССР члену-корреспонденту АН СССР Б. Н. Топорнину не удалось. Тогда Г. Х. Шахназаров с участием сотрудников своего сектора сам написал исходный вариант и послал его М. С. Горбачеву (фактически — себе) от имени Института государства и права Академии наук и Советской ассоциации политических наук⁷. Директор ИГП АН СССР Б. Н. Топорнин, будучи специалистом по конституционному праву, в конце концов, самостоятельно написал проект договора⁸. Он тоже пошел в дело.

В июне начались консультативные встречи полномочных представителей республик, экспертов и рабочих групп с экспертами Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, посвященные обсуждению подходов к разработке нового Союзного договора (всего во встречах участвовали более 221 экспертов). Они продолжались до середины сентября. Позиции республик постепенно вырисовывались, но ввиду широкого их спектра не удавалось вычленить некий инвариант — общее понимание решения группы проблем, от которого можно было бы оттолкнуться в создании «модельного» проекта.

20 июля М. С. Горбачев поторопил разработчиков проекта Союзного договора: «Самый главный вопрос — это наполнение реальным содержанием

⁶ См. подробнее: Станкевич З. А. Советский Союз. Обрыв истории. — М.: «Книжный мир», 2016, с. 137–189. Термин «модельный» применительно к проекту нового Союзного Договора принадлежит З. А. Станкевичу, (указ. раб., с. 150), одному из членов группы Шахназарова-Ревенко.

⁷ Группа ученых Института государства и права АН СССР и Советской ассоциации политических наук. Союзный договор. Проект. — Батурин Ю. М. Личный архив.

⁸ Союзный договор. Проект. Подготовлен членом-корреспондентом АН СССР Топорниным Б. Н. — Батурин Ю. М. Личный архив.

формулы Союза Суверенных Государств. Конечно, речь идет о союзном государстве, у которого будет новый Центр, освобожденный от ряда прежних функций, но это не какое-то эфемерное образование. Развертывание работы по Союзному договору не надо затягивать»⁹.

1 августа 1990 года Г.Х. Шахназаров и Г.И. Ревенко представили М.С. Горбачеву первый «модельный» проект нового Союзного Договора. Однако он его не устроил. Между тем, подоспел целый «пакет» свежих идей.

Еще в марте 1990 года Оргбюро Межрегиональной депутатской группы (МДГ) приняло решение о проведении конкурса на лучший проект концепции нового Союзного договора. Публично о Конкурсе было объявлено в апреле. В установленные сроки в Оргкомитет конкурса было представлено 380 (!) проектов. В то турбулентное время было обычным, что в подготовке планов, проектов, программ государственного значения в инициативном порядке принимали участие рядовые, заинтересованные граждане, среди которых было много хорошо подготовленных в разных областях, образованных людей, весьма профессионально делавших работу, за которую брались. Показательным примером может служить академик А. Д. Сахаров, представивший осенью 1989 года свой проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии.

Экспертиза проектов, проведённая приглашенными специалистами в области права, экономики, национальных отношений и др., позволила отобрать для рассмотрения Жюри конкурса семь наиболее интересных проектов. 7 августа 1990 года, через неделю после представления Президенту СССР отвергнутого первого варианта нового Союзного договора, Жюри в составе народных депутатов СССР А.Е. Себенцова (председатель Жюри и Оргкомитета, председатель подкомитета/по конституционному законодательству и реформе политической системы/Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка), Ю.Н. Афанасьева (ректор Московского историко-архивного института), Г.Э. Бурбулиса (полномочный представитель Верховного Совета РСФСР), К.Д. Лубенченко (заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка), А.Н. Мурашева (член комитета Верховного Совета СССР по науке, культуре, образованию и воспитанию) и Н.В. Федорова (министр юстиции РСФСР) назвало победителей Конкурса. В работе Жюри принимали участие также народный депутат СССР и РСФСР Г.В. Старовойтова и заместитель председателя Оргкомитета А.Л. Головнев. Проекты подавались на Конкурс под девизами, имена их авторов стали известны позднее, но здесь мы назовем их сразу.

Победителем конкурса стал проект под девизом «Плюс», автором которого был доктор экономических наук, профессор Е.З. Майминас, заведующий лабораторией Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса Академии наук СССР, выпускник Вильнюсского государственного университета, завершивший свою работу 3 мая 1990 г.

Вторую премию получил проект под девизом «Политея», разработанный в межинститутской научно-аналитической группе ретроспективной и срав-

⁹ Союз можно было сохранить, с. 162–163.

нительной политологии тремя авторами: доктор исторических наук А. Б. Зубов, кандидат исторических наук Л. Л. Тайван (оба — Институт востоковедения АН СССР) и доктор исторических наук А. М. Салмин (Институт международного рабочего движения АН СССР).

Три проекта поделили между собой третье место: проект кандидата филологических наук А. А. Кибрика, сотрудника Института языковедения АН СССР (девиз «Лучше меньше, да лучше»); проект С. Н. Заборовской, младшего научного сотрудника Научно-исследовательского электромеханического института Министерства радиопромышленности СССР (девиз «Хотеть мало — надо действовать») и проект кандидата технических наук А. А. Островского, пенсионера с 1984 года, участника Великой Отечественной войны (девиз «Политическое единство Союза при хозяйственной самостоятельности республик»).

Ответственный секретарь МДГ, народный депутат СССР А. Н. Мурашев от имени Оргкомитета направил проекты-победители Президенту СССР М. С. Горбачеву, который и передал их своему помощнику Г. Х. Шахназарову.

Конкурс проектов МДГ первым дал группе Г. Х. Шахназарова — Г. И. Ревенко широкий набор идей и своеобразный зондаж мнений экспертов. Попробуем описать их спектр на примере семи проектов, рассматривавшихся Жюри конкурса МДГ.

Сотрудники Института государства и права АН СССР доктор юридических наук М. А. Шафир и кандидат юридических наук А. Е. Козлов представили концепцию будущего государства как союза национальных суверенных республик, в котором будут иметь место и федеративные, и конфедеративные формы национально-государственного устройства, а приоритетным является республиканский суверенитет. Особо подчеркивалось, что Союз ССР не вправе устанавливать условия и порядок выхода республик из состава СССР. Союзный договор должен был приниматься на основе консенсуса всех союзных республик. По сути, это был лишь слегка модернизированный вариант Советского Союза. И он оказался недостаточно радикальным для высокополитизированного Жюри Конкурса.

Сотрудник Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова АН СССР кандидат технических наук И. А. Апокин подготовил проект по модели административно-государственного устройства США. Он исходил из постулата о невозможности реального равенства между изначально неравными субъектами. Проект придавал экономической интеграции и правам человека безусловный приоритет над принципом национального самоопределения. Отсюда он логично пришел к выводу о необходимости уменьшения размеров экономически крупных субъектов Союза (в первую очередь, разумеется, РСФСР) до размеров областей и краев, увеличивая число членов Союза с 15 до 150! Пожалуй, именно это вполне закономерно и испугало членов Жюри, которые не сделали его проект призером Конкурса. Центральные органы власти и разграничение полномочий между ними, по И. А. Апокину, полностью воспроизводили американскую модель. Но даже при сильном американском тренде того времени очевидная опасность распада Союза при таком множестве участников была понятна.

По проекту А. А. Островского речь должна идти «не о построении Союза республик, а о его перестроении»¹⁰. Перестроение Союза требует некоторого переходного периода, в течение которого продолжают действовать законы Союза ССР. Оригинальность проекта А. А. Островского состояла в парадоксальном решении отказаться от общего договора. Автор предлагал, чтобы одна из республик выступила в качестве республики-организатора Союза (имелась в виду РСФСР, но не исключался и блок России, Украины и Белоруссии), которая заключает двусторонний договор с каждым членом Союза. Эти договоры не вступают в силу немедленно, а лишь по окончании предусмотренного переходного периода. Предварительно Россия в переговорах с Украиной и Белоруссией должна решить вопрос, станет ли организатором «блок троих». Развитие событий может поставить перед ними вопрос о необходимости обратиться к членам Союза с Декларацией о новых принципах объединения. (Как мы сегодня знаем, эта мысль в причудливо искаженном варианте реализовалась всего полтора года спустя в Беловежской пуще заявлением об образовании Содружества независимых государств.)

Возможны и горизонтальные контакты (договоры) между членами Союза. Правительство Союза не занимается вопросами управления народным хозяйством Союза, вопросы эти сосредоточиваются в республиках и выходят за пределы республики только в виде межреспубликанских соглашений и договоров между предприятиями. Организатор Союза — не главный участник, а посредник. Объединение в Союз автор проекта считал целесообразным, но в «щадящем режиме»¹¹. Отвергая вариант общего договора, он прозорливо утверждал, что «отдельные пункты этого договора могут устраивать одни и не устраивать другие республики в силу серьезных различий между ними; интересы республик могут быть иногда даже прямо противоположны»¹². (Именно так и произошло в следующем, 1991 году, когда в Ново-Огарево М. С. Горбачев начал обсуждение проекта нового Союзного договора с руководителями союзных и автономных республик.) По процедуре достижения результата двусторонние договоры значительно проще.

С. Н. Заборовская в отпуске по уходу за ребенком подготовила проект, по которому Союз последовательно выстраивается как международная организация. Он начинается с перечня мероприятий, которые необходимо провести перед заключением нового Союзного договора. Перечень открывается заявлением Президента СССР и Верховного Совета: «В связи с тем, что ранее заключенный Союзный договор не соответствует реальным условиям развития ныне существующего Союза, заявляем, что 1 января 1991 года ныне действующий Союзный договор будет признан исчерпавшим свои

¹⁰ Проект концепции Союзного договора. Девиз: «Политическое единство Союза при хозяйственной самостоятельности республик» (Александр Абрамович Островский). — Батурин Ю. М. Личный архив.

¹¹ Там же.

¹² Там же. (Заметим, что достижение общей договоренности при большом числе участников напоминает решение задачи многокритериальной оптимизации: довольно быстро очерчивается область согласия, а затем попытка улучшить решение по одному критерию приводит к его ухудшению по другим. Таким образом, процесс может длиться бесконечно. — Ю. Б.)

возможности и действие его будет прекращено»¹³. В течение месяца со дня оглашения заявления существующее Правительство создает из «ведущих и любых компетентных отечественных и зарубежных специалистов (в основном экономистов) Компетентную Комиссию, которая в течение двух месяцев должна разработать методику по проведению полных (в том числе и по Золотому фонду) расчётов между ныне существующим Союзом и всеми его территориями... Каждое государство твердо будет знать свою и других государств начальную точку отсчёта. Только после этого можно будет говорить о новом Союзе и Союзном договоре»¹⁴.

Цели создания Союза: «1. Союз образуется для экономической взаимопомощи. 2. Союз образуется для широкого научно-технического и культурного обмена. 3. Союз образуется для совместного решения глобальных экологических проблем. 4. Союз образуется для сохранения мира на земле»¹⁵. Характерно, что Союз образовывался на определенный, заранее оговоренный срок.

После отмены административно-территориального деления СССР все бывшие административные единицы страны должны провести на своих территориях референдумы — считают ли они себя отдельным государственным образованием или разделяются на части либо вливаются в иную государственную структуру (условно — до 1 ноября 1990 г.). Затем проводится второй референдум о желании или нежелании войти в Союз (решение принимается квалифицированным большинством в $\frac{2}{3}$ голосов). Центральный орган — Координационный Совет Союза (КСС) — формируется из первых лиц государств-союзников или из доверенных лиц — по одному месту на каждое государство.

Проект был переполнен мелкими, не соответствующими уровню документа деталями, например: «1.4 Для нормального функционирования КСС нанимает на работу вычислительный центр и штат технических работников (оплата из средств КСС) ... 1.7 КСС принимает и хранит копии расписок Союза и государства, входящего в Союз, об уплате им вступительного взноса... 1.9 КСС принимает и хранит копии расписок Союза и исключаемого государства об уплате государственного штрафа Союзу или потерпевшему государству, или частному лицу... 5.7 Совет Директоров (Союзного Банка — СБ) определяет размеры штрафов по отношению к кредиторам. Суммы штрафов остаются в СБ. Подлинники и копии расписок хранятся в Совете Директоров и у штрафников...»¹⁶.

Международная организация, которую предложила создать С.Н. Заборовская, не блистала богатством функций: «КСС может выступать на мировой арене от имени Союза по вопросам: а) научно-технического обмена; б) экологии. По прочим проблемам государство-союзник выступает само»¹⁷.

¹³ Проект концепции Союзного договора. Мероприятия, которые необходимо провести перед заключением нового Союзного договора. Девиз: «Хотеть мало — надо действовать» (Софья Николаевна Заборовская). — Батурин Ю.М. Личный архив.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

А. А. Кибрик положил в основу своего проекта две идеи: 1) отказ от национально-территориального деления; 2) целесообразность уменьшения размеров Союза. В будущем многонациональном едином государстве, разделенном на несколько десятков губерний (штатов, провинций), которые носят географические, а не национальные наименования, этносы (нации) не выступают в качестве политических субъектов. Понимая, что столь сложное преобразование быстро не осуществить, А. А. Кибрик предложил 15-летний срок транзита к нему через «переходное» государство «Конфедерацию Европейских и Азиатских Республик», чтобы «пройти через этап свободы»¹⁸, т. е. сам Союзный Договор являлся бы временным соглашением. Конфедерация должна образоваться автоматически на базе СССР с тем условием, что все автономные республики, области и округа считаются вышедшими из союзных республик и ставшими равноправными с ними членами Конфедерации (со ссылкой на А. Д. Сахарова). РСФСР предлагалось разделить по крайней мере на четыре республики: Дальневосточную, Сибирскую, Уральскую и Европейскую. Всего А. А. Кибрик насчитал в Конфедерации 51 исходный субъект. Но в течение 15 лет каждый из них может с кем-то объединиться или же разделиться. Центральными органами конфедерации являются двухпалатный парламент и избираемый им Президент. За центральной властью закреплялось минимальное число функций — оборонных и законодательных. В первую очередь она должна обеспечить составление и принятие временной конституции Конфедерации. При образовании Конфедерации никто никому ничего не должен: все материальные ценности, находящиеся на территории той или иной республики, принадлежат исключительно данной республике и/или ее гражданам.

В 2003 году создается экспертная комиссия, которая в течение двух лет разрабатывает план нового территориального деления на принципах экономической, природно-географической и исторической общности. Сохранение бывших границ республик при формировании новых губерний не гарантировалось. Общие принципы Новой Федерации (условное название будущего государства) должны были реализовываться с 2006 года. В Новой Федерации государственными должны были считаться три языка, которыми владеет наибольшее число граждан.

А. А. Кибрик не просто стремился уменьшить масштабы Союза, он предлагал «отказаться от стремления сохранить Союз любой ценой», мотивируя это тем, что «сохранение сверхдержавы вообще не является благом», ибо «разделение империи на множество государств — это не негативный, а объективно позитивный процесс. Эффективны только малые государства или, по крайней мере, государства, однородные с точки зрения уровня производственной культуры населения. Нынешний объем СССР абсурден: нет ни одной общей проблемы у Эстонии и Туркмении, и не надо пытаться найти для них общие рецепты в Москве. Большинство принимаемых сейчас в Москве законов не будет действовать, так как их пытаются приспособить и к Туркмении, и к Эстонии, что заранее обречено на провал. Пребывание

¹⁸ Проект Концепции Союзного договора. Девиз: «Лучше меньше, да лучше» (Андрей Александрович Кибрик). — Батурич Ю. М. Личный архив.

столь разнородных стран в рамках одного государства — постоянно действующий деструктивный фактор»¹⁹.

Соавторский проект А.Б. Зубова, А.М. Салмина и Л.Л. Тайвана²⁰ исходил из того, что государственно-политические основания, на которых в 1922 году создавался СССР, не предполагали ни многопартийной парламентской демократии, ни рыночной экономики, ни соблюдения прав человека в современном смысле. Старые институты не в состоянии решать новые проблемы, предотвращать конфликты и обеспечивать консенсус народов, территорий и центральной власти. Что же касается хозяйственно-экономической сферы, то она требует не корректировки, а «коренной революционной перестройки»²¹.

Проект базировался на разделении национального и территориального принципов по формуле «союз суверенных народов и федерация территорий». Верхняя палата Высшего представительного и законодательного органа — Верховного Совета состоит из представителей Национальных Советов, избираемых каждым народом. Президент («Верховный Арбитр») избирается верхней палатой Верховного Совета.

Согласно проекту, каждая нация может поставить вопрос об изменении границ, создании новых республик или о выходе определенной территории из СССР. Решение принимается территориальным референдумом, в котором принимают участие жители всех национальностей, большинством в 60% голосов. «Это позволит освободить меньшинства от воли, навязанной им большинством той или иной республики, и затруднит сепессию. Одновременно этот принцип является последовательной реализацией признанного международным сообществом права наций на самоопределение, вплоть до полного отделения»²².

Нижняя палата Верховного Совета — Палата Союза — формируется депутатами, избранными от равновеликих по численности избирательных округов. Таким образом, государства Союза не представлены непосредственно в Верховном Совете СССР, но представлены опосредованно через Национальные Советы и через территориальных депутатов Палаты Союза.

Союз, предлагаемый авторами проекта, являлся бы союзом государств с широким внутренним самоуправлением, с собственными законодательными, исполнительными и судебными органами, независимыми от Союза во всех сферах, не принадлежащих к законодательной компетенции Союза. «Государства Союза как таковые не имеют права выхода из Союза... Государства Союза могут определять сами форму государственности, государственную эмблематику, административную структуру, границы и наименования административных единиц, название государства, входящих в него частей, населенных пунктов, расположенных на его территории»²³.

Во внешний мир Союз выходит как единое государство, во внутри-союзных отношениях члены Союза пользуются максимальной самостоятельностью. Международные дипломатические отношения, равно как и национальная оборона и национальная безопасность, находятся в исключительной компетенции Союза, в то время как правопорядок — в исключительной компетенции государств-членов Союза, которым подчиняются

«территориальная полиция и земская стража»²⁴. Рыночная экономика и отсутствие монополии внешней торговли позволяют всем предприятиям заключать договоры с партнерами по всему миру. Деятельность государств Союза, которая может повредить иным членам Союза, должна находиться под контролем Союза (ядерная энергетика, химические и иные особо опасные производства). Ни одно из государств-членов Союза не вправе строить подобные предприятия без разрешения Союза, но Союз, чтобы построить такое предприятие, должен получить согласие члена Союза (достаточно противоречивый принцип. — Ю. Б.).

На членство в Союзе могут претендовать: «любая союзная, автономная республика, автономная область, автономный округ, административная область или край, а также добровольно согласившиеся объединиться группы административно-политических образований»²⁵.

Интересна компетенция Президента (и одновременно — Верховного Арбитра): «Президент Союза является верховным главнокомандующим, представляет Союз внутри страны и за рубежом. Все свои действия в качестве Президента Союза, за исключением действий, на которые полномочен Верховный Арбитр Союза, Президент Союза осуществляет по совету премьер-министра Союза... Президент Союза назначает в помощь себе Председателя Совета министров»²⁶. В случае возникновения в государстве-члене Союза ситуации, препятствующей эффективному управлению «Президент по рекомендации Председателя Совета министров вводит в таком государстве Президентское правление»²⁷.

Права и свободы граждан Союза должны быть перечислены в Декларации прав граждан Союза. Свобода рассматривается как дар. Мотив свободы представлен и в Преамбуле проекта нового Союзного договора: «Свобода, являясь высшим достоинством человека, не может осуществляться посредством насилия над другими, но только в любви и единомыслии»²⁸.

Наиболее проработанный и юридически полноценный проект договора представил профессор Е. З. Майминас. В предваряющей его концептуальной записке он написал: «Необходимость в заключении нового Союзного договора давно назрела и начинает перезревать. Этот договор не может не учитывать все усиливающиеся центробежные процессы в СССР. Он должен способствовать их приостановке и, в конечном счете, обеспечить естественный, взаимовыгодный поворот к обратному процессу новой интеграции. Пока отказ от унитарной модели и практики в СССР идёт с явным запаздыванием, медленно и половинчато, как бы под давлением требований различных общественных движений (в основном с национальной ориентацией) и реальных действий к отделению от СССР либо к изменению статуса тех или иных национальных образований и общностей

²⁴ Там же.

²⁵ Приложение. Союзный договор. Девиз: «Политея» (А. Б. Зубов, А. М. Салмин, Л. Л. Тайван). — Батурин Ю. М. Личный архив.

²⁶ Там же. (Осуществлено, начиная с 2004 г. — Ю. Б.).

²⁷ Там же. (Что из этого выходит, покажет через год ГКЧП — Ю. Б.)

²⁸ Там же.

в его составе. Силой или частичными уступками центробежные процессы уже не удержат. Только опережающая события политика, а не запоздалая реакция на них может рассчитывать на прочный успех, чрезвычайно важный для перестройки в целом. Народы Советского Союза должны в новом Союзном договоре увидеть реализацию своих национальных устремлений к свободе и независимости, гарантию своих интересов и, вместе с тем, возможность лучше обеспечить эти устремления и интересы в рамках нового Союза»²⁹.

В основу проекта положен «плодотворный тезис М. С. Горбачева о многообразии условий вхождения республик в состав нового Союза» (Е. З. Майминас). Разные республики, исходя из объективных факторов и возможностей своего развития, должны иметь возможность выбора этих условий. Поэтому сложнейший вопрос о субъектах Союза решается в пользу существующих союзных республик. Вопрос об их государственном устройстве — внутреннее дело суверенного члена Союза. Но вопрос этот при желании вступить в Союз должен решаться в соответствии с принципами, изложенными в Преамбуле Договора и основанными на Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. (Хельсинки).

Особенно интересны условия вхождения в Союз, которые для республик отличаются друг от друга разными наборами («комплексами») функций (статья 6 проекта). По каждой из пяти основных сфер деятельности Союза — внешняя политика, оборона, правоохранительная деятельность, регулирование социально-экономических отношений и финансов — в проекте сформулированы комплексы функций. Каждая республика вправе самостоятельно сформировать перечень функций, который она добровольно передает Союзу, устанавливая тем самым при подписании Союзного договора свой статус. Разумеется, это неизбежно приводит к сильной неоднородности связей республик в Союзе — от наиболее слабой, конфедеративной или скорее блоковой, до сильной федеративной.

Ориентиром для Е. З. Майминаса была объединенная Европа, к модели которой он хотел подойти не через интеграцию «снизу», как исторически складывалось в Европе, а «сверху», ослабляя жесткие связи Советского Союза (но, правда, пропустив сложный начальный этап ослабления связей). Характерно, что новый Союзный договор в проекте предлагалось заключить на 25 лет, если какая-либо республика не пожелает выйти из Союза (статья 25 проекта), причём в течение первых пяти лет изменения Договора не допускается (статья 24). По историческим меркам сроки незначительные, но по политическим — могут успеть принести немало неприятностей.

Название государства — Европейско-Азиатский Союз Республик — перекликается с названием из проекта А. Д. Сахарова, но без слова «Советских». «В названии будущего Союза и текста Союзного договора нецелесообразно фиксировать социалистический или советский его характер. Это

²⁹ Концептуальная записка и краткий комментарий к проекту Союзного договора. Девиз: «Плюс» (Ефрем Залманович Майминас). — Батурин Ю. М. Личный архив.

сделает его открытым и для тех республик, в которых большинство населения не высказывается столь однозначно за социалистический выбор или не считает, что он должен быть конституционно закреплен»³⁰. Е. З. Майминас допускал, что в некоторых членах Союза государственное устройство будет оформлено не в системе Советов, могут отличаться и их наименования — Государственная Дума, Сейм, Национальное собрание и др. Е. З. Майминас поддерживал идею А. Д. Сахарова, допускающего, во-первых, возможность вхождения в Союз на правах республик как национальных, так и региональных образований и, во-вторых, одноуровневый характер этих образований. Но он оговаривал, что на практике реализация этой идеи, особенно в РСФСР, столкнется с большими трудностями. Первоначальная эйфория выделения республики быстро погасится её ценой — ресурсной невозможностью обеспечивать полученную государственность и жизненный уровень населения, не говоря уже о том, что в тех республиках, где население коренной национальности составляет меньшинство, возникают ещё более трудные проблемы гражданского и языкового полноправия большинства их населения.

Весь этот комплекс проблем Е. З. Майминас оставил за рамками Союзного договора, предположив, что каждая нынешняя суверенная республика должна решать названные проблемы самостоятельно. А это означает, что самый сложный вопрос «развода», перехода от старого Союза к новому почти не рассматривается, хотя именно здесь корень проблемы. Лишь в заключительном разделе проекта «Порядок вступления в действие, изменение и прекращение действия Союзного договора» указывается, что «до вступления в действие Союзного договора функционирует СССР и его органы на основе Конституции СССР, но не более года со дня подписания Союзного договора» (статья 22). Думается, что в течение этого года хаос в СССР только нарастал бы. Но дело даже не дошло бы до вступления договора в силу, потому что, как устанавливается в проекте, «Союзный договор вступает в действие после подписания и последующей ратификации его высшими органами власти всех республик-членов Союза на основе референдумов, проводимых в каждой из них не позднее шести месяцев со дня подписания» (статья 21). Это чисто теоретическое построение, не учитывающее ни практики, ни реалий того времени. Да и маловероятно, что, выйдя через год из Союза, ставшая суверенной республика пожелает войти в новый Союз, пока не убедится на основании достаточно продолжительного времени, что он из себя представляет. И в этом главный минус проекта Е. З. Майминаса.

Проект Е. З. Майминаса был не столько реалистичным, сколько оптимистичным, что, впрочем, отвечало настроениям большинства населения Советского Союза в тот период. Свою записку он завершает так: «Можно с достаточной уверенностью полагать, что в дальнейшем процесс интеграции в Союзе будет развиваться. Его исходной политической основой станет возможность лучше и полнее реализовать государственный суверенитет каждой республики в составе Союза. Когда народы республик-членов Союза на деле убедятся в том, что никто не покушается на этот суверенитет

³⁰ Там же.

и на их жизненные интересы, они добровольно, во имя своих интересов, пойдут на развитие интеграции. Ее экономической основой с самого начала явится развертывание рыночных связей в масштабе Союза. По мере формирования полноценного общесоюзного рынка и других форм экономического сотрудничества интеграционные процессы быстро пойдут вперед»³¹.

В описанных проектах соединяются и вполне провидческие сюжеты, и абсолютно наивные предложения, видны ориентация на Соединенные Штаты и царившие тогда надежды на зарубежных специалистов. В них встретились и несочетаемые противоположные цели, и цели, направленные в стороны друг от друга. Никто из авторов проектов даже не вспомнил о том, что планирует роспуск или реструктуризацию ядерной державы (разве что А. Б. Зубов, А. М. Салмин и Л. Л. Тайван упомянули ядерную энергетику), а это фактор, который не допускает переходных периодов, тем более длительностью в 15 лет. (Подумать только — ради мира (!) на земле делить ядерные запасы в течение переходного периода под руководством зарубежных советников!).

Удивительно, но в проектах-победителях немало нереалистичных, труднореализуемых и заведомо плохих решений. Те, кто умеет играть в шахматы, «не видят» ходов, не соответствующих правилам игры, они их просто не рассматривают. Точно так же шахматные мастера «не видят» плохих ходов. Применительно к конкурсным проектам можно сказать, что гротескнейших среди авторов не нашлось. Проекты откровенно нереализуемые, но они хорошо отражают и настроения, и желание что-то изменить (причём изменить самим), и идеалистические представления об описываемых планируемых процессах, и уровень (не) готовности к принятию серьезных решений. Члены МДГ не могли не понимать действительный уровень проектов и последние попытки их возможного осуществления. Представляется, что решение МДГ направить проекты Президенту СССР М. С. Горбачеву было вызвано стремлением подтолкнуть его к скорейшему реформированию Советского Союза, что отражало их политические позиции.

Алгоритм работы над начальным вариантом проекта не предполагал составление совместимой модели из непротиворечащих частей конкурсных проектов — это была бы практически неразрешимая задача. И все же группе Г. Х. Шахназарова — Г. И. Ревенко мало что можно было взять из описанных проектов, за исключением проекта Е. З. Майминаса и некоторых идей А. Б. Зубова — А. М. Салмина — Л. Л. Тайвана. Но было указание М. С. Горбачева — использовать, и оно было выполнено. Более того, у МДГ запросили и другие представленные на конкурс работы, изучали и их. Авторы дополнительных работ остались неизвестными, поскольку они были присланы, как и поступали на Конкурс, под девизами (в архиве остались упоминания работ под девизами «Целенаправленность», «Паритет», «Реформа» и др.). О тщательности работы группы Г. Х. Шахназарова говорит то, что для доклада М. С. Горбачеву на этом этапе был подготовлен и представлен объемный документ о том, что из рассмотренных проектов *не* использовано (выдержку из него см. Приложение, табл. 1). Отклоненные предложения

³¹ Там же.

сами по себе много говорят как о конкурсных проектах, так и о начальном варианте проекта нового Союзного договора.

Вскоре после проектов МДГ стали поступать концепции и проекты нового Союзного договора от некоторых союзных республик (см. Приложение, табл. 2). Но большинство из них были подготовлены на основе общего плана структуры договора, обсуждённого в ходе консультаций экспертов, и поэтому их можно было использовать преимущественно для анализа позиций республик по каждой из статей. Тем не менее отметим некоторые содержащиеся в них, не вошедшие в начальный проект Союзного договора, заслуживающие внимания места, а также связанные с ними положения других документов, изученных на начальном этапе подготовки проекта.

Первая группа предложений касалась вопросов гражданства. Согласно проекту Казахской ССР, гражданство федерации не обязательно влечёт наличие гражданства республики, а выход из гражданства республики не влечёт автоматически прекращения союзного гражданства (см.: Протокол заседания экспертов по проблемам гражданства). В указанном Протоколе зафиксировано также предложение об отсутствии союзного гражданства, однако государства — члены Союза обязуются гарантировать соблюдение основных прав человека на своей территории и признают юрисдикцию союзного органа по защите прав человека. Проект ИГП АН СССР предусматривал, что автономная республика, являясь государством, имеет свое гражданство и тогда, когда эта республика входит в состав союзной республики. В противовес этому эксперты Абхазской АССР по проблемам гражданства считали, что гражданин автономной республики является гражданином СССР, не являясь гражданином союзной республики, в состав которой эта республика входит.

Самые разные точки зрения высказывались по вопросам собственности Союза и республик. В проектах Киргизской ССР и Абхазской АССР содержится указание на то, что имущество, переданное республиками Союзу ССР для выполнения возложенных на него функций, ... является общей (совместной или долевой) собственностью союзных республик — общесоюзной государственной собственностью. Эта собственность используется соответствующими органами Союза и наращивается Союзом в общих интересах республик (см. также: Декларации о государственном суверенитете Украинской ССР и Белорусской ССР и Протокол работы экспертов по проблемам разграничения объектов собственности). Эксперты по собственности уделили особое внимание предоставлению земельных участков под общесоюзные нужды: «В целях обеспечения использования имущества, ... находящегося во владении и пользовании Союза (его органов и организаций) предоставляются необходимые для этого земельные участки и иные природные объекты. Изъятие указанных земельных участков и других природных объектов, а также предоставление органам и организациям Союза новых земельных участков и других природных объектов осуществляется по соглашению между соответствующими союзными республиками и органами Союза».

В проекте Киргизской ССР предлагалось осуществить раздел прежде единой собственности СССР на основе специального соглашения субъектов

Союза. При этом в число объектов права собственности республики включается весь экономический, научно-технический, финансовый потенциал и иные ценности (Декларация о суверенитете ССР Молдова). Детальный перечень объектов собственности Союза ССР и процедур её создания содержится в Протоколе работы экспертов по проблемам разграничения объектов собственности.

В соответствии с представленными проектами перечень полномочий Союза мог бы представлять собой различные наборы и сочетания следующих правомочий:

— определение перспектив экономического и социального развития (проекты Казахской ССР, Киргизской ССР, Узбекской ССР, ИГП АН СССР);

— содействие развитию сотрудничества государств-членов с мировым рынком (проект Киргизской ССР);

— обеспечение экономической безопасности страны (проект Киргизской ССР);

— управление имуществом Союза (проекты Таджикской ССР, ИГП АН СССР);

— управление оборонными объектами (проекты Азербайджанской ССР, Белорусской ССР, Казахской ССР, Таджикской ССР, Узбекской ССР, ИГП АН СССР);

— управление оборонной промышленностью (проект Киргизской ССР);

— регулирование производства, хранения и использования расщепляющихся материалов (проекты Белорусской ССР, Казахской ССР, Таджикской ССР);

— управление общесоюзными фондами: резервными, страховыми, природоохранными, регионального развития, социальными (проекты Белорусской ССР, Киргизской ССР);

— создание союзного фонда по безработице (проект Узбекской ССР);

— формирование и управление едиными патентной системой, метрологической службой, службой единого времени, мер и весов, службой стандартизации, общесоюзной статистикой и единой системой бухгалтерского учета (проекты Белорусской ССР, Абхазской АССР, Протокол консультативных встреч экспертов по проблемам науки, культуры, здравоохранения, образования, физкультуры и спорта, печати, теле- и радиовещания);

— введение чрезвычайного или военного положения на всей территории Союза или в отдельных регионах по просьбе или с согласия высших органов государственной власти соответствующих участников Союза (проект Киргизской ССР);

— управление государственной общесоюзной системой по предупреждению и действиям в условиях чрезвычайной обстановки (проекты Узбекской ССР, Абхазской АССР);

— назначение и организация общесоюзных референдумов по вопросам, отнесенным к компетенции Союза (проекты Белорусской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР);

— организация деятельности органов Союза (проекты Белорусской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР);

— принятие в Союз новых членов (проекты Азербайджанской ССР, Киргизской ССР);

— признание в качестве субъекта Союза новых членов с согласия участников Договора (проекты Таджикской ССР, Узбекской ССР);

— защита прав советских граждан за границей (проекты Белорусской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, протокол консультаций экспертов по внешней политике).

В большинстве проектов Союзного договора содержался перечень полномочий Союза в области законодательства. Прежде всего, отметим конституционные полномочия:

— разработка и принятие Конституции Союза (проекты Белорусской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР);

— разработка и принятие Конституции Союза и представление её на последнее утверждение союзным республикам (проекты Белорусской ССР, Киргизской ССР).

К компетенции Союза предлагалось отнести принятие законодательства по предельно широкому перечню отраслей. Союз принимает Основы законодательства после предварительного рассмотрения и одобрения проектов высшими органами законодательной власти или референдумами членов Союза. На участников Союза, не поддержавших проект, действие Основ не распространялось бы (проект Киргизской ССР). В проекте Узбекской ССР часть из них (гражданское, уголовное, трудовое законодательство) предлагается отнести к совместной компетенции Союза и его членов.

Законы Союза издаются в пределах компетенции Союза и вступают в силу на территории республики только после ратификации соответствующим Верховным Советом республики (проекты Азербайджанской ССР, Казахской ССР, Декларации о суверенитете ССР Молдова, о государственном суверенитете Латвии).

Предлагалось также признать приоритет законов СССР в сферах исключительной компетенции Союза, приоритет республиканского законодательства в сферах исключительной компетенции республик, а в сфере совместной компетенции Союза и республик отдать приоритет республиканскому законодательству (проект Киргизской ССР).

Своеобразным подходом отличались предложения Туркменской ССР. В её проекте предлагалось выделить довольно большую сферу совместной компетенции союзных республик, т. е. «круг вопросов, находящихся в совместном ведении республик, решения по которым принимаются высшими органами республик на основе консенсуса... К совместной компетенции союзных республик необходимо отнести внесение изменений и дополнений в Союзный договор, принятие Конституции СССР, внесение в неё изменений и дополнений, принятие в состав Союза ССР новых республик и решение вопросов об исключении республик из состава Союза ССР, определение структуры и порядка формирования органов государственной власти Союза ССР, предоставление за счёт Союза ССР государственных займов и экономической помощи иностранным государствам, заключение соглашений о государственных займах и кредитах, получаемых Союзом ССР из иностранных источников».

Некоторые республики предлагали ограничить компетенцию Союза в законодательной сфере ещё серьезнее, в частности, отнести к компетенции республик определение порядка прохождения воинской службы гражданами республики (Декларации о государственном суверенитете Белорусской ССР, Украинской ССР, предложение эксперта Армении к Протоколу встречи экспертов по проблемам военной политики), создание независимой от Центра системы правоохранительных органов (проект Белорусской ССР). Ставился также вопрос о создании республиканских вооруженных сил (Декларации о государственном суверенитете Белорусской ССР, Украинской ССР).

В условиях столь противоречивых проектов ситуацию могло бы спасти разве что предложение ИГП АН СССР: «Союз в случае противоречия законов и других актов республик Конституции и законам Союза имеет право объявить недействительными эти акты по вопросам, отнесенным Союзным Договором к ведению Союза».

В проекте Киргизской ССР предлагалось провозгласить государственными языками Союза все государственные языки участников Союза, а русский язык — официальным языком Союза.

В качестве основы организации и деятельности органов Союза назывался принцип равноправия республик при формировании органов Союза (проекты Белорусской ССР, Киргизской ССР).

Согласно проекту Азербайджанской ССР участники Договора создают Союзный Совет представителей государств — членов Союза (по 50 от каждой республики; ежегодно осуществляется ротация 1/5 части). Союзный Совет образует Президиум Союзного Совета (по единой квоте — от членов Союза), в него также входят председатели комиссий Союзного Совета; работу органа возглавляют поочередно три сопредседателя. При Совете Союза образуются комиссии для осуществления руководства в сферах, отнесенных к ведению Союза Демократических Республик.

Автор конкурсного проекта МДГ под девизом «Целенаправленность» исходил из того, что Союз представляет собой, прежде всего, совокупность регионов и национальностей. Для управления ими должен быть сохранен Верховный Совет. Под эгидой Верховного Совета в регионах и на уровне Союза должна быть создана система государственных и региональных Советов. Учитывая, что «во вторую очередь» Союз — это совокупность отраслей, обеспечивающих развитие всех регионов Союза, для управления ими создаются Совет Министров (его функции в проекте не раскрыты) и отраслевые Советы комплексного развития. Поскольку одной из групп субъектов Союза являются национальности — «по всей территории Союза в центрах наибольшего сосредоточения каждой национальности возникает необходимость создавать Этнические Советы этой национальности (например, Этнический Совет Кузнецких Татар), взаимодействующие с Советом Национальностей Верховного Совета Союза и работающие под его эгидой. При этом в остальных регионах при Региональных советах создаются специальные комиссии или палаты, решающие вопросы развития всех национальностей своих регионов и работающие «под эгидой Совета Национальностей Вер-

ховного Совета и соответствующих Этнических Советов Национальностей Союза, население которых проживает в этом регионе».

Спорные вопросы, возникающие между органами государственной власти и управления Союза, с одной стороны, и республики, с другой, предлагалось решать с помощью переговоров; споры между союзными республиками — путем переговоров или в ином согласованном между сторонами порядке (проект Белорусской ССР). Либо спорные вопросы передаются на разрешение высших органов государственной власти и управления Союза, либо на решение Арбитража согласованного сторонами состава, либо на заключение Конституционного Суда Союза (проекты Киргизской ССР, Таджикской ССР, Узбекской ССР, Протокол заседаний группы экспертов по проблемам системы органов государственной власти и управления).

Исключение республики из числа членов Союза предлагалось сделать возможным лишь при условии согласия всех остальных республик (проекты Киргизской ССР, ИГП АН СССР).

Предлагалось также внести в текст Союзного договора положение о том, что после его вступления в силу Договор об образовании СССР 1922 года утрачивает силу (проекты Киргизской ССР, Узбекской ССР, ИГП АН СССР).

Изменён или дополнен Союзный договор может быть лишь с согласия всех его участников (проекты Таджикской ССР, ИГП АН СССР).

Нетрудно видеть, что широчайшее разнообразие подходов, богатая фантазия авторов проектов, наличие несовместимых и прямо противоречащих друг другу положений делало задачу группы Г.Х. Шахназарова — Г.И. Ревенко весьма трудной. Тем не менее она была решена через два месяца.

30–31 августа 1990 года на совместном заседании Совета Федерации и Президентского Совета СССР М.С. Горбачев рассказал о продолжающихся консультациях по новому Союзному договору, проект которого предстоит вскоре обсудить. Р.Н. Нишанов и Г.И. Ревенко, которым был поручено проводить консультации по Союзному договору, предложили в середине сентября начать в Москве работу своего рода «Круглого стола» по его подготовке и заключению. М.С. Горбачев намечил следующий порядок действий: «Прежде всего, скажем, создать рабочую группу, которая обобщила бы те представления о концепции и наполнении Договора, которые были высказаны представителями республик в ходе консультаций, попытаться свести их в единый проект в течение, скажем, недели. Это, разумеется, не исключает и разработки альтернативных проектов. Затем Президент и республики могли бы выделить по представителю с тем, чтобы они подготовили в течение, например, недели-двух проект договора, который можно было бы разослать в республики. Работу в республиках целесообразно было бы закончить, скажем, не позднее конца октября. Конечно, провести глубокую и всестороннюю научную экспертизу. А с середины ноября выйти на процедуры, связанные с официальным подписанием и порядком введения Договора в действие»³². 31 августа было решено сформировать из полномочных

³² К совместному заседанию Совета Федерации и Президентского Совета СССР. — Батулин Ю.М. Личный архив.

представителей республик Подготовительный комитет по разработке нового Союзного договора (фактически он так и не был создан, над проектом работала группа Шахназарова — Ревенко, а Подготовительным комитетом уже с мая 1991 г. созывались заседания Совета Федерации, на которых обсуждался проект нового Союзного договора).

Реальность оказалась совсем иной. События потребовали от М. С. Горбачева более активных действий, и благодаря все той же маленькой группе Г. Х. Шахназарова — Г. И. Ревенко, работавшей буквально «днями и ночами», первый вариант проекта был подготовлен и представлен на обсуждение членам Совета Федерации 2 ноября 1990 г.

Список источников

Декларации союзных республик

Резолюция Верховного Совета Эстонской ССР «О Союзном договоре» (16.11.1988 г.).

Декларация о государственном суверенитете Эстонской ССР (16.11.1988 г.).

Декларация о государственном суверенитете Литвы (26.05.1989 г.).

Декларация о государственном суверенитете Латвии (28.07.1989 г.).

Декларация по вопросу о государственной независимости Эстонии (2.02.1990 г.).

Декларация по вопросу государственной независимости Латвии (15.02.1990 г.).

Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» (11.03.1990 г.).

Декларация о государственном суверенитете РСФСР (12.06.1990 г.).

О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии. Постановление Верховного Совета Грузинской ССР (9.03.1990 г. с дополнениями от 20.06.1990 г.).

Декларация о суверенитете Узбекской ССР (20.06.1990 г.).

Декларация о суверенитете ССР Молдова (23.06.1990 г.).

Декларация о государственном суверенитете Украины (16.07.1990 г.).

О концепции развития отношений между суверенными республиками и подготовки Договора Сообщества суверенных государств. Постановление Президиума Верховного Совета ССР Молдова 27.07.1990 г.

Декларация Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете Белорусской ССР (27.07.1990 г.).

Декларация о государственном суверенитете Туркменской ССР (22.08.1990 г.).

Декларация о независимости Армении (23.08.1990 г.).

Декларация о государственном суверенитете Таджикской ССР (24.08.1990 г.).

О суверенитете Азербайджанской ССР. Конституционный закон Азербайджанской ССР (23.09.1990 г.).

Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР (25.10.1990 г.).

Проекты Союзного Договора, представленные союзными республиками

Проект Союзного Договора (Белорусская ССР, 6.08.1990 г.).

Проект Договора об образовании союзного государства (Киргизская ССР, 7.08.1990 г.).

Проект Союзного Договора (Таджикская ССР, 8.08.1990 г.).

К вопросу о Союзном Договоре (Туркменская ССР, 8.08.1990 г.).

Проект Договора об образовании Союза Демократических республик (Азербайджанская ССР, 10.08.1990 г.).

Проект Союзного Договора (Казахская ССР, 13.08.1990 г.).

Проект Союзного Договора (Узбекская ССР, 18.09.1990 г.).

Иные проекты

Проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии (А. Д. Сахаров, 27.11.1989 г.).

Проект Союзного Договора (Институт государства и права АН СССР и Советская ассоциация политических наук).

Проект Союзного Договора (Б. Н. Топорнин, июль 1990 г.).

Проекты конкурса Межрегиональной депутатской группы

Проект Договора об образовании Европейско-Азиатского Союза Республик и концептуальная записка (Е. З. Майминас — I премия МДГ).

Проект Союзного Договора и концепция (А. Б. Зубов, А. М. Салмин, Л. Л. Тайван — II премия МДГ).

Проект концепции Союзного Договора и пояснительная записка (С. Н. Заборовская — III премия МДГ).

Конспект Союзного Договора Конфедерации Европейских и Азиатских Республик и проект концепции (А. А. Кибрик — III премия МДГ)

Проект Концепции Союзного Договора (А. А. Островский — III премия МДГ)

Проект концепции Союзного Договора (девиз «Целенаправленность»)

Проект концепции Союзного Договора (девиз «Паритет»)

Проект концепции Союзного Договора (девиз «Реформа»)

Протоколы консультативных встреч экспертов

Протокол консультативной встречи рабочих групп Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета СССР по проблемам подготовки Союзного Договора 3.08.1990 г.

Протокол консультативной встречи рабочих групп Верховного Совета Узбекской ССР и Верховного Совета СССР по проблемам подготовки Союзного Договора 7.08.1990 г.

Протокол консультативной встречи полномочных представителей Верховного Совета Таджикской ССР и рабочих групп Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по проблемам подготовки Союзного Договора 8.08.1990 г.

Протокол консультативной встречи полномочных представителей Верховного Совета Туркменской ССР, рабочей группы Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по проблемам подготовки Союзного Договора 8.08.1990 г.

Протокол консультативной встречи представителей Верховного Совета Украинской ССР и рабочей группы Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по проблемам подготовки Союзного Договора 13.08.1990 г.

Протокол консультативной встречи полномочных представителей Верховного Совета Казахской ССР и рабочей группы Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по проблемам подготовки нового Союзного Договора 14.08.1990 г.

Протокол работы группы экспертов по проблемам разграничения объектов собственности 31.08–7.09.1990 г.

Протокол консультативной встречи экспертов Верховного Совета СССР, Верховных Советов Казахской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР и Узбекской ССР по проблемам правосудия, рассмотрения хозяйственных споров, охраны правопорядка и борьбы с преступностью от 3–5.09.1990 г.

Протокол консультативных встреч экспертов Таджикской ССР, Казахской ССР, Туркменской ССР и Киргизской ССР с группой экспертов Верховного Совета СССР

и Совета Министров СССР по проблемам подготовки проекта Союзного Договора в части науки, культуры, здравоохранения, образования, физической культуры и спорта, печати, теле- и радиовещания от 3–6.09.1990 г.

Протокол консультативных встреч экспертов Киргизской ССР, Узбекской ССР, Казахской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР, Белорусской ССР, РСФСР с группой экспертов Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по проблемам подготовки проекта Союзного Договора в части внешнеэкономической деятельности от 3–7.09.1990 г.

Протокол консультативной встречи групп экспертов по проблемам обороны и военной политики проекта Союзного Договора от 5.09.1990 г.

Протокол консультативных встреч экспертов Таджикской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР с группой экспертов Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по проблемам подготовки проекта Союзного Договора в области экологии и природопользования от 6–7.09.1990 г.

Протокол о консультациях экспертов союзных республик по вопросам таможенного дела, касающихся нового Союзного Договора.

Протокол заседания группы экспертов по проблемам разграничения законодательных полномочий между Союзом и республиками.

Протокол о консультациях экспертов союзных республик по проблемам внешней политики, касающихся нового Союзного Договора.

Протокол коллективного обсуждения экспертами Верховного Совета СССР, Верховных Советов Казахской ССР, Таджикской ССР, Узбекской ССР, Киргизской ССР проблем бюджетно-налоговой деятельности и кредитно-денежной политики, относящихся к подготовке нового Союзного Договора.

Протокол заседания группы экспертов по проблемам системы органов государственной власти и управления, разграничения законодательных и исполнительно-распорядительных функций, конституционного надзора.

Предложения группы экспертов по определению полномочий в сфере государственной безопасности в Союзном Договоре.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.019

Таблица 1

**Предложения авторов Конкурса МДГ,³³
не учтённые в тексте проекта Союзного договора**

Проект	Статья	Неучтенное предложение
МДГ-ЗСТ	Преамбула	«Сохранение мира на земле», «свободный выбор принадлежности к любому народу», «решающая роль народов СССР в образовании нового Союза», «признание каждого народа коллективным лицом, имеющим суверенные права на устройство своей жизни, определение её частных и абсолютных целей; отношение к каждой территориальной общности как к естественной совокупности многих людей, народов, религий и культур»
МДГ-М	Преамбула	«Многообразие условий вхождения в Союз, возможность выбора перечня этих условий»
МДГ-К	Субъекты Союза	«автономные республики, автономные области, автономные округа»
МДГ-ЗСТ	Субъекты Союза	«края и области, народы и территории»
МДГ-М	Субъекты Союза	«раскрыть понятие суверенитет»
МДГ-К	Права членов Союза	«Каждая республика (в лице высших органов власти) вправе делегировать другой республике любые полномочия»
МДГ-ЗСТ	Территория Союза	«Территория Союза включает территории всех участников Договора, а также не входящий в их состав столичный округ», «каждый народ может поставить вопрос об изменении границ государств, входящих в Союз, об образовании новых государств в составе Союза, а также о выходе определенной территории из Союза»
МДГ-З	Собственность Союза	«Создание института межреспубликанской акционерной собственности»
МДГ-К	Право выхода из Союза	«Правом на самоопределение пользуются не этносы (нации), а губернии, т. к. в качестве политических субъектов выступают совокупности людей, проживающих на той или иной территории (губернии, уезда и т. д.)»
МДГ-М, МДГ-К, МДГ-З	Право выхода из Союза	Подробные механизмы решения вопросов о выходе субъектов из Союза, в т. ч. по правилам проведения референдумов, взаимных расчетов и т. д.
МДГ-З	Выход из Союза	«Вопрос об исключении республики из Союза решается путем проведения референдума, организуемого на территории всех государств-союзников, кроме территории исключаемого государства»
МДГ-К	Полномочия Союза	«Координация социально-экономической политики, государственное регулирование экономических проблем, затрагивающих интересы двух и более республик», «обеспечение выравнивания экономических уровней отдельных регионов»

МДГ-ЗСТ	Полномочия Союза	«Разработка и принятие Конституции Союза и представление ее на последующее утверждение союзным республикам», «назначение и организация общесоюзных референдумов по вопросам, отнесенным к компетенции Союза», «управление имуществом Союза», «управление шоссейными дорогами союзного значения», формирование и управление едиными патентной системой, метрологической службой, службой единого времени, мер и весов, службой стандартизации, общесоюзной статистикой и единой системой бухгалтерского учета», «указать источники формирования бюджета Союза и статьи его расходов», «управление сокровищами казны», регистрация всех видов корпораций и межреспубликанских образований».
МДГ-М	Полномочия союзной республики	«Создание республиканской денежной системы»
МДГ-З	Полномочия союзной республики	Самостоятельное решение республикой вопросов квотирования, лицензирования; регистрация совместных предприятий, создания концессий и свободных экономических зон»
МДГ-ЗСТ	Полномочия союзной республики	«Регулирование труда и техники безопасности на предприятиях союзного подчинения», «решение трудовых конфликтов на предприятиях союзного подчинения»
	Доп. раздел	«Дополнить Союзный Договор разделом о правах и свободах граждан или разработать Декларацию прав граждан Союза в качестве приложения к Союзному договору»
МДГ-ЗСТ	Верховный Совет	«Выбирать верхнюю палату Верховного Совета в Национальных советах (органах национального представительства)» «право «вето» делегаций Национальных Советов в Палате Наций на решения всех органов Союза и составляющих его государств, если они противоречат интересам народа, за исключением решений, принятых Президентом Союза в качестве Верховного Арбитра»
МДГ-М	Верховный Совет	«Несовместимость депутатского мандата с постами Президента, заместителя Президента, Председателя и членов Верховного Суда Союза, всех иных, утверждаемых Верховным Советом Союза должностных лиц».
МДГ-М	Президент	«Руководство деятельностью Правительства»
МДГ-ЗСТ	Президент	«Разрешение Президентом конфликтов в качестве Верховного Арбитра Союза», «право роспуска парламента», «процедура отстранения президента от должности», «осуществление своих действий по совету премьер-министра Союза», «избрание заместителя (товарища) Президента»
МДГ-М	Президент	«Избрание заместителя Президента», «создается Президентский совет», «создается Союзный Совет, в который по должности входят Президент, его заместитель и высшие должностные лица республик; Союзный Совет является решающим органом, временно исполняет функции Верховного Совета (если необходимо принять оперативное решение), в последующем его решения утверждаются Верховным Советом Союза; может выступать посредником в разрешении споров между региональными и национальными общностями, может поручить Президенту или иному лицу выступить в этой роли»
МДГ-ЗСТ	Премьер-министр	«Премьер министр избирается палатой Союза, является помощником Президента и осуществляет управление делами Союза от имени Президента»
МДГ-М	Правительство	«Срок деятельности министров Союза не может превышать 10 лет»
МДГ-М	Банк	«Центральный банк действует абсолютно независимо от правительства, координирует работу государственных банков республик»

МДГ-З	Союзные органы	«Координационный Совет Союза, Комитет Союзного Надзора, Межгосударственный Уголовный Розыск, Комитет Безопасности Союза, Союзный Банк, Комитет по научно-техническому и культурному обмену, Союзный Фонд помощи при стихийных бедствиях и катастрофах»
МДГ-ЗСТ	Верховный Суд	«Осуществляет толкование Конституции и союзного законодательства»
МДГ-М	Прокуратура	«Прокуроры республик образуют Прокурорский Совет Союза (координирующий и совещательный орган), который назначает Исполнительного Прокурора
МДГ-М	Ратификация Договора	«Ратификация Союзного Договора производится Верховными Советами Республик на основе результатов референдумов»
МДГ-М	Срок действия Договора	«Договор заключается на 25 лет с возможностью продления на 25 лет»
МДГ-М	Изменение Договора	«Не допускается изменение Договора в течение первых пяти лет после его заключения»
МДГ-М	Прекращение Договора	«Договор теряет силу в случае, если не менее трех республик заявляют о выходе из него»
МДГ-З	Последующее вступление в Союз	«Государство, пожелавшее в последующем вступить в Союз, принимает об этом решение на основе общенародного референдума, после чего подает заявление в высшие органы власти Союза. В случае положительного решения Союза государство, вступающее в него, дает гарантии выполнения всех прав и обязанностей государства-союзника, и вносит вступительный взнос»

Таблица 2

Проекты нового Союзного договора от союзных республик

Союзная республика	Название документа	Дата проекта	Краткий комментарий
Азербайджанская ССР	Договор об образовании Союза Демократических Республик	10.08.1990	Предусматривается членство в Союзе 15 прежних союзных республик
Белорусская ССР	Союзный договор	06.08.1990	Не проект договора, а записка о распределении полномочий. Название Союза — СССР.
Казахская ССР	Союзный договор	13.08.1990	Предусматривал членство в Союзе 15 прежних союзных республик. Название — Союз Суверенных Государств
Киргизская ССР	Договор об образовании союзного государства	07.08.1990	Качественный проект договора. Название в проекте — Союз.
Молдавская ССР	Постановление Президиума Верховного Совета ССР Молдова	24.07.1990	Не содержит проект договора. Название — Сообщество Суверенных Государств. Принцип построения — двусторонние договоры между членами Сообщества
Таджикская ССР	Союзный договор	08.08.1990	Предусматривал членство в Союзе 15 прежних союзных республик. Название — СССР.
Туркменская ССР	К вопросу о союзном договоре	08.08.1990	Не проект договора, а записка о распределении полномочий. Название — Союз Суверенных Государств
Узбекская ССР	Союзный договор	18.09.1990	Качественный проект договора. Название Союза — СССР.

Графический метод сбора и анализа данных работы ОГПУ СССР по «восточной контрреволюции» в 1920-е годы

В. С. Христофоров, Ю. Н. Гусева

Введение

Одной из наиболее актуальных и востребованных тем современной мировой исторической науки является история идей, схем мышления («mind-map»), аналитических категорий и приемов визуальной интерпретации данных. Особое место в этом научном поиске отведено редким, но от этого не менее ценным, попыткам осмысления ориенталистских стереотипов, получивших свое выражение в самом широком круге визуальных образов и форм (живопись, фотография, искусство плаката) [Плакат советского Востока, 2013]. Однако нам неизвестны работы, в которых бы рассматривались графические методы обработки информации данных, способы их визуальной репрезентации усилиями советских спецслужб, активно собиравших и обобщавших материалы о «восточных народах» СССР, ближнего и дальнего исламского зарубежья. То же самое можно сказать и об истории отечественных спецслужб, которая до настоящего времени лишена научных исследований, касающихся схем мышления, истории аналитических категорий и механизмов их выработки, в т. ч. в отношении различных регионов и конфессиональных групп.

Изабель Оайон обращает внимание, что советское государство, следуя колониальной политике, манипулировало существующим иерархическим социальным порядком. Опираясь на доклады местных партийных органов, она описывает категориальный родоплеменной понятийный аппарат и приводит примеры его анализа с помощью графических методов. В 1928 году в Нарынском районе был подготовлен доклад, содержащий схему со списком казахских родов и их локализацию [*Ohayon*, 2016: P. 178].

Совершенно очевидно, что процессы анализа и синтеза информации неразрывно связаны с её графической и визуальной интерпретацией и представлением. Процесс получения нового знания, извлечения смыслов в своих самых глубоких слоях человеческого сознания обусловлен не только словесным мышлением, но и образами. Исследованиями современных специалистов подтверждается хорошо известное эмпирическое правило — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

В данной статье мы опишем и проанализируем оригинальные аналитические инструменты — графические методы анализа данных, применявшиеся в оптике ОГПУ для анализа собранной информации об исламском мире СССР¹. Таким образом, мы подойдем вплотную к разговору о том, как визуальными средствами транскрибировалась ситуация в исламских сообществах, как шел процесс выстраивания специфического видения социального порядка. Важно уяснить, каким образом рождались понятийные категории

¹ Рисунки, приведённые в статье, являются авторскими копиями оригинальных схем, обнаруженных нами в архивных материалах Центрального архива ФСБ России.

для его анализа и, как следствие, выкристаллизовывались методы взаимодействия и воздействия на самые проблемные и уязвимые, с точки зрения спецслужб, социальные «узлы». Как показывают специалисты, советская и партийная элита использовала различные инструменты для переосмысления основ организации «восточных» обществ (например, казахского), предлагая новые принципы идентификации и самоопределения народов².

В центре нашего исследования будут находиться четыре основных вопроса:

1) при каких обстоятельствах и для чего советские спецслужбы стали аккумулировать информацию в графической форме;

2) как выглядели материалы, подготовленные работниками ОГПУ с помощью графических методов;

3) какие принципы идентификации и интерпретации данных о «советских мусульманах» лежали в их основе;

4) что это дает для понимания сущности аналитической работы советских спецслужб в 1920-е годы.

Научная актуальность и значимость статьи связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, они проистекают из необходимости изучения интерпретаций «Востока» в границах российского политического пространства, когда в начальную советскую эпоху «собственный» и зарубежный Восток выступают как область воздействия, полифонического диалога и «соревнования» со стороны различных дискурсов партийных, государственных и общественных акторов. В данном контексте «Восток» выступает в качестве объекта изучения и вмешательства со стороны спецслужб. Графические аналитические приемы помогают продемонстрировать конкретные формы использования знаний о Востоке работниками спецслужб для конструирования новой политической реальности.

С другой стороны, изучение данной проблематики характеризует специфику аналитической работы советских спецслужб в 1920-е годы, особенности интерпретации и репрезентации данных внутри политической системы. Как следствие, это дает возможность более объективно оценить реальное политическое влияние ОГПУ на принятие управленческих решений политической элитой СССР: подтвердить или опровергнуть существующее представление о самодостаточности и всеисилии советских спецслужб в различные исторические периоды.

Хронологические рамки статьи — 1922–1930 — период функционирования Восточного отдела Государственного политического управления (далее — ВО ОГПУ; Востокотдел) (ГПУ, 1922–1923; ОГПУ, 1923–1930) — подразделения, которое находилось в структуре ГПУ-ОГПУ и выполняло контрразведывательные и отчасти разведывательные функции. Источниковые материалы, лежащие в основе исследования, — документы Восточного отдела, который представляет собой первое и единственное в российской истории, специально созданное подразделение в структуре спецслужб, специализировавшееся на сборе данных, их анализе и воздействии на нехристианское (мусульманское, буддийское, носителей традиционных воззрений), нерусское (преимущественно тюркоязычное в виду его численного доминирования) население страны и сопредельных с СССР стран Востока.

Географические рамки очерчены тремя категориями «Востока» как объекта воздействия со стороны данной структуры: 1) нерусские народности центральных районов России (татары, башкиры и пр.); 2) «восточные окраины» СССР — Северный Кавказ, Закавказье, Крым, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток; 3) «зарубежный Восток» — Турция, Персия (Иран), Хива, Бухара, Афганистан, Восточный Туркестан (ныне — Синцзян-Уйгурский район КНР).

В современных немногочисленных публикациях деятельность Восточного отдела ГПУ-ОГПУ рассматривается преимущественно с позиций выстраивания общей логики «исламской» политики советского государства, работы с мусульманскими организациями и обществами страны. Данные публикации дают нам наиболее общее представление об организационной, кадровой специфике становления и развития структуры, но не позволяют понять, какую именно информацию собирали и как анализировали, как был организован обмен данными, какие ориентальные нарративы были в ходу, каким путем они формировались и пр. [Подробнее о нем: Ислам, 2010; Христофоров, 2019; Христофоров, Гусева, 2019]. Однако в российской и зарубежной историографии вопрос об аналитических инструментах, в особенности в ключе визуальной репрезентации результатов работы, не рассматривался.

Познавательный потенциал доступных нам источников Восточного отдела ГПУ-ОГПУ, сохранившихся в ГАРФ, РГАСПИ и, в основном, в Центральном архиве ФСБ России, в рамках заявленной темы весьма обширен, однако лишь небольшая часть из них содержит материалы, подготовленные с использованием графического метода. Для выяснения обстоятельств возникновения подобных документов нами использованы циркуляры, направленные из Москвы в регионы, в полномочные представительства ОГПУ, занимавшиеся проблемами «восточных» народов СССР.

Графические схемы как репрезентация результатов работы Восточного отдела ОГПУ

Заточенный на анализ сведений из регионов, населенных «восточными» народностями Советского Союза, Востокотдел шел собственным тернистым путем, пытаясь собрать необходимые элементы для единой «мозаики» — общего видения процессов социально-политической и духовной жизни народов, исповедующих ислам, их общего и частного в масштабах страны. На этом пути его подстерегало множество препятствий [об объективных проблемах сбора информации с мест см.: Гусева, 2018], одним из которых становился большой массив разнородных данных, касающихся наиболее заметных представителей национально-религиозной элиты, сложности в фиксации их имен, организаций, которые они представляли и представляют. Все это осознавалось на уровне центрального аппарата ОГПУ — об этом свидетельствуют материалы циркулярных указаний Востокотдела на места: требовалось приступить к «схеме построения и связей религиозно-националистических организаций».

В связи с этим к местным контрразведчикам был обращен соответствующий призыв Москвы:

Одних докладов, разумеется, недостаточно для уяснения организационных форм восточной контрреволюции, что обусловлено ее специфическими особенностями (см. п. 10). Когда внимательно вчитаться в любой из них, то сейчас же бросается в глаза противоречие, обусловленное тем, что составляющий доклад сам не вполне отдает себе отчет в оценке помещенного материала.

Поэтому надо немедленно приступить к графическому методу учета результатов разработки, то есть составления схем построения и связей. Разберитесь сами детальным образом во всех накопленных за время существования данного органа ГПУ материалах, составьте на основании их общую схему построения контрреволюционных организаций и пришлите ее с первым же месячным докладом (не позже, чем мартовским) ...

Обязательно применение графического способа разработок, т. е. самое тщательное занесение на схему каждой обнаруженной связи³.

В циркуляре также указывалось назначение подобной информации:

Необходимо усвоить, что эта информация нужна ВОГПУ не из простого любопытства, а хотя бы для того, чтобы можно было через соответствующие правительственные органы предпринять те или другие мероприятия для оздоровления положения на местах [ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43].

Итак, с первых дней работы спецслужбы были ориентированы на выстраивание организационных (вертикальных и горизонтальных) связей между наиболее активными политическими деятелями исламского мира СССР, которые уже получили квалификацию «восточная контрреволюция».

Одним из первых документов, который дает нам возможность судить о результатах подобной работы является «Схема построения связей мусульманского духовенства в Башкирской ССР по состоянию на 1 апреля 1923» [ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 666. Л. 11] (см. рис. 1).

Пояснения, которые были даны сотрудниками ОГПУ в легенде Схемы, выглядели так:

«Синий квадрат — агентурные дела;

Малиновый кружок — личные дела;

Фиолетовый кружок — связь с местами и разными лицами: как с ЦДУ⁴, так и отдельными его членами» [Там же].

³ Циркулярное письмо № 3. Органам ГПУ в восточных национальных республиках и областях СССР по национальным разработкам. 1923 г. Об информации местных органов ВОГПУ/ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

⁴ ЦДУ (Центральное духовное управление) — высший орган управления вопросами конфессиональной жизни населения СССР, исповедовавшего ислам. Фактически существовал в период с 1923 по 1936 год, юридически не прекращал свою деятельность вплоть до создания в 1948 году Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири.

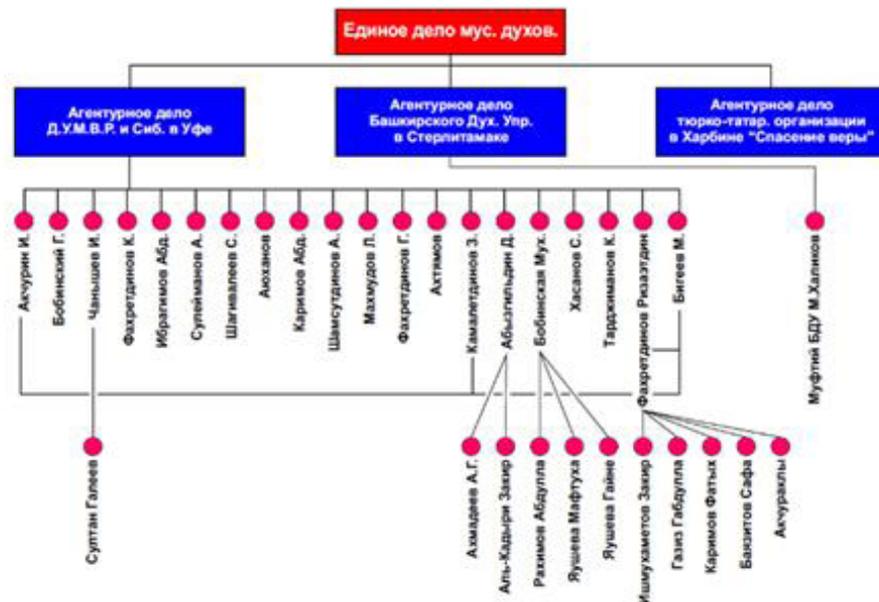

Рис. 1. Схема построения связей мусульманского духовенства в Башкирской ССР по состоянию на 1 апреля 1923

Ниже приводилась таблица — перечень фамилий лиц, фигурирующих на схеме (см. табл. 1).

Таблица 1.

Перечень лиц и примечания к Схеме построения связей мусульманского духовенства в Башкирской ССР по состоянию на 1 апреля 1923 г.

№ п/п	Фамилия	Примечания
1.	Единое дело мусульманского духовенства	Литер «А»
2.	Агентурное дело Д. У. М. В. Р. и Сиб.5 в Уфе	
3.	Агентурное дело Башкирского Духовного Управления в Стерлитамаке	
4.	Агентурное дело тюрко-татарской организации в Харбине «Спасения веры»	
5.	Муфтия БДУ М. Халикова	
6.	Акчури И.	
7.	Бобинский Г.	
8.	Чанышев И.	

⁵ Д. У. М. В. Р. и Сиб. (Духовное управление мусульман внутренней России и Сибири) — наименование одного из основных органов управления духовной жизнью мусульман в 1918–1923 гг., предшественник уфимского муфтията — ЦДУ, оформленного уставом 1923 года.

№ п/п	Фамилия	Примечания
9.	Фахретдинов К.	
10.	Ибрагимов Абд.	
11.	Сулейманов А.	
12.	Шагивалеев С.	
13.	Аюханов	
14.	Каримов Абд.	
15.	Шамсутдинов А.	
16.	Махмудов Л.	
17.	Фахретдинов Г.	
18.	Ахтямов	
19.	Камалетдинов З.	
20.	Абызгильдин Д.	
21.	Бобинская Мух.	
22.	Хасанов С.	
23.	Тарджиманов К.	
24.	Фахретдинов Ризаэтдин	
25.	Бигеев Муса	В Петрограде
26.	Султан Галеев	Москва, представитель Татарской Республики в Москве
27.	Ахмадеев А. Г.	Член тюрко-татарской организации в Харбине
28.	Закир Аль-Кадыри	Член тюрко-татарской организации в Харбине
29.	Рахимов Абдулла	Учитель в Финляндии
30.	Яшueva Мафтуха	Константинополь
31.	Яшueva Гайне	Харбин
32.	Ишмухаметов Закир	Харбин, беженец
33.	Газиз Габдулла	Член тюрко-татарской организации в Харбине
34.	Каримов Фатых	Оренбург, Башпединститут
35.	Баязитов Сафа	Петроград, бывший муфтий
36.	Акчураклы	Симферополь, преподаватель

Часть представленных национально-религиозных деятелей (из указанных 32 персон) в данный период уже находилась за пределами СССР (З. Кадыри, А. Ахмадеев и др.), другая их значительная часть необоснованно пострадает в годы политических репрессий (М. Султан-Галиев, А. Сулейманов и др.). Данная схема представляет собой графическое изображение связей между людьми и их принадлежность к той или иной организации так, как они виделись работникам ОГПУ. Оставим за рамками статьи оцен-

ки об объективности подобной конфигурации связей — в контексте данной работы важна форма подачи материала.

Как можно квалифицировать эту графическую форму? Говоря современным языком, она представляет собой древо данных (актуальный термин — «граф», graph, tree). Древо данных показывает иерархию набора сведений, в которой элементы являются родительскими или дочерними по отношению друг к другу; выстраивается в виде соединенных линиями узлов либо сверху вниз, либо из центра композиции; узел связей обычно отображается кругом или прямоугольником.

Таким образом, очевидно стремление не просто систематизировать имеющиеся факты взаимодействий наиболее крупных представителей исламского мира Советской России, но и выразить их связи через организационную структуру, тем самым подчеркнув единство целей и задач «восточной контрреволюции».

Еще одним ярким примером использования графического метода в виде древа данных являются материалы т. н. Султангалиевского⁶ центра (см. рис. 2).

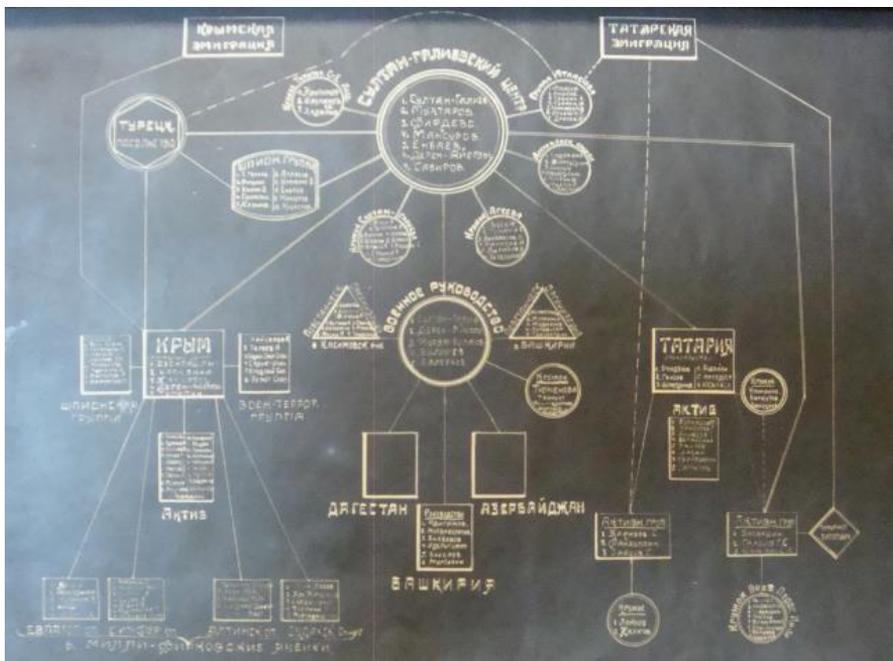

Рис. 2. Схема организационных связей т. н. Султангалиевского центра. 1928 год

⁶ Султан-Галиев Мирсаид (1892–1940) — советский и партийный «мусульманский» политический деятель, мыслитель, один из основоположников «исламского марксизма». В 1918–1920 гг. — председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР (Наркомнац), в 1919–1921 гг. — председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б). Основатель и руководитель Российской мусульманской коммунистической партии, преподавал в Коммунистическом Университете трудящихся Востока. Был арестован в 1923-м и исключён из партии. Повторно арестован в 1928-м. Как было указано в деле «султангалиевского центра», в момент ареста работал инструктором Всесоюзного кооперативного охотничьего союза [см.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 531]. Высшая мера наказания была заменена на 10 лет ИТЛ. До третьего ареста в 1937 г. проживал в Саратове. Расстрелян в 1940 г., реабилитирован в 1990 г.

[ЦА ФСБ России. Ф. 5. Оп. 8. Д. 531. Л. 28].

Согласно материалам дела, в 1928 году ОГПУ была ликвидирована крымская контрреволюционная организация «Милли-Фирка»⁷. Данные следствия показали, что организация эта руководится как из-за границы, так и из Москвы. В том же году было выяснено, что Султан-Галиев является одной из фигур, руководящих «Милли-Фирка» из Москвы. В связи с этим 11 декабря 1928 г. он был арестован..

Документы из архива Султан-Галиева и первые опросы показали, что в Москве существует центр, состоящий из Султан-Галиева, Мухтарова⁸, Енбаева⁹, Мансурова¹⁰, Сабирова¹¹, Дерен-Айерлы¹² и Фирдевса¹³ (до ареста

⁷ «Милли-Фирка» — политическая партия крымских татар, созданная в 1917 г. представителями национальной интеллигенции под названием «Татарская партия». Наименование «Милли фирка» партия получила в 1919 г. Осенью 1927 г. ОГПУ начато следственное действие о «контрреволюционной организации «Милли-Фирка» в Крыму. 17 декабря 1928 г. Коллегия ОГПУ приговорила 58 человек из 63 к уголовному наказанию, в том числе 11 человек — к высшей мере наказания. Репрессированные члены партии «Милли-Фирка» были реабилитированы в 1991 г.

⁸ Мухтаров Кашаф Гильфанович (1896–1937), председатель Совнаркома Татарской АССР (1921–1924), заведующий лечебным отделом, член Коллегии Наркомата здравоохранения РСФСР (1924–1929). Арестован в 1929 г. по делу «Султан-Галиевской контрреволюционной националистической организации». Приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой на 10 лет отбывания наказания в ИТЛ. Отбывал наказание в Соловецком лагере. Повторно обвинен и 9 октября 1937 г. приговорен Особой тройкой УНКВД Ленинградской области к высшей мере наказания. Расстрелян 27 октября 1937 г. в Карельской АССР (Сандармох). Реабилитирован.

⁹ Енбаев Гариф Мухаметзянович (Мухаметиханович) (1892–1937), представитель ТАССР при Наркомате по делам национальностей РСФСР, зам. наркома земледелия Татарской АССР (1920–1924); член правления Всероссийского союза кустарно-промышленной кооперации (1924–1929). Арестован в 1929 г. по делу «Султан-Галиевской контрреволюционной националистической организации». Приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой на 10 лет отбывания наказания в ИТЛ. Отбывал наказание в Соловецком лагере. 9 октября 1937 г. приговорен Особой тройкой УНКВД Ленинградской области к высшей мере наказания. Расстрелян 27 октября 1937 г. в Карельской АССР (Сандармох). Реабилитирован.

¹⁰ Мансуров Гасим Гатаевич (1894–1955), заместитель председателя СНК ТАССР (1922–1924); преподаватель Коммунистического университета трудящихся Востока, МГУ, проректор Института этнических культур Востока (1924–1929). Арестован 28 декабря 1929 г. по делу «Султан-Галиевской контрреволюционной националистической организации». Обвинен в участии в «антипартийной группировке, связи с пантюркистскими движениями, Крымской контрреволюционной организацией «Милли-Фирка»». 13 января 1931 г. Коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ. Наказание отбывал в Соловецком лагере. Освобожден в 1941 г. без права въезда в Москву и другие центральные города. Реабилитирован.

¹¹ Сабиров Рауф Ахметович (1894–1937), председатель президиума ЦИК ТАССР (1921–1924); заведующий подотделом национальностей ВЦИК, наладчик станков, бригадир на Московском автомобильном заводе «ЗИС». Арестован в 1937 г. по делу «Султан-Галиевской контрреволюционной националистической организации». 30 декабря 1937 г. ВК ВС СССР приговорен к ВМН. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован.

¹² Дирен-Айерлы Осман Абдул Гани (1898–1949), председатель СНК Крымской АССР (1924–1926), слушатель Коммунистической академии (1927–1929). Арестован в 1929 г. по делу «Султан-Галиевской контрреволюционной националистической организации». Приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой на 10 лет отбывания наказания в ИТЛ. Отбывал наказание в Соловецком лагере. Освобожден в 1935 г. Реабилитирован.

¹³ Фирдевс Исмаил Керимович (1888–1937), один из руководителей Крымской АССР (1922–1926); инструктор Северокавказского краевого отдела народного образования (1927–1929). Арестован в 1929 г. по делу «Султан-Галиевской контрреволюционной националистической организации». Приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой на 10 лет отбывания наказания в ИТЛ. Отбывал наказание в Соловецком лагере. 9 октября 1937 г. приговорен Особой тройкой УНКВД Ленинградской области

в центр входил и Вели Ибрагимов¹⁴), что этот центр руководил не только «Милли-Фирка», но и контрреволюционными группами и кружками в Казани, Москве и других городах... [ЦА ФСБ России. Ф. 5. Оп. 8. Д. 531. Л. 1, 2]

Хорошо известно, что вслед за арестом М. Султан-Галиева последовали необоснованные репрессии в отношении людей, чьи имена мы находим на вышеприведенной схеме и в документе ОГПУ.

По сравнению со схемой 1923 года, обращает на себя внимание усложнение визуальной подачи: в схеме присутствуют различные геометрические фигуры, соотносящиеся с квалификацией, присвоенной той или иной ячейке «Центра» в регионах Союза. Небольшие по размеру круги обозначают «контрреволюционные кружки» (наименее организованная единица); квадраты — военно-террористические и шпионские группы (следующая ступень организации); треугольники — повстанческие организации (наивысшая ступень). Два наиболее крупных круга включают в себя перечни наиболее активных участников «Центра» («Военное руководство»; «Султангалиевский центр»). Очевидно, что разнообразие визуального ряда понадобилось из-за накопления материала и появления новых понятийных, аналитических, категорий, которыми описывалась деятельность национально-религиозных деятелей мусульманского мира СССР.

О чем говорят графические схемы документов Восточного отдела ОГПУ?

Анализируя форму подачи и интерпретацию, которая во всех случаях «работала» на доказательство вины фигурантов этих и иных дел, отметим следующие важные моменты.

Во-первых, обращает на себя внимание стремление максимально полно собрать и систематизировать материалы по конкретным видимым деятелям национально-религиозных движений в различных частях Советского Союза. На необходимость регулярного сбора и обновления подобных данных неоднократно обращало внимание сотрудников региональных подразделений ОГПУ руководство Востокотдела.

Систематизация материалов в виде древа данных, в свою очередь, указывает на стремление к унификации данных и придании им внешней объективности. Происходила постепенная унификация социальных категорий: к концу 1920-х годов из лексикона спецслужб действительно будет исчезать деление на «панисламистов» и «националистов», которые объединятся в единый фронт «восточных контрреволюционеров».

Репрезентация материалов работы руководству ОГПУ и страны в виде графов создавала иллюзию полной нейтральности, а потому, как представлялось исполнителям из Востокотдела, объективности предоставляемых данных и базирующихся на них заключений. На первый взгляд, подобные схемы действительно лишены оценок, указывающих на симпатии/антипатии их авторов. Но это обезличивание и объективность являются иллюзией:

к высшей мере наказания. Расстрелян 27 октября 1937 г. в Карельской АССР (Сандармох). Реабилитирован.

¹⁴ Ибрагимов Вели (1888–1928), крымскотатарский общественно-политический и государственный деятель, председатель ЦИК Крымской АССР (1924–1928). Обвинен в совершении уголовного преступления и в 1928 г. приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован.

понятийный аппарат (контрреволюционные группы, повстанческие группировки и пр.) сам по себе являлся оценочной категорией, которая объясняла и оправдывала характер мер, которые была готова применить машина советской контрразведки.

Учитывая тогдашние политические условия, изложенные в подобных материалах «факты» и, особенно, их интерпретация были в определённой степени уже заранее предопределены — с помощью подбора идеологических штампов, однако зафиксированная графическими методами разнообразная «контрреволюционная деятельность» систематизирована и описана в стиле, в котором заметно стремление к деловитости и объективности. Само ОГПУ оказывается, будто на заднем плане описываемых событий как орган, который в курсе всего происходящего и который принимает правильные меры.

Еще один принципиально важный момент, отражающий сущность аналитических категорий и приемов работы и связанный с разветвленной структурой подобных схем, заключается в масштабировании угроз. Наличие единой организационной структуры (реальной или вымышленной) моментально повышало ставки: с одной стороны, показывало значимость работы, проведенной спецслужбами, с другой — оправдывало применение жестких репрессивных методов. Однако с позиции дня сегодняшнего стоит задаться вопросом: если допустить реальность происшедшего, то как это стало возможным? Наличие т.н. Султангалиевского центра и многих ему подобных, хорошо известных по обвинительным процессам 1930-х годов, компрометирует, прежде всего, работу самого ОГПУ. Как все это могло расти и развиваться у него под носом?

Список источников и литературы

1. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655; Д. 666; Ф. 5. Оп. 8. Д. 531.
2. Гусева Ю. Н. Восточное измерение деятельности ОГПУ: «Восток» между географией, знанием и политикой // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2018. 919 с. С. 434–446.
3. Ислам и советское государство (1917–1936): сборник документов/сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. Вып. 2. М.: Марджани, 2010. 208 с.;
4. Плакат советского Востока, 1918–1940. Альбом-каталог/Сост. В. О. Бобровников, М. Филатова. М.: Издательский дом Марджани, 2013. 320 с.
5. Христофоров В. С. Советские спецслужбы открывают Восток. М., 2019. 300 с.
6. Христофоров В. С., Гусева Ю. Н. Казахское общество и элита 1920-х гг. в фокусе советских спецслужб: политические клише и социальное конструирование // ЭНОЖ «История». 2019. Т. 10. Вып. 1 (75). DOI 10.18254/S0002546-9-1
7. Adeb Khalid. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Cornell University Press, 2015. 444 p.
8. Isabelle Ohayon. «The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930s» in *Central Asian Affairs*, 3 (2016), pp. 163–191.

**Африканское языкознание на современном этапе:
К выходу в свет завершающего тома серии коллективных
монографий «Основы африканского языкознания»¹
(1997–2018 гг.)**

А. Б. Шлуинский

*Памяти
Ирины Степановны Аксеновой,
Виктора Алексеевича Виноградова,
Антонины Ивановны Коваль,
Ирины Николаевны Топоровой*

Современное африканское языкознание представляет собой бурно развивающуюся и в то же время безграничную область: в Африке насчитывается около 2000 автохтонных языков². Численные оценки такого рода всегда весьма условны, но в контексте африканского языкознания эта условность особенно остра: за последние 20–25 лет целый ряд диалектных кластеров, традиционно считавшихся едиными языками, признан группами отдельных языков (как языки сонгай, языки догон), а статус других диалектных кластеров уже долгое время остается дискуссионным (как макроязык пулар-фульфульде). Хотя профессиональные лингвисты-африканисты работали уже во второй половине XIX века (а первые описательные работы появились намного раньше), в настоящее время лишь для 20% из них существуют подробные грамматические описания; подробные численные данные на этот счет предложены в недавнем обзоре [Hammarström, 2018]. И даже эту статистику можно охарактеризовать как колоссальный прогресс в данной области, произошедший за последние несколько десятилетий. Естественно, что наиболее тщательно изученными и наиболее хорошо описанными оказались самые крупные по числу носителей языки (как суахили или хауса, но также и существенно менее многочисленные, как эве), но и их уровень изученности по-прежнему невозможно сравнивать с уровнем изученности таких языков, как английский, французский или русский.

Разумеется, задачи африканского языкознания не сводятся при этом к описательной работе. Помимо дескриптивной задачи описания африканских языков, представлен и ряд других. Во-первых, это задача сопоставительного исследования языковых семей и ареалов Африки. Языковое разнообразие Африки открывает обширные возможности для внутригенетической и ареальной типологии. Систематический учет данных широкого круга языков одной и той же ареальной или генетической принадлеж-

¹ Статья подготовлена по материалам научного сообщения на заседании Бюро Отделения историко-филологических наук РАН (20 февраля 2019 г.).

² По данным последнего издания справочника «Этнолог» [Eberhard et al. (eds.), 2019] — 2140 языков.

ности постоянно корректирует представления об особенностях языковых систем соответствующих ареалов и семей (изначально эти представления бывают основаны, прежде всего, на данных относительно крупных языков). Во-вторых, это задача типологически ориентированных исследований, сопоставляющих африканские данные с более широкой перспективой языков мира. Африканский языковой материал в силу его значимости для лингвистической типологии в целом требует постоянного сопоставления с данными малоизученных языков другой ареальной и генетической принадлежности. При этом произошедший несколько десятилетий назад поворот интереса лингвистики в целом к типологии и тестированию теоретических построений на материале как можно большего числа языков в свою очередь формирует запрос на выполненные на современном уровне описания неизученных и малоизученных языков, стимулирующий, в частности, развитие африканистики. В-третьих, остается исключительно актуальной задача сравнительно-исторического исследования африканских языков, в частности, уточняющего их генеалогическую классификацию. Появление нового фактического материала вносит существенные коррективы в наши представления о генетических группировках африканских языков. С 1960-х гг., после выхода знаменитой работы [Greenberg, 1963] и распространения ее влияния, принято классифицировать автохтонные языки Африки как относящиеся к четырем макросемьям: афроазиатской (семито-хамитской), нигеро-конголезской (к которой в качестве таксона очень низкого уровня принадлежит группа банту, насчитывающая более 500 близкородственных языков, распространенных на едва ли не большей части территории континента), нило-сахарской и койсанской. Однако реальный статус этих макросемей остается различным: афроазиатское (семито-хамитское) единство признается всеми специалистами (обобщающей стала уже книга [Дьяконов, 1965]), нигеро-конголезское единство, еще надолго оставаясь гипотетическим, получает всё большую доказательную базу (ср. недавнюю монографию [Pozdniakov, 2018]), а нило-сахарское и койсанское всё больше подвергаются сомнению (см., в частности, [Старостин, 2013; 2017]). Однако даже в случае относительной ясности с крупными генеалогическими единствами, остается необъятной работа по уточнению деталей классификации, связанная, в том числе, с пополнением языковых данных. Положение дел с генеалогической классификацией африканских языков обрисовано в [Güldemann, 2018]. В-четвертых, это задача исследования социолингвистической ситуации в языковых сообществах Африки. Традиционное функционирование африканских языковых сообществ и традиционное многоязычие по-прежнему изучены сравнительно мало и представляют значительный интерес, а помимо того, обширно внешнее влияние на функционирование автохтонных языков — прежде всего со стороны арабского языка и со стороны европейских языков, причем очень различное в разные исторические эпохи. К собственно социолингвистической проблематике примыкает связанная с ней проблематика языковых контактов, а также проблематика имеющих контактное происхождение креольских языков. В-пятых, это также смыкающаяся с социолингвистической задачей задача исследования фольклорных и письменных традиции африканских языков. В контексте африканско-

го языкознания эта исследовательская тема имеет свою специфику в связи с тем, что литературная традиция может быть как письменной, так и устной. Данные крупных африканских языков, уже имеющих вполне развитую (младо)письменную традицию, ставят перед исследователями не только лингвистические, но и общелингвистические задачи, связанные, в частности, с проблемами перевода с африканских языков и на африканские языки.

Африканское языкознание имеет международный статус и представлено в научных центрах разных стран и континентов: США, Западная Европа (прежде всего, Германия, Франция, Великобритания), Восточная Европа, Россия, собственно Африка, в меньшей степени другие регионы; обзор истории африканского языкознания, в том числе новейшей, в рамках разных региональных академических традиций, представлен в [Wolff (ed.), 2019]. Хотя, естественно, все исследовательские программы влияют друг на друга, в известной мере можно говорить о различных научных традициях, и в силу исторических причин отечественной африканистики это касается в наибольшей степени. О советском африканском языкознании можно говорить, по меньшей мере, начиная с 1920-х гг. и тем более 1930-х гг. — см. публикацию [Громова, 1999] и ряд других заметок этого автора, как [Громова, 2009; 2010]. Однако важной вехой в развитии отечественной африканистики стали 1960-е гг., в том числе в силу политических причин, когда, с одной стороны, африканистика получила заметную государственную поддержку, а с другой, обширное присутствие в Москве, Ленинграде и других городах студентов — носителей африканских языков сделало возможным массовый сбор языковых данных (и таким образом скомпенсировало отсутствие в то время российских лингвистических экспедиций в Африку; см., в частности, очерк [Коваль, 2010]).

Важным этапом стало создание в 1965 г. по инициативе Наталии Вениаминовны Охотиной (1927–1999) сектора африканских языков Института языкознания АН СССР, ныне — отдела африканских языков Института языкознания РАН, по сей день остающегося единственным специализированным чисто исследовательским центром африканского языкознания в нашей стране. В течение нескольких лет Н.В. Охотина сумела собрать уникальный коллектив из начинающих тогда исследователей языков банту и других бантоидных языков, чадских и других афроазиатских языков, макроязыка пулар-фульфульде, а впоследствии и некоторых других языков Тропической Африки. Первые значительные публикации отдела появились уже вскоре после его создания: в сборнике [Успенский (ред.), 1966] ряд статей написан сотрудниками отдела африканских языков, а сборники [Охотина (ред.), 1972] и [Охотина, Долгопольский (ред.), 1973] написаны ими полностью или почти полностью. Но в то же время естественно, что в первые десятилетия работы коллектива, погрузившегося в столь «экзотическую» по тем временам область, он во многом занимался накоплением материала. Существенно, что многие члены этого коллектива не были африканистами по образованию, что во многом способствовало погружению исследуемого африканского материала в типологический и теоретический контекст.

Важнейшую роль здесь сыграл выдающийся ученый и администратор науки, впоследствии член-корреспондент РАН, а в течение более десяти

лет — директор Института языкознания РАН Виктор Алексеевич Виноградов (1939–2016), сменивший в 1988 г. Н. В. Охотину на посту заведующего отделом африканских языков и занимавший эту должность вплоть до своей кончины. Не имея возможности охарактеризовать здесь полностью творческий путь и вклад в науку В. А. Виноградова (см. о нем [Демьянков и др., 2010], [Плунгян, 2017]), надо отметить, что он уникальным образом сочетал качества исследователя конкретного материала, полученного из первых рук, яркого лингвиста-теоретика (и в первую очередь — именно теоретика), прекрасного организатора и замечательного человека, весьма неформально подходившего к любому делу. Пользуясь тем, что на тот момент коллектив отдела имел весьма значительные многолетние наработки, в середине 1990-х гг. В. А. Виноградов запустил масштабный проект по подготовке и изданию серии коллективных монографий под общим названием «Основы африканского языкознания». Этот проект был основным стержнем работы отдела под руководством Виктора Алексеевича все последующие годы, и лишь подготовку седьмого, завершающего, тома пришлось заканчивать уже без него. Содержательно этот том, разумеется, остается частью серии, задуманной и организованной В. А. Виноградовым. Говоря об этом многотомном издании, нужно отдать дань памяти еще трем выдающимся ученым, которые были ключевыми авторами большинства или всех томов, — это бантуисты Ирина Степановна Аксенова (1931–2009) и Ирина Николаевна Топорова (1940–2015) и фуланист Антонина Ивановна Коваль (1938–2017). Для каждого тома формировался его собственный авторский коллектив, состоявший в основном из сотрудников отдела африканских языков, но, как правило, включавший и сотрудничавших с отделом коллег из других научных центров. В целом в разных томах издания участвовали в качестве авторов 25 исследователей: И. С. Аксенова, А. С. Аракелова, К. В. Бабаев, В. А. Виноградов, В. Ф. Выдрин, Ю. Е. Галямина, Н. В. Громова, М. В. Дьячков, Д. Ибришимов, Д. И. Идиатов, А. И. Коваль, М. А. Косогорова, А. Д. Луцков, Н. В. Макеева, В. А. Плунгян, В. Я. Порхомовский, Ф. И. Рожанский, И. С. Рябова, О. В. Столбова, Ю. Г. Суетина, Н. Р. Сумбатова, И. Н. Топорова, М. Р. Урб, А. Ю. Урманчиева, А. Б. Шлуинский.

Само название многотомного издания — «Основы...» — указывает на его предполагаемый фундаментальный характер и, как указано в предисловии к первому тому, продолжает традицию Института языкознания, ранее выпустившего многотомные «Основы финно-угорского языкознания» [Лыткин и др. (ред.), 1974; 1975; 1976] и «Основы иранского языкознания» (серия томов начиная с [Расторгуева (ред.), 1979] и завершая [Ефимов (ред.), 2008]). Однако состояние африканистики как научной области не позволяло на момент начала подготовки первого тома (и по-прежнему не позволяет уже после публикации последнего тома) подготовить цельное произведение, которое последовательно рассматривало бы все аспекты структуры и функционирования всех ареальных и генетических объединений автохтонных языков Африки. Заметим, что даже если представить себе, что описательная работа по большинству африканских языков на приемлемом уровне выполнена, такой труд по африканским языкам был бы неподъемной для одного коллектива задачей: речь идет о нескольких десятках язы-

ковых семей или крупных групп, подробное описание каждой из которых заслуживало бы тогда собственных «Основ». Как пишет В. А. Виноградов в предисловии к первому тому, «все эти обстоятельства и обусловили выбор той формы представления базисных знаний об африканских языках, которую читатель видит в настоящем издании. Авторский коллектив счел целесообразным отказаться от принципов генетического (по языковым семьям) или хронологического (на основе исторической периодизации) распределения материала по томам. <...> В распределении материала по томам был избран структурно-типологический принцип, позволяющий давать тематический срез по всем доступным нам языкам и представляющий в одном томе разнообразие выражения и функционирования однотипных категорий в различных языках» [Виноградов, 1997: 3–4].

Здесь нужно отметить два существенных обстоятельства.

Во-первых, характеристика «Основ африканского языкознания» как серии коллективных монографий не случайна, а отражает самую суть издания, ни в коей мере не являющегося ни учебным, ни энциклопедическим, ни справочным. Собственно подготовке каждого из томов предшествовала в течение нескольких лет исследовательская работа коллектива (каждый раз поддержанная исследовательским грантом РГНФ) по определенной теме. Каждая из книг, таким образом, отражает результаты проведенного непосредственно перед ее написанием исследования (основанного, в зависимости от целей и задач конкретного раздела, на первичных данных, полученных от информантов — носителей рассматриваемых языков, на вторичных данных, полученных из имеющихся грамматических описаний, или на тех и других одновременно). В рамках каждого исследования каждый член коллектива (в отдельных случаях соавторская пара) отвечал за относительно автономный его фрагмент, впоследствии получавший отражение в виде раздела книги.

Во-вторых, принципиально отметить, что ни серия в целом, ни какой-либо из ее томов не ставили перед собой задачу не только полного, но и репрезентативного охвата существующих групп или семей автохтонных африканских языков. Во всех томах обсуждается материал языков банту (в отдельных случаях также и других бантоидных языков) и макроязыка пулар-фульфульде. Во многих томах представлен материал чадских языков (или афроазиатских в целом, прежде всего в историческом аспекте), языков сонгай, языков догон, языков манде и языков ква. В отдельных случаях рассматриваются также другие языки — сахарские, язык ландума (семья мель, по более ранней классификации атлантическая семья), креольские языки Африки. Некоторые разделы рассматривают материал одного языка (это может быть как материал крупного и изученного языка, так и, напротив, впервые анализируемый материал языка малоизвестного), другие рассматривают группу или семью в целом, третьи содержат более широкий ареально-типологический обзор или обзор макросемьи. В последнем случае в разделах привлекаются также и данные прочих языков, кроме названных (например, языков гур), но многие группы и семьи (и койсанская макросемья в целом) остались вне рассмотрения. Указанное выше соотношение языкового материала, конечно, во многом обусловлено личными научными

интересами авторов, участвовавших в подготовке монографий, но оно же отражает и расстановку сил в отечественной африканистике (по крайней мере, на момент начала подготовки серии), а в свою очередь — и в африканистике в целом. Языки банту в силу их количества и географического положения исторически были доминирующим объектом изучения; чадские языки и в особенности крупный язык хауса всегда вызывали интерес, причем не в последнюю очередь за счет своего родства с семитскими языками; макроязык кочевников пулар-фульфульде является дисперсным и очень крупным и представлен на очень большой территории — таким образом, не случайно, что именно этим языкам африканское языкознание всегда уделяло наибольшее внимание, и в этом смысле «Основы африканского языкознания», сконцентрированные в первую очередь на них, отражают базисные знания всей области.

В рамках серии опубликовано семь томов: «Именные категории» [Виноградов (ред.), 1997], «Морфемика. Морфонология» [Виноградов (ред.), 2000], «Глагол» [Виноградов, Топорова (ред.), 2003], «Лексические подсистемы. Словообразование» [Виноградов (ред.), 2008], «Синтаксис именных и глагольных групп» [Виноградов (ред.), 2010], «Диахронические процессы и генетические отношения» [Виноградов (ред.), 2014], «Языковые контакты» [Шлуинский (ред.), 2018]. Безусловно, тематика томов охватывает далеко не всю возможную проблематику; наиболее заметной лакуной, пожалуй, надо признать отсутствие тома по фонетике, фонологии и тонологии. Однако в целом можно сказать, что наиболее существенные аспекты проблематики в серии рассмотрены, и она, таким образом, является важной вехой, подводящей итог отечественного африканского языкознания определенного периода.

За время подготовки и издания серии, занявших почти четверть века, происходили изменения и в отечественном, и в мировом африканском языкознании.

Прежде всего, ныне стали возможны (хотя и требуют поиска финансирования и серьезных организационных усилий) российские лингвистические экспедиции в африканские страны, ранее невозможные (в советское время по политическим причинам, в раннее постсоветское — по финансовым). С начала 2000-х гг. инициатором систематической полевой лингвистической работы в африканских странах выступил крупнейший специалист по языкам манде В. Ф. Выдрин (который никогда не был связан с отделом африканских языков формально, но с начала своей деятельности имел с ним тесные научные и дружеские связи), которому в короткий срок удалось собрать неформальный коллектив исследователей языков манде. Экспедиции по изучению языков этой семьи стали ежегодными; основные сведения об их работе описаны их руководителем, см., например, [Выдрин, 2011]. Сейчас уже с целью полевой работы в Африку ездят разные российские коллективы (а иногда и международные на базе российских). Напротив, приток заинтересованных в сотрудничестве с лингвистами носителей африканских языков сейчас существенно ниже. Естественно, что изменение способа работы накладывает на нее существенный отпечаток. Важно отметить и то, что примерно в этот же период в лингвистической науке в целом

произошло окончательное осознание потенциально угрожаемого состояния едва ли не большинства языков мира и постановка задачи документации малоизученных языков: назовем программные статьи [Himmelman, 1998], [Woodbury, 2003] и обобщающую книгу [Gippert et al. (eds.), 2006]. Конечно, африканское языкознание не может не составлять часть этой тенденции, так как, как уже было сказано, большинство африканских языков остаются неизученными или малоизученными, а при этом, в отличие от многих других регионов, в Тропической Африке речь идет о потенциальных, но не о ближайших угрозах языковому разнообразию, и мы имеем возможность заставить миноритарные языки в их реальном функционировании, а не только в памяти немногих пожилых людей. Таким образом, хотя работа по сбору данных всегда была в центре африканистики, ныне она заняла там еще более прочное место.

Следующее обстоятельство отчасти связано с предыдущим. В мировой африканистике происходит постоянное смещение внимания с более изученных языков и языковых семей на менее изученные. В частности, бантуистика больше не может считаться полноправным ядром африканистики, хотя, вне всякого сомнения, неописанных языков банту (и других бантоидных) также остаются сотни. С географической точки зрения, это означает, что основной интерес вызывает Западная Африка, но это обусловлено исключительно тем, что именно в Западной Африке (а прежде всего, в Нигерии) представлена максимальная языковая плотность и максимальное языковое разнообразие; другие африканские ареалы также активно исследуются. В настоящее время отечественная африканистика следует этой общей тенденции, но идет по пути исследования малых языков, родственных более крупным, по которым уже имеется задел.

Стремительное обогащение африканского языкознания новыми данными малоизученных языков неизбежно приводит к постоянному уточнению и пересмотру, иногда очень серьезному, во-первых, представлений о типологическом профиле языковых групп и семей (которые неизбежно исходно формируются на материале отдельных описанных языков, чаще всего наиболее крупных), а во-вторых, генетической классификации. Близким автору примером того и другого является история изучения языковой семьи ква. С одной стороны, классификация языков ква подверглась существенному пересмотру в 1970-е гг. по сравнению с гринберговской; и хотя состав этой семьи в нынешнем понимании опирается на опубликованную уже более сорока лет назад работу [Bennett, Sterk, 1977], понятие «старых ква» активно фигурировало в литературе еще на стыке 1990-х — 2000-х гг. С другой стороны, устойчиво представление о языках ква как об изолирующих (ср. [Good, 2012]), но последовательное рассмотрение всех доступных данных языковой семьи дает совсем другую картину, как показано в свежей публикации близких коллег автора [Konoshenko, Shavarina, 2019].

Африканское языкознание, конечно, реагирует и на повышение в общей лингвистике интереса к определенным темам. В качестве наиболее яркого примера можно назвать проблематику языковых контактов, которая ни в целом, ни в африканском контексте не может считаться новой, но в то же время сейчас очень активно развивается и ставит перед исследователями новые

и новые вопросы (ср. работы [Амека, 2007] по проблематике языковых контактов в сфере грамматики или [Lüpke, 2016] о механизме языковых контактов в ситуации традиционного многоязычия).

Наконец, хотя создание письменности для бесписьменных африканских языков (и интерес к этому со стороны самих языковых сообществ), а также функционирование младописьменных языков и ранее было важной проблематикой в рамках африканского языкознания, в настоящее время интерес к этому лишь усиливается. При этом быстрое появление текстов, в частности, переводных, на младописьменных языках ставит новые задачи перед исследователями. Особое место здесь занимают переводы Библии, которые в подавляющем большинстве случаев являются первыми письменными текстами на африканских языках. Исследование переводов Библии на африканские языки в настоящее время стало самостоятельным направлением африканского языкознания, в том числе отечественного (ср., в частности, [Порхомовский, 2018]).

Представляется, что в этих условиях исследовательский, а не энциклопедический характер «Основ африканского языкознания» оказывается их достоинством, обеспечивающим им более долгий срок научной актуальности. С одной стороны, когда основная часть их содержания сосредоточена на относительно изученном материале, это позволяет успешно суммировать известное. С другой стороны, многие разделы каждого из томов ценны не только, а часто и не столько своей фактической стороной, сколько методологической, которая может быть далее перенесена на новый материал той же или другой языковой группы или семьи (или осознанно отвергнута как уже опробованная). А многие поставленные в них проблемы теоретического плана и предлагаемые решения уже сейчас успешно переносятся на смежный языковой материал.

Список литературы

1. *Виноградов В. А.* Предисловие // *Виноградов* (ред.), 1997. С. 3–4.
2. *Виноградов В. А.* (ред.). Основы африканского языкознания. Именные категории. М.: Аспект Пресс, 1997.
3. *Виноградов В. А.* (ред.). Основы африканского языкознания. Морфемика. Морфонология. М.: Восточная литература, 2000.
4. *Виноградов В. А.* (ред.). Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М.: Academia, 2008.
5. *Виноградов В. А.* (ред.). Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010.
6. *Виноградов В. А.* (ред.). Основы африканского языкознания. Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки. М.: Языки славянской культуры, 2014.
7. *Виноградов В. А., Топорова И. Н.* (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М.: Восточная литература, 2003.
8. *Выдрин В. Ф.* Российская мандеистика в первом десятилетии XXI в. // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН.* 2011. VII (2). С. 7–13.
9. *Громова Н. В.* Африканское языкознание в России. 30-е годы. М.: Издательский центр ИСАА при МГУ, 1999.

10. Громова Н.В. Первые советские африканисты // Азия и Африка сегодня. 2009. № 5. С. 48–50.
11. Громова Н.В. Африканские языки в Москве: истоки и итоги // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 45–49.
12. Демьянков В.З., Куделин А.Б., Порхомовский В.Я. Виктор Алексеевич Виноградов // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сб. статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 9–12.
13. Дьяконов И.М. Семито-хамитские языки. М.: Наука, 1965.
14. Ефимов В.А. (ред.). Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки. М. Восточная литература, 2008.
15. Коваль А.И. Самые африканские страницы из жизни сектора африканских языков // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сб. статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 797–806.
16. Лыткин В.И., Майтинская К.Е., Редеи К. (ред.) Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974.
17. Лыткин В.И., Майтинская К.Е., Редеи К. (ред.) Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975.
18. Лыткин В.И., Майтинская К.Е., Редеи К. (ред.) Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976.
19. Охотина Н.В. (ред.). Фонология и морфонология африканских языков. М.: Наука, 1972.
20. Охотина Н.В., Долгопольский А.Б. (ред.). Бесписьменные и младописьменные языки Африки. М.: Наука, 1973.
21. Плуноян В.А. Член-корреспондент РАН Виктор Алексеевич Виноградов (1939–2016) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. 76 (1). С. 76–80.
22. Порхомовский В.Я. Переводы канонических текстов в контексте формирования языковой нормы в письменных и младописьменных языках // Вопросы филологии. 2018. № 1 (61). С. 46–48.
23. Расторгуева В.С. (ред.). Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979.
24. Старостин Г.С. Языки Африки. Опыт построения лексико-статистической классификации. Том I. Методология. Койсанские языки. М.: Языки славянской культуры, 2013.
25. Старостин Г.С. Языки Африки. Опыт построения лексико-статистической классификации. Том III. Нило-сахарские языки. М.: Языки славянской культуры, 2017.
26. Успенский Б.А. (ред.). Языки Африки. Вопросы структуры, истории и типологии. М.: Наука, 1966.
27. Шлунский А.Б. (ред.). Основы африканского языкознания. Языковые контакты в Африке. М.: Языки славянской культуры, 2018.
28. Ameke F.K. Grammars in contact in the Volta Basin (West Africa): On contact-induced grammatical change in Likpe // Grammars in contact: A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford university press, 2007. P. 114–142.
29. Bennett P.R., Sterk J.P. South Central Niger-Congo: A reclassification // Studies in African Linguistics. 1977. 8. P. 241–273.
30. Eberhard D.M., Simons G.F., Fennig Ch.D. (eds.). Ethnologue: Languages of the World. 22nd ed. Dallas, Texas: SIL International, 2019. <http://www.ethnologue.com>.
31. Gippert J., Himmelmann N.P., Mosel U. (eds.). Essentials of language documentation. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2006.
32. Good J. How to become a «Kwa» noun // Morphology. 2012. 22 (2). P. 293–335.

33. *Greenberg J.* The languages of Africa // *International Journal of American Linguistics*. 1963. 29 (1). Part II.

34. *Güldemann T.* Historical linguistics and genealogical language classification in Africa // *The languages and linguistics of Africa*. Berlin — Boston: Mouton de Gruyter, 2018. P. 58–444.

35. *Hammarström H.* A survey of African languages // *The languages and linguistics of Africa*. Berlin — Boston: Mouton de Gruyter, 2018. P. 1–57.

36. *Himmelman N. P.* Documentary and descriptive linguistics // *Linguistics*. 1998. 36 (1). P. 161–195.

37. *Konoshenko M., Shavarina D.* A microtypological survey of noun classes in Kwa // *Journal of African languages and linguistics*. 2019. 40 (1). P. 75–114.

38. *Lüpke F.* Uncovering small-scale multilingualism // *Critical multilingualism studies*. 2016. 4 (2). P. 35–74.

39. *Pozdniakov K.* The numeral system of Proto-Niger-Congo. A step-by-step reconstruction. Berlin: Language Science Press, 2018. <http://langsci-press.org/catalog/book/191>

40. *Wolff E.* (ed.). *A history of African linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

41. *Woodbury T.* Defining documentary linguistics // *Language documentation and description*. 2003. 1. P. 35–51.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.021

Список сокращений

ВО ГПУ	— Восточный отдел Государственного политического управления при НКВД РСФСР
ВШЭ	— Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	— Государственный архив Тульской области
ГКЧП	— Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (самопровозглашённый орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 г.)
ГПУ	— Государственное политическое управление при НКВД РСФСР
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИГП АН СССР	— Институт государства и права Академии наук СССР (1960–1991 гг., в настоящее время — Институт государства и права Российской академии наук)
ИИАЭ ДФИЦ РАН	— Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИМЛИ РАН	— Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
ИНИОН РАН	— Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
ИРЛИ РАН	— Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук
КАИСА-Архив	— комплексная автоматизированная информационная система
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МДГ	— межрегиональная депутатская группа («демократическая» фракция на Съездах народных депутатов СССР)
ОГПУ	— Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР

- ОИФН РАН — Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
- ОУН — организация украинских националистов
- РАН — Российская академия наук
- РАМН — Российская академия медицинских наук
- РАСХН — Российская академия сельскохозяйственных наук
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
- РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
- РНФ — Российский научный фонд
- РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
- САУ — самоходная артиллерийская установка
- СОПС — Совет по изучению производительных сил, создан в 1930 г. в составе АН СССР
- СПБИН РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- УПА — Украинская повстанческая армия (подпольная украинская военная организация времён Второй мировой войны)
- ФАНО России — Федеральное агентство научных организаций
- ФЗО — школа фабрично-заводского обучения
- ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности России
- ЦГАИПД — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
- ЦГАКФФД — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга
- ЦСКА — Центральный спортивный клуб армии
- ЧТЗ — Челябинский тракторный завод, в годы Великой Отечественной войны — завод № 100

Сведения об авторах

Аллатов Владимир Михайлович — академик РАН, доктор филологических наук, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН;

Ананьев Виталий Геннадьевич — доктор культурологии, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;

Багно Всеволод Евгеньевич — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН;

Батурин Юрий Михайлович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН;

Беляев Леонид Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН;

Бухарин Михаил Дмитриевич — академик РАН, доктор исторических наук, руководитель Центра истории Древнего Востока Института всеобщей истории РАН;

Гаджиев Муртазали Серажутдинович — доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН;

Гиппиус Алексей Алексеевич — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник НИУ «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Головнёв Андрей Владимирович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;

Горяева Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, директор Российского государственного архива литературы и искусства;

Гусева Юлия Николаевна — доктор исторических наук, независимый исследователь;

Зубков Константин Иванович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН;

Козлов Владимир Петрович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета;

Кузьмина Евгения Николаевна — доктор филологических наук, заведующая сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН;

Михеев Савва Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Некрылова Анна Фёдоровна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН;

Побережников Игорь Васильевич — доктор исторических наук, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН;

Седов Владимир Валентинович — член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Института археологии РАН, заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Силантьев Игорь Витальевич — доктор филологических наук, директор Института филологии СО РАН;

Сиренов Алексей Владимирович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского института истории РАН;

Суржикова Наталья Викторовна — доктор исторических наук, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН;

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, доктор исторических наук, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;

Толочко Пётр Петрович — иностранный член РАН, академик Национальной академии наук Украины;

Топорков Андрей Львович — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН;

Тункина Ирина Владимировна — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН;

Христофоров Василий Степанович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, руководитель центра публикации источников по истории России XX века Института российской истории РАН;

Шлуинский Андрей Болеславович — кандидат филологических наук, заместитель директора Института языкознания РАН.

Научное издание

ТРУДЫ
Отделения историко-филологических наук
РАН
2019

ТОМ 9

Утверждено к печати
Бюро Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук
(постановление от 17.06.2020 г. № 28)

Подписано в печать 02.12.2020. Формат 70x100 1/16.
Гарнитура Times. Печ. л. 19,25.
Тираж 300 экз. Заказ № 7063.

Издатель – Российская академия наук

Оригинал-макет подготовлен
«Буки Веди»

Публикуется в авторской редакции

Отпечатано в «Буки Веди»
117246, г. Москва, проезд Научный, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Издается в соответствии с постановлением Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 11 февраля 2020 г. № 01
и распространяется бесплатно